ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

16+

2016

11

ДЕРЕВО С ГЛУБОКИМИ КОРНЯМИ: КОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основан в 1955 году

This special issue is published under the support of
Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института переводов корейской литературы

LTI Korea
Literature Translation Institute of Korea

[11]
2016

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный литературно-художественный журнал

Дерево с глубокими корнями: корейская литература

Из современной прозы

3 Квон Ёнмин, Мария Солдатова *Дерево с глубокими корнями*

9 Ли Мунёль *Песня для двоих.* Перевод Марии Солдатовой

23 Хван Сунвон *Время для тебя и меня.* Перевод Екатерины Дроновой

32 Ку Хёсо *Мешки с солью.* Перевод Татьяны Акимовой

50 Ким Ёнсу *Словами не передать.* Перевод Надежды Беловой и Екатерины Дроновой

66 О Чонхи *Вечерняя игра.* Перевод Марии Солдатовой

82 Ким Эран *Сезон холодов.* Перевод Анны Дудиновой

99 Ан Тохён *Лосось.* Фрагмент повести. Перевод Марии Кузнецовой

116 Ким Чунхёк *Стеклянный город.* Перевод Ксении Пак

Из современной поэзии

132 Со Чончжу, Ким Сынхи, Чон Хосын. Перевод Анастасии Гурьевой

Из классики XX века

139 Чхэ Мансик *В эпоху великого спокойствия.* Главы из романа. Перевод и вступление Евгении Лачиной

Литературное наследие

174 *Луна отраженная. Жизнеописание Будды.* Фрагмент литературного памятника XV века. Перевод и вступление Елены Кондратьевой

Статьи, эссе

185 Ким Хун *Родина и чужбина.* Перевод Анастасии Погадаевой

191 Ли Орён *Шесть метафор для моей матери.* Перевод Ирины Касаткиной и Чон Инсун

198 Ким Юнсик *Грезы о Неве. Петербургские прогулки с Раскольниковым.* Перевод Инны Цой

224 Елена Хохлова *Выставка молодых южнокорейских художников в галерее "Триумф"*

Зрительный зал

231 Диана Григорьева *Кинематограф Южной Кореи в пяти портретах*

Корея. Взгляд со стороны

250 Изабелла Бишоп *Корея и ее соседи.* Глава из книги. Перевод с английского и вступление О. Пироженко

267 Анатолий Ким *Весна, осень в Корее*

276 Дмитрий Шноль *Корея – неожиданно близкая*

Авторы номера

281

© "Иностранная литература", 2016

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями "Вестник иностранной литературы", "Литература мировой революции", "Интернациональная литература". С 1955 года – "Иностранная литература".

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская

Н. Г. Мельников

К. Я. Старосельская

Общественный редакционный совет:

Л. Г. Беспалова

А. Г. Битов

Н. А. Богомолова

Е. А. Бунимович

Т. Д. Венедиктова

А. А. Генис

В. П. Голышев

Ю. П. Гусев

С. Н. Зенкин

Вяч. Вс. Иванов

Г. М. Кружков

А. В. Михеев

М. Л. Рудницкий

М. Л. Салганик

И. С. Смирнов

Е. М. Солонович

Б. Н. Хлебников

Г. Ш. Чхартишвили

Международный совет:

Ван Мэн

Матей Вишнек

Януш Гловацкий

Милан Кундера

Ананта Мурти

Кэндзабуро Оэ

Роберт Чандлер

Ханс Магнус Энценсбергер

Редакция :

С. М. Гандлевский

К. А. Жолудева

Е. Д. Кузнецова

Е. И. Леенсон

М. А. Липко

М. С. Соколова

Л. Г. Харлап

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Дерево с глубокими корнями

Начиная рассказ о корейской литературе, мы обязаны прежде всего разделить ее на традиционную и современную. Традиционная литература Кореи была неотъемлемой частью литературы региона, доминирующую роль в котором играл Китай. Духовную основу этой литературы составляли такие восточные верования и учения, как буддизм, даосизм и конфуцианство со своими ценностями и художественными моделями. К тому же корейцы изначально не имели собственной письменности и начали развивать письменную культуру только в IV–V веках, заимствовав в Китае иероглифы. Свой алфавит, который в Южной Корее сейчас называют *хангыль*, появился у корейцев много позже. В отличие от традиционной литературы, опиравшейся на определенные каноны, современная, с конца XIX века, корейская литература шла путем исканий и экспериментов, активно взаимодействуя с западным миром. Современная южнокорейская литература является наследницей эпохи японского колониального правления (1910–1945) и последующего разделения страны. В результате знакомства с мировыми литературными тенденциями, а также в результате проб, ошибок и открытий, менее чем за полвека она обрела свой характер и свою силу, что подтверждают растущие тиражи и престижные международные награды, такие, например, как Букеровская премия, недавно полученная писательницей Хан Кан за роман “Вегетарианка”.

Традиционная литература

Первым государственным образованием на территории Корейского полуострова был Древний Чосон, сведения о раннем периоде которого (с 2333 года – года создания государства первопредком корейцев Тангуном – до конца второго тысячелетия до н. э.) обнаруживаются исключительно в мифах. В конце второго века до н. э. Чосон пал под ударами войск Китая (объединенного к тому времени династией Хань), а на его месте были образованы четыре китайских округа. Вскоре к северу и к югу от этих округов начался процесс формирования корейских государств Когурё, Пэкче и Силла. Даты основания Трех государств относятся к I веку н. э. В эпо-

© Квон Ёнмин, Мария Солдатова, 2016

ху Трех государств в результате знакомства с конфуцианскими и переведенными на китайский язык буддийскими текстами на полуострове началось развитие собственной литературной традиции на базе китайской письменности. К концу VII века н. э. большая часть территории была объединена под властью государства Силла, оказавшегося из всех наиболее сильным. Влияние буддизма и высокоразвитой китайской культуры способствовало культурному расцвету Объединенного Силла. Вскоре китайские иероглифы (подходящие либо по чтению, либо по значению) стали использоваться и для фиксации корейской речи, таким образом, в частности, были записаны самые ранние поэтические произведения на родном языке — ритуальные песни *хянга.*

В конце IX века Объединенное Силла распалось, и территория полуострова была опять объединена уже в X веке под властью новой династии, которая дала своему государству название Корё (именно под этим названием страна стала известна всему миру). Вскоре после провозглашения государства Корё в нем были введены экзамены на чин, для сдачи которых необходимо было уметь не только читать и писать, но также сочинять стихи на китайском языке по сложившимся в Китае правилам. Все официальные документы также должны были составляться на китайском. Так китайская грамота стала основой образования юношей знатных родов, и популярность литературы на китайском языке невероятно возросла. В этот период в Корее на китайском языке были написаны исторические сочинения, ставшие впоследствии важным источником сведений о ранней истории страны. Появлялись и развлекательные произведения на китайском — например, сборники миниатюр *пхэсоль* и сатирические псевдобиографии различных предметов. При этом многие сюжеты *пхэсоль* имели исконно корейское, фольклорное, происхождение. И поэзии тоже было тесно в рамках китайских традиций: до наших дней дошли как государственные ритуальные, так и народные песни эпохи Корё на корейском языке, сначала передававшиеся из уст в уста, а позже записанные с помощью китайских иероглифов и корейского алфавита.

Внутренние причины и участившиеся монгольские нашествия привели к упадку Корё. В XV веке к власти пришла династия Ли, и страна получила название Чосон, принадлежавшее самому древнему государству на Корейском полуострове. А в 1443 году благодаря королю Сечжону был изобретен уникальный корейский алфавит. Первым произведением, про-

демонстрировавшим потенциал национального алфавита, стала “Ода о драконах, летящих к небу” (переведена на русский язык), в одном из стихов которой сказано:

Коль корни древа глубоки,
Оно не гнется на ветру,
Прекрасны на ветвях цветы,
Обильны на ветвях плоды[1].

Вскоре после “Оды о драконах, летящих к небу” королем Седжоном были написаны “Песни луны, отраженной в тысячах рек”, посвященные Будде и вошедшие впоследствии вместе с сочинением брата Седжона принца Суяна “Жизнеописание Будды” в издание “Луна отраженная. Жизнеописание Будды”, фрагмент которого представлен в номере в рубрике “Литературное наследие”.

Изобретение алфавита придало новый импульс развитию литературы на корейском языке, в первую очередь поэзии. Большую популярность завоевали *сичжо* — трехстрочные стихотворения с четким ритмическим рисунком, которые в большинстве своем либо опирались на символы, связанные с господствовавшей в тот период идеологией неоконфуцианства, либо были посвящены природе. Постепенно к сочинению *сичжо* приобщились незнатные мужчины и женщины, и, хотя ритмический рисунок стихов по-прежнему соблюдался, их тематический диапазон расширился, а строки стали, зачастую значительно, удлиняться. На родном языке писались и поэмы *каса*, носившие иногда лирический, а иногда повествовательный или поучительный характер.

Во второй половине эпохи Чосон в народе получили широкое распространение повести на родном языке, нацеленные на то, чтобы привить читателям даосско-буддийские идеалы либо конфуцианские добродетели, например, почтительность к старшему или женское целомудрие (и тут хочется упомянуть такие давно переведенные на русский язык произведения, как “Повесть о Хон Кильдоне”, “Хынбу и Нольбу”, “Повесть о верности Чхунхян”, которые в современной Корее знает каждый ребенок). Однако справедливости ради стоит отметить, что знать по-прежнему отдавала предпочтение литературе на китайском, считая ее “высокой”. На китайском языке писались новеллы, аллегории, романы. И все-та-

1. Перевод Е. Кондратьевой.

ки не случайно все чаще романы, написанные изначально на китайском, стали переводиться на корейский язык, иногда и самими авторами, как, в частности, знаменитый роман Ким Манчжуна "Облачный сон девяти", в котором герой во сне проживает целую жизнь.

Современная литература

Во второй половине XIX века Корея вступила на путь модернизации и резких политических, социальных и культурных перемен, и китайский язык начал постепенно сдавать свои позиции. Корея, налаживая, порой не по собственной воле, экономические и культурные связи с мировыми капиталистическими державами, сворачивала с феодального на капиталистический путь развития, ориентируясь на усилившуюся Японию, которая теснила в регионе Китай. В конце XIX века в Корее развернулось просветительское движение, во главе которого стояла молодая корейская интеллигенция, выступавшая в поддержку родного языка. Наконец, в результате реформ 1894 года Корея, не без участия Японии, вышла из-под контроля Китая, и использование китайского языка в качестве государственного было упразднено – с этого момента начинается история современной корейской литературы. Популяризации национальной письменности немало способствовали появившиеся в то время газеты и журналы. В них публиковались на корейском языке увлекательные романы с продолжением, заставлявшие читателей покупать новые номера. Поэзия стала гораздо более разнообразной как по форме, так и по содержанию. В стране наблюдался невероятный подъем, с одной стороны, патриотизма, а с другой – интереса к иной, западной, культуре.

Но Корея недолго наслаждалась пусть даже формальной независимостью. В 1910 году страна была аннексирована Японской империей. Молодые авторы, многие из которых получали высшее образование в Японии, спешно осваивали художественные приемы, выработанные западной литературой за предшествовавший век, испытывая их на национальном материале. В своих произведениях они стремились, опираясь на новые ценности, отразить как проблемы, связанные с переходом страны от феодализма к капитализму, так и проблемы колониальной действительности. После социалистической революции в России в Корее стала активно развиваться пролетарская литература, которая призывала к

борьбе с эксплуататорами, в первую очередь японскими, что весьма импонировало читателям. Но в результате преследования со стороны японских властей и ужесточения цензуры многие пролетарские писатели ушли с литературной арены, а другие стали отказываться от злободневных тем. Одним из тех, кто откровенно и с юмором писал в те годы о положении дел в стране, был Чхэ Мансик. Отрывок из его романа "В эпоху великого спокойствия" представлен в рубрике "Из классики XX века". Преподавание в корейских школах стало со временем вестись на японском языке, и именно художественная литература в трудные колониальные времена помогла корейцам сохранить национальный язык и культурную идентичность.

К сожалению, результатом долгожданного освобождения Кореи в 1945 году, после поражения Японии во Второй мировой войне, оказалось разделение страны по 38-й параллели. Политическое противостояние Севера и Юга очень скоро переросло в братоубийственную войну с участием войск из разных стран, в первую очередь США и Китая. Разделение нации и война были и остаются важнейшими темами современной южнокорейской литературы: война как трагедия, в которой виноваты все и пострадали все, и северяне, и южане. Именно такое видение позволило, например, южнокорейскому писателю Ким Ёнсу написать свой рассказ от имени китайского добровольца, воевавшего на стороне северян. Трудное восстановление страны после войны, диктаторское правление, стремительная индустриализация, настойчивая борьба корейского народа за демократические реформы, увенчавшаяся в итоге успехом, — все эти факты истории страны находят отражение в прозе современных южнокорейских писателей, равно как и универсальные темы неподлинности бытия или одиночества человека среди людей в постсовременном мире. Южная Корея (Республика Корея) давно уже является частью мирового экономического пространства, и в России, наверное, не осталось дома, где не было бы бытовой техники и электроники корейского производства. Постоянно растет число фанатов корейского кинематографа и поп-музыки. Литературе же Южной Кореи еще только предстоит стать в России популярной. Будучи вовлеченной в мировой культурный процесс и воплощая самые современные литературные тенденции, она, тем не менее, сохраняет самобытность, опираясь на традиции. В этом номере читатель может прочесть и повесть Ан Тохёна в жанре аллегории, столь популярном в Корее в эпоху Чосон, и рассказ одного из самых интеллекту-

альных авторов Южной Кореи, тонкого психолога Ли Мунёля, где, как в средневековом романе-сне, фантазии неотличимы от реальности, и понять, о чем на самом деле идет речь, расшифровать многочисленные метафоры можно, лишь прочитав последний абзац. Хороша и южнокорейская проза женщин-писательниц — жизненная, глубокая и драматичная. В этот номер вошли рассказы известных писательниц О Чонхи и Ким Эран. Не должна оставить читателей равнодушными и корейская поэзия, которая традиционно является скорее философической, нежели лирической.

Напоследок хотелось бы сказать, что образованные корейцы хорошо знают классическую русскую литературу, любят и понимают ее, что подтверждает эссе знаменитого критика и исследователя корейской литературы Ким Юнсика. Надеемся, этот номер поможет российским читателям составить некоторое представление о корейской литературе, а возможно, и полюбить ее.

Квон Ёнмин,
критик, почетный профессор Сеульского университета

Мария Солдатова,
доцент Московского государственного лингвистического университета,
составитель номера

Ли Мунёль

Песня для двоих

Перевод Марии Солдатовой

ЧЕЛОВЕК одинок. Или не одинок. А если и одинок, что с того? На лужайке, обернувшись голубками, сидят девушки, в предчувствии суровой зимы тревожно колышутся деревья, пустившие корни в пустоту.

Вдруг порыв ветра с самого края земли — и девушки, успев превратиться в листья, рассыпаются за каменной оградой парка. Тонкие корни деревьев подрагивают, как борода старика, рассеивая в бледном воздухе пыль воспоминаний.

— Как холодно!

Это, опершись на скамейку, мужчина, похожий на покрытую саваном непросохшую гипсовую статую, говорит сырым голосом женщине, миражом сидящей подле него. Его слишком длинная правая нога, сложенная втрое, покоится на краю скамейки. Женщина с лицом цвета истлевшей кости и свисающим до губ носом смотрит не на мужчину, а на мрачное здание за оградой.

— Это, наверное, потому, что у вас холодное сердце.

© Yi Mun-yol, 2004
© Мария Солдатова. Перевод, 2016

— Вовсе нет, — решительно отрицает мужчина, будто отряхиваясь от ее сухого голоса. Его взгляд теперь устремлен на то же здание. — Посмотри, это ведь снег.

— Но мне кажется, крыша, вон там, блестит на солнце.

В голосе женщины звучат жалобные нотки. А он, решив, что она ему возражает, несколько секунд молчит, но потом кивает:

— Да, точно. Золотится на солнце.

— И правда снег. Фундамент уже потемнел от влаги.

Стоит мужчине поменять свое мнение, как женщина почему-то падает духом и идет на попятную. Мужчина хочет сказать, что холод не может помешать чему-то там блестеть на солнце, что на крыше видны лишь признаки завтрашней усталости, но не находит слов.

Тем временем здание, на которое они смотрят, медленно оседает: каждый день город уходит под землю на фут. Не потому ли, что люди слишком много выкапывают из-под земли и нагромождают сверху? На этом месте когда-то была известковая река, а над ней в человеческий рост возвышался мясистый папоротник-орляк. В незапамятные времена здесь гудели в бурю старые сосны, бродили шакалы и лоси. И здесь же лежит осел, сдохший сто лет назад от усталости, — через тысячу лет его кости выложат под стекло на всеобщее обозрение.

— Помните?

Не задай она внезапно, с нагоняющим тоску видом, свой вопрос, он наверняка ляпнул бы про осла. Но помысел-то не грех. Сама невинность, он изображает заинтересованность:

— Что?

— Я имею в виду тот день. Когда мы впервые встретились.

— Конечно, помню!

— Прошло целых три года. Тогда у всех на подоконниках цвела герань.

Женщина уже не мираж. Ее шея, словно свернутая кольцами, изящно удлиняется, а нос немного подтягивается вверх. Волосы, готовые разметаться по ветру, блестят, к щекам прилила кровь. Однако мужчине не по душе эти изменения:

— А мне представлялось, что в домах горели красные фонари, или, может, это замызганные розовые занавески болтались в окнах... — неожиданно раздраженным тоном мужчина явно дает понять, что не время предаваться воспоминаниям.

Но женщина продолжает с еще большим пылом:

— Вы сидели на этой скамейке, молча глядя на закат, и я сердцем почувствовала, насколько ранима и одинока ваша душа.

— Да это была всего лишь неудовлетворенность, а еще неуемное одиночество мужика на пороге кризиса среднего возраста.

— Нет, это были печаль и одиночество с ароматом жасмина, какой могла источать только чистая, благородная душа.

— А может, с запахом похоти? Тогда мое белье вечно было влажным из-за эротических фантазий.

— Ничего в тот день не предвещало...

— Все было настолько очевидно, что и предвещать было нечего.

Глядя, как на ее лице, опять приобретающем цвет истлевшей кости, углубляются голубоватые морщинки, мужчина невольно чувствует жалость — а ведь был бы не прочь прервать этот слишком эмоциональный разговор. На всякий случай он не в тему добавляет:

— Ты, конечно, была неотразима. Я и не сообразил, что мы встречались прежде. Ты просто ослепила меня.

Она идет в контрнаступление:

— Печаль увядающего цветка нетрудно принять за красоту.

— Да ладно! Ты казалась такой умной и энергичной.

— Это был всего лишь блеф одинокой женщины.

— Среди других ты явно выделялась интеллектом и вкусом.

— Глядя тридцать лет по сторонам, даже при отсутствии мужа и детей, умудряешься кое-что узнать о жизни.

Только теперь лезвие ее голоса теряет остроту. Голубоватые морщинки вокруг губ складываются в грустную улыбку. А мужчина снова прикинулся гипсовой статуей. Во время разговора он непроизвольно вытянул ногу, и теперь она наполовину увязла в земле, обноски, торчащие из-под похожего на саван плаща, треплет ветер. А на виске выскочил пурпурный гриб. При виде всего этого женщина, съежившись, говорит:

— Извините, не собиралась портить вам настроение.

— Ничего ты мне не испортила.

— Не хотела, чтобы наша встреча прошла так... — Внезапно погружаясь в печаль, она продолжает: — Неужели что-то изменилось? Что, скажите бога ради, изменилось с тех пор?

— Много времени потрачено впустую. Слишком много, — отвечает мужчина, едва шевеля губами.

— Считаете, впустую? Ведь мы наполняли то время смыслом!

— Пустячным смыслом.

— Сама жизнь — пустяк.

— И все-таки мы не имеем права напрочь отказывать ей в смысле.

Женщина некоторое время молчит. Тем временем иссиня-черное небо опускается, а невысокая ограда окружает парк трупной рыжиной. Вдруг сквозь ограду влетает пара пернатых и, сделав круг над головами мужчины и женщины, прорывается вверх через темное небо и исчезает. В бесконечности.

— Ну так в чем смысл жизни? — вздохнув, спрашивает она в надежде, что он обратит на нее отрешенный взгляд, которым провожает птиц. — Быть порядочными?

— Быть свободными. То есть самодостаточными, — это звучит слишком высокопарно. Решительно, но нерадостно мужчина поправляет себя: — Или быть привязанными... Опустошать себя, чтобы наполняться чужим.

— А свободного человека нельзя наполнить?

— Гроб его можно наполнить!

— Даже построив для него новый мир? Или хотя бы разрушив несовершенный старый?

— Ну... великие исхитряются, восставая из гробов, украшать собственные могилы. Чтобы заманивать в землю новые гробы.

Был полный штиль, но лохмотья, свисавшие с плеч мужчины, вдруг развалились на куски и осыпались хлопьями снега. Оголились тонкие ключицы, и показался синяк на месте ребра, которое, как говорят, в незапамятные времена досталось женщине.

— Так что же будет, если мы опустошим себя и наполнимся чужим?

Этим условным предложением она со вздохом заменила фразу “Ничего не поделаешь!”

— Будем жить долго и счастливо.

— И все?

— Достойно состаримся. Права на одиночество никто не отменял, а если от нас будет слишком много шума, мир потерпит, но... — пепельно-серый лоб мужчины покрылся паутиной фиолетовых морщин. Его голос звучит низко и тоскливо, как стон раненого зверя из глубины галереи гротов. — Но жизнь станет скучной и утомительной. Обернется бременем, от которого будешь мечтать избавиться.

Мужчина явно удручен. И женщина, выслушав его, предсказуемо, но как-то вдруг становится бесконечно печальной. Черная тень пролегла под ее носом, покрытым кракелюрами и будто готовым в любой момент развалиться на части, а сквозь зрачки, словно сквозь распахнутые окна, видно, как от печали дрожат все девять миллиардов нейронов ее мозга.

Всаживая еще глубже в землю продолжающую расти правую ногу, мужчина отворачивается от женщины и осматривается по сторонам. Красные мальчики, принесенные недавним порывом ветра, бросают на их скамейку пригоршню скабрезных взглядов и улетают, а девушки, вроде бы бесследно исчезнувшие с опавшими листьями, возвращаются на лужайку белыми голубками. Прах ушедших в мир иной катается ледышками по малому кругу.

Мужчина поворачивается обратно и видит, как свет печали, струящийся из тела женщины, постепенно окутывает ее с ног до головы тонкой пеленой. Смущенный неожиданно привлекательным видом подруги, он переводит взгляд на стену ограды. А из мертвой рыжей стены вдруг вырастают розовые женские ноги. В них на скаку заплетается гнедой конь и, обернувшись Пегасом, взмывает к Сириусу. Словно благословляя мужчину и женщину, на стене, прикрывая мрачную рыжину, тут и там распускаются золотистые анютины глазки.

Мужчина чувствует жар ниже пояса. Раскаленная добела головка его фаллоса прожигает поношенные штаны и высовывается наружу. Основание еще красное, но скоро жар доберется и туда. Мужчина не был готов к такому повороту событий — пытаясь скрыть смущение, он вскакивает со скамейки. Старается сохранять спокойствие, но его голос дрожит от возбуждения:

— Мы и господа, и рабы.

Женщина все еще окутана голубой пеленой печали, но за этой печалью, похоже, с самого начала скрывался расчет. Она быстро сбрасывает с себя соблазнительный покров, ничего не имея против перемен, произошедших с мужчиной:

— Да уж. Нас выбирают, но и мы выбираем.

— Наше дело наполнять чем-то жизнь и готовиться к смерти.

— На этой земле мы сами себе Высший суд.

С этими словами она встает. Из искры жизни, которая помогла ей подняться, в пустых глазах женщины возгорается провокационное пламя. Мужчина подозревает, что пелена на самом деле была сетью, однако не похоже, что он недоволен.

— Пошли! Уйдем отсюда! — восклицает она.

— Что ж, пошли. Какое-то тут мрачное место.

— Мы не должны изменять себе. Вперед, к свободе!

— Правильно! Нужно иметь смелость отвечать за собственный выбор.

— И не страшно, если в итоге мы наполним лишь гробы.
— Может, мы розами выплеснемся из них на свои могилы.
— Увековечим память тех, кто угодил в собственные сети.

Выступив вперед, женщина прошептала это так вдохновенно, что могла бы быть обвинена в неумеренности. Мужчина выдергивает из земли глубоко увязшую конечность и с радостью следует за подругой. Из-под ног мужчины и женщины выскакивает пара милых кабарожек и, перемахнув в брачных играх через их головы, скрывается в пышных кустах неподалеку.

Мужчина и женщина молча покидают заброшенный парк, куда уже пришла зима. Висящие на перилах у выхода фуражка и униформа подобострастно качаются от поднятого ими ветра. Улицы пустынны, и только стаи мышей перебегают между остовами зданий. На покосившемся церковном шпиле висит, как белье на просушке, пьяный поэт и распевает песню: “На кого же ты нас, Господи, покинул, теперь мы сами создаем себе богов...”

Мужчина вдруг останавливается на углу переулка, на лице у него написано: “Нет, все не то!” Впрочем, он с готовностью отбрасывает эту проклятую навязчивую мысль, увлекаемый розовой женской грудью, плывущей вперед в тусклых лучах заката, и сверкающими в тени домов глазами черных быков.

— Что вы делаете?

Будто не видя в его действиях ничего странного, женщина спокойно спрашивает мужчину, который, не пройдя и нескольких шагов, вновь останавливается, чтобы повесить свой потрепанный плащ на обгоревшее дерево у дороги. А он вместо ответа садится на корточки и начинает ковырять ногтями гладкий асфальт.

Асфальт сначала не поддается, но вот наконец идет трещинами, и мужчина принимается отдирать его по кусочку, как корочку с почти зажившей раны. Из-под асфальта — о, чудо! — появляется красноватая плоть земли.

— Ну что же вы делаете? — опять спрашивает женщина, подсаживаясь к мужчине. По ее изменившемуся виду можно догадаться, что она прекрасно знает ответ. На щеках цвета истлевшей кости у нее проступили сосуды, тонкие и розовые, похожие на червячков в канаве.

— Хочу заняться с тобой любовью. С чувством, с расстановкой... и забыть обо всем, — внешне невозмутимо отвечает мужчина, продолжая ковырять асфальт своими стальными ногтями. Насупился, будто говорит о чем-то серьезном. Женщина принимает его бесстыдство за страсть.

— Отличная мысль. Этим мы сейчас и займемся. Но где, прямо здесь?

— Да, здесь. Я как раз выбираю из земли кости. Хочу возвести вокруг нас стену. Не дело заниматься любовью на глазах у посторонних.

— А как насчет крыши?

— В ней нет необходимости. На небе только Бог. Да и он нас уже покинул, как кто-то недавно пел...

Она молчит, будто в знак согласия, и мужчина без лишних слов продолжает копаться в земле. Круглые разноцветные камушки, вытащенные на поверхность, постепенно окружают мужчину прямоугольной стеной. Среди них попадаются зеленые конусы, оливковые шестиугольные призмы и гранатовые шестидесятичетырехгранники.

Мужчина, в тишине возводивший рыхлую стену, вдруг, обнаружив что-то, с горящими глазами отрывается от работы. Женщина, взгляд которой до этого момента был устремлен на полоску синего моря на горизонте по другую сторону города, заинтересованно смотрит на ладонь мужчины. Там лежит хрупкий серебристый осколок.

— Что это?

— Вот он где! Я так долго его искал...

— Да что это?

— Кусочек моей лопатки. Я лишился его, попав в пасть к тираннозавру. Оказывается, он все это время валялся здесь!

— И что ты собираешься с ним делать?

— В гробу без него никак. Хватятся, когда придет время меня хоронить. Кто будет знать, что его давно уже недоставало?

— И вот этот — у тебя под ногой — голубоватый камушек я раньше где-то видела.

— Это же обычный гранит...

— А вот и нет! Похож на подвеску, которую я потеряла. Сто тысяч лет назад.

— Вообще-то она не была частью тебя. Так что радоваться особо нечему, — равнодушно говорит мужчина, раздвигая плоть на плече и вставляя на место недавно подобранный осколок. — Вон пойди лучше, смой с себя пыль. После прогулки в парке ты вся в пыли, как в снегу.

— Это же сточные воды, в них свинец и гудрон... — как будто мужчина и не обрывал ее вовсе, женщина хмурится только потому, что вода в канаве, на которую он указал взглядом, кажется не слишком чистой.

Снова берясь за строительство шаткой стены, мужчина равнодушно бросает:

— Пыль смоется, и ладно.

В словах нет никакого смысла, о чем свидетельствуют не только неподвижные губы мужчины, но и его фаллос длиной в фут, решительно дорвавший штаны и теперь целиком торчащий наружу. Будто вспомнив о неотложном деле, женщина начинает сдирать с себя одежду слой за слоем, словно кожу.

Вот она полностью раздета, да и стена уже достроена. Эта невысокая стена метра два с небольшим на полтора, возведенная на углу мостовой, вдоль которой выстроились бесконечные остовы обугливших зданий, выглядит не странно, а маняще и уютно. Завершив работу, мужчина быстро раздевается и набрасывается на обнаженную женщину.

В известном акте, совершаемом людьми на протяжении десятков и сотен тысяч лет, не может быть ничего нового, но прелюдия всегда завораживает. Это как чертово пламя, в которое так и тянет прыгнуть, как неутолимая жажда. Начало долгого и трудного обманного марш-броска двоих к экстазу, схожему с агонией.

Набухшие вены, будто раскаленные провода, оплетают гипсовое тело мужчины, у женщины кожа цвета тлена расцветает розовым цветом по-над вновь запульсировавшими сосудами. Темное низкое небо разворачивается над их головами изумрудным потолком. С ограды кричит лазоревая майна, с трудом вырвавшаяся из жизненного мрака испорченности, заблуждений, сомнений и отчаяния. Из челюсти мамонта, что дребезжала по мостовой, вылупилась алая роза.

— В такие моменты я вспоминаю давно забытую родину, родину изначальную... — пытаясь дышать ровнее, шепчет мужчина женщине на ухо.

А женщина, хлопая глазами, спокойно, и — девять к одному — без особого интереса, спрашивает в ответ:

— И где же твоя родина?

Красный язычок жадно высовывается из трещины в ее соске, под которым в голубовато-серой тени желтеют цветочки портулака.

— Моя родина — море! Там, за первородным индиго, иссиня-черный покой, а за ним темнота и тишина. Помнится, в этой темноте и тишине я дремал в предчувствии жизни. Выбравшись оттуда, дрейфовал одинокой клеткой. Я... был кораллом, морской лилией, наутилусом, трилобитом. Став трехметровым морским скорпионом, я безжалостно захватывал добычу своими крепкими клешнями...

— Когда это было?! — нехотя вставляет женщина, стараясь справиться с возбуждением.

— Я еще кое-что помню. Я был аммонитом, ихтиозавром, эласмозавром, а потом... Я покинул первородное индиго.

— Это все было давным-давно!

— Помню... Отрастив хвост, я покинул милую сердцу родину и вышел на сушу. Много веков я провел на земле, с трудом поддерживая тепло в своем теле...

Глазами полными тоски мужчина смотрит в глаза женщины и видит там сполохи пламени. А надеялся, наверное, увидеть путь к покинутой родине. Его отчаянный взгляд проникает прямо ей в сердце, как солнечный луч в толщу холодной воды. Женщина, дрожащая в ожидании момента, когда разгорающееся пламя полностью поглотит ее, тронута и тоже впадает в ностальгию.

— А я помню только лес. Ароматные плоды и нежные побеги, беззаботные дни... Правда, так все и было. Но однажды налетел ветер и принес с собой желтый песок. Лес начал редеть, рощи отдалялись от рощ, деревья от деревьев. Дороги, по которым мы безопасно перебирались с ветки на ветку, исчезли. Новые дороги пролегли по земле, и слово дорога стало означать опасность и усталость. Как же мы боялись спускаться с деревьев на землю! Не имея острых когтей и клыков, не умея быстро бегать и летать, мы вынуждены были сбиваться в стаи, чтобы, полагаясь друг на друга, переходить к новым рощам, к новым деревьям. Оставляя обглоданные рощи и деревья позади... Ведь вы тоже были там...

— Да, конечно. Поначалу я бывал благодарен уже за то, что, добравшись до новой рощи или очередного дерева, остался жив. Но вскоре начал тосковать и плакать по прежнему густому лесу.

— В ваших объятьях я чувствовала себя, как раньше в лесу. Видела побеги и спелые плоды даже на засохших ветках, которые нам предстояло покинуть на следующий день.

— И я видел. Первородное индиго моря, замершую на глубине темноту. Я дрейфовал одинокой клеткой, окруженный темнотой и тишиной, дремал в предчувствии жизни.

Голос мужчины срывается. Движения ускоряются, ветер поднимает плечи. Его тело, уже по грудь раскаленное добела, теперь не какая-то непросохшая статуя, а распаленное единство бесчисленных клеток, каждая из которых вот-вот, набрав побольше воздуха, закричит.

Женщина уже не пытается выровнять дыхание. С ее губ срывается стон, оставив по себе крошечную яркую радугу. Эта радуга всплывает вверх переливающимся облаком. Влажные от пота руки женщины, розовая флегма, впиваются в

раскаленную спину мужчины, как плети корней омелы в дубовый пень, ее ноги, подобно щупальцам огромного цефалопода, что оставляет от своих жертв лишь пустые шкурки, невидимыми присосками цепляются за обжигающую медь колонны его бедер. Дремавший у их ног вулкан начинает извергать дым и лаву.

— Я снова... вижу. Первородное индиго... Замершую темноту. Я — предчувствие жизни. Одинокая клетка, — бормочет мужчина, погружаясь в видения, и женщина отвечает ему стоном:

— Я тоже вижу! Густой лес... Сейчас... сезон дождей. Капли дождя стучат по широким листьям... О, этот шум!

— Я вспомнил... Я трилобит... коралл... губка.

— Мы... в полости... старого ствола... прячемся от дождя. Твои объятия... так горячи!

— Я эласмозавр. Дельфин... Тунец.

— Я... твоя... самка. Обезьяна... задравшая хвост.

Их стоны переходят в странные крики.

— Я сожалею! Сожалею, что выбрался на сушу... что захотел ступить на землю.

— Да... жаль. Что нам при... пришлось... спуститься... с деревьев.

— Мы спасались от грозных врагов...

— Терпели холод... и голод...

— Были вынуждены сбиваться в стаи...

— И выдумывать дурацкие правила...

— Уравнивали силы орудиями и огнем...

— Крепко стоя на ногах... мы погружались... в никчемные размышления...

— Облекали в слова даже неприятные воспоминания...

— Наслаждались тщетой культ... культуры.

— Сами себя оковывали цепями и ранились о то, что называли этикой и моралью.

— Даже любя... расставались.

— Проклятье! Встречались тайком, как преступники, сходились, как любовники, и расходились, как чертовы лицедеи.

Крики становятся все громче и вдруг обрываются, ритмичные движения сходят на нет. Мужчина и женщина, как куклы, у которых кончился завод, лежат какое-то время без движения в поту и сперме. Постепенно пот и сперма просачиваются под стеной и мутным потоком бегут по мостовой. Поток уносит с собой банку из-под колы, увядший букет, мятую концертную программку, изъеденную молью книж-

ку, разбитые очки, пожеванную жвачку в серебристой обертке — а заодно страсть, усталость и грусть. Браваду и предательство.

— Темнеет, — говорит ровным голосом женщина, поднявшись и посмотрев за ограду. Вулкан у их ног выбрасывает последние клубы черного дыма, изумрудное небо растаяло. Мужчина молчит, как пень. Оставив его, женщина направляется к сточной канаве за оградой. Пока она старательно отмывается от пота и комочков спермы мужчины, розовый жар уходит жилами под ее кожу и наконец исчезает без следа.

Женщина возвращается миражом с лицом цвета истлевшей кости, носом, свисающим до губ и пустым взглядом распахнутых окон глаз. Приклеив обратно к собственному миражу отодранные без сожаления лоскуты кожи, она сухо спрашивает мужчину, который по-прежнему лежит без движения:

— Собираетесь проспать тут весь день?

Мужчина бросает на женщину рассеянный взгляд. Он так озадачен переменами в ее облике, как будто понятия не имеет, что с ней все это время происходило. С недоумением спрашивает:

— Мы ведь шли к свободе?!

— Правильно. Поэтому и оказались здесь...

Женщина не собирается сдавать свои позиции.

— Нет, я хочу сказать, что мы вместе выбрали путь! И были готовы в конце его наполнить гробы и украсить могилы.

— Глупости. Нет идеи настолько великой, чтобы ради нее стоило ставить под угрозу собственное существование.

— ...

— У вас есть имя, положение и семья, о которой нужно заботиться. А у меня своя жизнь. На самом деле мы никакие не господа, а всего лишь рабы.

Вот теперь мужчина действительно удивлен.

— Ты только сейчас до этого додумалась? Или еще в парке?

— Еще до того, как вышла из дому, чтобы встретиться с вами.

— Значит, говоря о свободе, ты имела в виду лишь эти три года?

— Вовсе нет! — она решительно возражает и вместе с тем как будто извиняется. Лицо ее снова начинает покрываться морщинами. — Это наше последнее свидание. Оно должно было быть красивым и запоминающимся. Отныне, где бы вы меня ни встретили, имейте смелость ограничиться вежливым кивком.

Этого мужчина от нее не ожидал. Но его влажно-гипсовое лицо остается бесстрастным, словно ничего особенного не происходит. Только секундное молчание косвенно свидетельствует о том, что он уязвлен.

— Понятно. Значит, и мне пора уходить.

Мужчина наконец тоже поднимается. Но вместо того чтобы помыться, он отряхивается, как животное, попавшее под дождь, от уже подзасохших выделений и втискивается обратно в сброшенную одежду. И тут же превращается в прежнюю гипсовую статую в лохмотьях. Слишком длинная правая нога сложена в несколько раз и упрятана в штаны, из-под изношенного белья торчат тонкие ключицы. Вот только череп, который был прикрыт волосами, стал прозрачным, и сквозь него видны скромные стопочки книг и валяющиеся в беспорядке визитки, чернильницы и резиновые штампы.

— Теперь, когда все закончилось, я чувствую себя опустошенным, — сам себе говорит мужчина и, собравшись, снимает свой потрепанный плащ с обгоревшего дерева. С новым чувством он смотрит на женщину, которой только стена и помогает держаться. Лоб мужчины так густо и глубоко изборожден голубоватыми морщинами, что его голова, из которой сияющее лицо женщины напрочь вытеснило весь хлам, кажется, вот-вот разлетится вдребезги, — очевидно, его слова не просто прощальная фигура речи. Над его левым плечом зависло одинокое серое облачко.

— А я-то... Все эти годы мечтала, что мы всегда будем вместе.

У женщины, которая тоже разговаривает сама с собой, на макушке распускается синяя незабудка. Но ненадолго. И он и она из-за одних и тех же страхов уже пожалели о сказанном. Мужчина, словно отзывая излишние сантименты, добавляет подсохшим голосом:

— Дело даже не в том, что мне уже не доведется обнять тебя, просто я чувствую, что в будущем никого не смогу полюбить.

— И я тоже. Больше переживаю не из-за того, что не смогу видеться с вами, а из-за того, что останусь одна.

Мужчина позволяет себе немного расслабиться.

— Как красив со спины человек, знающий, когда пора уходить!.. Ты настоящая женщина.

— А вы настоящий мужчина.

— Ты была святой... и порочной.

— А вы рыцарем и злодеем.

— Благословением... и проклятьем.

— Радостью и в то же время печалью.

— Упоением и отрезвлением.

— Одна и та же песня может по-разному звучать для двоих.

С этими словами женщина отрывается от стены и направляется к мужчине.

— Ну, пора расходиться. Уже поздно. Поцелуйте меня в последний раз!

Ее тон утратил былую весомость, глаза мерцают голубым светом, как индикатор на работающем компьютере. Мужчина, словно сборный робот, зигзагом приближается к женщине и молча подчиняется ее требованию. Бордовые губы из непросохшего гипса с глухим стуком утыкаются в губы цвета истлевшей кости. Блекло-розовый столб пламени, едва успев взметнуться, уступает место одинокому серому облачку, висевшему все это время над плечом мужчины. От губ отстраняющегося мужчины откалывается левый уголок и пятнает губы женщины бордовым.

— Прощайте! И помните: где бы вы меня ни встретили, имейте смелость ограничиться вежливым кивком.

Женщина, оставив эти слова, как ящерица свой хвост, первой выходит из-за стены, а за ней мужчина, пряча лицо в воротник похожего на саван плаща. Улица, наводненная дохлыми ослами и призванными ночью духами, по очереди уносит их по волнам.

Из какой-то болотистой местности под Андоном, что в провинции Северная Кёнсан, на свой страх и риск в столицу перебрался представитель семнадцатого поколения канджуских Кимов: дата рождения 15 февраля 1962 года, двадцать полных лет, четыре месяца до армии; в родной провинции закончил Имчхонскую начальную, потом Имчхонскую среднюю школу, полтора года проучился в Коммерческом колледже в окрестностях Сеула; на его счету три похвальных листа за посещаемость и один за хорошую учебу в младшей школе, а в средней — похвальный лист за посещаемость и задержание за нарушение комендантского часа, еще нарушение ПДД и штраф в 5000 вон. В детстве перенес плеврит и брюшной тиф, в настоящее время здоров, рост 1 м 72 см, вес 68 кг. С тремя родинками на бледной левой щеке, вполне гармонирующими с четко очерченными глазами и носом, он не из тех, у кого проблемы с девушками: крутил любовь с ухоженной парикмахершей и с кассиршей из супермаркета, а прошлой весной даже встречался с одной легкомысленной студенточкой; несмотря на нелегкую жизнь, имеет ровный характер и в целом добрый нрав, вежлив

с начальством и дружелюбен с товарищами по работе, время от времени сетует на судьбу и несправедливость этого мира, не особо старается избегать конфликтов, но даже в трехзвездочной гостинице на отшибе у него к концу месяца благодаря чаевым от клиентов и комиссионным от проституток вместе с положенной зарплатой набирается около 300 000 вон, из которых 200 000 он аккуратно посылает домой, чтобы поддержать престарелого отца, который уже не способен на физический труд, и мать, торгующую на задах рынка; так вот этот коридорный по имени Ким Сиук, в чьем ведении находился номер 607 в гостинице "Кансо", в 6 часов 47 минут пополудни 26 ноября 1982 года пробормотал:

— Такие страсти средь бела дня... Извращенцы!

Хван Сунвон

Время для тебя и меня

Перевод Екатерины Дроновой

ПОШЕЛ второй день. Впереди только бесконечные горы и долины. Все застыло в мертвом оцепенении: ни дуновения ветерка.

Хотя спутники капитана поддерживали его с обеих сторон, идти он не мог и лишь бессильно висел у них на плечах. На поле боя его серьезно ранили в ногу. К счастью, артерии и нервы не были задеты. Капитан сразу наложил жгут и остановил кровотечение. Он и еще двое солдат чудом спаслись, прорвавшись через окружение северян. Но сегодня с утра рана начала гноиться, нога полностью онемела и перестала слушаться. Пришла одна беда — жди другой.

Путь им предстоял нелегкий: они брели наугад, на юг, к своим. Капитан Чжу знал, что главное для раненого — дойти до цели. Она придает сил и помогает преодолеть все тяготы пути.

Как-то один рядовой во время боя был ранен в живот. Оторвав от одежды лоскуты ткани, он сделал стягивающую повязку, приостановил кровотечение и заковылял к позициям своих. Где-то через полчаса он, несмотря на тяжелейшую рану, наконец нашел их и тут же рухнул на землю без чувств. Он смог дойти только потому, что знал: ему нужно идти в ту сторону и во что бы то ни стало добраться до своих.

© Hwang Sun-won, 1994
© Екатерина Дронова. Перевод, 2016

Но у них такой спасительной цели не было: они брели наугад. И все же капитан так и не решился сказать помогавшим ему лейтенанту Хёну и рядовому Киму, чтобы те оставили его здесь, в горах, а сами поспешили на юг. Остаться одному значило обречь себя на верную смерть.

Поэтому, когда рядовой подставил капитану спину, тот молча на нее взобрался. Рядовому было всего восемнадцать лет. Он был из обычной крестьянской семьи, а потому неплохо справлялся со своей ношей, и так они прошли довольно далеко.

Наконец, рядовой устал, и пришла очередь лейтенанта сменить его. В мирное время и лейтенант Хён, и капитан были студентами, но, когда разразилась война, они ушли добровольцами на фронт.

Перед тем как посадить себе на спину капитана, лейтенант украдкой взглянул на пистолет, висевший у того на ремне. Скитаясь по горам, трое солдат давно уже бросили в пути рюкзаки, каски, кители и даже винтовки. Пистолет капитана — единственное оставшееся у них оружие.

Капитан догадался, что значит этот взгляд; он знал наверняка, о чем думает его подчиненный. Теперь, когда капитан не может передвигаться самостоятельно, он стал всего лишь тяжким бесполезным грузом для своих спутников, которым приходится нести его попеременно. Но они не могут бросить старшего по званию в горах. Вот лейтенант и ждет, когда же начальник сам догадается пустить в ход пистолет.

Капитан притворился, будто не понял этого многозначительного взгляда. Но перед тем как взобраться на спину лейтенанта, снял тяжелые армейские штаны и сапоги, чтобы тому было хоть немного легче. Лейтенант шел со своей ношей не так быстро, как рядовой Ким, но все же был крупнее и сильнее капитана, сидящего у него на спине, а потому они мало-помалу продвигались вперед.

Уже второй день они питались только корнями и листьями съедобных растений и утоляли жажду родниковой водой, если удавалось ее найти.

Стояло начало лета, и под лучами палящего солнца идти было нелегко. Особенно тяжко приходилось тому, кто нес на себе капитана: соленый пот струился по лицу, попадая в рот и застилая глаза. Но утереть его нельзя — руки заняты, и ничего не оставалось делать, кроме как идти вперед, моргая и тяжело отдуваясь. Но вот шаги становились все короче, несущий едва переставлял ноги от усталости, и тогда его сменял товарищ. Рубашки на капитане и его спутниках промокли от пота. Прижиматься грудью к чужой взмыленной спине было неприятно, но это ощущение напоминало капитану о том, что он еще жив.

Лейтенант Хён, снова сменив рядового Кима, взял капитана на спину. Он шел, и пот лил с него градом, как вдруг перед глазами предстала уже знакомая ему картина. Этот сон он видел три ночи назад, но тогда его неожиданно разбудили звуки вражеского марша.

...На желтоватом небе стояло в зените знойное солнце. Под опаленным небом простиралась бесплодная земля — выжженная, пожелтевшая, — и на горизонте они сливались. Лейтенант стоял один, обливаясь потом, посреди этой пустоши. Клубы пыли не оседали на желтую землю, а окутывали его ноги в закатанных по колено штанах.

Что-то встревожило лейтенанта. В который раз память воскресила мгновения, что он лелеял в душе. За день до призыва любимая девушка, увидев его в штанах, закатанных до колена, сказала, что у него смешные волосатые ноги. А после шутливо добавила, что самые длинные волоски на каждой его ноге — ее сокровище, и наказала беречь их как зеницу ока. А теперь желтая пыль, оседая, хочет похоронить под собой эти ноги.

И тут его внимание привлекло другое: прямо перед собой в пыльной земле он увидел муравейник. Лейтенант решил поближе рассмотреть его. Из черной дыры выползали желтоватые муравьи. Но едва они один за другим показывались на свет, как огромный муравей того же цвета, стоявший у выхода, откусывал им головы. Гора обезглавленных муравьиных тел стремительно росла. И вот она уже превратилась в горстку желтой земли. Выходит, всю эту бескрайнюю пустошь образовали мириады таких же мертвых муравьев?! Знойное солнце в зените нещадно палило с желтоватого неба, а он все стоял как вкопанный у муравейника, не в силах ни подойти к нему, ни уйти прочь...

Лейтенант, с тяжелой ношей на спине, едва переставлял ноги. Но сбросить с себя это опостылевшее бремя можно, только если капитан потеряет волю к жизни. Иначе они, затерявшись в горах, умрут все. От этих мыслей у лейтенанта пересохло в горле.

Он подумал о письме от любимой, которое получил с месяц назад. Однажды — это было давно, еще до войны, — он после долгого и нежного поцелуя прошептал ей: “Твои губы подобны хризантеме — сколько ни перебирай ее лепестки, конца им все нет”. В долгожданном письме он прочел такие строки: “Милый мой, лепестки моих губ никогда не завянут — воспоминания о тебе станут для них живой водой”. В письме девушка впервые назвала его не по имени, а “мой милый”. Значит, их чувства стали глубже и нежнее. Прочитав это послание, он

вдруг ясно увидел ее светлую улыбку, а потом долго смотрел на свои ноги, погрузившись в раздумья и воспоминания.

Изнуренный тяжкой ношей, он брел по горам и мечтал о том, как губы любимой, прикоснувшись к его пересохшим губам, утолят жестокую жажду. Ему снова представились ее улыбка и ясный взгляд. Он все шел вперед; пот застилал глаза, и они влажно блестели.

Трое солдат добрались до гребня горы. Пришла очередь рядового Кима взять капитана на спину. Перед спутниками встал выбор: сре́зать путь до следующей горы, пройдя по долине, расстилавшейся перед ними, или же сделать крюк по извилистому отрогу. Разумеется, лейтенант тут же предложил спуститься в долину. Они были измотаны настолько, что хватались за любую возможность сократить путь хоть на несколько шагов.

Однако рядовой возразил, что в густом лесу долины легко сбиться с пути, и тогда им придется долго плутать, пока они не доберутся до следующей горы.

Лейтенант и рядовой долго спорили, пока, наконец, их не прервал капитан: “Сделаем так, как говорит рядовой Ким”.

Глаза лейтенанта скользнули к пистолету, висящему на поясе капитана. И вновь перед глазами предстала та же пустошь из его сна.

...Знойное солнце все так же стояло в зените на желтоватом небе, под которым раскинулась выжженная бесплодная земля. Лейтенант, мокрый от пота, смотрел, как перед ним желтоватые муравьи один за другим выползали из черной дыры, а огромный муравей того же цвета, по-прежнему стоя на своем посту, откусывал голову каждому. Огромный муравей двигал жвалами как-то механически, и едва он раскрывал их — новая жертва подставляла ему шею. И так куча обезглавленных муравьев превращалась в горстку желтой бесплодной почвы. Пустошь неумолимо разрасталась, и ноги лейтенанта уходили в эту желтую землю все глубже и глубже.

Это было жуткое зрелище; лейтенант, завороженный, мог лишь стоять и смотреть. И тут он увидел, что из муравейника на поверхность ведет не один, а два выхода. В предыдущем сне второй лазейки не было — она появилась только сейчас. Но бестолковые муравьи по-прежнему выползали только через старый выход, где и гибли без числа...

Даже без ноши на спине идти было нелегко, и пот градом лил с лейтенанта. На закате путникам удалось поймать змею, которую они, поджарив, разделили на троих. Поев, лейтенант встал и удалился в кусты. Через некоторое время капитан сказал рядовому:

— И ты иди за ним.

Рядовой вопросительно взглянул на него.

— Устал он ждать.

— Ждать чего?

— Да пока я застрелюсь.

И правда, лейтенант все не возвращался.

Капитан посмотрел в глаза солдату:

— И ты иди за ним, не отставай.

Рядовой медлил. Он обвел взглядом красные склоны западных гор, залитые закатным солнцем. Молча повернулся и подставил спину капитану. Теперь рядовой нес его в одиночку. Было тяжело, то и дело приходилось делать привалы. Когда на горы спустилась ночь, путники устало растянулись на земле. Они вспомнили было, что в тяжелом рюкзаке, который они бросили в самом начале пути, еще оставалось несколько галет. Но чувство мучительного голода стало настолько привычным, что они его практически не ощущали.

Потом стали размышлять о судьбе лейтенанта. Где он сейчас? Рядовой мысленно проклинал его за то, что он ушел, бросив их в горах. А капитан надеялся, что лейтенанту посчастливится добраться до наших позиций, и оттуда пришлют подмогу. Но никто из них не поделился своими размышлениями.

Рядовой заснул, а капитан все не мог сомкнуть глаз. Теперь он даже не чувствовал боль от ранения. Ему вдруг пришло в голову, что, заснув вот так, он может больше не проснуться. И тут он вспомнил об одной женщине.

Три-четыре месяца назад капитан успешно выполнил важное боевое задание, и благодаря этому войска смогли отбить стратегические высоты у северян. Тогда его в виде поощрения отпустили в увольнение, и по дороге в Пусан он провел ночь с той женщиной.

Женщина рассказала, что незадолго до отступления, 4 января, когда войска северян захватили Сеул, она работала в одном из кабаков в столице. И вот однажды вечером она увидела, как какую-то девушку преследуют три американца. Женщина вывела несчастную через заднюю дверь, и тогда мужчины накинулись на нее. В темноте она даже не могла различить их лица. Потом потеряла сознание и очнулась, когда тусклый луч рассветного солнца пробился в ее окно. И вот в день встречи с капитаном она случайно увидела на улице ту самую девушку, но поначалу не узнала ее. Девушка первая окликнула женщину, и, подбежав к ней, стала благодарить ее со слезами на глазах. Другие бы с презрением отнеслись к продажной женщине, а та девушка искренне пе-

реживала за нее и спросила, может ли она что-то сделать для своей спасительницы.

Капитан, выслушав всю историю, резко спросил ее:

– И что, ты опять готова валяться до рассвета без сознания, лишь бы потом перед тобой извинялись и благодарили?

Она ответила, зажигая сигарету:

– Не знаю... С той девушкой все вышло само собой. Если вдруг снова случится что-то похожее, может, поступлю так же, а может – нет. Не знаю.

Капитан размышлял сейчас о том разговоре. Если подумать, то и он на поле сражения ставил себя под удар, чтобы спасти других. И в опасных ситуациях тоже совершал поступки, которых сам от себя не ожидал. Вдруг его пронзила мысль. Когда он спорил с той женщиной, разве где-то в глубине души он не считал, что это правильно – поставить себя под удар ради кого-то другого? И разве он не хотел, чтобы та женщина еще раз пожертвовала собой, чтобы спасти кого-то, если снова случится что-то подобное?

И тут умирающий капитан, глядя в сгустившуюся мглу, понял: он не вправе требовать, чтобы та женщина жертвовала собой ради других. Люди, оценивающие ситуацию со стороны, не смеют судить о действиях тех, кто находится в опасности или на войне. И какой бы выбор капитан ни сделал, осудить его никто не имеет права.

Капитану захотелось с кем-то поделиться этой мыслью. Но его окружала лишь густая мгла. Наконец и он забылся сном.

Когда рассвело, они снова двинулись в путь. Им приходилось делать привалы намного чаще обычного. Рядовой Ким тоже снял армейские штаны и сапоги, чтобы идти стало хоть немного легче. Идти босиком по горным тропам трудно, но сапоги стали невыносимо тяжелыми. Из мелких ран на сбитых ступнях сочилась кровь. Но они должны были идти дальше, и не по мягкой земле, а по каменистой тропе.

Везде, куда ни простирался взгляд, их окружали безлюдные горы и застывшие в мертвом оцепенении долины. Как ни вслушивался капитан, звуков родной артиллерии не доносилось: стояла жуткая тишина, которую нарушало лишь тяжелое дыхание рядового. Но капитан продолжал вслушиваться – нельзя было упустить ни единого звука.

Потом он предложил рядовому сделать привал у родника, утолить жажду и продолжить путь. Тот спросил, где находится родник. Капитан объяснил ему, куда идти, и через какое-то время между камнями действительно показался журчащий ручеек.

За весь день они не прошли и пяти километров. В пути им удалось поймать несколько лягушек, но их пришлось есть сырыми.

Рядовой шел, согнув колени и так сильно наклонившись вперед, что казалось, будто он крадется. По мере того как все ниже и ниже склонялась голова рядового, все слабее и слабее становилась надежда капитана выжить.

Ближе к вечеру они поднялись на какую-то гору, и вдруг мимо них, хлопая крыльями, пролетела черная ворона и скрылась за крутым обрывом в нескольких шагах от них. Рядовой Ким подошел к краю обрыва и посмотрел вниз. Там уже сидели две-три черные птицы и жадно что-то клевали. Труп человека. С первого же взгляда спутники поняли, что это тело лейтенанта Хёна. Когда они его видели в последний раз, на нем была та же одежда: рубашка, армейские штаны и сапоги.

Вороны, терзавшие лицо покойного, прервались на мгновение, чтобы посмотреть на прилетевших собратьев, что-то прокаркали и продолжили пиршество. Они уже успели выклевать глаза, оставив только пустые зияющие глазницы.

Увидев это зрелище, спутники бессильно осели на землю. Ужасная участь, постигшая лейтенанта, ввергла их в отчаяние. Последние надежды выжить рухнули.

Через некоторое время рядовой встал и, шатаясь, снова подошел к краю обрыва. Поднимая камни с земли, он принялся кидать их в ворон. И всякий раз прожорливые твари с карканьем взлетали и снова садились на прежнее место.

Рядовой опустился на землю в изнеможении. Посмотрел на лежащего неподалеку капитана. Тот не двигался, и глаза его были закрыты. Вдруг рядовой всем телом почувствовал: рядом с ним — смерть — ощущение, которого не было даже на поле боя во время ожесточенной битвы. Завтра вороны выклюют глаза и ему. Он хотел бы умереть раньше капитана, чтобы не видеть, как черные птицы будут жадно терзать его плоть.

К глазам подступили слезы, но заплакать он не смог. Рядовой сам не заметил, как забылся беспокойным сном. Проснулся он оттого, что его зовет капитан. На вечернем небе одна за другой начали зажигаться звезды.

— Слышишь? — еле-еле проговорил капитан, не поднимая головы. — Артобстрел.

Рядовой тут же пришел в себя, сел и прислушался. И в самом деле, откуда-то доносились звуки, напоминавшие отдаленные раскаты грома.

— Кто стреляет?

— Наши. 155-ки.

В этом на капитана можно было полностью положиться.

— Сколько до них?

— Очень далеко. Километров двадцать.

Даже если это и правда наши, все равно до них не добраться. Рядовой снова лег на землю.

Капитан почувствовал, что его последний час уже близок — осознал это удивительно ясно. И тут его охватили все те мысли, которые он до последнего пытался отбросить. Застрелиться. Ему все равно умирать, а застрелись он раньше, стольких трудностей и несчастий можно было бы избежать! И лейтенант был бы жив.

Впрочем, если он не застрелился раньше, то сейчас самое время. Жаль оставлять такого верного товарища, как рядовой, одного на произвол судьбы, но если ему не придется тащить на себе капитана, то появится хоть какой-то шанс добраться до наших.

Собрав последние силы, он скомандовал:

— Стреляют к юго-востоку от нас. Спускаясь с горы, забери влево от обрыва и иди прямо.

Еле двигая отяжелевшей рукой, капитан незаметно вынул из кобуры пистолет.

В этот самый миг раздался странный звук, совсем не похожий на артиллерийский залп. Капитан замер и прислушался.

— Что это за звук?

— Какой звук, капитан? — подняв голову, прислушался и рядовой.

— Уже не слышно...

Вскоре ветер снова донес тот же самый звук.

— Вот, этот! Ты лежишь головой в ту сторону, откуда он доносится.

Но рядовой ничего не услышал, как ни старался.

— Похоже на собачий лай...

Рядовой пересилил усталость и снова сел. Потом пополз на коленях в сторону, откуда, по словам капитана, доносился лай. Если слышен лай, значит, где-то неподалеку жилье.

— За той горой будет дом!

Но рядовой по-прежнему ничего не слышал. Разочарованный, он вернулся на прежнее место.

Капитану хотелось дать ему надежду, что, раз где-то неподалеку есть люди, то они еще могут спастись. Но воли к жизни у него и самого почти не осталось.

Растянувшись на земле, рядовой пробормотал:

— Завтра наверняка налетит еще тьма ворон. Может, последнюю ночь глаза мои на месте...

Не успел он договорить, как услышал рядом с собой звук выстрела.

Обернувшись в изумлении, он увидел, как капитан стоит, направив на него пистолет. Капитан тихо и отчетливо сказал:

— Подставляй спину!

Рядовой, не понимая, что происходит, таращился на капитана. Но ему ничего не оставалось делать, кроме как подчиниться.

— Пошел!

Рядовой почувствовал за правым ухом холодное прикосновение ствола.

Так они преодолели гору и вошли в темный лес.

— Стой! — капитан весь обратился в слух. — Напра-во!

Они прошли немного, и капитан снова остановил подчиненного. Прислушавшись, он скомандовал:

— Вперед марш!

И вот так, следуя указаниям капитана, они постепенно продвигались вглубь леса. Все это время рядовой Ким шел, выбиваясь из последних сил, но лая так ни разу и не слышал. Может, у капитана, который вот-вот умрет, помутился рассудок? Но если он умирает, зачем обрекать обоих на гибель в этом лесу? И хотя он сутки безропотно сносил все тяготы, неся на себе капитана в одиночку, сейчас его неожиданно охватила злоба.

Но выбора у него не было. Дуло пистолета, по-прежнему касаясь его головы за правым ухом, вынуждало идти дальше. Еле ковыляя и то и дело спотыкаясь, он постепенно продвигался вперед.

Через некоторое время спутники оказались у подножья горы.

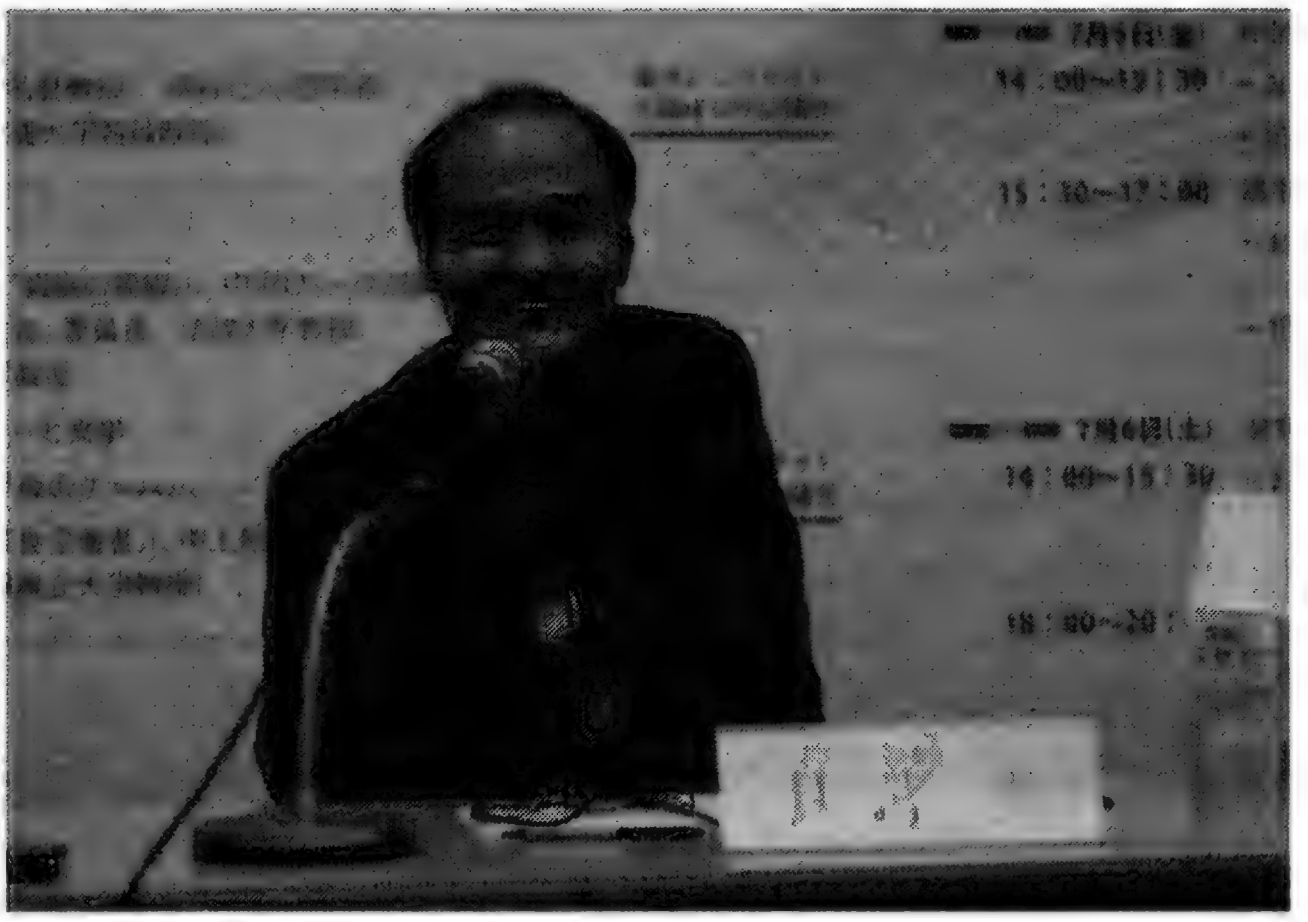
— Поверни направо! Теперь прямо!

И только теперь рядовой начал различать какие-то звуки. Чем дольше они шли, тем звук становился громче и отчетливей, и скоро рядовой тоже услышал собачий лай. Но он никак не мог определить, насколько далеко от жилища они находятся.

Горло испепеляла жажда, он едва переставлял ноги. Казалось, он вот-вот упадет и больше никогда не поднимется. Но капитан еще сильнее прижал ствол к затылку рядового, и тому оставалось лишь ковылять дальше.

В кромешной тьме ничего нельзя было различить. Рядовой даже не видел, куда он ступает. Вдруг в густой мгле проявились слабые очертания небольшого крестьянского дома. Перед домом стоял человек, а рядом — лаяла собака. В тот же миг пистолет перестал давить ему в затылок, а тело капитана тяжело обмякло.

Ку Хёсо



Мешки с солью

Перевод Татьяны Акимовой

“КЬЕРКЕГОР. ‘Страх и трепет’. Перевод Мунэтака Иидзима. Издательство ‘Хакусуйся’” — эта книга, изданная на японском языке, оказывается, принадлежала моей матери. Я уже не мог спросить у двоюродного брата, действительно ли мать читала эту книгу, — я нашел ее на третий день после его смерти среди других вещей. Не знаю, смог бы я расспросить его про эту книгу, если бы нашел ее на три дня раньше.

Вряд ли. Даже получив книгу из его рук, я точно так же, как и найдя ее на полке, рассеянно разглядывал бы обложку, потеряв дар речи. Никакие пояснения мне бы не помогли. Получается, необразованная мать читала Кьеркегора, да еще на японском языке!

Незадолго до этого двоюродный брат рассказывал мне о матери, но ни слова не сказал о том, что она читала Кьеркегора.

На полке стояло еще несколько книг матери. “Сон в храме на Золотой горе”, “История любви Кан Мёнхва”, “Сказание о Ким Инхян”, “Осенняя луна на озере Дунтин”, “Сон в красном тереме”... Но эти книги не вызывали особого удивле-

© Gu Hyo-seo, 2005
© Татьяна Акимова. Перевод, 2016

ния. Это были романы, к тому же все на корейском. Мать никогда не училась в школе, но могла довольно свободно читать и писать. Правда, она была слаба в орфографии и путала, когда нужно писать слитно, а когда раздельно, потому что училась грамоте лет в двадцать-тридцать. Когда я служил в армии, мать как-то написала мне: “Инхо, я при берегу тебе еду”. Увидев это письмо, командир взвода спросил: “По какому берегу она едет? От нас тут море далеко”. Но я тогда уже привык к ее ошибкам и прекрасно понимал все, что она писала.

Книга Кьеркегора была для меня неожиданностью. Я сам читал “Страх и трепет” года в двадцать два. Эта книга и сейчас стоит где-то в углу моего письменного стола. Помню, я с трудом понимал, о чем там было написано.

Почему именно Кьеркегор? Неужели она могла его понять? Отдельные места были подчеркнуты карандашом. Иногда даже встречались короткие пометки. Несомненно, это был почерк матери. Но, не зная японского, я мог лишь сопоставить отмеченные строки с соответствующими местами из своей старой книги, которую читал по-корейски. К моему удивлению, места, подчеркнутые матерью, довольно часто совпадали с теми, что подчеркнул я.

Был тот, кто оказался велик в своей силе, был и тот, кто оказался велик в своей мудрости, и тот, кто оказался велик в надежде, и тот, кто оказался велик в любви; но самым великим из всех оказался Авраам: он был велик мощью, чья сила лежала в бессилии, велик в мудрости, чья тайна заключалась в глупости, велик в той надежде, что выглядела как безумие, велик в той любви, что является ненавистью к себе самому[1].

Кьеркегор был младшим ребенком в семье, мать родила его в сорок пять лет. Удивительно, но я тоже родился, когда матери было как раз сорок пять, и тоже был младшим в семье. Возможно, из-за этого совпадения она и заинтересовалась книгой Кьеркегора. Но это еще не все: как и в семье Кьеркегора, у нее было шесть детей, причем выжили тоже не все. Дочерей ни там, ни там в школу не отдавали, потому что отцы были против, а у Кьеркегора точно так же, как и у меня, были проблемы с позвоночником. Однако если мать читала

1. Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: С. Кьеркегор. Страх и трепет. Диалектическая лирика Иоханнеса де Силенцио. Перевод Н. В. Исаевой и С. А. Исаева. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

эту книгу еще до моего рождения, значит, она выбрала ее не из-за совпадений, связанных со мной. Но и других совпадений, которые могли объяснить ее интерес к Кьеркегору, вполне хватало. Несмотря на все это, стоявшее посреди развлекательных романов сочинение Кьеркегора оставалось для меня загадкой.

Когда на последней странице я увидел написанное от руки имя, я начал кое о чем догадываться, но вместе с тем у меня возникли подозрения. Не скажу, что они возникли впервые. Нет, это были старые подозрения, о которых я не хотел вспоминать, но и забыть тоже не мог.

“Владелец — Пак Сонхён”. Эта надпись стояла в углу последней страницы, где печатаются выходные данные. Она была сделана ручкой, красивым почерком. Чернила сохранили свой цвет, хотя времени прошло порядочно. Эта поблекшая голубая надпись пробудила во мне чувства, которые я раньше изо всех сил пытался заглушить.

Получается, изначально книга принадлежала другому человеку. Бывший хозяин или дал почитать, или подарил ее матери, и одно это уже наводило на какие-то мысли. Увидев это имя, я понял, что между матерью и первым владельцем книги действительно были довольно близкие отношения. Раньше до меня доходили только слухи о тайне моего происхождения.

Именно благодаря Пак Сонхёну необразованная мать с увлечением читала популярные романы, освоила катакану и хирагану и смогла прочитать Кьеркегора. Этот человек получил образование в Японии, он был единственным христианином в деревне и, по слухам, приходился мне отцом.

Скорее всего, познания матери были гораздо шире, чем я предполагал. Конечно же, это было бы невозможно, если бы не было тайных уроков и помощи со стороны хозяина книги на протяжении долгого времени. Судить о широте познаний матери — почти то же, что гадать, какими были ее отношения с наставником. Возможно, впечатление о книге “Страх и трепет”, которая казалась мне сложной и непонятной, у них было совсем иным.

То, что мать умеет читать и отлично понимает смысл написанного, я, хоть и редко, замечал еще в детстве. Взять, к примеру, хотя бы гадальную книгу “Тходжон-пигёль” (у меня до сих пор хранится то старое издание) — в деревне только мать могла читать и толковать ее. Даже определить по дате рождения свой гадальный знак умел далеко не каждый, а уж

тем более понять специфический текст со множеством символов и загадочных эпитетов мог только человек с большим опытом.

Каждый раз в начале нового лунного года все женщины деревни собирались у нас дома. Чтение "Тходжон-пигёль" было своеобразным гаданием на следующий год. Все приходили к нам не только потому, что единственный на всю деревню экземпляр этой книги хранился у нас, но и потому, что прочитать ее могла только моя мать. К тому же отца уже не было в живых, и помешать им никто не мог.

Лучи зимнего солнца ярко освещали комнату. Мать раскрывала книгу и доставала лупу.

— Так, ты у нас родилась в восьмом месяце года земляного кролика, правильно?

Во время чтения "Тходжон-пигёль" интонации в голосе матери менялись, и она ко всем, независимо от возраста, обращалась на "ты".

— Да, двадцать девятого числа... восьмого лунного месяца... Вы правы.

Женщины, даже те, кто был значительно старше матери, во время чтения "Тходжон-пигёль" обращались к ней предельно вежливо и обязательно на "вы". Это показывало, что гадалка пользуется авторитетом, а остальные готовы безропотно принять ее вердикт.

— Вот, нашла... В третьем месяце закинешь удочку в реку и поймаешь рыбу с шелковой чешуей. Сядешь на плот и переплывешь море, тогда облака рассеются и наступит рассвет...

Когда мать начинала зачитывать предсказания судьбы на каждый месяц года, тетушек охватывало волнение. Сколько бы они ни слушали, они не могли понять смысла изречений вроде: "Желтая хризантема и осенние листья лучше пионов", "Накинулся ветер на камыш, и стая птиц разлетелась".

К добру это или не к добру? Доверяя книге предсказаний свою судьбу на целый год, женщины не могли не переживать. Но мать не торопилась пояснять содержание.

Лицо ожидавшей предсказания постепенно мрачнело, а голова становилась все тяжелее и тяжелее. Казалось, вот-вот остановится дыхание. Губы сжимались, а тени под глазами казались глубже обычного.

В те зимние дни в начале нового лунного года нашу комнату переполняло любопытство, смешанное с темнотой безграмотности и страхом перед будущим. Иногда мне казалось, что женщины вот-вот испустят дух, если не услышат от матери хотя бы несколько слов в пояснение.

Только когда атмосфера накалялась до предела и напряжение в комнате становилось невыносимым, мать начинала коротко комментировать: “Это к добру!”. Перепуганная женщина словно ничего не слышала. И только когда кто-то из сидящих рядом толкал ее локтем: “Слышишь? К добру!”, та с облегчением выдыхала, будто возвращаясь к жизни. Висевшее в воздухе напряжение тут же пропадало, и лица женщин начинали светиться, будто озаренные лучами зимнего солнца.

Не важно, что именно говорилось в “Тходжон-пигёль”, стоило матери сказать: “Это к добру!” — и женщины, которые почти уже не дышали, словно оживали. “К добру!” или “Не к добру!” — произнося эти слова, мать будто играла их жизнями, и за ее безграничным авторитетом, за ее уверенностью невидимо стоял хозяин книги Кьеркегора Пак Сонхён.

Бесконечное самоотречение — это та рубашка, о которой говорилось в старой народной сказке. Нить ее прядется среди слез, ткань отбеливается слезами, рубашка шьется в слезах, но она и защищает лучше, чем сталь и железо.

Похоже, именно тайное присутствие Пак Сонхёна делало жизнь отца невыносимой. Я родился, когда отца уже не было в живых, поэтому знал о нем только то, что рассказывала мать, пока была жива, старшие сестры, а в последнее время — двоюродный брат.

Отец был странным человеком. Но еще более странной казалась мне мать. Отец постоянно избивал ее без всякой причины, но почему она ни разу не попыталась постоять за себя?

Избивая мать, отец постоянно вспоминал “славную” историю своего рода, хотя звучала она не очень убедительно. Отец утверждал, что один из его предков был полководцем и участвовал в войне с Маньчжурией в XVII веке. Доблестно сражаясь с вражескими войсками, он героически погиб, и ему якобы посмертно присвоили почетное звание помощника главного военачальника, хотя, скорее всего, это было пустой выдумкой. Будь он генералом или простым смертным, для матери он был злым духом, мучающим людей. После побоев лицо матери отекало и становилось похожим на осеннюю тыкву. Деревенская шаманка, глядя на мать, причитала: “Это что же, потомок великого полководца решил воевать со своей бабой?”

Однажды, когда мать на третий день после родов отдыхала в комнате, отец схватил ее, выволок во двор и начал браниться, мол, работа стоит, а она, видишь ли, валяется на теплом полу. Но как появилась на свет эта дочь? В одиннадцатый лунный месяц, когда дул холодный ветер, пьяный отец повалил мать на землю прямо в поле и начал ее душить. Мать задыхалась, лицо ее посинело, а красные сухие стебли гаоляна казались ранами на ее теле. Отец изнасиловал мать. Об этом мне рассказала старшая сестра, когда мне исполнилось двадцать. Когда я понял, что каждый ребенок в семье — это лишь плод ненависти, брани и гнева, я подумал, что мне все-таки повезло, что я даже не знаю, как выглядел отец. Мать целыми днями варила в котле соевую массу и проводила ночи напролет, разливая ее по формам — она готовила соевый творог.

Деньги, что она зарабатывала, продавая соевый творог, отец отбирал и отдавал своей любовнице, женщине, которая торговала вином. Отец не скрывал своих отношений с ней, будто специально выставляя их напоказ. Когда та женщина встречалась с матерью на реке, где стирали белье, она при всех издевательски называла мать золовкой, но та не обращала на это никакого внимания. Даже если все начинали перешептываться, что, мол, потомок великого полководца лупит свою бабу, да еще ей изменяет, мать молча продолжала стирать. Эта ее отрешенность еще больше выводила отца из себя и становилась поводом для очередных побоев.

Когда родители собирались пожениться, у отца не было за душой ни гроша, и за невесту ему пришлось год отработать на поле у будущего тестя, который жил по другую сторону горы и был таким же бедняком. Тогда он и узнал о Пак Сонхёне. Сын самого богатого в уезде крестьянина, симпатичный молодой человек, который получил образование в Японии, влюбился в мою мать, но его родители не дали согласие на свадьбу. На этом все и закончилось — мать с тех пор лишний раз даже голову не поворачивала в сторону дома Паков. Уже после свадьбы отец узнал, что мать умеет читать и писать по-корейски и хорошо знает японский язык. Отец избивал мать и виделся с другой женщиной даже на глазах у собственных детей. Трусливую злость, которую он не мог направить на высокомерных Паков, он вымещал на матери.

Задумываясь о том, почему отец на протяжении стольких лет постоянно избивал мать, я прихожу к мысли, что это было своеобразным, хоть и изуверским выражением любви, которую он, несмотря ни на что, не мог в себе подавить. Прав-

да, никаких намеков на эту любовь невозможно было услышать в ужасных рассказах матери, старших сестер и двоюродного брата.

Зная характер отца, я отчасти догадывался о причине его гнева, хотя она не была очевидной. Чего я совершенно не понимал — почему мать, прожив с ним столько лет, никогда не пыталась постоять за себя.

Длившиеся по нескольку часов за закрытой дверью побои приводили детей в ужас. Казалось, что крики и ругань отца вот-вот обрушат дом. Каждый раз, услышав звук очередного удара кулаком или ногой, дети вскрикивали и чуть не теряли сознание. Но, как ни странно, из-за двери никогда не было слышно ни криков, ни плача матери. В конце концов, дверь открывалась, и отец выталкивал мать наружу. Она выглядела ужасно — как пучок соломы, пропущенный через молотилку, с раскрасневшимся, похожим на перезревшую тыкву лицом. Даже в таком состоянии мать первым делом шла к детям, широко разводила руки и крепко обнимала их. От матери не было слышно ни всхлипываний, ни стонов. Сжатые в ее объятиях, дети через какое-то время чувствовали абсолютно ровное биение сердца и падающие им на головы горячие слезы размером с горошину.

Мать не винила отца. Она даже никогда не жаловалось. Она замачивала сою и без конца крутила жернов. Под котлом целыми днями горел огонь. Когда соевый творог был готов, самый первый теплый кусочек, от которого еще шел пар, она преподносила отцу. Съев этот кусок с рисовой брагой, отец шел в туалет. Старшая сестра признавалась мне: раньше она думала, что с возрастом поймет мать, но так и не смогла.

Казалось бы, у матери не должно было остаться никакого здоровья, но, как ни странно, до конца своих дней она ничем серьезным не болела и прожила до девяноста семи лет. А когда умирала, лицо ее было светлым и умиротворенным. Вряд ли даже королевы, не знавшие в жизни невзгод, так заканчивали свой земной путь.

Один стал велик через ожидание возможного, другой — через ожидание вечного, но тот, кто ожидал невозможного, стал самым великим из всех.

Нельзя сказать, что лицо матери всегда было отрешенным и спокойным. Когда одна из моих сестер упала с дерева жужубы и была на волоске от смерти, мать словно сошла с ума.

Сестра хотела достать яйцо из гнезда и взобралась на дерево, но, поскользнувшись на мокрой после дождя ветке, полетела вниз. Она распласталась на земле и почти не дышала.

Еще когда сорока только начала таскать прутья на дерево, соседский мальчик рассказал сестре, что, если разбить яйцо, вылить его в стрелку лука-порея и запечь на костре, то получится так вкусно, что можно язык проглотить. Он даже показал жестами, как нарезает лук колечками. Но на дерево сестра полезла не потому, что мальчик уж больно аппетитно рассказывал, а потому, что уже давно бредила жаренным на огне мясом. За яйцами, которые несли две курицы, мать тщательно следила, все до единого складывала в соломенное лукошко и продавала на рынке. Если курицы вдруг переставали нестись, все члены семьи подозревались в воровстве. Мясо бывало на столе только по праздникам, но бездушный отец всегда съедал его сам. Дети же довольствовались одним запахом. Поэтому вся надежда была на яйца сороки — они были ничейными.

Когда мать подбежала к дереву, дочь лежала на земле без движения. Собравшиеся вокруг жители деревни только качали головами. Мать не так давно потеряла старшего сына из-за болезни, а дочка, которая была моложе его на два года, провалилась в колодец — ее затянуло веревкой. Казалось, на этот раз мать уже должна была смириться со злым роком.

Но она не сдалась. Она взвалила дочь себе на спину. Когда отец сказал, что ничем уже не поможешь, мать бросила на него свирепый взгляд и закричала, что ему наплевать, будет жить его ребенок или нет, потому что все его дети — плоды его гнева и ненависти. Она оттолкнула отца, который твердил, что ребенка уже не спасти. И оттолкнула с такой силой, что отец, хоть и был крупного телосложения, отлетел за десять грядок и растянулся на земле.

Мать много раз просила спилить это дерево, под которым постоянно вились змеи, но отец упрямился — для совершения ритуала поминания его "великого" предка нужны были плоды жужубы. Получалось, что из-за ежегодной горсти плодов они могли потерять ребенка. У матери изо рта шла пена, она кричала, что сейчас же срубит это дерево или сожжет его.

Не только отец, но и все собравшиеся соседи говорили, что девочка не выживет. Вечерело, а до деревенской больницы было слишком далеко. Соседи считали, что, если мать помчится сейчас в больницу за десять километров, она погубит еще и себя, поэтому надо смириться, наварить побольше

яиц, о которых девочка так мечтала, и совершить обряд в упокоение души.

Но мать никого не слушала. Она обругала советчиков. Из ее рта летела пена. И скоро с девочкой на спине она растворилась в наступающих сумерках и моросящем дожде. Казалось, что она с горя лишилась рассудка.

Дорога была слишком дальней, к тому же из-за обильных ливней ручей Йоннэ-чхон вышел из берегов, поэтому все считали, что девочку в таком тяжелом состоянии уже не спасти. Мост ушел под воду, а быстрое течение могло унести даже быка. Отец и соседи были уверены, что мать не пройдет и половину пути. Но мать так не считала.

Наступило утро, а мать все не возвращалась. Уже начали поговаривать, что она утонула вместе с девочкой. Несколько жителей деревни вместе с отцом, как только рассвело, пошли их искать. Один человек рассказал, что ночью слышал у Йоннэ-чхона какие-то страшные вопли. Он сказал, что доносившиеся с ветром звуки не были похожи на человеческие, поэтому он подумал, что это кричит призрак утопленника.

Когда отец и еще несколько человек пришли к ручью, они обнаружили, что через ручей перекинут ствол огромной ивы. Рядом со свежесрубленным деревом валялась старая пила с кровавыми разводами на ручке.

Вспоминая тот день, мать всегда поглядывала на глубокий шрам, оставшийся на ладони. Перебравшись через ручей по стволу ивы, мать что есть мочи побежала по мокрой проселочной дороге. А сзади она слышала стоны и испуганный плач девочки: “Мамочка, прости меня...” От тряски и от ударов грудью о спину матери девочка начала кашлять, она понемногу возвращалась к жизни. Крепко держа дочь, мать заплакала: “Глупая девчонка”.

— Если и не выхожу тебя, так хоть дам наесться яиц, — говорила мать. Когда дочь вернулась домой, мать отдавала ей все яйца до одного. Она съела их столько, что возненавидела на всю оставшуюся жизнь — она до сих пор яйца на дух не переносит, говорит, что они пахнут куриным пометом.

Одержимость, готовность преодолеть все на своем пути и отчаянная надежда вернули девочку к жизни. Так что мать, случалось, могла быть и грозной, и упертой, такой же, как отец.

А еще мать умела заткнуть рот кому угодно, не сказав при этом ни слова, сохраняя невозмутимое выражение лица.

Была у нее одна знакомая, которая за глаза любила посплетничать, так вот, она говорила, что мой настоящий

отец — Пак Сонхён. Как-то среди бела дня мать схватила ее и потащила на окраину деревни, в похоронную хижину. Через пару минут мать вышла оттуда, слегка отряхивая руки, как будто ничего особенного не случилось. А к вечеру у сплетницы вдруг перестали слушаться ноги, и ей пришлось добираться до дома на четвереньках. Никто так и не знает, что произошло в тот день. Ни мать, ни та женщина до самой смерти так никому ничего не рассказали. Но с того дня бывшая обидчица каждый раз, встретив мать, обливалась холодным потом, будто увидела призрак. С тех пор женщины деревни больше уже не судачили, сопоставляя даты смерти отца и моего рождения.

Авраам молчит, но он не может говорить, в этом и состоят нужда и страх. Ибо когда я, даже говоря, не могу сделать себя понятным, значит, я не говорю, пусть даже я беспрерывно продолжаю говорить дни и ночи напролет. Это как раз случай Авраама.

В амбаре у матери хранились мешки с солью. Их всегда было три. Они почетно стояли на пьедестале в темном амбаре рядом с кухней, в полушаге друг от друга. И формой, и своим положением на пьедестале эти мешки, которые со временем постепенно втягивали животы, напоминали статуи Будды. Поэтому я и говорю, что они стояли “почетно”.

Они стояли там всегда, даже когда я еще не родился. Мешки время от времени меняли на новые, но для меня они были все те же. Под каждый мешок была подставлена белая миска. В нее по капле стекала желтая соленая вода.

В амбаре всегда было темно. Недалеко от дома был родник, поэтому прямо под амбаром текли грунтовые воды. Мешки с солью быстро впитывали влагу, особенно в сезон дождей. Но и в остальное время из них сочилась и капала, как слезы, соленая вода.

Мешки для соли делались из мягкой соломы, они были менее плотными, чем мешки для риса. Долго простояв в сыром амбаре, соль впитывала влагу из воздуха. Мать использовала эту воду, когда готовила соевый творог, именно поэтому он получался очень вкусным и нравился абсолютно всем. Мамин творог хорошо знали в округе. Он и прокормил нашу семью.

Прохладная темнота, липкая сырость и тишина... Когда я заходил в амбар, мне становилось не по себе — казалось, будто кто-то страшный лижет шею. Простояв какое-то время, как вкопанный, дрожа от темноты и сырости, я стремглав

выбегал наружу. Только в такой темноте и сырости и могла собираться эта горько-соленая вода. Для меня всегда было удивительным и странным, что соевый творог, который делала мать, используя эту воду, каждый раз получался теплым, мягким, нежным, белым и вкусным.

Даже в самую жаркую погоду в амбаре было прохладно. Там можно было укрыться от летнего зноя, но мы редко туда заходили, потому что знали — это место отдыха матери. Выходя оттуда, она сама была похожа на мешок с солью, впитавший сполна темноты, сырости и тишины. После побоев отца мать проводила там много времени. Похоже, это исцеляло ее.

Когда в деревню пришли войска Народной армии[1], у матери потребовали продукты. В доме был уже готовый соевый творог, была соя. Целую ночь из всех запасов сои мама варила творог, как будто готовилась к празднику. Отец же бежал из дому. Мать была вынуждена кормить солдат вражеской армии, так что, когда северяне отступили, она сразу же была причислена к предателям. Предателем считался и ее брат, который перевез на своей лодке боеприпасы северян на противоположную сторону Йоннэ-чхона.

Когда пришли наши, дядя скрылся, бросив старуху-мать, жену и двухлетнего сына — того самого двоюродного брата, от которого мне досталась книга матери. Лодку и все имущество у семьи отобрали, дом разрушили. Члены правого молодежного отряда старым серпом отрезали голову его жене в персиковом саду.

Мать тоже привязали к персиковому дереву. В отличие от тети, которая, захлебываясь кровью, кричала, что ее мужа вынудили перевезти боеприпасы, угрожая смертью, мать не сказала ни слова. Ее избили так, что одежда вся изорвалась, оголив многочисленные раны, но она молчала.

Когда отец вылез из выгребной ямы во дворе дома своей сестры, где он прятался, пока здесь хозяйничали северяне, его взяли в правый молодежный отряд только за то, что он скрылся, когда пришли вражеские войска. Он лишь для вида бегал с палкой вместе с этой компанией, а когда мать потащили в персиковый сад, он там даже не появился. Похоже, ему разрешили не присутствовать. Зато из-за стволов персиковых деревьев за матерью, привязанной к дереву, наблюдал Пак Сонхён.

1. Войска Северной Кореи в Корейской войне 1950—1953 гг.

В отличие от отца, Пак Сонхён был членом отряда не формально. Он был не просто сыном самого богатого в уезде человека, но еще и христианином, во власти Севера видел серьезную угрозу, и причины состоять в правом движении у него были совершенно иные, чем у отца. Все имущество, конфискованное при наступлении Народной армии, их семье к тому времени уже вернули, но, помня, каким преследованиям подвергались при власти Севера христиане, он не мог бездействовать и стал активным членом правых сил. И как это ни было ужасно, он должен был участвовать в казни женщины, к которой был неравнодушен.

Для матери же это оказалось удачей. Та власть, которой был тогда наделен Пак Сонхён, спасла ей жизнь. Пак Сонхён отлично знал, что активисты правого движения тоже голодают, как когда-то солдаты Народной армии, и он велел матери готовить соевый творог. Он сказал, что, если у нее нет сои, она может брать столько, сколько нужно, в его погребе. Мать отпустили, и она снова принялась варить сою день и ночь напролет. Спальня и соседняя комната стали временным укрытием для раненых солдат регулярной армии. Ожидая отправки в тыл, они питались соевым творогом.

Мешки с солью спасли мать — она чудом вырвалась из лап смерти. Своей жизнью она была обязана Пак Сонхёну и соевому творогу. Это позволило матери еще раз убедиться в чувствах Пак Сонхёна. Отец и жители деревни тоже убедились, что их подозрения были не напрасными. Мать, единственная из "предателей", осталась в живых, поэтому родственники казненных презирали ее, считая продажной женщиной.

Но мать не обращала внимания на все пересуды, она продолжала молча варить соевый творог. Как она молчала, привязанная к персиковому дереву, так и на сплетни и ставшие еще более жестокими побои отца мать отвечала лишь безропотным молчанием. А своего спасителя, Пак Сонхёна, она не только не поблагодарила, но даже ни разу не взглянула на него. Кровавый вихрь пронесся по деревне и отступил, а мать по-прежнему занималась своим делом. Замочив сою в квадратном деревянном корыте, она всю ночь вертела жернов, заливала массу соленой водой и варила в котле. Поставив форму на подставку, она устилала дно соломенной подстилкой и наливала туда свернувшуюся соевую массу. Наверх она выкладывала рядами двадцать пластинок с углублением в форме лотоса, чтобы на поверхности получился оттиск, накрывала доской и оставляла под гнетом. Мать ложилась спать, просыпалась, кормила детей и снова шла готовить со-

евый творог — так проходил каждый ее день. Работать для нее было так же естественно, как дышать.

Пак Сонхён стал председателем молодежной патриотической группы. Убедившись на собственном печальном опыте, что только при власти Юга его религии ничто не угрожает, он стал убежденным патриотом. Дядя так и не объявился, его жену безжалостно казнили в персиковом саду, а когда умерла бабушка, мой двоюродный брат остался круглым сиротой. Дом родителей матери был разорен — у них забрали все, что было. Поэтому я очень удивился, что книга Пак Сонхёна сохранилась. К тому же и христианкой она не была, хоть шаманские обряды тоже не любила. А главное — отец по малейшему поводу избивал ее, пуская в ход и кулаки, и ноги. Как при этом у нее могла сохраниться книга Пак Сонхёна, к тому же с указанием владельца? Каким образом? И когда она могла читать ее? Мать унесла ответы на эти вопросы с собой в могилу.

Велик тот, кто отказывается от своего желания, но еще более велик тот, кто держится за него, после того как отказался; велик тот, кто держится за вечное, но еще более велик тот, кто держится за временное, после того как отказался от него.

На развалинах дома бабушка построила хибару из стеблей тростника и жила там с маленьким внуком. Мою тетю похоро́нили в братской могиле вместе с другими семьюдесятью двумя “предателями”. Надежды, что дядя вернется, не было. Земли, на которой можно было бы вырастить хотя бы зелень, тоже не было. Бабушка варила травяную кашу из перетертых в ладонях ежовника и хвоща. Зимой не было даже этого. Летняя засуха и продолжавшийся всю осень и зиму голод были страшнее войны.

Дом, где жила иссохшая, как вяленый минтай, бабушка и ее маленький внук, у которого от голода живот раздуло, как у рыбы-собаки, был совсем рядом, но мать ничем не могла им помочь. У нее самой было девять ртов, которые она должна была прокормить. Еще она боялась отца, который следил, чтобы ничего не досталось чужим. Собираясь к бабушке, мать каждый раз ощущала на себе его пристальный взгляд. Стоя во дворе, отец смотрел вслед удалявшейся матери, пока та не скрывалась из виду.

Мать варила кашу, тайком подливая в кастрюлю лишнюю миску воды. Так получалась дополнительная тарелка каши, которую она выливала в пустой кувшин. Отправляясь к ко-

лодцу, старшая дочь брала с собой этот кувшин. К счастью, источник был рядом с домом бабушки. По дороге за водой сестра заносила ей кашу. А за водой приходилось ходить каждый день. Это и спасло бабушку и моего двоюродного брата, иначе они бы умерли голодной смертью.

Каждый раз, когда сестра несла к источнику кувшин, у нее подкашивались ноги. Ей казалось, что отовсюду за ней следит отец. Всякий раз голодная пятнадцатилетняя девочка сглатывала слюну, думая о лишней порции жидкой каши, которую несла в кувшине. Мать постоянно волновалась, как бы сестра по дороге не съела кашу, но та ни разу не притронулась к ней. Мать этому радовалась и называла ее послушной дочкой. Она продолжала так называть ее до конца своих дней. Я помню, как сестра плакала навзрыд у могилы матери. Она говорила: "Ты хоть знаешь, чего мне это стоило и как мне было тяжело оттого, что ты называ́ла меня послушной дочкой?"

Когда бабушка умерла, родители забрали пятилетнего племянника к себе. На один рот стало больше. Вся деревня знала, что он сирота, и отцу пришлось изображать перед соседями великодушного дядю. Но дома все было по-другому. Отец злился, что должен кормить голодранца из семьи жены.

Двоюродный брат не мог спокойно сидеть за столом. Он сидел боком, испуганно поглядывая на отца, и каждый раз вздрагивал, когда отец клал ложку на стол. Мать не могла заступиться за мальчика. Он фактически жил на правах собаки, которую держат во дворе. Боясь разгневать отца, никто не смел даже спросить двоюродного брата, поел ли он, поспал ли. Даже мать казалась равнодушной. Она как будто не знала, что он жует стебли гаоляна, чтобы хоть чем-нибудь наполнить пустой желудок, как будто не замечала его грязные руки и грязный ро́т, когда он приходил с поля, наевшись кузнечиков. Скорее всего, она понимала, что он сможет остаться жить в их доме, только если она будет делать вид, будто не замечает его.

В начальной школе, куда мамин племянник пошел одновременно с моим родным братом, он сразу выделился. Он знал иероглифы, которых дети еще не проходили, и делал большие успехи в каллиграфии: в девять лет он уже написал иероглифическую надпись на памятнике участникам войны. Когда начальник уезда и староста деревни поздравляли отца с юным гением, тот злился, как будто его публично опозорили.

Для того чтобы оставаться в нашем доме, двоюродный брат притворялся дурачком. Решая самые простые примеры, он всегда просил моего старшего брата помочь. Он никогда

не открывал книгу в присутствии кого-либо из нашей семьи. И только когда оставался наедине с матерью, он мог себе позволить читать или писать. У него не было бумаги и чернильного камня, поэтому он писал веточкой хурмы на песке. Зато он знал, что мать тоже тайком читает книги, хотя этого не знал ни́кто из моих родных братьев и сестер.

В четырнадцать лет он покинул наш дом. Мой родной брат поступил в среднюю школу, а племянника после окончания начальной школы отец забрал работать в поле. Проработав год в поле и на рисовой плантации, как вол, которого взяли в аренду, он ушел из дома зимней ночью, прихватив с собой собранную моей матерью связку книг. Напоследок мать наказала ему обязательно продолжать учиться. В связке были и старые книги, которые читала она сама. Среди книг двоюродный брат нашел еще и приличную сумму денег, которой очень удивился. У него не укладывалось в голове, откуда она взяла такую сумму, ведь он прекрасно знал, что все деньги в семье держит под строгим контролем отец. Это были достаточно большие деньги, без чьей-либо помощи их не собрать.

Если бы двоюродный брат подождал еще совсем немного, ему уже не пришлось бы терпеть жестокое обращение отца, потому что через полгода после его ухода отец умер.

С тех пор как двоюродный брат ушел из нашего дома, никто ничего о нем не слышал. Много лет спустя мы прочитали в газете, что он получил президентскую премию на конкурсе по каллиграфии, но матери тогда уже не было в живых. Он стал профессором одного из региональных университетов. Я все это время был уверен, что они переписывались с матерью, но, когда отыскал брата, оказалось, что он даже не знал о смерти отца.

Услышав, что матери уже нет в живых, он не удивился и не расстроился. Он просто какое-то время молча смотрел в небо. А потом спросил меня, знаю ли я, о чем мечтала мать. Я задумался, была ли вообще у нее мечта? Даже если и была, то она должна была проститься с ней в тот день, когда выходила замуж за отца. Видя, что я не отвечаю, брат сказал: “Это еще и моя мечта, и твоя”. Я спросил у него, какая же у него мечта. Смущенно улыбнувшись, брат сказал: “Одну мечту мы с тобой осуществили: писать и читать, сколько захочется — у нас была такая возможность. Но осталась еще одна: поставить памятник в персиковом саду — там, где могила семидесяти трех несчастных. Если я не смогу, ты сделаешь это?”

Но он умер, так и не претворив эту мечту в жизнь.

Тому, кто любит Бога, не нужны никакие слезы, никакое восхищение, он забывает свои страдания в любви; да, он позабыл их так основательно, что после не осталось бы ни малейшего намека на ту его боль, если бы Бог сам не напомнил ему об этом; ибо Он видит тайное и знает нужду, и считает слезы, и ничего не забывает.

В деревне ходили слухи, что я был внебрачным ребенком, потому что родился через десять месяцев после смерти отца. Это были десять не лунных, а солнечных месяцев. Я не знаю, правда ли это. Мать мне ничего не рассказывала, а сам спросить я не мог. Как можно об этом спрашивать, глядя ей в глаза? Я мог лишь гадать, а спросить напрямую так и не решился.

Отец умер за десять месяцев до моего рождения. Ему было сорок семь лет. Причиной стала родословная книга.

После войны книга нашего рода была отпечатана заново. Она была дополнена именами всех родившихся за последние тридцать лет детей. Раньше родовой книги не было даже у старшего наследника нашей ветви. Чтобы заглянуть в нее, надо было ехать на автобусе и перебираться через реку в уезде Йонхон-мён, где жил прямой потомок родоначальника клана в десятом поколении. Новое издание вышло в твердом черном переплете. Называлось оно не “Родословной книгой”, а “Книгой фамильного древа”. Название было написано золотыми буквами. Впервые один комплект из десяти томов был передан на хранение в семью старшего наследника нашей ветви. Теперь, чтобы заглянуть в нее, не надо было ехать в Йонхон-мён. Отец завидовал старшему наследнику и хотел, чтобы книга хранилась не в его доме, а у нас. Это не удивительно, ведь отец, когда избивал мать, то и дело вспоминал своего славного предка-полководца и не соглашался из-за плодов для поминальных обрядов срубить дерево жужубы, под которым кишели змеи.

Отец выжидал удобного случая. Старший наследник, который приходился отцу троюродным братом, догадывался о его намерениях. Отец, понимая, что у него нет ни малейшего основания забрать “Книгу фамильного древа” себе, просто выкрал ее. Старший наследник, обнаружив пропажу, погнался за отцом. На мосту произошла драка, и отец вместе с книгой полетел вниз. Ударившись головой о камень высохшего ручья, он четыре дня пролежал в постели и, так и не оправившись от травмы, умер. Его троюродного брата пару раз вызвали в полицию, но по настоянию старших родственников причиной смерти отца была записана “травма, полученная в результате падения с высоты”.

Отец испустил дух на коленях матери. Неизвестно, что они говорили друг другу, но до последнего вздоха отец крепко держал руку матери. Мать, всю жизнь терпевшая жестокие побои, не забрала своей руки, пока кисть отца окончательно не ослабла. Никто не знал, что означали слезы, текшие из его закрытых глаз. Казалось, что даже смерть он превратил в какую-то шутку.

Пак Сонхён, которого считали моим родным отцом, прожил совершенно иную жизнь. После работы председателем молодежной патриотической группы он даже баллотировался в депутаты от своей провинции, но и его кончина была такой же нелепой, как и у отца. Он поехал охотиться на косуль и попал в капкан для кабана, который проткнул ему сердце.

Капкан этот поставил человек из соседней деревни по прозвищу Конопатый. Во время войны он сбежал вместе с моим дядей, но однажды снова появился в деревне, уже без одной руки. Он кое-как сводил концы с концами — работал на скотобойне, охотился. К прозвищу Конопатый добавилось еще одно — Безрукий. Хотя со сложной и тяжелой работой он зачастую справлялся лучше, чем любой здоровый человек.

Среди семидесяти трех казненных в персиковом саду был и его отец. Поэтому его сразу заподозрили в том, что капкан он поставил специально, чтобы отомстить. Только после двух десятков допросов его признали невиновным и отпустили.

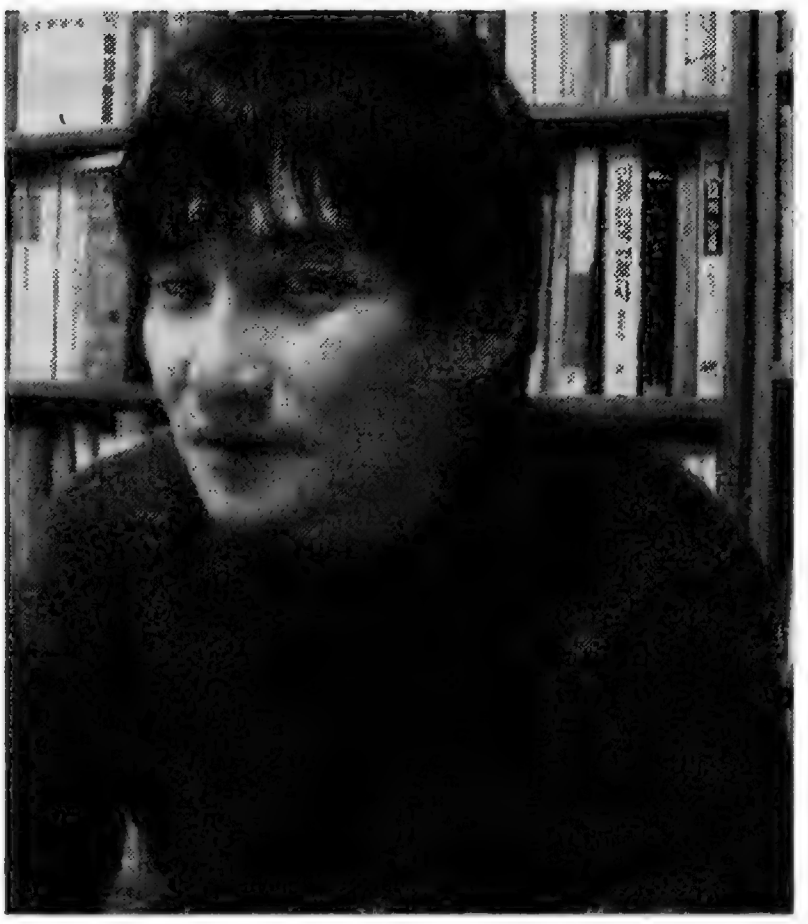
Внезапная смерть Пак Сонхёна, который случайно угодил в капкан, была просто нелепым несчастным случаем. Единственным человеком, который прожил долгую жизнь и тихо отошел в мир иной, была мать, на долю которой выпало столько испытаний. Кожа ее оставалась на удивление белой и красивой даже в девяносто семь лет. Дочери гладили лицо лежащей в постели матери, приговаривая: “Наша красавица”. Когда сознание уже стало покидать ее, дети заплакали и обняли мать. “Не уходи. Ты должна жить еще тысячу, десять тысяч лет. Ты достойна этого”.

То ли услышав эти слова, то ли нет, мать сказала дрожащими губами: “Зато... вы... живы...” Она назвала и имена сына и дочери, которые умерли уже более шестидесяти лет назад. Уголки ее губ дрогнули, как будто она только что вновь пережила боль утраты детей. Это были имена, которые мы, их братья и сестры, уже забыли. “Хорошо, тогда иди к ним”, — сказала старшая сестра, вытирая слезы. Мать еле заметно улыбнулась, дав понять, что услышала. И вскоре закончила свой девяностосемилетний жизненный путь на этом свете.

Я так и не смог спросить у матери, чей я сын. Я специально не спрашивал. Весной, когда цветы азалии покрыли горы и равнины, мать на носилках отнесли на кладбище и похоронили рядом с отцом. Белые бумажные цветки, украшавшие четыре угла похоронной занавески, качались на ветру. Тело матери, которая всю жизнь радовалась темноте, будто ненавидя себя, но с любовью растила детей, было белоснежным, похожим на соль, которая отдала всю воду. Детей и внуков собралось тридцать человек, в белых траурных одеждах они шли за носилками, разбившись на небольшие группы, и издалека были похожи на свернувшуюся соевую массу. Глядя на это множество продолжавшихся жизней, я плакал и бормотал: “Ты была великим человеком”.

Пролитые тогда слезы были такими же горько-солеными, как вода из мешков с солью. Но были они еще сладкими и нежными, как соевый творог, приготовленный матерью. И только сейчас, когда я сопоставляю выделенные в двух книгах строки, я понимаю: в тот момент, когда я их подчеркивал, до конца не понимая смысла, меня вела материнская рука.

Ким Ёнсу



Словами не передать

Перевод Надежды Беловой и Екатерины Дроновой

ИТАК, с чего бы начать свой рассказ? Наверное, с дождя, который шел в тот день. Его капли просачивались в самую глубь души, переворачивая все с ног на голову. Такой дождь заставляет воина ставить на карту все самое ценное. 19 октября 1950 года ветер с утра гонял тучи по приграничному небу. Погода все портилась, и на закате на землю упали первые капли дождя. Воцарилась напряженная тишина, наслаждаться которой могли только солдаты, стоявшие после строевого смотра в походном обмундировании, в ожидании марш-броска. Холодный осенний дождь просачивался в их рюкзаки и меховые шапки. В такой день солдаты стоят, опустив головы и потупив взгляд в землю, даже если тяжелые капли не принуждают их к этому. Думаешь, от страха? "Неужто вы не видите, друзья?"[1] Где это слыхано? Разве может солдат струсить?! "Исход битвы предсказать солдату не дано; а тот, кто выдержал позор поражения, — настоящий мужчина"[2]. И даже ес-

© Kim Yeon-su, 2005
© Надежда Белова и Екатерина Дронова. Перевод, 2016

1. Первая строка стихотворения китайского поэта Ли Бо (701–762). На русском языке стихотворение известно под названием "Поднося вино" в переводе А. Ахматовой. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Заглавная строка из стихотворения китайского поэта Ду Му (803–852) "Беседка на реке Уцзян".

ли сердце воина спокойно перед предстоящим походом, всегда наступает эта напряженная минута. Старые солдаты понимают, о чем я говорю. Душа замирает, как восторженная девица. Как будто ты, задрав голову, тянешься, чтобы сорвать орех с дерева, а на тебя вдруг обрушивается вся синева неба, и ты застываешь, наслаждаясь ощущением свободы. Даже для бывалых солдат, насквозь пропахших порохом, война не становится привычным делом. Каждый раз она и пугает, и завораживает; каждый раз дрожит и тело, и душа.

Не так давно мы, 40-я армия, оттеснили гоминьдановцев с континента на Хайнань. Когда мы освободили и весь остров, от радости бросились обнимать друг друга, но каждый ощутил укол сожаления из-за того, что война закончилась. Мужчины, которые спали в открытом поле, укрывшись жгун-травой вместо одеял, знают причину этой грусти: когда война заканчивается, не остается ничего, что заставляет дрожать и тело, и душу. Настоящие мужчины знают, что такое железная воля и горькие слезы. И было бы оскорбительно думать, будто под тем проливным дождем мы склонили головы от страха. Война и пугает, и завораживает, и сколько ни сопротивляйся, все равно не сможешь не поддаться ее властным чарам. Вот почему мы стояли, потупив взоры, как юнцы.

Теперь понимаешь? В такие минуты дрожит все тело. В предзакатный час, когда, переворачивая все в жизни солдат, на землю тихо падали капли дождя, был отдан приказ о выступлении. Мы двинулись по железнодорожному мосту через реку Ялуцзян[1]. Армии, 38-я, 39-я, 40-я, 42-я и три артиллерийских дивизии китайских народных добровольческих войск одновременно начали переправу через Ялуцзян в трех разных точках. Не знаю, что думаете вы, корейцы, но я считаю, этот переход изменил ход истории. Я, как и другие солдаты 40-й армии, попал на территорию Кореи через город Аньдун, который нынче называется Даньдун. В тот день шум воды перекрывал все звуки. Из-за ливня реку не было видно, и невозможно было понять, что шумит: река или сильный дождь. Я напряженно вслушивался. Звук попеременно шел то сверху, с неба, то снизу, от реки, и в конце концов начал исходить от моего тела. "Наконец-то в бой!" — пронзила мысль. Сейчас, когда я думаю о том дне, осознаю́, что не обязательно было прислушиваться, чтобы понять, насколько могучим был тот

1. Ялуцзян (или Амноккан) — река, определяющая юго-западную часть границы между КНДР и КНР.

гул. Это был рокот самой истории, слышимый во всем мире. А теперь представь, будто этот мощный гул исходит от твоего тела. Ты бы наверняка захотел похвастаться таким телом перед девицами, телом настоящего мужчины. И я, сидя здесь, хочу читать именно такие руки и лица.

Вряд ли я расскажу тебе что-то интересное, но попробую поворошить в своей памяти. Ведь ты, наверное, ничего и не знаешь про те события. Корейцы не хотят помнить о той войне. Ну, как бы там ни было, когда американские войска, опираясь на опыт боевых действий в Нормандии, высадились в Инчхоне, ход войны сразу изменился. И это правда. Нельзя не признать: то была отличная операция. Настоящие солдаты хранят такие моменты в памяти, как девушки — драгоценности в шкатулке. Американцы, нанеся северянам удар под дых, 7 октября 1950 года пересекли 38-ю параллель и продолжили двигаться на север.

На следующий же день Мао Цзэдун, председатель Народно-революционного военного совета КНР, назначил генерал-полковника Пэн Дэхуая командующим войсками китайских народных добровольцев и отправил ему телеграмму. Если память мне не изменяет, в ней говорилось примерно следующее: "Для оказания поддержки корейскому народу в освободительной войне, для противостояния натиску американских империалистов и их приспешников, для защиты интересов корейского народа и всех стран региона приказываю китайским народным добровольческим войскам незамедлительно выдвинуться к границе с Кореей и, объединившись с корейскими товарищами, совместными усилиями одержать блистательную победу". Китайские народные добровольцы. Догадываешься, почему их так назвали? Чтобы показать, что официально правительство не объявляет никому войны, а добровольцы будто самостоятельно создали народные войска. Нужно было успеть до того, как американцы, имевшие значительное превосходство в воздухе, выжгут дотла границу между Китаем и Северной Кореей, сделав невозможной тайную переброску большой массы войск. Чтобы обеспечить секретность операции, нам выдали обычную форму северокорейских солдат, без знаков различия Народно-освободительной армии Китая. Только пуговицы с алыми звездами помогали понять, кто есть кто. За день до того, как мы перешли Ялуцзян, 18 октября, нам зачитали приказ Мао. Для обеспечения секретности, каждый день войска должны переходить реку с началом сумерек и до четырех утра следующего дня, а командование — проверять, чтобы к пяти часам утра все были в

укрытии. Кроме того, в первую ночь необходимо было перебросить на другой берег только две-три дивизии, а на следующий день уменьшить или увеличить число солдат, в зависимости от ситуации.

У нас не было ни имен, ни званий. Как темнота, как черные воды реки, мы проникли на территорию Кореи. Нам нельзя было разговаривать. Ни с кем. Даже отступавшие солдаты северокорейской армии не знали, кто мы такие. На следующий день, 19 октября, три дивизии 1-го американского корпуса захватили Пхеньян, а китайские народные добровольцы перешли реку Ялуцзян. 20 октября 187-й американский воздушно-десантный полк высадился в Сукчхоне и Сунчхоне, отрезав северянам пути к отступлению. Китайские народные добровольцы в это время проникли вглубь корейских территорий и, пробравшись сквозь сосновые леса и заросли кустарника провинции Северная Пхёнан, заняли район между Тончханом и Пукчином. По ряду причин американское военное руководство ошибочно полагало, что китайцы не станут вмешиваться в конфликт на Корейском полуострове. Этих предположений оказалось достаточно, чтобы все изменить. И неважно, верными или нет были те соображения. Когда все изменилось, это потеряло смысл. Вот ты сколько раз был на войне? Ни разу?! Ну да, времена-то нынче другие. Тогда слушай. На войне, как в жизни. Достаточно пары мелочей, чтобы все сразу перевернулось с ног на голову. Хе-хе, забавно, правда? Поэтому будь осмотрительней.

Хоть на само́й войне интересно, говорить о ней скучно. В войне есть правда, а в историях о ней не сыщешь ни одного правдивого слова. Я же говорил, что война похожа на жизнь. Если кто-нибудь станет рассказывать тебе о своей жизни, какой бы интересной она ни была, ты все равно вскоре начнешь зевать. Может, я, конечно, ошибаюсь, но мне так кажется. Жизнь — это то, что мы проживаем, а не то, о чем говорим. Японо-китайская война, гражданская война[1], Корейская война — я прошел три войны и теперь пропускаю мимо ушей все, что говорят военные историки. А сейчас, даже если тебя потянет зевать, ты уж потерпи. Ведь ты сам спросил, почему у меня нет двух пальцев на руке.

Судьба человека, как и его тело, постоянно меняется. Черты лица или линии жизни на ладони, которые я читаю, запе-

1. Имеется в виду гражданская война в Китае между силами Китайской Республики и китайскими коммунистами в 1927–1950 гг.

чатлевают эти изменения. Однако можно увидеть судьбу человека лишь на данный момент. Твое будущее сильно меняется в зависимости от настоящего. Это и есть биение жизни: линия фронта смещается то на север, то на юг, тело человека беспрерывно меняется, и судьба его тоже непостоянна. Никогда не изменится судьба лишь у мертвых. Поэтому судьбу нельзя описать словами: в момент речи она уже становится другой. Словами ее не передать. Словами не передать.

Хочешь, сыграем в одну игру? Представь, что мы сейчас не у здания Китайского национального банка, а прямо на поле битвы. И вот оттуда, со стороны западного рынка, раздаются три выстрела. И что ты увидишь в этот момент? Можешь описать словами картину, которая встанет у тебя перед глазами? Ну, говори! Давай! Хе-хе. Не получается? Когда на поле боя слышишь выстрелы, не видишь перед собой ничего. Единственное, что человек может делать в этот момент, — либо кричать, либо бежать со всех ног. Если прежде ты хоть раз любил всем своим существом, то знаешь: в определенные моменты нет времени что-либо представлять. Остается только движение. Словами не передать. Когда определяется судьба, слова и все остальное просто исчезают. Словами это не передать. Когда решается твоя судьба, слова и все остальное просто исчезают.

Ты ведь знаешь реку Имджин[1]? Именно оттуда 31 декабря 1950 года войска китайских народных добровольцев начали третье наступление. Если спросишь, почему именно в тот день, могу только сказать, что по-другому было невозможно. Это сродни инстинкту, который помогает насекомым найти дом. Живыми с поля боя уходят те, у кого сильнее развиты природные инстинкты. Лишь такие люди становятся настоящими воинами.

Чтобы избежать авиаударов американцев, имевших превосходство в воздухе, китайские добровольцы могли сражаться только ночью. И даже слабый свет луны становился нам подспорьем. Для выполнения поставленной перед нами задачи требовалась неделя, и, чтобы как можно дольше использовать свет луны, было решено выступать 31 декабря — незадолго до полнолуния. Но лично я в эту версию событий не верю. По-моему, мы просто шли вперед, инстинктивно

1. Имджин — река на территории Корейского полуострова. Течет с севера на юг, пересекая демилитаризованную зону между РК и КНДР, впадает в реку Ханган.

сжимая в руках оружие. И вот 31 декабря. К этому дню мы уже добрались до 38-й параллели. Наша 40-я армия начала переход через реку Имджин в 18 часов 30 минут. “Желтые тучи на десять ли, / в сумерках белый день. / Северный ветер гонит гусей, / сыплется, вьется снег. / Брось горевать, что в свой дальний путь / едешь ты без друзей: / Есть ли под нашим небом такой, / кто бы не знал тебя!”[1]

Пока один год сменял другой, мы переходили реку. Переход казался бесконечным. Едва рассвело, мы увидели, что оба берега реки усеяны трупами. Я тебе не рассказывал? Нас называют ветеранами, потому что мы видели много битв. Но та картина, которая открылась утром, заставила нас по-новому взглянуть на войну. Потому что именно это и была война. Вчера я мог умереть, но сегодня я все еще жив. На войне каждый день рождаешься заново. Перед подобными картинами я склоняю голову. И не возникает даже мысли взглянуть на небо. На него поднимаешь глаза, только когда предаешь земле тело павшего товарища и трижды стреляешь в воздух в память о нем. На войне три выстрела могут иметь и такое значение. И это не выражение гнева или обиды, это то, что делает человека человеком. Объяснить словами такое невозможно, ты заменяешь их тремя выстрелами в небо. И вот похороненный друг, его молодость становятся всего лишь точкой на потрепанной карте. Выразить то, что чувствуешь, оказавшись в подобной ситуации, — выше человеческих способностей. Остается только реветь и сотрясаться в беззвучных рыданиях. Ты не можешь вырвать свое сердце и похоронить его рядом с другом, а его глаза, которые ты только что закрыл, никогда уже не откроются. Все, что ты можешь, — трижды выстрелить в воздух, вкладывая в выстрел все свои чувства. Понимаешь? Три выстрела. Вот что они значат.

А ты знаешь, что и по мне однажды прозвучали эти три выстрела? Ну, что ты так на меня уставился? Хочешь — верь, хочешь — не верь моему рассказу, но ты же не из тех, кто, не выслушав до конца, решает, что правда, а что нет. Думаю, ты все равно не сможешь не поверить. Ты ведь писатель. Что? Удивился, что я угадал, кто ты такой, хотя ты мне этого не говорил? Догадаться, какова судьба человека на данный момент, не так уж сложно. Если ты внимательно, широко открытыми

1. Стихотворение “Провожаю Дуна старшего” китайского поэта Гао Ши (702–765). Перевод Л. Эйдлина.

глазами посмотришь на него, то все поймешь. Как ты заметил, у меня нет нескольких пальцев на правой руке, значит, писать я не могу; все, что у меня осталось, — талант угадывать, что за человек сидит передо мной. Конечно, я не могу знать, что будет с тобой завтра. Зачастую сам человек понятия не имеет, что с ним случится на следующий день. Если бы мы точно это знали, разве бились бы так сильно наши сердца? Жизнь, как преследуемая охотником лань, — летит вперед, не оглядываясь. А "война" — другое название жизни. Но продолжу свой рассказ. В начале января 1951 года войска китайских народных добровольцев хлынули на полуостров, будто вода из кувшина. Американцам и марионеточным войскам их союзников ничего не оставалось, как отступить к 37-й параллели. Еще немного, и мы дожали бы их там и, возможно, смогли бы освободить весь полуостров. Но тогда мы захватили лишь узкую полосу территории к югу от 38-й параллели, и третье наступление продвинулось немногим дальше Сеула. И помешали нам вовсе не политические неурядицы, как можно было бы предположить, а чрезмерно растянувшаяся линия обеспечения. Не дойдя до 37-й, наши войска остановились на 38-й параллели. Вот так и появилась линия, разделившая твою родину пополам. Дальше китайские отряды, обеспечивавшие снабжение, продвинуться не могли. Отступившие ранее американцы быстро поняли это, и с 15 января стали проводить разведку боем в Сувоне и Ичхоне, используя небольшие подразделения, а 25-го числа начали стремительную полномасштабную контратаку, которая не могла не ввергнуть в смятение наши войска. Командование во главе с Пэн Дэхуаем разработало план: секретно перебросить основные силы на восточный фронт и закрепиться в городах Хвесон и Вончжу. Затем предстояло пробить брешь в наступлении врага, проводившемся по всему фронту, и нанести фланговый удар по 8-й американской армии, сконцентрированной на западном фронте. И вот 11 февраля началось четвертое наступление войск китайских добровольцев, и через два дня была разгромлена 8-я дивизия марионеточной армии южан, оборонявшая Хвесон. В тот же день в десять часов вечера китайские добровольцы атаковали 23-й полк американской армии у деревни Чипхён. Если бы китайские добровольческие войска смогли закрепиться в этой деревне, они легко смогли бы, пройдя через Ёчжу и Ичхон, окружить 8-ю американскую армию, сконцентрированную на западном фронте. Именно по этой причине деревня Чипхён стала стратегически важным объектом для обеих сторон.

От кого-то я слышал, что надо всего восемьдесят тысяч китайских юаней, чтобы попасть в Корею. Вот я сижу здесь, рассуждаю о человеческих судьбах, рассказываю всякие истории, но у меня есть одна заветная мечта. Она может показаться тебе странной, но, если бы у меня было восемьдесят тысяч юаней, я обязательно вернулся бы в Корею, чтобы прожить остаток дней в деревне Чипхён. Я серьезно. Если бы в мире еще существовала справедливость, то я должен был бы жить в Чипхён, только там. "Скажи, где ночью ветер сорвал лепестки сливы, усеял заставы?"[1]. Разве у той деревни землю усеяли лепестки сливы? Нет, тела павших солдат. Именно в Чипхён я и должен умереть. Только это очень далеко. Похоже, я туда уже никогда не попаду. Хотя очень хочется побывать там. Если ты соберешься в Корею, обязательно съезди в Чипхён. Ты — писатель, поэтому, стоя там, сможешь представить себе поля, устланные лепестками сливы. А если не сможешь, тебе надо немедленно завязать с писательством.

16 февраля, оставляя за собой тела бойцов, покрывавших землю, словно лепестки сливы, войска китайских народных добровольцев начали отступать от деревни Чипхён. Наш блестящий план четырехэтапного наступления рухнул из-за контратаки врага. В первую ночь мы при свете факелов до рассвета выносили с поля боя тела погибших и раненых. И всю ночь с американской стороны не затихали орудийные залпы. Каждый раз, когда снаряд падал на поле, новые сливовые лепестки отрывались и разлетались красными ошметками. Слова "грусть" и "гнев" не могут в полной мере передать чувства, вызванные этим зрелищем. Кажется, что сама возможность плакать — великая роскошь: она есть лишь у выживших. В какой-то момент я тоже превратился в красный лепесток и опал на землю. Когда зазвучала свирель[2], мы все стали лепестками. На левой ноге и животе зияли рваные раны. Я лежал среди погибших товарищей и готовился умереть. Я дотянулся до пистолета, лежавшего чуть поодаль, и трижды выстрелил в бездонное синее небо. Первый раз — за себя самого. Второй — за павших товарищей. А последний, третий, — за судьбу каждого из нас. В эти три выстрела я вложил все свои чувства. И потерял сознание.

1. Строка из стихотворения Гао Ши (702–765) "На границе слушаю свирель".
2. Проводя параллель со стихотворением "На границе слушаю свирель", автор сравнивает погибших воинов с опавшими лепестками сливы, а грохот снарядов — со звуками свирели.

В Яньбянь-Корейском округе редко идут дожди. А про весенние дожди и говорить не приходится. Счастье, если весной дождь прольется хотя бы пять-шесть раз. Поэтому у меня вошло в привычку радоваться дождю. Даже если я крепко сплю, от едва уловимого шороха весеннего дождя на рассвете всегда просыпаюсь. Меня не снедают грусть или беспокойство, просто я не хочу пропустить дождь. И с возрастом радость от шума дождя только крепнет. Привычка вслушиваться в дождь у меня появилась очень давно, еще в то время, когда я ходил в школу в уезде Ванцин[1]. Мне всегда хотелось поскорее узнать, что и как изменится в мире с приходом дождя. Тогда люди были честными и трудолюбивыми, и любое дело уважалось и делалось добросовестно. Я подрабатывал посыльным. Старшие товарищи и взрослые хорошо ко мне относились, а я старался, чтобы они были довольны моей работой. Позднее я узнал, что служил курьером для членов подпольной организации. Так, бегая от дома к дому, я проложил дорогу революции. Но даже в то напряженное время я замирал и прислушивался каждый раз, когда начинался весенний дождь. Иногда цветы распускались втайне от меня. Иногда втайне от меня цветы опадали. Каким бы важным и срочным ни было поручение, как только я слышал звук падающих на землю капель, у меня замирало сердце. Видя, как я прислушиваюсь к шуму дождя, взрослые прозвали меня Маленький Мэн[2]. Они имели в виду Мэн Хао-жаня — того самого поэта, который написал строки: “Ночь напролет шумели дождь и ветер. /Цветов опавших сколько — посмотри!”[3] В те времена было много воинов, поэтов и героев — людей, готовых вслушиваться даже в самый тихий звук в этом мире. И лишь для них цветы распускались и опадали. Иначе зачем весной распускалось бы столько цветов?

Девушка, услышавшая три моих выстрела, была из таких же людей. На поле боя три выстрела подряд могут не только выражать скорбь по погибшему, но и служить призывом о помощи раненому. Санитарка, подбежавшая ко мне, разорвала мою форму и наложила тугую повязку, чтобы остановить кровотечение. К тому времени я потерял уже много крови, и она сделала мне переливание, отдав триста миллилитров своей крови. Только после этого мое тело вновь стало оживать.

1. Ванцин — уезд Яньбянь-Корейского автономного округа провинции Гирин (Китай).
2. Мэн Хао-жань (689/691—746) — китайский поэт времен династии Тан.
3. Строки из известного стихотворения Мэн Хао-жаня “Весеннее утро”. Перевод Л. Эйдлина.

Первым, что я увидел, придя в себя, были ее глаза, внимательно разглядывавшие меня. Глаза темные, как желуди. Они были так красивы, что на душе стало легко. Когда я увидел их, то понял, что выжил, и зарыдал, нисколько не стесняясь. Возможно, это был не плач, а попытка выплеснуть со слезами весь накопившийся внутри ужас. Она смотрела на меня без тени удивления, будто привыкла к тому, что вернувшиеся с того света всегда плачут. Одной рукой она держала меня за руку, а другой вытирала слезы с моего лица. Когда рыдания стихли, она выстрелила в воздух, чтобы дать знать своим соратникам, что нашла раненого. Санитары положили меня на носилки и понесли в сторону тракта. Даже лежа на носилках, я не отпускал ее руку. Наоборот, я так крепко держался за нее, будто от этого зависела моя жизнь. Думаю, ни одна девушка в мире не смогла бы убрать руку, видя с каким отчаянием держится за нее другой человек, и она сопровождала носилки. Когда в ответ на мою благодарность она сказала, что все будет в порядке, по ее речи я понял, что она кореянка. Тракт заполонили наши отступающие войска. Поскольку санитары должны были отходить вместе со всеми, командир приказал девушке отправить меня на попутной машине в госпиталь, а самой догонять свой отряд.

Мы остались с ней вдвоем на дороге. Не нашлось дураков, готовых рисковать своей жизнью и останавливаться на тракте, усеянном трупами. Несколько машин просто проехали мимо. Меня начало трясти от холода, и я опять с ужасом почувствовал приближение смерти. Охваченный внезапным страхом, я начал читать стихи вслух. “В тончайшем кубке винограда дар хмельной, / Испить собрались — на коней нас лютня позвала”[1]. Мой голос еще не стих, когда девушка напела продолжение: “Над пьяными, что спят на поле боя, ты не смейся, / Издревле скольким из походов возвратиться выпадало?”[2]. Я мог лишь смотреть на нее во все глаза. Разве можно что-то сказать в такой момент?

Прочитав стихотворение, она достала пистолет и выстрелила в колесо подъезжавшего грузовика. Пуля пробила шину, и он почти сразу остановился. Девушка бросилась к водителю, чтобы объяснить ему ситуацию. Она решительно заявила, что меня требуется немедленно доставить в госпиталь, и

1. Строки из стихотворения китайского поэта Ван Ханя (687–726) “На мотив Лян-чжоу”. Перевод А. Крисского.
2. Строки из того же стихотворения.

водитель, ворча, полез менять колесо. После того как они вдвоем погрузили меня в машину, она приложила руку к моей груди и сказала по-китайски: “Теперь вы спасены”. “Спасибо, — я накрыл ее руку своей. — Это сердце теперь ваше”. Я долго не отпускал ее руки́. Водитель сказал, что пора ехать, а я все продолжал держать ее. Наконец водителю надоело ждать, и он посадил девушку в машину, завел мотор и поехал. Я никак не мог отпустить ее руку: по лицу девушки текли слезы, и вскоре она, обессилев, просто упала рядом со мной и заснула. Только позже я узнал, что за время боев у деревни Чипхён она отдала восемьсот миллилитров своей крови.

В Корее тебе не доводилось читать книги о Корейской войне? Интересно, что там пишут о битве за деревню Чипхён? О китайских добровольцах, павших на поле боя? Наверное, они, как и американские солдаты, в исторических книгах остались лишь цифрами, обозначающими число погибших? Невероятно высокими цифрами. В битве при Чипхён погибло около пяти тысяч китайских добровольцев. Словами не передать, какое это было ужасное зрелище. Словами не передать. История — это не то, что написано в книгах или высечено на мемориалах. История человека отпечатывается на его теле. И только она правдива. История — это то, о чем рассказывают дрожь в теле и скатывающиеся по щекам слезы. Моя правая рука, на которой не хватает среднего и указательного пальцев, и есть история. Вдумайся в это!

С начала Корейской войны не прошло и ста лет, а южные корейцы, которых мы, китайцы, называли марионетками, уже свободно приезжают в нашу страну. Похоже, все уже забыли о наших бойцах, павших у деревни Чипхён. Разве в какой-нибудь книге или на мемориале напишут то, о чем все забыли, хотя не прошло и ста лет? Вижу, ты держишь в руках одну из таких книг. Выбрось ее. Она ничего не может тебе рассказать, а вот моя рука может. Даже когда я умру, рассказ про мою руку останется. Потому что именно он и есть настоящая история, которую не переписать.

В тот день мы не проехали и часа, когда, заметив наш грузовик, американский боевой самолет открыл по нам огонь. Водитель погиб практически сразу; машина съехала с дороги и упала в придорожную канаву. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу в каком-то сельском доме в километрах десяти от дороги. Я не мог понять, как я там очутился. В доме не было никого, кроме нас двоих. Что же произошло? Наверное, после того как машина свалилась в канаву, я какое-то время оставался в сознании и даже сумел добраться до дома,

а может, она всю дорогу тащила меня на себе? Двое суток мы просто спали. Было холодно, поэтому мы спали, тесно прижавшись друг к другу. И спали как убитые. Иногда мы просыпались, ели муку из перемолотых зерен и снова проваливались в сон. Иногда она брала в руку мой съежившийся пенис, а я ласкал ее маленькую грудь. Но даже желание не могло победить сон. И все-таки по прошествии двух дней мы познали друг друга. Иначе мы бы не справились с тем, что увидели на поле, покрытом опавшими лепестками сливы. Я почти не мог двигаться, и она села на меня сверху. Каждое движение отзывалось невыносимой болью в моем израненном теле. Она все извинялась, а я кричал и плакал от боли, и просил ее продолжать. Я никогда не смогу забыть того, что происходило в том доме. Я понял, что жить — это испытывать смущение, экстаз, но прежде всего боль. Я был счастлив оттого, что могу ощущать боль, плакать и кричать. И хотя боль была невыносима, мы никак не могли остановиться. Потому что рядом была смерть. Она сказала, что никогда не сможет забыть того, что увидела у Чипхён. Вероятно, то, что увидела она, не отличалось от того, что увидел я: поле, усеянное лепестками. Я спросил: “Что ты видела?” Она ответила: “Словами не передать”. Эту фразу я запомнил навсегда.

Найдя в доме немного съестного, мы прожили там целую неделю. У нас не было выбора: я еще толком не стоял на ногах, а девушка не хотела возвращаться в отряд — никаких иллюзий по поводу войны у нее не осталось. Всю неделю, что мы жили в домике, слышался рев самолетов, грохот разрывающихся снарядов, пулеметные очереди, но ни свои, ни вражеские войска не нашли наше укрытие. Днем, чтобы не попасть под бомбежку, мы перебирались в лес и сидели там до темноты, а ночью возвращались в дом и занимались любовью, я — крича от боли, она — постоянно извиняясь. В те дни мы не испытывали ни страха, ни отчаяния.

Днем, прячась в лесу, мы читали друг другу стихи. “Луна Эмэйшаньских гор, / полумесяц осенний! / В реке Усмиренных Цянов[1] / купаются тени... / От Чистых Ручьев плыву / по дороге к Трем Безднам. / Тоскую... к Юйчжоу / спускаюсь вниз по теченью”[2]. “Дождь холодный слился с рекой, / ночью

1. Цяны — одно из горных племен, враждовавших с Китаем. Чистые Ручьи, Три Бездны — названия водных путей, по которым плыл Ли Бо, направляясь к местности Юйчжоу.
2. Стихотворение Ли Бо “Песнь луне Эмэйшаньских гор”. Перевод Э. Балашова.

добрались до У. / На восходе с гостем прощусь, / опустеют чуские горы. / Ты в Лояне друзьям скажи, / если спросят вдруг обо мне: / Его сердце — кусочек льда, / что в кувшине из яшмы лежит"[1]. Такие стихи не срываются с уст, их произносят сердцем; слушают не ушами, а душой.

Однажды на рассвете нас разбудил рев боевого самолета. Он сделал несколько кругов над нами, и мы, решив, что дом будут бомбить, выскочили наружу. В небе на востоке висел серп старого месяца. Было потрясающе красиво. Стоило мне увидеть эту красоту, как рука сама собой легла на плечо девушки, и я сказал: "Если есть на земле справедливость, мы обязательно победим. А когда война закончится, я вернусь за тобой. Мы будем жить в мире, таком же прекрасном, как это небо. И за него я готов умереть". Но она скинула мою руку и ответила, что нет ничего красивого в месяце, висящем над полем боя. А потом она спросила:

— Ты меня любишь?

— Люблю.

— Сильно?

— Больше жизни, — ответил я, чувствуя неудержимое желание прижать ее к себе.

Она отвернулась:

— На войне, где повсюду смерть, жизнь ничего не стоит. Можешь выбросить ее в битве за свою справедливость у какой-нибудь деревеньки, где земля усеяна телами солдат, которых ни одно переливание крови уже не воскресит.

У меня перехватило дыхание. Тогда я понял, что в мире есть вещи, которые не доказать ценой своей жизни. Моей родине требовалась только моя жизнь. Но эта девушка хотела от меня чего-то большего. Я кинулся ей в ноги и взмолился: "Пожалуйста. Обними меня. Пожалуйста".

Никто из моих ровесников не будет уважать мужчину, у которого нет указательного и среднего пальцев на правой руке. Как меня презирали и как издевались из-за этого. Когда меня спрашивали, что случилось с рукой, я рассказывал им ту же историю, что рассказываю сейчас тебе. Только мне не верили и плевали в лицо. Для них я трус, отрезавший себе пальцы, чтобы не идти на войну. И сколько бы я ни рассказывал им о Японо-китайской войне, о гражданской войне, о Корей-

1. Стихотворение Ван Чан-лина (698?—756?) "В Башне лотосов прощаюсь с Синь Цзянем". Перевод Е. Захарова.

ской войне — все зря. И ты тоже мне не веришь? Думаешь, я отрезал себе пальцы, чтобы меня не призвали на войну? Думай, как хочешь. Моя история все равно пригодится тебе для какого-нибудь рассказа, а в исторических книгах ты ничего подобного не сыщешь. Впрочем, их забудут быстрее, чем через сто лет. Ну, как бы там ни было, давай я закончу свой рассказ.

Больше она не подпускала меня к себе. Звуки битвы постепенно отдалялись на север. Днем, спрятавшись в лесу, мы смотрели, как американские истребители летят на север, а ночью укрывались в доме, где я умолял ее хоть раз обнять меня. Вскоре у нас закончились запасы съестного. Было понятно, что если мы сейчас не вернемся в отряды, то окончательно потеряем своих. Но ни у меня, ни у нее сил идти не было. И чем очевиднее становилось, что нам своих не догнать, тем настойчивее я умолял ее сделать мне больно, довести до крика, до слез. Однажды она крепко сжала мою руку и сказала: “Я никому не смогу рассказать о том, что увидела у Чипхён. Словами это не передать. Словами не передать. Той ночью, когда я отдала восемьсот миллилитров крови, мне вдруг невыносимо захотелось пальцы поотрубать всем мужчинам, чтобы ни один из них больше не мог стрелять. Как мне этого захотелось — словами не передать!”

Я упал перед ней на колени и взмолился: “Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Обними меня хоть раз”. Я взмолился всей душой, всем телом. Она приподняла мое лицо за подбородок и посмотрела прямо в глаза: “Сколько бы я ни отдавала крови, мертвых солдат не вернуть к жизни. Но тебе я не дам умереть. Если понадобится переливание крови, я отдам тебе свою до последней капли. Тебе умереть я не дам. Ты справишься?” Я покорно кивнул. Я умолял ее спасти меня. “Пожалуйста, обними меня”. Она снова посмотрела мне прямо в глаза. Кажется, только тогда я снова смог дышать.

Сколько времени мы провели в том доме?.. К концу февраля Корейская народная армия и войска китайских добровольцев отступили к 38-й параллели. 7 марта четырнадцать дивизий, три бригады и два полка пяти корпусов американских и южнокорейских марионеточных войск начали одновременное наступление по всей линии фронта. 14 марта северокорейские и китайские войска оставили Сеул, и через два дня город был полностью захвачен 3-й американской дивизией и 1-й дивизией их приспешников. 23 марта наши враги заняли Коян, Ыйчжонбу, Капхён, Чхунчхон. Затем 187-й американский воздушно-десантный полк высадился в Мунсане,

отрезав 1-й северокорейской армии путь к отступлению. 10 апреля линия фронта проходила от устья реки Ханган по реке Имджин и до города Янъян по территории, расположенной к северу от 38-й параллели. 12 апреля вражеские войска стали концентрироваться в соседних уездах Чхольвон, Пхёнган и Кымхва.

Я и сам не знаю, сколько мы пролежали в том доме. В любом случае, в нем мы много раз занимались любовью. Кричали от боли. И заливались слезами. Первой сознание потеряла она, потом я. Не знаю, сколько раз вставало и заходило солнце, и сколько раз круглая луна превращалась в месяц. Однажды разведотряд марионеточных войск обнаружил наше укрытие. Они зашли в дом, но увидев наши распростертые тела, решили, что мы давно мертвы, и, заткнув носы, вышли вон. Я не знал, умер ли я, и это мое посмертное видение или мое сознание еще продолжало воспринимать реальную действительность. Я видел пол, залитый кровью. Мы вдвоем лежали в этой крови на полу. У девушки было спокойное, умиротворенное выражение лица.

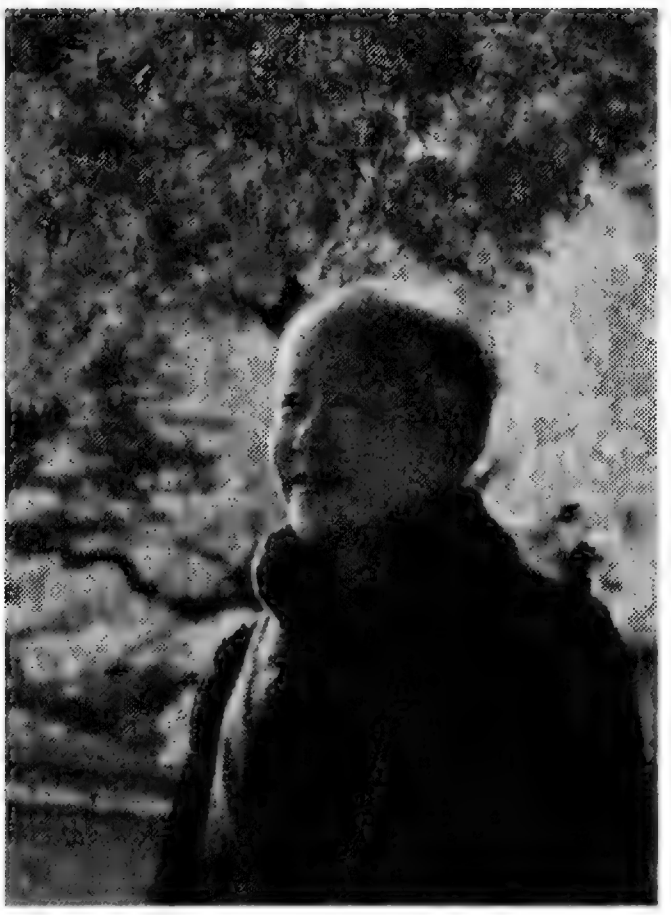
Только когда нас обнаружил второй поисковый отряд, я понял, что все еще жив, а она уже умерла. Меня подняли, собираясь куда-то унести, но я успел прочитать ей стих: "И нынче, смотря на луну, не могу с ней вестей передать. / Вот бы со светом ее струиться, твой путь освещая! / Гуси летят далеко, но не дальше лунного света. / Рыбы резвятся, ныряют, но лишь рябь на воде поднимают. / Вчера видел сон, как у брега реки отцветают печально деревья. / Как жаль: не вернуться домой до излета весны!"[1]. Я читал стих на китайском, а южнокорейский солдат, не поняв ни слова, ударил меня прикладом по голове, и я потерял сознание. В том доме она влила в меня больше литра своей крови. Так я выжил в битве у деревни Чипхён. Она умерла, а я остался жить.

О, бабочка прилетела. Похоже, к нам придет наконец весна. Уже десять лет я сижу на этом месте и читаю линии жизни людей. Это несложно. Ты видишь бабочку и говоришь, что скоро придет весна. Ты всей душой и всем телом открываешься миру и жадно впитываешь все, что видишь и слышишь. Почему люди верят любой лжи, которую пишут в книгах, но считают выдумкой рассказы других людей? Почему

1. Строки из стихотворения Чжан Жо-сюя (660—720) "Цветы в лунную ночь на берегу весенней реки".

мы слушаем всё, что нам говорят по радио и телевидению, но не понимаем, что и история, и судьба отдельно взятого человека творятся, когда мы всей душой и всем телом откликаемся на то, что происходит вокруг нас здесь и сейчас? Люди, прочувствовавшие историю на личном опыте, говорят: “Словами этого не передать”; а люди, пишущие историю, логическими цепочками увязывают начало и конец события в однобокое, будто бы правдоподобное, повествование. Именно эту историю учат дети в школах, и ее же видят посетители мемориалов. Не ставя под сомнение ни единого слова, люди повторяют, что после битвы у Чипхён северокорейская армия отступила с боем и организованно оставила Сеул. И в книге по истории, которую ты читаешь, наверняка написано то же самое. Когда там пишут, что две армии называли друг друга марионетками и уничтожали друг друга, все безоговорочно верят этому; а когда я рассказываю свою историю, меня обзывают лжецом и плюют мне в лицо. Не прошло и века, а они, веря во всякие россказни, отвешивают мне оплеухи. Особенно те, кто считают себя настоящими мужчинами. Почему? Потому что моя рука — это та правда, которой нет в книгах по истории. Понимаешь теперь? Почему, увидев бабочку, ты сразу начинаешь мечтать о весне? Потому что не бывает весны без бабочек. Расскажи мне историю, но не ту, что вычитал в книге, а ту, что увидел и прочувствовал сам. Пусть твое тело расскажет, что́ ты видел. Словами не передать. Словами не передать. И говори до тех пор, пока у тебя не вырвется эта фраза. Попробуй рассказать мне самую невероятную историю. А взамен я расскажу тебе, что ты за человек и какая судьба тебя может ждать. Но рассказывай не то, что написано в книгах, а то, что ты сам пережил и прочувствовал всем телом. “Словами не передать. Словами не передать”. Расскажи мне историю, которая начиналась бы с этой фразы. Ну же. Ну же!

О Чонхи



Вечерняя игра

Перевод Марии Солдатовой

ТАКОЕ ощущение, будто я вся нараспашку, до самых внутренностей. Я терла следы убежавшего риса сначала мокрой, потом сухой тряпкой, чувствуя себя незащищенной и виня в этом так называемую новую планировку, при которой кухня переходит в гостиную. Возле горелки застарелые пятна. Наверное, отец прошлой зимой не уследил за своим варевом. Помню, как он поставил на огонь смесь корня дудника и черной фасоли, жира жаб и лягушек-жерлянок, а когда забурлила коричневая пена, добавил меда и, аккуратно помешав, получил черную киселистую массу, которую пил всю зиму, утверждая, что она очищает кровь и помогает от запоров. Отец, в домашней одежде, помешивавший в армейском котелке длинными палочками черную, как деготь, густую жижу, был похож на средневекового алхимика.

Пока варилось это снадобье, неприятный терпкий запах пропитывал дом: мясо и кости лягушек источали ядовитый пар, который оседал вокруг тяжелым липким налетом. Задыхаясь от анемии и отвращения, я разглядывала в зеркале морщинки на своей запаршивевшей сухой коже. Пятна, въевшие-

© Он Jung-hee, 1994
© Мария Солдатова. Перевод, 2016

ся в нержавеющую сталь, продержатся дольше, чем воспоминания.

Наконец все было в порядке. Часы на кухонной полке показывали половину шестого, рис подходил, аппетитно пахла рыба, поджаренная до золотистой корочки.

Косые лучи, проникшие сквозь западное окно, сделали заметной грязь в тонких порезах на разделочной доске и, преломившись в раковине, высветили мутный осадок в воде.

Так же как в любой другой день, можно было, даже не вставая на цыпочки, увидеть через невысокое продолговатое окно колонну воспитанников исправительной школы, которые, отбыв трудовую повинность, возвращались обратно через пустырь.

Все они, человек семьдесят или восемьдесят, были одеты в серые, словно вылинявшие, робы и такого же цвета шапочки, и я, в силу то ли ассоциаций, связанных с тюремной одеждой, то ли ощущения, что на пустыре гуляет ветер, неизменно испытывала жалость, будто чувствовала загрубелость их тел, покрытых под мешковатыми робами гусиной кожей. Медленно движущаяся колонна колыхалась, словно неровно откромсанный ветхий лоскут, напоминая мне размеренно и грузно катящееся бетонное колесо, а еще бесконечный свист в ре миноре.

На шаг впереди и на шаг позади колонны шли мужчины в ветровках, судя по всему, надзиратели.

Если бы я прежде не видела эту процессию вблизи, скользнула бы по ней равнодушным взглядом, решив, что где-то рядом находятся военные казармы, и уж точно не стала бы, стоя на цыпочках, предаваться ребяческим фантазиям о медленно катящемся бетонном колесе, слетевшем с оси, или о жерновах адской мельницы кармы, бесконечно вращаемых невидимой рукой.

Впервые я встретила их, когда однажды вечером пошла выгуливать собаку. Я невольно вскрикнула и, вспомнив про расположившуюся на ближайшем холме исправительную школу, мотнула головой, но тут же, смутившись, резко натянула поводок и отвернулась. Из колонны на меня смотрело совсем юное лицо. Взгляд мальчишки, возраст которого трудно было определить, казался изумительно ясным. Может быть, меня поразила свежесть его униформы, а может быть, все из-за того, что при виде румянца на его круглых щеках я вдруг осознала, что некрасива и уже немолода.

Вместе с остальными он прошел мимо меня. Потом я никак не могла вспомнить его лицо. Даже если бы можно было

выстроить их всех в ряд, чтобы хорошенько разглядеть, я все равно, наверное, не опознала бы его. В моей памяти остался только его ясный взгляд, и теперь каждый день, в одно и то же время, я тщетно пыталась высмотреть того мальчишку в кухонное окно.

Они почти пересекли пустырь, когда в середине колонны произошло легкое замешательство. Один из мальчишек нагнулся, притворившись, что поправляет слетевший ботинок. Колонна встала, и к виновнику тут же приблизился шедший позади мужчина в ветровке. Мне показалось, мальчишка поднял с земли что-то блестящее и быстро засунул в рукав. Или в ботинок. Не успел мужчина подойти, а он уже распрямился и отряхнул ладони. Они наверняка что-то говорили друг другу, но мне издалека казалось, что объяснялись жестами.

Мужчина вернулся на свое место, и все сразу зашевелились, заполняя образовавшиеся зазоры. Ничего там, наверное, не было. И в самом деле, что могло сверкать на земле, если солнце уже клонилось к закату!

Они прошли мимо холма, потом мимо новостроек, в которых в преддверии холодов в спешке велись отделочные работы, и исчезли из поля зрения. Вместе с ними исчезли и свист, и громоздкое колесо.

Я вытащила из раковины пробку. С удовлетворением отметила, что вода моментально слилась, пузырясь и закручиваясь. Сегодня днем приходил слесарь, прочистил сток. Сток в раковине забился, и стало подванивать. В результате прокачки вантузом на поверхность были извлечены разложившиеся стебли овощей и клубки волос. Отец, незаметно подойдя сзади, наблюдал, на лице у него было написано: “Что я тебе говорил!”.

Скоро шесть. Я положила на кухонный стол три пары палочек, но, быстро спохватившись, убрала одну пару обратно в ящик. Не из-за чего теперь поднимать шум. Я положила лишние палочки по привычке, прекрасно понимая, что брат и сегодня не вернется.

— В какую сторону кричит сорока?

В ответ на вопрос отца я взглянула на высокий тополь, росший на том самом пустыре, с которого исчезли мальчишки. Там, на самой верхушке, между начавших желтеть листьев, сидела сорока.

— Я сняла линзы, — ответила я, гремя посудой. Отец знал, что без контактных линз я практически слепа, но упрямо продолжил:

— Плюнь в ту сторону, в которую кричит сорока. Услышать вечером сороку — не к добру.

— Да говорю же, не вижу.

— А с линзами что случилось? Опять потеряла? Я же тебе велел... Держи их в воде, если не носишь.

Я соврала. Через плотно прилегавшие к зрачкам линзы я отчетливо видела черные, блестящие в вечернем свете, будто смазанные маслом, перья сороки, которая кричала именно в нашу сторону, видела, как шевелятся ее крылья, крепкие, словно стальные.

Я нахмурилась, взглянула на отца, устроившегося в кресле в мрачной гостиной, из которой ушел солнечный свет, и включила стоявший на полке магнитофон. На самом деле, я не злилась на отца. В голове у меня вертелось вступление к услышанной днем симфонии Кодая. Лента, перематываясь, тихо шуршала. Я засомневалась, записалось ли вообще что-нибудь, но тут заиграла музыка.

Днем был концерт по заявкам. Когда из приемника полилась знакомая мелодия, у меня вдруг возникло желание записать ее. Магнитофон принадлежал брату, старенький "Сони". Пока я доставала этот убранный подальше магнитофон, которым давным-давно никто не пользовался, смахивала с него пыль, да потом еще рылась в ящике в поисках чистой кассеты, вступление закончилось. Радиозапись оказалась старой, шипения было больше, чем звука. Не выключила посередине только потому, что было лень. Симфония закончилась, не заняв и одной стороны шестидесятиминутной кассеты.

А сейчас, послушав минут десять, я выключила магнитофон и сказала твердым голосом:

— Ужин готов.

Раздались знакомые звуки: это отец почиркал о большой палец ногтем мизинца, которым ковырял в ухе, а потом с трудом встал с кресла.

Через тонкую стену ванной донесся скрип открываемого крана, потом шум бегущей воды, и я лишний раз вытерла тряпкой совершенно чистый стол.

— Полотенце есть?

Отец вошел на кухню, тряся руками, с которых капала вода.

— А чем тебе не нравится то, что в ванной?

— Оно грязное и мокрое.

Это неправда. Полотенце, которым днем вытирался слесарь, прочищавший раковину, я заменила на свежее. Сорока все еще надрывалась с верхушки тополя. Может быть потому, что ее крик начал действовать отцу на нервы, он, глядя в окно, пробурчал себе под нос:

— Кухня неудачно расположена. Плохо, что солнце вечером светит.

После того как два года назад отцу удалили больше половины желудка, он стал есть очень подолгу. Как ни старалась я жевать помедленнее, всегда заканчивала прежде, чем он успевал съесть хотя бы половину своей тарелки.

Солнечные лучи понемногу отступили, и, наконец, только у двери осталась тоненькая полоска света. Но и она вскоре исчезла, будто впиталась.

Я с жалостью смотрела на растворявшиеся в сумерках вялые складки на шее отца, на его челюсть, которая, когда он жевал, ритмично выдвигалась вперед.

Осенью дни коротки: только заметишь, что солнце садится, а уже темно.

— Включить свет? — спросила я, пододвигая поближе к отцу рыбу, из которой успела вынуть кости.

— Суп остыл.

Я зажгла газ и поставила кастрюлю с супом на плиту. Голубое пламя, ровно горевшее во мраке кухни, представлялось мне каким-то волшебным огнем. Потрескивает... Пламя без жара, холодное, как отблеск металла.

В полутьме лицо отца казалось мрачным, а нос со слегка отвислым кончиком — еще более вытянутым. Мысль о том, что мое лицо выглядит точно так же, была неприятна.

Я поставила разогретый суп на стол, спокойно поднялась и включила магнитофон. При звуках виолончелей и скрипок, будто соперничающих между собой, отец вскинул было голову, но снова опустил. Началась третья часть, анданте. Отец медленно ел суп, гоняя его во рту, словно жвачку.

Музыка доиграла, но пустая лента продолжала перематываться. Вот домотается, и кнопка сама подскочит.

— Налей воды, — отец закончил есть и, рыгнув, протянул мне свой стакан.

Моя рука с кружкой, полной воды, внезапно застыла в воздухе, и отец резко обернулся. Из гостиной, где никого не было, отчетливо слышался хриплый низкий голос, огрубевший от постоянного курения по ночам...

...У него не было никаких особенных увлечений или интересов, если что и доставляло ему радость, то это был пистолет. Дождавшись, пока все живое уснет, он раздевался догола и приставлял к виску пистолет, заряженный пятью пулями, просто из любви к свободе. А впрочем нет, не к свободе — к риску. Положив палец на курок, он понимал, что, независимо от реальных намерений, мог теперь невольно

выстрелить, если бы заметил чей-то взгляд, или комар вдруг ужалил бы его в бок — и мозг его пронизывал заряд в тысячи вольт...

Визитер внезапно исчез. Мы с отцом одновременно взглянули на место, пустовавшее у рассчитанного на троих стола. Дальше опять зашуршала чистая лента. Я вылила в стакан отца остатки воды.

Только через некоторое время до меня дошло, что это был голос брата.

Вот так, значит, оживают звуки? Голос брата пробивался к нам, будто дух покойника, издалека, но странно настойчиво.

У брата была привычка записывать на пленку то, что он сочинял, а потом прослушивать. Однако под конец он непременно все стирал — я и представить не могла, что что-то сохранилось.

— Включить свет? — поморгав глазами во внезапно сгустившейся темноте, осторожно спросила я у отца, когда лента наконец домоталась и кнопка на магнитофоне с щелчком подскочила.

Под свет лампы — с плафоном, словно от керосинки, — вдруг выпрыгнул стол, а холодильник, полки и покрытые холстиной стены скрылись в тени, как будто произошла смена декораций.

Прополоскав рот, отец отправился к себе в комнату и вскоре появился с колодой карт. Не дожидаясь, пока я уберу со стола, он начал нервно тасовать их.

Под округлой лампой его плечи, которые пушистый свитер делал объемнее, отбрасывали на стену огромную тень.

— Стемнело, куда уже гадать-то? — бросила я, гремя посудой.

— Ну и что, что стемнело, ведь это еще не конец?

Не конец! О чем это он? Спрашивала я себя, понимая, что смешно выискивать скрытый смысл в пустых фразах.

Я поставила мытую посуду в буфет, сняла фартук и вернулась к столу, отец собрал разложенные карты.

— Что выпало?

— Гость, — равнодушно фыркнул отец.

— Нарезать фруктов?

— Лучше кофе выпью.

В обращенном на меня взгляде отца мелькнуло нетерпение. Он хотел, чтобы я побыстрее села. Я поставила чайник на плиту и опустилась напротив.

— Начнешь?

— Нет, бросим жребий.

Отец протянул мне карты, и я решительно сняла. Выпала пятиочковая слива. Отец вытащил черный клевер и пододвинул колоду ко мне. Сорок восемь распухших карт заняли всю мою ладонь. Старые-престарые карты, которые когда-то были так приятны на ощупь и пересыпались с легким хрустом, теперь, засалившись, прилипали к рукам.

— Хорошенько перетасуй. Я ведь гадал на них... идут, наверное, подряд... Хватит, будешь слишком долго тасовать, они снова соберутся!

Отец, не отрывавший взгляда от моих рук, легонько, для проформы, коснулся верхней карты.

Я стала сдавать по одной, пытаясь рассеять его безосновательные опасения, что карты собрались по мастям.

— Вода закипела.

Отец не переворачивал карты, пока не получил все десять положенных.

В носике чайника забулькали пузыри.

Я оставила карты на столе и налила воды в две заранее приготовленные чашки. Отец наверняка подсмотрит в эти карты, пока я буду делать кофе.

— Мне с сахарином.

— Да, конечно.

Я прекрасно помнила, что ему нельзя сахар. Отец знал это, просто хотел отвлечь внимание от своих рук, тянувшихся к моим картам.

Отец был серьезно болен, ему требовались регулярные инъекции инсулина. Всю зиму он принимал свое хитрое снадобье, однако по утрам в унитазе неизменно пенилась желтая, с повышенным содержанием глюкозы моча, в которую он с озабоченным видом совал лакмусовую бумажку.

Увидев, что я, вернувшись с чашками за стол, взяла карты, отец подобрал свои и аккуратно развел их по одной, словно развернул старый веер. Его губы тронула довольная улыбка. Восемь открытых карт лежали на столе во всем своем великолепии.

— Такие картинки на кону... А толку! Все равно ходить нечем...

Отец украдкой посматривал на мои карты. А я, вцепившись в них, пыталась заглянуть в карты занявшего боевую позицию отца. Только заглядывать было совершенно незачем. На самом деле, я легко различала карты по рубашкам. Да и отец, очевидно, тоже. Тут помятая по диагонали пятиочковая орхидея, там пион с истрепавшимся левым уголком, а вот эта, с расслоившимся правым краем, — кабан под красным клевером,

десять очков. Мы настолько хорошо изучили рубашки карт, что с тем же успехом могли бы играть в открытую.

— Тан, як, семь ти, четыре кван — все считается.

— Разумеется.

Отец, державший в руках пятиочковый пион с синей полоской и десятиочковый клен, остановил взгляд на двадцатиочковой луне над горой. Скромно лежавшая наверху колоды карта, только и ждавшая, чтобы ее перевернули, была подходящей нулевой. Отец собирался сжульничать, но стеснялся сразу же выложить свою двадцатиочковую и перевернуть нулевую. Вечно он... После продолжительных раздумий он, сделав вид, что другого выхода просто нет, с убитым лицом выложил двадцатиочковую луну над горой и взял, что хотел.

— Сразу двадцать очков? Хорошо придумал, отец, претендуешь на четыре кван? — сказала я вместо "ни стыда ни совести". Отец, непосредственно, как ребенок, заулыбался во весь рот.

Я небрежно кинула карту и забрала пятиочковый красный клевер.

— Хочешь собрать семь ти?

— Пока что взяла только одну. Мало ли, что я хочу. Всякая ерунда попалась.

На самом деле я прикидывала, как бы не дать отцу собрать клены, но заставить его выложить пион с синей полоской — отказаться, что ли, от трех як...

— Играем до тысячи очков.

— Хорошо.

Чем ближе к зиме, тем вечера длиннее, скоро тысячей очков не отделаешься.

Над головой послышались размеренные шаги. А затем раздался плач ребенка и тихое, похожее на бормотание, пение женщины, пытавшейся его успокоить.

За окном, словно заклеенным копиркой, было черным-черно, и у меня возникло чувство, будто мы с отцом в круге света погружаемся в бесконечную тьму. Будто испокон веков мы играем в карты, сидя за столом друг напротив друга. Воспоминания о былом казались расплывчатыми и далекими, словно детские сны, в которых реальность перемежалась с фантазиями. Как игрок, который выходит в туалет, если расклад не в его пользу или игра не идет, мой брат улизнул, чтобы разложить свой собственный пасьянс.

— Нечего реветь по ночам, капризные дети навлекают на семью несчастье.

— Я тоже часто плакала? — спросила я отца, забирая нулевую хризантему.

"Спи, спи спокойно мой малыш, пока утро не заглянет в окошко".

— У твоей матери был хороший голос.

Это правда. Мать, работавшая воспитателем в детском саду, знала много песен и с удовольствием пела их своим приятным голосом.

"Баю-бай, спи мой малыш, мой золотой, мой серебряный, закрывай свои жемчужные глазки, уносись в царство снов".

— Моя очередь, — вдруг раздраженно бросил отец, а ведь он, однако, тоже заслушался. Над нами женщина, никуда не спеша, двигалась, словно метроном: взад-вперед, от перил до перил.

По пальцам можно было сосчитать, сколько раз я видела эту женщину, четыре месяца назад снявшую комнату на втором этаже. На второй этаж можно было подняться с улицы, и жильцы обычно пользовались боковой дверью, так что мы с ними почти не сталкивались. Однако этот неугомонный ребенок начинал реветь с раннего вечера — и до глубокой ночи, все то время, что мы играли в карты, женщина шагала над нами, успокаивая его своим тихим, монотонным голосом.

Дотронувшись до каждой из трех оставшихся у меня карт, я покосилась на нулевую павловнию в руке у отца и выкинула, якобы за ненадобностью, павловнию в десять очков. Отец, который именно этого и ждал, с радостью забрал ее.

— Только вот что хорошо начинается — завсегда плохо кончается...

— Да, с одной ложки сыт не будешь.

— Что-то свет стал слабеть, может, включим трансформатор?

— Это зрение у тебя стало слабеть.

Мы с отцом снова и снова играли одну и ту же пьесу по старому, бестолковому сценарию. Рассчитывая заполучить из колоды что-нибудь для укрепления наших боевых позиций, мы говорили о погоде, беспокоились о здоровье и благополучии знакомых, скорбели о мире, неполную и неточную информацию о котором черпали из газет и теленовостей.

— Что же я наделала... Все пропало, теперь даже за як с тобой не расплачусь...

Я протянула руку, чтобы сосчитать як, тан и все очки, которые набрал отец. Он отдернул руку.

— Нечего лезть в чужие карты, пока игра не закончилась. Я тоже еще не все собрал.

— Может хватит? Я сдаюсь.

Я выложила последнюю карту, и отец, решительно бросив сакуру в десять очков, сорвал банк.

— Если уж попались плохие карты, то, хоть первым ходи, хоть каким, толку не будет. Из колоды ничего не возьмешь.

Я записала счет на бумажку, собрала карты и пододвинула их к отцу. Пока он тасовал карты, я включила телевизор в гостиной. Изображение было мутным, в тумане посуетились и исчезли человеческие тени.

— Напряжения не хватает, вот ничего и не видно. Небось, опять что-нибудь случилось.

— Говорят, в детском саду был пожар, дети погибли...

— Проклятые убийцы, не думал, что доживу до такого, — разгорячился отец.

— Мы-то в чем виноваты? — Пытаясь угомонить его, ответила я чуть слышно. А может быть, мы и вправду были виноваты? "Малыш, мой малыш, золотой, серебряный". Мать пела, а в волосах у нее красовалась шпилька с цветком. Не следовало ей рожать стольких детей. Она была слишком слабой.

— Смотри, карта застряла! — резковато сказала я, показывая на карту, залезшую под виниловое покрытие другой, отставшее больше чем наполовину.

— Сколько же мы ими играем? Пора менять на новые. — отец, высвободив карту, удовлетворенно усмехнулся.

Говорили, что в нее вселился дух умершего ребенка. Какая ерунда. И незачем было помещать ее в ту сомнительную богадельню. Какой-то мужик — не пастор и не шаман — хлестал мать персиковыми ветками. Спаси, дочка, спаси меня, после возвращения домой мать так и не избавилась от страха перед персиковыми ветками.

Все из-за того, что твой отец вел беспорядочную жизнь, нараспев сказала мать моему брату, развитому не по годам школьнику, кивая на хрупкого младенца с раздувшейся, мягкой, словно бурдюк, головой. В тот день я вернулась из школы в дурном настроении — у ранца оторвалась лямка, — мать расчесывалась, поставив зеркало на освещенный солнцем подоконник. Как малыш? Я спросила, и, положив мне на шею холодные, как сосульки, пальцы, мать ответила. Я куплю тебе куклу. Когда приехал больничный фургон, мать забралась под стол. Дочка, я не хочу. Скажи им. Санитары тащили ее под руки, а она, вывернув голову, кричала, пока могла меня видеть. Ну и что ты улыбаешься, что улыбаешься? Тебе не кажется, что это было слишком жестоко? О чем

это ты, что же оставалось делать? Ты была совсем маленькой, мало ли что еще она могла сотворить. Избавилась ведь она от новорожденного. Неужели ты меня упрекаешь в том, что произошло с твоей матерью? Нужно было внимательнее следить за ней. Твоей матери там вовсе не плохо. Там у нее подруги, а семья не так важна, как ты думаешь. Оно и к лучшему, что тебе не пришлось жить с ней, разве ты в глубине души так не считаешь? Наверняка мать свою винила в том, что помолвки расстраивались одна за другой. Я нахмурилась. Отец безуспешно пытался разгладить ногтем залом на карточной рубашке.

— Сдавай уже.

— Ладно, ладно, — отец раздал карты по одной. — Первые признаки появились после того, как ты родилась. Все шло хорошо только с твоим братом. Ничего не поделаешь, — отец, посмотрев на меня, перевернув двадцатиочковый дождь и подобрал к нему пару. — Было и сплыло...

Забрав сосну с журавлем, я вдруг замерла. Послышалось, будто с пустыря доносится свист. Вроде бы даже повеяло сухими цветами. Да нет, вряд ли. Я покачала головой.

— Что, безнадежно?

— Совершенно.

Он вызывал меня свистом, это было лет десять назад. А может быть, еще раньше, во сне. Поздними вечерами я на свист с пустыря открывала дверь и выходила к тому, от кого пахло сухими цветами. С тех пор как он перестал приходить, мне часто снилось, будто я шагаю бок о бок с ним, девятнадцатилетним, по краю рисового поля, за которым цветет астрагал. Обычно я выходила в ночной рубашке, подвязав волосы алой лентой, но непременно дул ветер, и откуда-то доносился еле различимый аромат цветов. Скользкая земля под моими босыми ногами шевелилась, как дождевые черви. Грустная песня жаворонка заставила его взор затуманиться, и он, проморгавшись, сказал мне. Тебе не идет эта лента. Да, мне уже поздно подвязывать волосы красной лентой. Я же не сумасшедшая и не проститутка. Стану ловить бабочек. Он смотрел на меня ясными глазами. Твоя мать была похожа на бабочку. Я наблюдала за сакурой, вертевшейся у отца между пальцев.

— Нам чужого не надо, но и свое не отдадим...

— Да ведь ты, безжалостный, все забрал, ничего мне не оставил!

Где теперь мой брат? Даже не заговаривай со мной об этом поганце. Отец разозлился. Все было нормально, пока

этот поганец все не испортил. Не из-за того ли отец был недоволен отсутствием брата, что играть в карты вдвоем не так интересно, как втроем? Так нечестно! В один прекрасный день брат встал, резко отодвинув стол, будто отпустил свой конец туго натянутой веревки, — и треугольная конструкция разрушилась, и отдача сбила нас с отцом с ног.

Смогла бы я встать и уйти, как брат? Смогла бы сбежать, как в отчаянии сбегают, нацепив спасательный жилет, с тонущего корабля? Я снова посмотрела на напряженное лицо отца, решавшего, взять сливу или помешать мне взять семь ти. Узкое длинное лицо и кривой ястребиный нос, казалось, все больше вытягивались, по мере того как западали щеки. Забери меня, дочка. Здесь страшно и одиноко. Везде одинаково. Карта перекочевала из руки отца в мою.

— Туго тебе придется! — грубо, с недобрым видом подначил меня отец, выиграв два кона подряд.

Я тасовала карты быстро-быстро, стараясь не обращать внимания на их сыроватую теплоту. Руки у отца всегда были липкими от пота.

В довершение своего поражения я удрученно выбросила хризантему, и отец решительно забрал ее себе.

— Вот и все, четыре кван. Кто же так делает!

Я записала на бумажку выигрыш отца — бессмысленное число. По телевизору началась десятичасовая передача "О счастливчик!" Когда счет отца перевалил за тысячу, я собрала карты.

— Пора пить лекарства.

Покачнувшись, я уцепилась за край стола.

— В чем дело?

Отец, отложивший карты, выглядел таким старым и мрачным. Казалось, его нос почти касается верхней губы.

— Что-то голова закружилась.

Издалека доносился свист. Сосуды в моей голове время от времени пустели из-за злокачественной анемии, одним из симптомов которой были слуховые галлюцинации вроде этого свиста.

— Какой мерзавец рассвистелся посреди ночи? Проклятая жизнь! Быстрее бы достроили эти дома. А то шляется всякое хулиганье...

Отец машинально потянулся к картам. Заметив, что я наблюдаю за его рукой, он быстро отдернул ее и нехотя достал из кармана листок бумаги.

— Посмотри, несколько дней пролежало в почтовом ящике. Если не заплатим в срок, пеню начислят. Все надо делать

вовремя, не то потом хлопот не оберешься. Не могу понять, почему так много насчитали за электричество. Электричество нужно экономить.

Отец снова припомнил, как однажды мы переплатили за электричество.

— Холодильник и так уже не работает, — понимая, что зря это делаю, возразила я отцу подрагивающим от злости голосом.

Отец из вредности сказал, что счет долго пролежал в почтовом ящике. Он этот ящик проверял как минимум раз по десять в день. Да и я сама — со смешанными чувствами сообщника, всегда готового предать, — разве не подглядывала украдкой, как отец производит бессмысленные манипуляции перед широко разевающим рот, вечно голодным почтовым ящиком, в который отродясь не залетало ничего, кроме ежемесячных счетов за электричество и воду?

Отец бросил счет на край стола и решительно взял карты. Принялся раскладывать их пирамидой. Я, подперев подбородок рукой, с другой стороны стола наблюдала, как отец по очереди переворачивает карты. Он знал все карточные игры, в которые можно было играть одному.

— Что выпало?

— Любовь и дорога.

Отец вдруг взглянул на меня тепло, но безрадостно.

— Голова все еще кружится? Выглядишь уставшей. Иди-ка спать.

Свист, доносившийся с пустыря, зазвучал отчетливее, пробившись сквозь темноту. В любом случае нужно будет обзавестись новой колодой — нет никакого интереса играть, зная все карты.

Ритмичные шаги женщины у нас над головой смолкли ненадолго, а потом удалились.

— Всю ночь будет таскать его на руках. Дурная привычка.

Я зевнула во весь рот и потерла глаза.

— Лягу пораньше. Не засиживайся допоздна. Вот лекарства. Дверь я сама запру.

Громко топая, я направилась в ванную. Открыла воду посильнее и долго-долго мыла руки. Прекрасно зная, что отец не станет оглядываться, я все же осторожно, по стеночке двинулась из кухни, избегая прямого света.

Входная дверь отворилась бесшумно. Перепрыгивая за раз через несколько плиток дорожки, я добралась до ворот. Я шла вдоль ограды, опасаясь, как бы меня не увидела женщина, которая все еще ходила по веранде второго этажа, напевая колыбельную.

Там, где заканчивался пустырь, у стройплощадки на хребте холма, горели костры: работы не прекращались и ночью. Спешили, наверное, доделать все до прихода зимы.

При виде костров и одиноких лампочек я ускоряла шаги.

Он стоял возле недостроенного дома, между оргомными кучами песка и пеноблоков.

— Я ждал тебя. Ты поздно, — не поднимая глаз, наверное, еще издалека завидев меня, сказал он и пнул кучу песка носком ботинка.

— Как вчера, — проронила я тихо, словно из-под вуали.

— Я специально пораньше освободился, думал, что ты придешь.

От него пахло перегаром. Роса, что ли? Из кучи песка сочилась прохладная влага. Он взял меня за руку, как будто не знал, что еще сделать. Жесткие мозоли на его ладонях — как шляпки забитых гвоздей. Большие и крепкие руки. При свете дня они, наверное, выглядели грязными и грубыми.

— Здесь холодно. А в доме никого нет. Охрана чешет языками в баре.

Он явно был выпивши, и все-таки дрожал, от возбуждения, что ли.

Его ладонь начала потеть. Держась за руки, мы вошли в дом, ступая по обломкам пеноблоков и досок. Черт, он вульгарно сплюнул.

— Что?

— Проводка не закончена.

Внутри было не так уж темно: в двух стенах зияли огромные оконные проемы с только что установленными рамами, да и крыша просвечивала. Он расчистил место, раскидав ногами обломки досок и опилки. Его крепкая рука залезла мне под рукав. Он дрожал. И слишком торопился, стесняясь, видимо, своего возбуждения. Не справился со второй пуговицей и, выругавшись, просто задрал мне кофту. Я затаила дыхание, по ногам побежали мурашки. Я поежилась, цементный пол больно холодил мое обнаженное до самых подмышек тело. Он снял рабочую куртку и подложил мне под спину. С неба в просветах крыши свисали огромные, яркие звезды. В ночной тьме всегда пахнет сухими цветами. Андромеда, Орион, Кассиопея, Большая Медведица, какой у тебя знак? Скорпион. У тебя дом с толстыми стенами и маленькими окнами, ты любишь заниматься любовью в машине. Ты стеснительная и замкнутая, но при этом мечтаешь о романтической любви. Цветы тебе не идут. Мне уже поздно прикалывать цветы. Только сумасшедшие да проститутки прикалывают к волосам цветы.

— Холодает. Когда ударят морозы, здесь нельзя будет встречаться. Вообще-то работы закончатся только через полмесяца. Но заморозков до тех пор быть не должно. — сказал он, гладя меня по голове, как будто все это было в порядке вещей.

— Ненавижу холод, — хихикнула я.

— Любишь кое-что другое? Ты, случаем, не гулящая вдовушка? — он прыснул от смеха.

Издалека донеслась песня — несколько человек горланили хором.

— Уже идут.

Он встал, отряхнул куртку, которую подкладывал мне под спину, и набросил ее на себя.

— Придешь завтра? — спросил он, стоя между кучами песка и цементных блоков.

— Дай денег, если есть.

Он замер. Я настаивала:

— Плохо мне, нужны лекарства. Я ведь не прошу много.

Он сплюнул сквозь зубы и тихо выругался:

— То-то ты с самого начала показалась мне слишком податливой... Ремесло не очень прибыльное, зато налоги платить не надо.

Он достал сигарету, сунул ее в зубы. Сделав вид, что хочет прикурить, зажег спичку и поднес ее высокое пламя к моему лицу. При виде пламени я рассмеялась во весь рот.

— Черт побери! Старовата ты для этого дела. Сегодня нету. Послезавтра получка, приходи, если хочешь.

Он небрежно сплюнул, обиделся, что ли. Я зашагала прочь. Компания подвыпивших рабочих прошла мимо, кто-то из них задел меня плечом и смешался с остальными.

Ворота были открыты. Женщина со второго этажа все так же ходила по веранде, напевая колыбельную плачущему малышу. Я тихонько открыла дверь и вошла, пытаясь руками стереть с тела прилипший озноб.

— Что выпало?

— Гость. Ложись-ка спать.

Отец, даже не обернувшись, продолжал метать карты.

Войдя в комнату, я включила свет и, не зная, чем заняться, тупо уставилась на лампочку. А потом, словно спохватившись, выдвинула ящик стола.

Дочка, забери меня, здесь страшно и одиноко. Мать взывала о помощи почерком крупным и корявым, словно у ребенка, который только учится писать. Все поля были зарисованы стоящими на руках человечками, без туловищ, с круглыми, как мячи, головами и с растопыренными ногами, похожими

на ветки деревьев. Я поднесла клочок бумаги к носу и вдохнула исходивший от него слабый аромат сухих цветов. Я открыла крышку простенького медальона – лежавшая внутри прядь пепельных волос тоже пахла сухими цветами... Не успели мы подойти, как они принялись заколачивать гроб, будто только этого и ждали. Звучало вовсе не так торжественно, как я представляла. От тела матери, уже начинавшего разлагаться, маревом распространялся горьковатый запах цветов. Она была грязной. Ненавидела мыться, зато обливалась духами. Женщина с выкрутасами, любившая покрасоваться. Наверное, это был запах ее шелушащейся кожи, смешанный с запахом духов.

Я легла на холодный пол. Понимая, что отец еще не ушел к себе в комнату, я, словно дом был пуст, подкатала юбку и задрала кофту до подмышек. Над головой все еще раздавались шаги женщины, баюкающей ребенка. "Золотой мой, серебряный, драгоценнее тебя нет ничего на свете". Не вставая, я протянула руку и выключила свет. Комната погрузилась в успокаивающую темноту. А вслед за ней и весь дом стал медленно, со скрипом тонуть во мраке, как в болоте. Женщина будет тщетно метаться всю ночь напролет, как молящий о спасении ветхий лоскут, прицепленный к мачте тонущего корабля. Боясь под давлением воды развалиться на мелкие кусочки, я учащенно дышала приоткрытым ртом и вдруг улыбнулась, как тогда, перед спичкой, зажженной мужчиной.

Ким Эран

Сезон холодов

Перевод Анны Дудиновой

УЖЕ за полночь жена вдруг предложила переклеить обои.

— Прямо сейчас?

— Да.

Я неуверенно поднялся с дивана. Уже очень давно жена не предлагала мне заняться чем-нибудь по дому. Я вышел на балкон и достал из шкафа рулон обоев. Это были обои на клеевой основе, которые мы купили когда-то в местном гипермаркете. По двадцать с лишним тысяч вон за рулон. Ширина полотна примерно в ширину моих плеч, длина — больше десяти метров, довольно тяжелый рулон оттягивал руки. Не хотелось пачкать ноги, и я читал инструкцию, стоя на цыпочках. Но что-то меня тревожило, и краем глаза я посматривал на освещенную гостиную. Наконец, оторвав взгляд от инструкции, я крикнул жене:

— Точно хочешь клеить их сейчас?

В прошлом месяце мама ненадолго приехала к нам в гости. Она считала, что это ее моральный долг — взять на себя хозяйство, пока мы с женой переживаем тяжелые времена. С са-

© Kim Ae-ran, 2014
© Анна Дудинова. Перевод, 2016

мого первого дня, едва распаковав свои вещи, мама с энтузиазмом принялась все мести и чистить. Рассортировала письма, разобрала пыльный вентилятор и одну за другой вымыла лопасти, полила засохший фикус. Потом приготовила свинину и перепелиные яйца в соевом соусе, пожарила анчоусы со стручковым перцем, и по дому разнесся щекочущий ноздри аромат острой пищи. Посушила водоросли, замариновала кунжутные листья, навела порядок в холодильнике. Жена лишь безучастно наблюдала за тем, как мать без устали готовит и прибирает, и молча терпела ее назойливую помощь и незлобные нотации. А может, она и не терпела ничего, просто ей было все равно. Намеков жена тоже не замечала.

С тех пор как приехала мама, прошло уже десять дней. Однажды ночью из кухни донесся странный шум. Я выбежал из комнаты и увидел, что мама сидит на полу вся в пятнах темно-бордовой жидкости. У нее был пустой взгляд — будто рядом разорвалась бомба, и она причастилась плотью и кровью. В руках она сжимала бутылку. Я сразу узнал эту бутылку — несколько месяцев назад из детского сада, что напротив нашего дома, прислали целую коробку ежевичного сока. Мы решили отправить посылку обратно, но до этого руки так и не дошли, и вот теперь этот ежевичный сок залил всю нашу кухню. Темно-бордовая жидкость запачкала не только мамину белую футболку. Обеденный стол, пол, пароварка, электрический чайник — все было в бордовых брызгах. Особенно досталось обеденному столу и стене, возле которой он стоял. Чистые оливковые обои теперь покрывали кровавые пятна, напоминавшие обидные надписи, которые иногда малюют на стенах.

— Ох, ну как же так... — причитала мама, оглядываясь вокруг с виноватым видом. — Я просто попить хотела... Ну что теперь делать...

— Все хорошо? Нигде не поранилась? — я протянул руку, помогая маме подняться.

А мама все повторяла: “Совсем старая стала. Ну что за люди... Продают сок, а его даже открыть нормально нельзя. Наверное, я бутылку растрясла”. Она не пошла в ванную за тряпкой, а принялась вытирать пол бумажными кухонными полотенцами. Я хотел ей сказать, что незачем переводить бумажные полотенца, но вместо этого предложил:

— Мам, оставь. Я сам уберу.

Склонившись к матери, я мельком взглянул на жену.

— Ведь так, дорогая? Мы и сами справимся? — спросил я, втайне надеясь на ее поддержку. Жена, безмолвно стоявшая

в стороне все это время, к моему удивлению, лишь тихо выругалась.

Мама перестала вытирать пол, подняла голову и взглянула на мою жену. Повисло молчание. По стене все еще медленно стекал липкий бордовый сок, оставляя за собой длинные полоски. Жена, не чувствуя, похоже, никакой неловкости, сказала:

— Ну и какого?..

— Мичжин! — Я мягко сжал руку жены, успокаивая. По ее лицу трудно было сказать, злится она или пытается осознать, что произошло. Не обращая на меня внимания, она воскликнула раздраженно:

— Такой бардак!

Мы переехали в эту квартиру прошлой весной. Общая площадь 80 квадратных метров, жилая — 56, дому всего 20 лет. В наше время почему-то считается, что покупать жилье в кредит — настоящее безрассудство, но тяжело удержаться от авантюры, если появляется возможность купить квартиру с торгов подешевле. Купить квартиру или снимать у кого-то — по деньгам разница не такая уж большая, к тому же снять квартиру на выгодных условиях довольно трудно, да и переезды утомляют. Мы с женой долго мучились, прежде чем решили купить эту квартиру. На половину стоимости, конечно, пришлось брать кредит. У меня на душе кошки скребли, когда я думал о ежемесячных выплатах в течение лет двадцати. Да еще и проценты... Но я утешал себя тем, что теперь вкладываю деньги в собственное жилье, а не отдаю их в чужой карман. Жена была счастлива, Ёну не придется возить далеко в детский сад. Для нас это было особенно важно. И район ей очень понравился: есть вся необходимая инфраструктура, воздух чище, чем в Сеуле.

Играя в кубики или рассматривая картинки в книжке, Ёну охотно вмешивался в разговоры взрослых. Как и в тот день.

— Ёну здесь тозе нравится, — заявил он беззаботно.

— Да? И почему тебе тут нравится? — спросила жена, обращаясь к нему, как ко взрослому, хотя тогда он еще смешно картавил и не все слова выговаривал. Пуская слюнки и неловко ворочая розовым языком, он наивно пролепетал, глядя в окно на машины, вытянувшиеся длинными рядами на восьмиполосном шоссе:

— Бибизик много.

Первое время я не мог поверить, что мы купили квартиру. Наверное, потому, что я называл это место домом, хотя на самом деле этот дом мне пока не принадлежал. Более двадца-

ти лет я кочевал из одной съемной комнаты в другую, и вот теперь сумел, наконец, где-то укорениться. Когда первое семечко проросло, пронзая темную толщу земли, и тонкая зеленая ниточка показалась на поверхности, я почувствовал, как на меня накатывает необъяснимая грусть. Вернувшись с работы, я принимал горячий душ, ложился в постель и, как только голова касалась подушки, меня охватывало странное чувство — смесь гордости и тревоги, неизвестно откуда взявшейся. И все же я старался не думать о плохом, старался верить, что трудности, которые меня ожидают, все же лучше, чем мытарства, которые остались позади. Правда, прежде у меня была свобода выбора, пусть и небольшая. В тот день, когда я подписал договор купли-продажи, я вернулся домой и включил телевизор. На каком-то развлекательном канале шла игра под названием “Газета”. Смысл ее был в следующем: на постоянно уменьшающемся пространстве нужно было удержаться как можно большему количеству людей. Участники буквально прилипали друг к другу и корчили смешные лица. Наконец, кто-нибудь, не выдержав напора противника, соскакивал с газеты и выходил из игры. Тогда, сидя перед телевизором и попивая баночное пиво, я посмеивался. А потом и сам почувствовал себя участником этой игры. Вот я стою на одной левой ноге, дрожа от страха, крепко обняв своих близких, а газета складывается вдвое, еще вдвое и еще вдвое... А в конце передачи я говорю с улыбкой на камеру: “Я все-таки справился”. Я чувствовал, что бывшие одноклассники, поздравляя меня и спрашивая, как идут приготовления к переезду, завидуют мне. Каждый раз я смущенно отвечал: “Было бы чем гордиться... долговое рабство”. Один приятель как-то возразил: “Я вот просто в долгах, а ты — в долгах, но с домом. Разве это не здорово?” После переезда мы пригласили всех: наших родителей, друзей, коллег — и устроили новоселье. Все ели, веселились, поднимали бокалы. Тогда нам казалась невероятной сама мысль, что мы — должники. Мое имя, написанное в договоре о покупке квартиры и кредитном договоре, казалось всего лишь набором букв. Иногда на рассвете я просыпался, чтобы сходить в туалет, но, не дойдя до ванной, останавливался на пороге гостиной, включал свет и просто рассматривал комнату. И спрашивал себя: “Это действительно то место, где я должен жить и которое должен защищать? Оно никуда не делось?” — а потом возвращался обратно в постель.

Целых полгода понадобилось жене на то, чтобы украсить нашу квартиру. После переезда она каждую свободную минуту

старательно изучала журналы “Интерьер для маленьких квартир своими руками”, “Реставрация мебели в домашних условиях”, “Сделай сам” и немедленно воплощала в жизнь почерпнутые в них знания. У жены всегда было больше желания обжиться в собственном доме, чем у меня. Студенткой она жила в общежитии, потом работала репетитором, и вместо удобного матраса ей приходилось спать на пляжном коврике, кочуя по читальным залам. Пляжный коврик удобно носить с собой, брать на барбекю и пикники, да и выбросить потом не жалко. Жена трижды пыталась сдать экзамен, чтобы устроиться на государственную службу, и трижды провалилась, а потом бросила эту затею и пошла работать в центр подготовки к тестам на госслужбу. Когда мы поженились, ей пришлось пройти курс лечения, и после двух выкидышей она наконец родила Ёну. Сменив пять съемных квартир, мы взяли кредит и купили свое жилье. И все это за последние, сумасшедшие, десять лет. После того как мы купили квартиру, жена каждые выходные на балконе что-то вырезала, лакировала, мастерила. Кровать, стул, стол, стеллаж, который мы использовали уже десять лет, она “реставрировала” в лучших традициях любимых журналов. Коричневый стул покрыла бежевой краской, а кофейный столик перекрасила в оранжевый, чтобы придать интерьеру особый шарм. Стараясь уберечь Ёну от небезопасных игр с иглами, гвоздями и молотком, она запиралась на балконе и работала там. Ёну было любопытно, чем там занимается мама, нередко он прилипал к стеклянной двери, ревел или требовал, чтобы его пустили на балкон. Тогда я брал его на руки и шел с ним на детскую площадку поиграть. После переезда в нашем доме несколько месяцев пахло краской, клеем и осветлителем. Начитавшись изданий “Североевропейский стиль в интерьере” и “Скандинавский текстиль”, жена начинала интересоваться ценами и каждый раз приходила в отчаяние. Для нее было важно не только то, что мы поселились в собственном доме, но и чувство надежности и уверенности в будущем.

В оформление кухни и гостиной жена вложила всю душу. Купленный в интернет-магазине диванчик, она поставила в гостиной. Дешевенький диванчик из ДСП и поролона. Я никогда не возражал против ее выбора. А если иногда жена и спрашивала мое мнение, я всегда отвечал: “Неплохо”, “нормально”, или что-то в этом духе. Мне тоже хотелось сделать нашу неприглядную квартирку уютной. Как говорил мой покойный отец, если что-то в доме не ладится, мужчина должен починить то, что сломано, и исправить то, что пошло

не так. Возле купленного через интернет дивана жена поставила горшок с симпатичным фикусом. Не было и дня, чтобы Ёну не засовывал в рот камешки, насыпанные в горшок, или не обрывал листья. Еще жена сделала сама деревянную полочку и поставила на нее баночки пастельных тонов с разными жизнеутверждающими английскими словами, такими как LOVE и HAPPINESS. Вдоль одной стены она натянула проволоку и крошечными деревянными прищепками прицепила к ней семейные фотографии, словно постиранное белье. Ей все казалось, что чего-то не хватает, и тогда она украсила стену наклейками в виде дерева и трех сидящих на ветках птичек.

Маленькая комната украшалась специально для Ёну, он, как только ее увидел, сам решил, что это его комната. Ёну очень любил прятаться, и жена сделала для него из ткани настоящий вигвам. Ёну был очень непоседлив и, как только научился ползать, совал все с пола в рот. Жена повесила рулонные шторы с Робокаром Полли в его комнате, а на двери — плакат с алфавитом. В больших клеточках рядом с буквами были нарисованы разные фрукты и звери. Тогда Ёну только начал знакомиться с буквами. Но то ли оттого, что он еще был слишком мал, то ли оттого, что ему не хватало усидчивости, если мы просили его написать что-нибудь и давали в руки карандаш или мелок, он только пачкал полы, которые жена так тщательно мыла. И хотя у нее не было привычки повышать голос, каждый раз, когда ребенок начинал пачкать все вокруг, внося хаос в тщательно организованное пространство нашего дома, жена сердилась на него, даже кричала. И все равно Ёну изо дня в день слюнявил все, до чего только мог добраться, рвал книжки с картинками, заползал под стулья и играл там, а когда слышал музыку, начинал пританцовывать или крутиться то в одну сторону, то в другую. А еще он часто засыпал днем в своей треугольной палаточке, умильно бормоча что-то себе под нос. Личико при этом у него было такое невинное, что хотелось во что бы то ни стало защитить его от всех невзгод и обид. Глядя на него, я чувствовал какую-то щемящую боль в груди. Удивительно, даже когда он засыпал ненадолго, я был уверен, что к тому моменту, как он вновь откроет глаза, он уже чуть-чуть изменится и станет немного старше. Даже жаль, что дети растут так быстро. Наблюдая за ним, я впервые почувствовал смену сезонов и неумолимое течение времени. Понял, что март — это время приводить все в порядок, июль — время завершать начатое, а май чем-то похож на сентябрь.

Когда мы приехали сюда впервые осмотреть квартиру, самое большое впечатление на нас произвела кухонная стена. В просветах между обшарпанной, покосившейся мебелью пробивались кричащие обои с жуткими тюльпанами, которые буквально лезли в глаза. Наверное, тому, кто поклеил эти обои, они нравились. Но сейчас они выглядели ужасно. Их покрывали странного вида зеленые пятна и какие-то черные точки, подозрительно напоминающие следы жизнедеятельности мух или других букашек. Жена медленно обвела стену критическим взглядом, а потом произнесла тихо: “Если бы я была хозяйкой этого дома, то поклеила бы здесь скромные обои, без претензий”. Еще она сказала, что важнее всего в интерьере сочетание цветов и удачно выбранная мебель, и, как настоящий специалист по дизайну, добавила, что этот интерьер — пример плохого вкуса в ее понимании. Из-за забот с ребенком и занятости на работе сама она даже не могла позволить себе сходить в парикмахерскую лишний раз.

— У нас дома тоже тот еще бардак, — заметил я осторожно.

— У нас дома ребенок, — возразила жена, округлив глаза. Если я высказывался, пусть и очень редко, по поводу домашнего хозяйства или воспитания детей, она всегда старалась возражать мне очень тактично.

— И здесь жил ребенок. — Я показал на наклейку с мультяшками, красующуюся на выключателе, на это жена ответила:

— Наша квартира меньше. Если в квартире тесно, сколько ни убирай, все без толку.

Еще до переезда жена первым делом взялась за ремонт на кухне. Она обратилась в местную ремонтно-строительную компанию и попросила, чтобы на кухне и в гостиной все стены покрасили в белый, а стенку, где мойка, и противоположную стену — оклеили оливковыми обоями. Предполагалось, что белый цвет освежит интерьер, а оливковая стена станет ярким дополнением. Жена сказала, такое решение расширит пространство, к тому же белый цвет освежает, а оливковый приятен глазу. Возле этой оливковой стены жена поставила обеденный стол для четырех человек. Этот стол с бежевыми тонкими ножками и светло-оранжевой столешницей создавал очень теплую, уютную атмосферу. За этим столом мы обедали, пили чай, а иногда и работали. На одном краю жена поставила электрический чайник, коробочки с зеленым травяным чаем, баночку мультивитаминов, тарелочку ореховой смеси. Не забыли и про кофемолку, которая внушала нам чувство особой гордости, с прозрачным контейнером для зерен. За этим столом мы каждый день вместе

ужинали. Когда приходили редкие гости, мы, конечно, раскладывали стол в гостиной, но сами в основном ели на кухне. Жена и я — сидя на табуретках, а Ёну орудовал детской ложечкой в своем раскладном стульчике. И так за обычными делами проходили дни, пролетали месяцы, месяцы складывались в годы. Раньше я об этом почему-то не задумывался. В стеклянном стаканчике в ванной стояли три щетки, на сушилке для белья висели носки разных размеров, к унитазу крепилось крошечное детское сиденье. Когда я смотрел на все это, обычные предметы, все эти повседневные вещи, казались мне чудесными и очень значительными. Мы с женой вместе кормили Ёну за столом, переставали улыбаться и делали строгие лица, когда он капризничал. Ёну учился пользоваться палочками, ронял еду, куксился, плакал, лопотал всякую чепуху, ворочая своим маленьким розовым язычком. И все это за тем обеденным столом возле оливковой стены, которая с ним так хорошо сочеталась. Именно на эту стену брызнул присланный нам два месяца назад из детского сада ежевичный сок.

Мы с женой почти не говорили о том вечере, когда взорвалась бутылка ежевичного сока. Мама на следующий же день уехала домой, а мы старались проводить день за днем так, будто ничего особенного не случилось. Но каждый день был похож на предыдущий, очень длинный, по словам жены — бестолковый, день. Иногда возникает чувство, будто нечто, именуемое временем, летит быстро, как в кино. Окружающие декорации, недели и месяцы, целый мир, все, кроме нас, вертится вокруг оси. Понемногу эта спираль начала затягивать и нашу семью. Цвели цветы, дул ветер, таял снег, появлялись почки на деревьях — все менялось в этой круговерти. Время летело, но — как будто для кого-то другого.

Прошлой весной мы потеряли Ёну. Он попал под микроавтобус детского сада, когда водитель сдавал назад. Ему не было пяти. И пяти раз он не успел увидеть, как сменяют друг друга весна, лето, осень и зима. Он был как все дети в этом возрасте, иногда огорчал родителей, часто не слушался, много капризничал. Где-то научился утешающе похлопывать нас по спине, когда мы брали его на руки, а он обхватывал нас своими тонкими, как стебли, ручонками. Но теперь его больше нельзя было обнять, даже просто прикоснуться. Нельзя снова отругать, покормить, уложить спать, успокоить, поцеловать. В крематории жена вместо “прощай” сказала Ёну “сладких снов тебе”, сжимая в обеих руках его фотографию. Будто они когда-нибудь встретятся снова.

Директор детского сада имел какое-то отношение к Торговой страховой компании. Злосчастный микроавтобус тоже был застрахован, и через нашу страховую компанию мы получили компенсацию по гражданскому делу. Много это было или мало, никакими машинами или микроавтобусами невозможно измерить, но на тот момент администрация детского сада решила, что рассчиталась с нами сполна. Они уволили водителя и даже сменили всех нянечек, словно спрашивая: "Чего еще вы от нас хотите?". Вслух они ничего подобного не сказали, но все и так было понятно. Тогда же по району начали ходить странные слухи, будто бы я сотрудник страховой компании. Впервые услышав об этом, я так разозлился, что меня затрясло. Но самое удивительное, что некоторые этим слухам поверили. Жена бросила работу и целыми днями сидела дома. Мне бы тоже хотелось все бросить, но с банковской книжки каждый месяц уходили вместе с процентами деньги за квартиру. Коммунальные платежи, разные налоги, медицинская страховка, счета за мобильную связь усугубляли наше положение. Все эти счета складывались в сумму, которую одной моей зарплатой было сложно покрыть. Однажды к нам приехал сотрудник компании-страховщика микроавтобуса из детского сада. Он самым учтивым образом принес мне свои соболезнования, а потом сухо, формально объяснил процесс выплаты страховой компенсации и протянул мне какой-то документ. Я и без объяснений понял, что это такое. Когда-то я тоже был на его месте, и мне приходилось с каменным лицом выражать соболезнования чьему-то горю. Склонившись над бумагой, не в силах ничего сказать, я выкурил подряд три сигареты. Это ведь обязанность главы семьи — починить то, что сломано, и исправить то, что пошло не так. Меня этому учили с детства. Но в тот момент, когда я вписывал в бланк номер своего счета, у меня было такое ощущение, словно я извинился перед директором детского сада. Все, что происходило после этого, я помню смутно. Как будто в тумане. Вернулся с работы — щелк выключателем!, — и на кухне осветилось электрическим светом заплаканное лицо жены. Снова щелк! — в углу гостиной ее тонкий силуэт, плечи вздрагивают от рыданий. Из холодильника запах скисших кимчи, протухших яиц, многодневной лапши. На полу гостиной сухие листья фикуса. Иногда, уставившись в окно, жена повторяла как заведенная: "Там, где Ёну сейчас находится, лучше, чем здесь... Потому что мой Ёну там..."

Как-то раз жена взяла сумку-тележку для покупок и пошла в магазин, но уже через десять минут вернулась обратно. Когда я ее спросил, что случилось, она ответила: "Я чувствую,

как на меня все пялятся. На тебя — нет?". Тогда я спросил, что она имеет в виду, и она ответила, что люди провожают ее взглядом, смотрят, носит ли она еще траур, следят украдкой, что она берет с прилавков, как будто им интересно — лезет ли кусок в горло человеку, который потерял ребенка. Я заверил ее, что такого не может быть и она все преувеличивает. Но после этого случая жена заказывала продукты только по интернету. Все реже стала выходить из дому, все чаще — сидеть у окна. Я боялся теперь потерять не только Ёну, но и ее тоже.

Щелк! — снова нажал на выключатель и обнаружил ее в палатке в комнате Ёну. Она сидела, уткнувшись лицом в колени, ее плечи едва заметно вздрагивали. Я спросил, не хочет ли она переехать. Жена, подняв мокрое от слез лицо, молча кивнула. На следующий день по пути с работы я зашел в агентство по продаже недвижимости. Там я узнал, что цены упали, и наша квартира, с тех пор как мы ее купили, подешевела более чем на 20 миллионов вон. Ничего не сказав, я вышел на улицу и выкурил две сигареты подряд. Наконец, отказавшись от идеи переехать в другую квартиру, я сообщил жене, что нам придется остаться. Конечно, на счету еще лежала страховая выплата, мы и воны не потратили из этих денег. Но из этих денег нельзя было брать ни монеты. Даже не советуясь, мы без слов договорились об этом с женой.

Когда из детского сада прислали посылку, мы растерянно уставились на коробку, не зная, что и думать. В голове вертелся лишь один вопрос: "А что вообще все это значит?" На коробке была наклейка "Продукты для долголетия" и "Стопроцентный ежевичный сок отечественного производства". Отодрав скотч, мы обнаружили внутри маленькую открыточку. "Большое спасибо за вашу поддержку. Счастливого вам Праздника урожая! Детский сад 'Солнышко'". Как-то раз из сада уже присылали аккуратно приготовленный и упакованный детишками сонпхён[1], но коробку сока мы получили впервые. Нашли кому отправить! Сначала мы даже решили, что нам доставили эту посылку по ошибке. Потом подумали, что так они пытаются восстановить свою репутацию после трагедии с Ёну. А может, новые нянечки отправили посылку по ошибке или просто еще не обновили адресную книгу. Жена ужасно рассердилась. Как можно быть настоль-

1. Традиционное корейское блюдо из теста, замешанного на рисовой муке с добавлением разных начинок. (*Прим. перев.*)

ко бессердечными людьми?! Если они знали, кому собирают посылку, и специально отправили ее нам — то это очень гадкий поступок, а если не знали и отправили — еще хуже. Я задумчиво глядел на ящик с ежевичным соком. Наконец я решил убрать эту коробку куда-нибудь с глаз долой, чтобы потом выбросить.

А было это два месяца назад.

Бордовые пятна намертво въелись в обои. Чем только мы не пробовали свести ежевичный сок: осторожно оттирали мокрым полотенцем, специальной губкой с пропиткой, ватными дисками с ацетоном. Ничего не помогло. Конечно, после всех этих манипуляций пятна немного побледнели и размылись, но все равно не исчезли. Стало даже хуже. Чем больше мы старались, тем сильнее портили обои. Наконец нам не осталось ничего, кроме как переклеить их.

Спустя некоторое время, после того как мама уехала домой, мы с женой отправились в местный гипермаркет. Уже очень давно мы не ходили вместе за покупками. Мы сразу нашли отдел, где продаются лампочки, батарейки, инструменты, и остановились перед стеллажами с обоями. На полках ровными штабелями лежали обычные и самоклеящиеся обои, декоративная пленка. Мы выбрали обои на клеевой основе. Инструкция гласила: “Хорошо пропитать водой. Клеить легко и весело. Не требуются профессиональные инструменты. Можно клеить поверх старых обоев”. Пробежав глазами инструкцию, я сразу почувствовал прилив уверенности в собственных силах и желание клеить обои.

— Возьмем эти?

Жена нахмурила брови.

— Лучше какие-нибудь совсем без рисунка.

— Смотри, эти тоже почти без рисунка.

— Других нет?

— Значит, эти ты не хочешь?

— Не хочу.

— Но их проще всего клеить. И узор ненавязчивый.

Жена молчала.

— Ладно. Купим в другой раз?

Вдруг жена, избегая моего взгляда, немного нервно ответила:

— Бери что хочешь.

Все еще держа в руках рулон обоев, я внимательно посмотрел на жену. Странно, раньше все вопросы, связанные с интерьером, жена решала сама. А теперь все выглядело так,

будто ей хотелось поскорее уйти отсюда. Внезапно — из-за нехорошего предчувствия, — я повернулся и увидел молодую женщину. Держась за ручку тележки, она выбирала декоративные наклейки на обои. В тележке сидел ребенок, чуть больше года, и увлеченно лизал какую-то конфету, причмокивая губами. Мокрой и липкой от слюны ручонкой он сжимал мармеладного мишку. Когда-то таких мишек любил и наш Ёну.

Вот и все. Еще секунду назад мне казалось, что жена наконец ожила и все отныне будет хорошо, а теперь она снова стояла с отсутствующим видом, как будто вообще забыла, зачем мы сюда пришли. Я не знал, пропало ли у нее только желание клеить обои или она снова потеряла интерес ко всему на свете. Вечерами, если пораньше возвращался с работы, или по выходным, я спрашивал: “Ну что, переклеим сегодня обои?”. А она неизменно отвечала: “Попозже” или “Потом”. Раньше мне казались странными ее женские заморочки, например, никогда не оставлять в мойке грязную посуду. Она всегда сразу перемывала все тарелки и вытирала насухо полотенцем. Она говорила, ей нравится, когда все готово к использованию, и, если нужно было сделать что-нибудь, она делала сразу, не откладывая. Когда мыла виноград, замачивала его в соде, а потом промывала несколько раз под проточной водой. Она брала какой-то порошок и кипятила в нем добела кухонные полотенца и тряпки. Даже странно, что она решительно ничего не хотела делать со стеной, на которой засохли темные пятна ежевичного сока. “Я не смогу поклеить обои один, без твоей помощи”, — пытался убедить ее я, но без толку. В какой-то момент мне надоело, и я перестал упрашивать ее при каждом удобном случае. Так, мы уже два месяца никак не могли поклеить новые обои. И вот сегодня, субботним поздним вечером, когда я задремал в гостиной перед телевизором и думал уже перебраться в постель, жена предложила переклеить обои.

— Возьмись за край.

— Так?

— Да.

Жена приложила конец рулетки к полу и отмерила нужную длину. Прижав коленками край обоев к полу, она отметила карандашом длину 2,3 метра, прибавив три сантиметра запаса.

— Тебе сколько надо таких полос?

— Три.

— Так пойдет?
— Ага, в самый раз.

На полу гостиной мы расстелили три полосы обоев. На простом светло-желтом фоне рассыпаны крошечные белые цветы. Я подозревал, что ей ужасно не нравятся обои, которые я выбрал. Но она делала вид, что ей совершенно все равно. Мы вместе осторожно перенесли в гостиную обеденный стол. Затем с двух концов взялись за первую полосу обоев и пошли в ванную. Опустили обои в теплую воду, которую набрали заранее, и подождали немного, пока клей не отмокнет. Потом снова взялись с двух сторон за полосу и потихоньку направились обратно на кухню. Нести мокрые обои нужно было очень осторожно, как стекло, соразмеряя каждое свое движение. Словом, мы двигались, как одно целое. Затем мы снова вытянули полосу обоев, взялись за два верхних уголка и, встав на цыпочки, приклеили верхний край под потолочный плинтус на стену. Жена стояла рядом, придерживая обои.

— А муж-то у меня какой высокий! — заметила она, взглянув на меня снизу вверх.

Я давно не видел ее улыбку. И все же было в этой улыбке что-то печальное. Когда мы приклеили обои к стене примерно наполовину, жена отошла в сторону, освобождая мне место. Верхний край уже приклеился. Я прошелся по этому участку лопаточкой для сгона воды, которую мы использовали, чтобы убирать капли с раковины. У нас не было специального шпателя для обоев или других подходящих инструментов, так что приходилось пользоваться тем, что есть. Каждый раз, когда я проводил лопаточкой сверху вниз или из стороны в сторону, на пол, где мы заранее расстелили газеты, капал раскисший от воды клей. В комнате стоял густой запах клея. Пока я аккуратно приглаживал обои лопаточкой, жена вытирала мокрой тряпкой капающий на пол клей. Так мы аккуратно приклеили первую полосу обоев и отошли на несколько шагов назад, чтобы полюбоваться на результаты своих трудов. По сравнению с оливковыми обоями, на которых зловеще темнели пятна ежевичного сока, новые желтенькие выглядели опрятно и красиво. Я даже испытал некоторое чувство гордости, оттого что поклеил обои сам. Такое же чувство испытываешь, если сам заменишь лампочку или прочистишь стояк раковины.

— Не так уж трудно. Закончим сегодня?

Сполоснув руки в раковине, мы взялись за вторую полосу. И все повторилось заново. Мы опустили обои в ванну, подо-

ждали, когда клей размокнет. И вдруг я живо вспомнил, как мы вдвоем купали маленького Ёну, вспомнил голубоватые следы на его попе, вздувшийся животик, вспомнил нежную теплую кожу и родной запах. Жена, кажется, подумала о том же. Пока бумага пропитывалась водой, мы не сказали друг другу ни слова.

– Может, открыть окно?

– Давай.

Жена открыла форточку напротив раковины. Через форточку в комнату ворвался ветер. Жена опустилась на корточки.

– Холодновато.

– Закроем окно?

– Да нет. Пусть проветрится немного.

Держа обои, я глядел на жену.

– Ладно. Берись вон там.

Жена, придя в себя, взялась за свободный край.

– Уже ноябрь.

– Да, – ответила жена сдержанно и даже немного отстраненно.

– Скоро придется доставать зимнее одеяло.

– Да, по утрам уже холодно.

– И правда очень холодно.

– Ага.

– Никаких денег не напасешься, когда живешь в стране, где такая разница температур – зимой и летом.

– Верно... Послушай.

– А?

– Тяжело работать одному?

– Да ничего особенного. Нормально.

– Я даже не готовлю ничего...

– Да ничего страшного. Я нормально ем... Знаешь...

– Что?

– Вот мы сегодня обои поклеим... а на следующей неделе...

Она молчала.

– Ну, давай снимем те деньги. Нужно выплатить долг.

И снова молчание.

Слезы едва не навернулись на глаза, но я сдержался. Я боялся, она посчитает меня чудовищем, это ведь я предложил воспользоваться этими деньгами, от безвыходности.

– Давай. Нужно так нужно, – вдруг ответила она.

Я ждал ответа, затаив дыхание, и, наконец, вздохнул спокойно.

– Хорошо.

Лопаткой я осторожно водил по обоям, надавливая чуть сильнее там, где нужно было разгладить складки. И думал: “Ну, вот и настал тот день, тот самый момент, когда ее, наконец, отпустило, она пришла в себя. Сегодня и для меня, и для Ёну — важный день”. Я действительно почувствовал, как что-то в ней незримо изменилось. Как только я подвел лопатку к середине полосы, жена вновь отпустила обои и отошла в сторону, а потом начала вытирать капающий клей мокрой тряпкой.

— Я был так рад, когда мы переехали сюда. Ты ведь тоже?

— Да.

— Из всех квартир, где мы жили, эта — самая лучшая. Ведь так?

Конечно, так. Я вспомнил, как от переполнявшего меня, неизвестно откуда взявшегося, чувства я по ночам не мог сомкнуть глаз. Оно приходило не изнутри и не откуда-то извне, на меня просто внезапно накатывало ощущение безграничной легкости и радости. После смерти Ёну этот дом вдруг наполнился тишиной. Когда мы с женой взялись клеить эти обои, которые в любой момент от неосторожного движения могут порваться, стена, как обрыв скалы, как немой вопрос, нависла над нами: “Это действительно наш дом?”. Мы двадцать лет кочевали с квартиры на квартиру и мечтали наконец-то остановиться, найти свой, настоящий, Дом.

— Смотри, здесь складка легла. Может, переклеим?

— Где?

— Вот тут.

— Ничего. Через несколько дней высохнет и разгладится.

— Здесь? Мне кажется, тут сильно заломилось.

— Где?

Мы отошли от стены на несколько шагов и обвели взглядом свежеприклеенные обои.

— Я даже не знаю...

— Гляди. Вон там немного косо.

— И правда.

Мы осторожно сняли со стены второй лист, примерились и приклеили его заново. Хорошо, что клей не успел схватиться.

Мы с женой взялись за последнюю, третью полосу обоев и отправились в ванную. Осталось приклеить только ее, и дело будет сделано.

— Выходит, каждую полосу надо отдельно намачивать?

— Ну конечно. Клей ведь высыхает.

— Постой. Я сейчас уберу.

Жена отодвинула от стены ящик. Обычная четырехугольная коробка без крышки. Раньше мы ставили его рядом

со столиком Ёну, иногда использовали как дополнительный стул. Сначала мы хотели унести его в гостиную вместе со столом, но потом решили оставить на случай, если не получится дотянуться, когда будем клеить обои. Под ящиком оказались хлопья пыли. Жена смочила водой кухонное полотенце, пока я стелил третью полосу обоев. Я ждал, когда она закончит и поможет мне ее наклеить. Я смотрел, как она, маленькая и хрупкая, тщательно вытирает пол. Вдруг она замерла на месте.

— Жена, — позвал я ее.

Она молчала.

— Милая.

Снова тишина.

— Мичжин, что случилось?..

Прижав обе руки к стене, жена смотрела куда-то вниз.

— Здесь...

— Что?

— Здесь... Ёну...

— Что такое?

— Ёну... свое имя... написал.

Жена дрожащей рукой указала на стену.

— Не все... только...

Ее плечи слабо вздрогнули.

— Только фамилию...

Теперь она вся дрожала.

— И букву “н”...

Я молчал.

— Только... букву “н” написал.

Она пыталась сдержать слезы и все-таки разрыдалась. Я никогда не видел, чтобы Ёну писал свое имя. Время от времени он что-то черкал на полу или в альбоме, не картинки и не буквы, просто какие-то разноцветные зигзаги. И вот ребенок, который никогда не отличался усидчивостью, не учился писать, вдруг зачем-то написал на стене “Ким” и “н”, и мне так захотелось погладить его по голове. По мягким и гладким волосам. Я заплатил бы любую цену, чтобы хоть раз обнять его снова, хоть один раз. Я сделал бы все что угодно, если только смог. В комнату снова влетел холодный ноябрьский ветер.

— Я помню.

— Что?

— Его глаза.

Я не мог ничего сказать.

— Искрящиеся глаза нашего сына.

Я не мог найти в себе сил, чтобы сказать хоть что-то.

— На мой день рождения ты купил торт. Вот на этом обеденном столе мы зажгли свечки. Тогда Ёну впервые увидел свечки. Смотрел на них, как на маленькое чудо. Ему не было и двух лет тогда. Я сказала ему: “Ёну, у мамы сегодня день рождения. Что ты мне подаришь?” Знаешь, что он тогда сделал? Он подумал немножко, а потом вдруг захлопал в ладоши. Ёну хлопал для меня в ладоши...

Она плакала, как прославленный пианист, которому после концерта, стоя, аплодируют тысячи зрителей. И кидают букеты, и цветов становится так много, что сцена утопает в них. Будто прячась под стрехой от дождя, я привалился к стене и тихо заплакал. Сквозь пелену слез я видел незнакомые белые цветы на желтом фоне. И эти цветы прямо над головой моей жены складывались в похоронный венок. Казалось, хризантемы, такие уместные на похоронах, кто-то из злого умысла подарил живому человеку. Мы замечали, что соседи, которые вначале старались разделить нашу скорбь и выразить сочувствие, со временем изменили свое к нам отношение. Они шептались за нашей спиной, избегали нас, как прокаженных. Поэтому, глядя на жену, которая сидела на полу у стены белых цветов, я представлял, будто соседи хлещут ее этими цветами. Хлещут цветами на длинных стеблях со словами: “Я уже достаточно о тебе поплакал, пора бы и тебе успокоиться”.

— Никто не понимает.

Я повторил невольно:

— Никто не понимает.

Но я-то прекрасно понимал, что́ она имеет в виду. Жена задумчиво взглянула на меня. В ее пустых зрачках наконец зажегся огонь. Она гладила рукой слова, которые написал — нет, не дописал — Ёну. В этот момент мне показалось, что вот-вот я услышу топот маленьких ножек, Ёну выскочит из ниоткуда и обхватит мои ноги обеими ручками. Обнимет свою мать и похлопает ее успокаивающе ладошкой по спине. Но этого не случилось. Уже никогда не случится. В это мгновение сердце сжалось. Я наконец склонил голову. На пол кухни капали слезы. Но даже в этот момент я не мог выпустить из рук обои. Размокший от воды клей, словно выходящий из моего тела гной, стекал на пол. Надвигалась зима, и, хотя до первых настоящих холодов было еще очень далеко, я дрожал всем телом. У меня даже руки тряслись.

Ан Тохён

Лосось

Фрагмент повести

Перевод Марии Кузнецовой

“От слова ‘лосось’ пахнет речной водой”.

Так начиналась статья, которую я как-то написал для одного журнала о рыбалке. В статье говорилось о том, что реки нашей страны не богаты лососем, поэтому рыбакам следует выступить с инициативой по защите популяции рыб. Когда журнал появился в печати, мне неожиданно начали звонить недовольные читатели.

Сначала позвонил человек, представившийся защитником окружающей среды. Он сказал, что главная причина разрушения экосистемы, — человеческий эгоизм. Я кивнул. Он говорил с жаром, я подумал, что таких неравнодушных читателей редко встретишь, поэтому я продолжал его с почтением слушать. Но вдруг он прицепился к названию статьи “Ловля лосося забавы ради”. И в конце концов, назвав меня подонком, просто бросил трубку. Поразительно. Небось пробежал глазами содержание номера, сидя с журналом в туалете. Как можно было, не прочитав статью, сделать выводы из названия — не понимаю. Я подумал тогда, что люди все-таки крайне нетерпеливые существа.

© Ahn Do-hyeon, 1996
© Мария Кузнецова. Перевод, 2016

Следующий звонок был от читателя, у которого возник вопрос к первому предложению. “От слова ‘лосось’ пахнет речной водой — что за ерунда? — спрашивал он. — Это утверждение не соответствует биологическим фактам, ведь лосось проводит в реке одну десятую часть жизни, а все остальное время он проводит в море. Правильнее было бы написать, что слово ‘лосось’ пахнет морем, — убеждал меня читатель, — это же очевидно”. На мой взгляд, формально он, конечно, был прав, но вот с воображением у него туговато. Такие люди упускают из виду, что самое важное всегда происходит в конце. Они никогда не берут на себя труд додуматься до сути.

От слова “лосось” пахнет речной водой.

Вот я и решил написать историю, которая бы начиналась этой фразой. А чтобы избежать бессмысленных недоразумений с читателями, я решил озаглавить ее просто: “Лосось”.

Я собирался узнать об этих рыбах все и начал изучать толковые словари и иллюстрированные книги о лососевых. Эти рыбы ежегодно с сентября по ноябрь мигрируют к месту своего рождения, поднимаясь вверх по течению рек, в которых отражается раззолоченная осенью листва; на галечных отмелях, где слабое течение, они строят кладки диаметром до одного метра и глубиной до пятидесяти сантиметров и откладывают туда икру вишневого цвета; в среднем у них бывает две-три тысячи икринок; пара месяцев уходит на то, чтобы из икринок в гальке появились мальки; температура воды в этот период опускается до семи-восьми градусов...

Я многое узнал о лососе, но так и не смог написать ни строчки. Все эти знания были как ненужный балласт, ведь они не будили фантазию. И вдруг неожиданно я наткнулся на одну фотографию. Трагический снимок гигантского пассажирского “боинга 747”, упавшего в воду.

Ослепительный серебристый корпус самолета, который должен был лететь по небу, рассекая облака, неподвижно лежал, погруженный в воду. Должно быть, пассажирский самолет совершил аварийную посадку на воду из-за внезапной катастрофы и пошел ко дну. Затонувший лайнер торжественно и скорбно будто обращался ко мне. Казалось, я должен был сказать ему что-то в ответ, и я никак не мог оторвать взгляда от фотографии. Ведь это не рухнувший лайнер, это множество рыб устремились вверх по реке. Стая лососей. Сотни рыб выстроились в отряд и ринулись вверх, вверх, на нерест.

Больше всего на свете я завидовал человеку, который сделал эту фотографию. Ведь ему посчастливилось наблюдать за живыми рыбинами, плещущимися в воде. Наверно, он, надев водолазный скафандр, зашел в реку и фотографировал прямо в воде — так, должно быть, делаются подобные снимки. Никто не задумывается об этом.

Люди, живущие на берегу, пугают рыб, плавающих в воде. Ведь люди смотрят на лососей не со стороны, а сверху! А это не нравится рыбам. Человеческий взгляд, устремленный вниз, напоминает взгляд хищной птицы скопы или бурого медведя. Люди не наблюдают за рыбой, а облизываются в предвкушении вкусной икры.

В общем, нравятся тебе рыбы — научись наблюдать за ними не сверху. Ну и немного фантазии тут тоже не помешает. Другими словами, тут нужна зрячая душа. Такая душа, которая желает увидеть сокровенное, такая душа, которая способна это сокровенное разглядеть. Воображение — вот та сила, что заставляет нас принимать мир во всей полноте. Первый поцелуй с любимым человеком горяч и сладок, ведь до того момента, как губы любящих соприкоснулись, воображение влекло их друг ко другу.

Утренние лучи красят море в оранжевый цвет.

На стометровой высоте прочерчивает огромный круг хищная птица скопа. Она голодна и с наступлением утра прилетела ловить рыбу. Минут десять она внимательно следит за поверхностью моря: обычно тут сардины кишмя кишат, но сегодня их что-то не видно. Скопа делает несколько движений острыми, как металлические грабли, когтями, как будто скребет воздушное пространство. В желудке пусто, и только ветер обвивает кончики крыльев. Скопа начинает злиться.

Ей отлично известно, что в это время холодное течение Берингова моря несет стаю лососей. Лосось — одна из любимейших рыб скопы, ведь у него такое жирное и в то же время легкое мясо, ни с чем не сравнить. Вспомнив нежный вкус лосося, скопа еще сильнее ощутила голод.

Вдруг скопа замечает какой-то странный предмет. Огромный, больше акулы, он стремительно двигается на юг. Посередине этого странного предмета — блестящая светлая точка. Словно плывет в море подводная лодка с включенными огнями.

Скопа опускается на десятиметровую высоту. Необходимо повнимательнее рассмотреть загадочный предмет. Огромная подводная лодка начинает подниматься на поверхность. Раньше уже бывало, что скопа принимала подводную лодку за стаю лососей, она устремлялась вниз, но ее каждый раз ждало раз-

очарование; поэтому сейчас она очень внимательно рассматривает море. На малой высоте приходится часто махать крыльями, и это раздражает, но ведь ей нужен завтрак.

Как и предполагала скопа, странный предмет, попавшийся ей на глаза, оказался стаей лососей. Там не меньше трехсот рыбин.

Скопа решила лететь над стаей на некотором расстоянии, чтобы не привлекать к себе внимания. Она пристально следит за поверхностью воды. Лососи стройными рядами плывут со скоростью километров сорок в час.

В самом центре по-прежнему светящееся пятно.

Скопа, широко распахнув глаза, приглядывается к нему. Это вовсе не пятно. Это какой-то удивительный лосось, такого скопа видит впервые. В окружении своих собратьев плыл непохожий на всех остальных лосось с серебристой спинкой.

У большинства морских рыб брюшко белое, а спина темно-синяя. Рыбы всплывают на поверхность, поэтому им нужно маскироваться, чтобы оставаться незамеченными на фоне моря. Так птицы, глядящие на рыб издалека, попадают впросак и остаются ни с чем.

Но даже такая хитрость не может обмануть свирепых глаз скопы, летящей низко над водой. Скопа не отрывает взгляда от этого лосося необычного цвета. У птицы уже вовсю текут слюнки.

Скопа опускается на двухметровую высоту над поверхностью воды. Теперь вкусный завтрак — всего лишь вопрос времени. Скопа напрягает кончики лап. И ловко проводит когтями по воде. Кончики когтей впиваются в плоть лосося невиданного цвета.

— Скопа! Айда врассыпную!

Рыбы, подвергшись нападению скопы, брызгаясь, кидаются в разные стороны.

Поднимаясь в воздух, скопа чувствует между когтей тяжесть бьющейся жизни. Птица удовлетворенно опускает глаза, чтобы посмотреть на добычу. Меж птичьих когтей бьется в агонии лосось, пытаясь вернуть покидающую его жизненную силу. Но это не тот, на которого она рассчитывала, не тот сверкающий серебристый лосось, и скопу охватывает горечь поражения.

Так Серебристый Лосось избежал первой в жизни опасности и не стал добычей скопы.

Но что это? По счастью, оставшись в живых, лосось совсем не радовался, а, наоборот, сильно опечалился. Ведь рыба, которую поймала скопа, — это та, что плыла рядом с ним

с того самого момента, как они покинули реку, это та, что всегда, поймав ртом пару-тройку креветок, делилась с ним, та, что ловила для него похожих на стрекоз вкусных насекомых, та, что ласково гладила его по брюшку мягким хвостовым плавником, — это была его дорогая сестрица.

— Сестрица... — только и смог проговорить Серебристый Лосось.

Сердце саднило, будто лосось поранил его об острые камни. В тот самый момент ему вспомнился влажный рыбий голос сестрицы: “Серебристый Лосось...”

Вот что говорила она ему год спустя, после того как лососи покинули реку:

— Знаешь ли ты, что твое тело покрыто серебристой чешуей?

— Мое тело серебристого цвета?

Лосось был очень удивлен.

Он понятия не имел, что у него серебристая чешуя. Просто думал всегда, что у него, как и у других лососей, спинка темная, а брюшко белое.

— К несчастью, мы сами не знаем, как выглядим.

— Почему?

— Потому что глаза у рыб впереди.

Сестрица говорила, что лососи могут узнать, как они выглядят, только со слов своих собратьев. Так что рассказы других лососей — зеркало, в котором можно себя рассмотреть. Может быть, поэтому лососи имеют привычку судачить о других.

— А почему камбала всегда смотрит в сторону?

— Да потому что камбала все пыталась увидеть, какова же она собой, вот и окосела.

Серебристый лосось, вспомнив забавные глаза камбалы, усмехнулся.

Однако на лице сестрицы лежала тень.

— Серебристый Лосось, понимаешь ли ты теперь, почему твои друзья называют тебя особенным?

Только сейчас Серебристый Лосось начинал понимать, что означало слово “особенный”. Он вдруг подумал, что похож на остров, затерянный где-то в океане. Одиночество в мире океана, где нет никого, кроме тебя. Одиночество — это не страшно, но только очень грустно. С тех пор как лосось узнал, что все его тело серебристого цвета, он частенько думал:

— Жизнь невыносима!

Тогда другой Серебристый Лосось, что жил у него в душе, говорил:

— Пусть так, но надо терпеть.

У нашего героя в душе жили два лосося.

Однажды Серебристый Лосось сказал своим собратьям:

— Лучше бы вы смотрели не на мою чешую, а на мою душу.

Пара лососей, которые плыли рядом с ним, раздраженно ответили:

— Да как на нее посмотришь-то?

Серебристый Лосось очень обрадовался — ему показалось, что их заинтересовали его слова.

— Да вот как: смотреть нужно не на внешнее, а на то, что внутри.

Наверное, из-за того, что Серебристый Лосось еще никому не открывал свою душу, он начал запинаться. Многие мысли, которые он столько времени хранил в себе, беспорядочно вывалились наружу, похожие на куски порванной цепи.

— Поэтому... то, что внутри... невидимое... как бы это сказать...

— Ты говоришь очень непонятно, мы ни о чем таком не знаем.

И они равнодушно отворачивались и спешили на поиски корма.

Рыбы, наблюдавшие со стороны за Серебристым Лососем, насмешливо улыбаются. Они качают головами и перешептываются украдкой:

— Да он должен быть благодарен за то, что его оберегают, а не нести какую-то чушь.

— Не из-за него ли мы первыми подвергаемся нападению врагов?

Серебристый Лосось сгорает от стыда, когда до него доносятся их недобрые пересуды.

Серебристый Лосось и вправду плыл в середине строя с того самого момента, как стая начала двигаться на юг. Так решил Большеротый Лосось. Он был вождем стаи. Большеротый Лосось любил поважничать перед остальными. Даже говоря о какой-нибудь малости, он никогда не понижал голос. Всегда говорил самоуверенно, широко разевая рот, вот его так и прозвали Большеротый Лосось.

Когда рыбы приготовились отплывать, главный лосось, выпячивая вперед подбородок, скомандовал:

— По сторонам не глазеть! Назад не оборачиваться! У поверхности воды не плавать!

Вожак устанавливал правила для лососей.

— И еще ты!

Выпяченный подбородок повернулся к Серебристому Лососю.

— Ты должен все время плыть посередине строя. Ты представляешь опасность, потому что легко попадаешься на глаза врагам. Если хочешь вернуться на родину живым — делай, как я говорю!

Так остальные лососи стали ограждением, защищающим Серебристого Лосося. Впереди, сзади, слева, справа, сверху, снизу — везде плыли лососи. Но для Серебристого Лосося это вовсе не означало абсолютную защиту. Наоборот, это погружало его в самую что ни есть беспросветную тьму.

С тех пор Серебристый Лосось стал изгоем. Сестрица была единственной из множества рыб, кто был не прочь составить ему компанию.

— Почему рыбы отвергают меня?

— Почему ты думаешь, что они тебя отвергают? Ведь они, напротив, обнимают тебя со всех сторон.

Сестрица во всем старалась видеть хорошее. Порой это ставило Серебристого Лосося в тупик. Знает ли сестрица вообще слово “нет”? Может быть, знает, но делает вид, что оно ей неизвестно?

— Меня защищают и одновременно отвергают. Лучше бы я подвергался опасностям, но был свободен.

— Свободен?

Сестрица делает круглые глаза, услышав, что он говорит о свободе. “Свобода” — одно из слов, которые лососям запрещено произносить. “Сопротивление”, “побег”, “неповиновение”, “отпор”, “разрушение”, “развлечение”, “бунт” — тоже были в списке запрещенных слов. Большеротый Лосось твердил, что, если рыбы будут использовать эти слова, ни одна из них не сможет вернутся на родину, чтобы отложить икру.

— Я тоже хочу плыть свободно. Хочу сколько душе угодно разглядывать подводный мир. Чтобы в моих глазах отражались все его красоты.

Сестрица оборачивается, чтобы посмотреть, не услышал ли их кто-нибудь.

— Конечно, я тебя понимаю. Но...

Сестрица всегда говорит, что все понимает.

— Ведь это все для твоего же блага. Тебе нужно научиться терпеть. Тогда ты вырастешь и станешь отличным лососем.

Серебристому Лососю показалось, что у него сейчас жабры лопнут от возмущения.

— Я беспокоюсь за тебя.

Однако Серебристый Лосось был уверен, что за сестрицу следует переживать гораздо больше, чем за него. Вот что он думает: “Сестрица всегда беспокоится. Но почему она не

смотрит на меня со стороны? Она смотрит на меня сверху, как бурые медведи и хищные птицы смотрят на рыб. Она делает вид, что волнуется за меня, но на самом деле просто пытается решать все за меня. Как будто решать за другого — значит любить его. Сестрица даже не знает, что поучения никакого отношения не имеют к любви. Она и не догадывается, что любить — значит просто молча плыть рядом".

С тех самых пор лосось стал часто думать о том, как бы ему уплыть подальше от своих собратьев. "Сбегу", — думал Серебристый Лосось.

Но тут же другой лосось, что жил у него в душе, возражал: "Нельзя".

В воображении Серебристый Лосось уплывал от всех уже много раз, но в действительности на побег так и не решился.

Может быть, это все было из-за сестрицы. Сестрица-лосось вместо него стала добычей скопы. Может быть, это был ее последний подарок — а он должен был остаться в этом мире до конца своих дней.

Солнечно и ясно.

Несколько дней небо хмурилось и сыпало снегом, но сегодня солнечные лучи пронизывают толщу морской воды до самых глубин. По дну моря разливаются синие чернила. Море успокаивается и лишь чуть-чуть покачивается, похожее на добродушного зверя, который вот-вот довольно заурчит.

Впервые за долгое время лососи могут отдохнуть. В такие минуты нужно наесться впрок чего-нибудь питательного. В реке во время нереста есть будет уже нельзя, даже если попадется что-то очень вкусное. Так что телу нужно заранее запастись силой и энергией.

Серебристый Лосось немного привередлив в еде: ему больше всего нравятся креветки. Их особенный вкус всегда неизменно пробуждает у него аппетит, даже слюнки текут. Но он ест в меру. Серебристый Лосось считает мудрыми тех обитателей моря, которые умеют съесть ровно столько, сколько им нужно. У лосося свои потребности, у кита — свои. Лосось, который ест, как кит, — это уже не лосось. Так же как и кит, который ест не больше лосося, — уже и не кит вовсе. Лосось — так будь лососем и живи, как все лососи.

Наевшись досыта, лосось медленно поднимается один на поверхность и смотрит в сторону берега. В такие минуты море приоткрывает оконце своей души и показывает ему мир. Но это очень опасно. Сколько бы ни было лососей, их врагов в мире всегда больше.

Заснеженная земля, на которую лосось долго смотрит, переливается серебром. Сейчас косяк лососей проходит рядом с Аляской, которая превратилась в царство снега и льда. Серебристый Лосось не может сдержать волнения, видя, что земля, покрытая снегом, напоминает по цвету его чешую. Тут серебряный и там серебряный. Каждый ощущает сродство, встретив что-то похожее на себя. Но это одна из самых опасных мыслей. Ведь для лососей, живущих в воде, земля — непримиримый враг.

Однако лосось очарован тем миром, что показывает ему, распахнув свою душу, море. И до чего упоителен этот освежающий ветер, запах которого так отличается от подводного и который лосось даже не мог представить себе. Он спрашивает того, другого лосося, что живет у него в душе:

— И почему лососи должны жить под водой?

Другой лосось, что живет у него в душе, ничего не отвечает.

— Иногда мне кажется, что под водой я как в тюрьме.

И опять — никакого ответа.

Вдруг над головой Серебристого Лосося нависает огромная черная тень.

— В сторону, скорее, — достигает ушей лосося короткий крик.

Все произошло в считаные секунды.

Когда внезапная боль, пронзившая брюшко лосося, успокаивается, он смотрит по сторонам. В воде плавает лососья чешуя, и откуда-то доносится запах крови. Лосось торопливо крутится, пытаясь разглядеть, не ранен ли он. Оказывается, что лосось невредим, но характерный запах крови становится все сильнее. Как бы он не привлек стаю акул — вот беда-то будет.

Лосось чувствует легкое движение волн, как будто кто-то подплыл к нему.

— Ты в порядке?

Звучание ее голоса напоминает журчание пузырьков в воде.

Это сказала другая рыба: она пряталась в какой-то щели, а теперь вылезла и подплыла к нему. Серебристый Лосось, только сейчас окончательно придя в себя, искоса смотрит на рыбу.

— Ты в порядке?

Обладательница доброго голоса — обыкновенная рыба с темной спинкой и белым брюшком. Только глаза у нее сверкают, как звезды в ясном ночном небе.

Однажды Серебристый Лосось в тайне от Большеротого вождя уже высовывал мордочку из моря и смотрел на ночное небо. На Млечный путь, который, казалось, вот-вот зажурчит, на миллионы неизвестных лососю звезд, которые одна

за другой загорались в ночной темноте, хвастаясь своим сиянием. Кажется, тогда Серебристому Лососю пришло в голову, что звезды — это глаза небес.

— Меня называют Яснооκой Рыбкой.

Пока Серебристый Лосось предавался воспоминаниям, она наблюдала за ним издалека.

— Бурый медведь хотел схватить тебя своей огромной лапой. Еще чуть-чуть, и он вонзил бы в тебя свои когти. Ты как будто задумался о чем-то. Когда я увидела, что он тебя заметил, я изо всех сил схватила тебя за плавник на брюхе и оттащила. Ты в порядке? Тебе не больно?

Порванный плавник безвольно болтался на спине Яснооκой Рыбки. Не у нее ли шла кровь из раны? "Ах!" — воскликнул Серебристый Лосось. Яснооκая Рыбка увидела, что он в опасности, и спасла его, пострадав сама.

— Но почему ты спасла меня?

— С тех самых пор как ты стал изгоем из-за своей серебристой чешуи, я часто наблюдала за тобой издалека.

Серебристый Лосось не знал, то ли поблагодарить ее, то ли попросить прощения. Что сказать лососихе с ясными глазами, ведь, чтобы его спасти, она не пожалела своего тела, а оно у нее одно. Сказать, что до самой смерти не забудет ее благодеяния? Сказать, что с этой минуты он будет тенью следовать за ней, чтобы когда-нибудь тоже оказать ей помощь? "Смогу ли я отдать жизнь за другого?" — так спрашивал сам себя лосось, а с губ у него слетали слова: "Тебе, наверно, очень больно".

Ему подумалось, что так не благодарят, но он снова не смог найти слов, чтобы это выразить.

— Мне не больно.

— Но у тебя из плавника идет кровь.

— Ничего, пройдет.

Яснооκая Рыбка специально поплавала туда-сюда, чтобы показать, что ничего страшного не случилось. И вдруг он услышал ее голос:

— Если тебе не больно, то и мне не больно.

— О чем это ты?

Она вместо ответа долго смотрела на Серебристого Лосося.

Ее глаза блестели еще сильнее, чем раньше. Она шевельнула губами, будто хотела что-то сказать, и исчезла в том направлении, где плавала стая. Запах ее крови рассеялся только спустя некоторое время.

Серебристый Лосось обдумывал то, что сказала ему напоследок Яснооκая Рыбка. "Если тебе не больно, то и мне не

больно", — были ее слова. Они не выходили у лосося из головы. Как будто проникли в самые глубины его сердца.

Шло время.

Серебристый Лосось скучал по Яснооκой Рыбке. После того как она, раненая, уплыла от него, у них ни разу не получилось встретиться. Когда стая лососей переплыла Берингов пролив, их было уже по меньшей мере четыре тысячи. Им приходилось плыть с очень большой скоростью, чтобы скорее попасть в реку.

Когда лососю особенно хочется увидеть Яснооκую Рыбку, он смотрит на ночное небо. Глядя на сверкающие, словно ее глаза, звезды, он думает: "Звезды так мерцают, что мне кажется, будто кто-то подает мне сигнал. Будто кто-то дает понять: 'Я здесь, со мной все хорошо'. Это все потому, что сердце Яснооκой рыбки всегда говорит со мной".

Серебристый Лосось трясет головой. Каждый раз, когда он так делает, поверхность воды колышется, как будто смеется. Как бы глубоко ни заплыл Серебристый Лосось, чтобы отвлечься от мыслей о Яснооκой Рыбке, его глаза будто сами собой снова смотрят на звезды.

Может быть, сияние звезд — это сигнал, который я ей посылаю? Может быть, тайна, которую знаем лишь я и она, стала звездным светом и сияет в вышине?

Звезды, мерцая, говорят: "Я скучаю по тебе, скучаю по тебе, скучаю по тебе". Лосось уверен, что нет на свете более искренних слов, чем эти: "Я скучаю по тебе". Приказы строгого вождя, Большеротого Лосося, — как пузырик воды рядом с этим: "Я скучаю по тебе". Теснота в стае стремительно плывущих лососей — ничто по сравнению с этим: "Я скучаю по тебе".

"Я скучаю по тебе" куда больше, чем слово "тоска", куда шире, чем слово "ожидание". Жизнь — это когда терпишь то, что невозможно вытерпеть, но рядом с этим "я скучаю по тебе" ни жизнь, ни что бы то ни было другое не имеет никакого значения.

Пахнет чем-то странным, невиданным доселе. Однако этот новый запах не кажется незнакомым или неожиданным. Смутно вспоминается, как такой же запах окутывал когда-то всего тебя, — что же это было? Запах материнского тела, в глубинах которого обитал когда-то? Или это запах отца?

Лососи вдруг начали волноваться.

Означало ли это, что они, наконец, приплыли к Зеленой Реке? Если здесь начинается Зеленая Река, значит, ни свирепо вращающая глазами скопа, ни акула, заглатывающая лосо-

сей своим похожим на пещеру ртом, ни бурый медведь, жадно глядящий на косяк лососей со льдины, ни морской лев, ни рыболовное судно, прочесывающее сетями море до самого дна, — никто не встретится больше на пути у лососей. Если это устье Зеленой реки, если это тот самый дом, о котором лососи только слышали...

Плавники движутся все быстрее. Откуда-то изнутри прибывают свежие силы. Речной запах усиливается. Лососи все сразу меняют направление и плывут туда, откуда чувствуется запах реки. Будто так давно было договорено между ними.

Серебристый Лосось, окруженный собратьями, направляется в ту сторону, откуда доносится запах. Морская вода, разбавленная речной, кажется уже не такой соленой. Лосось слышал, что от устья реки до ее истоков совсем не далеко. Но потребуется какое-то время, чтобы привыкнуть к речной воде, и тогда можно будет плыть против течения. Решив, что все невзгоды позади, лосось вдруг чувствует сильную усталось.

И тут вдруг что-то блеснуло, это перед глазами лосося мелькнула сверкающая линия. Блеск был таким сильным, что лосось на мгновение ослеп. Сияющий предмет приблизился к лососю с левой стороны, когда строй лососей стал менять направление.

— Привет.

Это был не кто иной, как Яснооkая Рыбка. Ее голос снова зазвенел у его уха:

— Серебристый Лосось, тяжело тебе было?

Он покраснел, будто сделал что-то постыдное.

— Не волнуйся, теперь я буду рядом.

— ...

Между ними повисла тишина. Но молчать дальше было неловко. Серебристый Лосось набрался решимости и на этот раз заговорил первым:

— А где ты была все это время?

— Далеко.

— Далеко?

— Ну... До того как повстречаться, мы были далеко друг от друга. Ты далеко от меня, а я — далеко от тебя. Хотя мы вместе дышали и жили, но были далеко друг от друга. А теперь все по-другому.

— Похоже, ты права. А можно я еще кое о чем спрошу тебя?

— Да, конечно.

— Сейчас, когда ты промелькнула передо мной. Это сияние, что это было?

— Сияние?

— Я точно видел его. Ослепительное сияние.

Поверхность воды словно закипает от пузырьков воздуха, поднимающихся изо рта Яснооκой Рыбки. Она смеется.

— Просто ты посмотрел на меня глазами души. Если так смотреть, все на свете прекрасно.

Глаза души! Как давно он не слышал таких слов. Он долго смотрел на свою подругу, Яснооκую Рыбку, которая умела смотреть на мир глазами души, и позабыл те слова, что должен был ей сказать.

Встретив снова Яснооκую Рыбку, Серебристый Лосось сильно изменился.

То, что и раньше попадалось ему на пути, теперь не казалось ему чем-то обыденным. То, мимо чего лосось раньше равнодушно проплывал, теперь становилось для него необыкновенно важным. Маленький камушек, тонкий стебель лотоса, время, бегущее секунда за секундой, — все, что раньше казалось ему неважным, теперь обрело ценность сокровища. В мире все наполнено смыслом. В мире нет ничего такого, что следует отвергнуть.

Особенно Серебристому Лососю нравилось подолгу прислушиваться к разным звукам в воде. Благодаря острому слуху, который раньше служил лососю, чтобы избежать лютого врага или добыть корм, теперь лосось мог замечать и понимать малейшие изменения в мире.

Серебристый Лосось слушал, как жужжат в камышах мухи, прислушивался к отдаленному грохоту поезда, несущегося по железной дороге, к звукам лососьих свадеб, слушал, как дождь, будто по клавишам органа, стучит по поверхности воды, как поток воды шевелит мелкий, словно мука, речной песок, — слушал все звуки, что несет с собой глубокая река.

Каждый раз, когда Серебристый Лосось прислушивался, Яснооκая Рыбка подплывала к нему.

— Ты не заметил, как я подплыла? — стрельнув глазами в его сторону, спрашивала она.

— Заметил. Даже если ты куда-то уплываешь, я всегда смотрю на тебя, — отвечал Серебристый Лосось.

— Я тоже так делаю. А еще я знаю, что ты сейчас слушаешь и о чем думаешь.

Глаза Яснооκой Рыбки заблестели. Она смотрит на Серебристого Лосося. Похоже, пришло время сказать Серебристому Лососю то, что она уже давно собиралась. То, что она хотела прошепать на ухо только ему, то, что она была готова

доверить только ему, то, что Серебристый Лосось всегда хотел услышать.

Она подплыла к нему и еле слышно произнесла:

— Я могу полюбить только лосося, который умеет видеть красоту мира.

Сердце Серебристого Лосося забилось с невыразимой силой. С той самой минуты, как Серебристый Лосось повстречал Ясноокую Рыбку, он забыл все, что когда-либо знал о других рыбах: их имена, адреса, любимые занятия и прочие особенности. Он стал нищим, оставив воспоминания обо всем, что занимало его ум в прошлом. Опустевшее пространство его души принадлежало теперь лишь ей одной — Ясноокой Рыбке. Все прошлое было неважно, значение имела лишь она одна, она и была его настоящим. Серебристый Лосось словно стал сосудом, из которого выплеснули ненужную воду, и теперь его наполнял чистый, свежий воздух.

Внешность Серебристого Лосося тоже изменилась.

С тех пор как лосось попал в устье реки, а точнее — с того момента, как он вновь повстречал Ясноокую Рыбку, его чешуя начала менять цвет, становясь красновато-розовой. С Ясноокой Рыбкой тоже произошли заметные перемены. У нее на теле появилось несколько ярко-красных пятен, которые были еще ярче, чем новая чешуя Серебристого Лосося. Пару дней спустя пятна не прошли, напротив, все тело Ясноокой Рыбки теперь покрылось еще более яркими красными крапинками.

На дворе стояла поздняя осень.

В это время покрасневшие листья падали с деревьев и плавно опускались на поверхность речки.

Серебристый Лосось спрашивал у листьев:

— Почему вы стали красными?

— Потому что настала поздняя осень, — в один голос отвечали листья.

— Осень?

— Да. Поздней осенью мы, листья, должны исчезнуть. Мы должны покинуть деревья, на которых росли весь год.

— Но ведь это очень грустно, правда?

— Вовсе нет. Уйдем мы, а на следующий год ветви снова покроются листьями. А куда движетесь вы, лососи?

— Мы возвращаемся в верховье Зеленой Реки.

— Зачем?

— Пока я сам этого не знаю.

— А почему вы стали красными?

Похоже, листьям тоже было интересно, почему лососи поменяли цвет чешуи.

— Этого я тоже пока не знаю.

Однажды осенних листьев нападало много-много, не счесть, и вся речная поверхность покрылась листьями. Стая лососей плыла под водой против течения, а листья спускались по течению вниз.

Серебристый Лосось решился спросить у Яснookой Рыбки:

— Почему мы становимся красными?

Яснookая Рыбка, не ответив, пристально посмотрела в глаза Серебристому Лососю. А потом тихонько сказала:

— Мы стали красными, потому что повзрослели, а еще...

— Что же еще?

— А еще мы полюбили друг друга. Все лососи, когда наступает пора влюбиться и создать семью, становятся красными.

— Полюбили? Так значит, эти красные пятна — не какая-нибудь опасная болезнь. Ха-ха-ха.

Серебристый Лосось весело засмеялся.

Несколько дней лосося мучила беспричинная тревога, и ему вдруг пришла вот какая постыдная мысль. Все обдумав, он понял, что становиться взрослым — страшно. У него в голове замелькало слово “ответственность”. Погибшая сестрица раньше произносила его. Когда становишься взрослым, то за многое приходится нести ответственность.

Яснookая Рыбка тоже была серьезна как никогда раньше. Она задумчиво говорила:

— Если мы поженимся, нужно будет откладывать икру.

— Икру?

— Конечно. Ты, наверно, этого не знаешь, но у меня в животе уже спрятано много икринок.

— Неужели?

Серебристый Лосось изумленно смотрит на Яснookую Рыбку. Она задумчива, но вместе с тем в ее глазах какая-то решимость. Зря Серебристый Лосось отягощает душу сомнениями.

— Разве ты не рад? Мне нужна твоя помощь.

Серебристый Лосось не находит в себе сил тут же ответить, что он тоже очень рад, и Яснookая Рыбка продолжает говорить:

— Мы плывем вверх по реке, чтобы отложить икру.

Серебристый Лосось молча выслушал ее, а потом, тряхнув головой, спросил:

— Чтобы отложить икру? Только ради этого?

Яснookая Рыбка спокойно ответила:

— Ради этого мы и живем.

— Хватит, перестань! — прервал Серебристый Лосось Ясноокую Рыбку.

У него в голове все перемешалось.

— Лососи столько раз подвергались смертельным опасностям, чтобы приплыть сюда. И впереди у стаи лососей немало трудностей. И все эти страдания — только ради того, чтобы отложить икру? Лососи встречаются, влюбляются, играют свадьбу — все ради того, чтобы отложить икру?

Серебристый Лосось не хотел в это верить.

— Да чем же жизнь ради икры отличается от жизни ради еды? Очевидно, в жизни должен быть еще какой-то смысл, — убеждал Серебристый Лосось Ясноокую Рыбку. — Мы плывем против течения только для того, чтобы отложить икру? Мы любим, чтобы отложить икру, — ты думаешь, в этом и есть вся наша жизнь? Нет уж. В жизни лосося должен быть особый смысл. Мы просто еще его не нашли. Но это же не значит, что его нет, правда?

— Я не могу сказать, что я с тобой не согласна. И все же... я... нужно отложить икру. Не кому-то там, а нам с тобой.

Ясноокая Рыбка хотела показать Серебристому Лососю свой округлившийся живот. Хотела попросить его хоть раз посмотреть на икру глазами души. Ясноокая Рыбка жалела Серебристого Лосося, который не мог понять смысла такого важного дела, как нерест в верховье реки.

— Почему листья с деревьев плывут вниз по течению? — удивленно спрашивал Серебристый Лосось.

— Потому что они не умеют плыть против течения, — отвечала Зеленая Река.

— А что это значит — плыть против течения? — снова спрашивает Серебристый Лосось?

Зеленая Река, чуть замедлив движение волн, смеется. В тот момент кажется, что течение вообще остановилось. Однако в этом мире нет реки, в которой бы остановилось течение. Река движется без передышки. Просто чем глубже река, тем сложнее заметить ее движение.

— Что значит — плыть против течения?

Зеленая Река по-прежнему лишь улыбается, ничего не говоря в ответ. Но потом все же ответила:

— Серебристый Лосось, ты думаешь, что ты один, без чьей-либо помощи можешь плыть против течения.

— Да, я так думаю.

— Один ты ничего из себя не представляешь. Один — это ничто. Особенно лосось. Лососи красивы, только когда собираются в стаю и поднимаются вверх по реке.

— Почему мы плывем против течения?

— Плыть против течения — значит надеяться увидеть то, чего сейчас не видно. Свою мечту. Это трудно, но прекрасно.

Серебристый Лосось, не шевелясь, слушает, что говорит Зеленая Река, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Знаешь, почему река течет вниз?

— Потому что не умеет плыть против течения?

— Ха-ха-ха.

Зеленая Река громко засмеялась. Волны улыбающейся реки накатывают на берега и колышат заросли прибрежных камышей. Серебристый Лосось, наконец, понимает: то, что говорит Зеленая Река, не так просто, как ему поначалу показалось.

— Река течет вниз, чтобы лососи плыли против течения.

— Значит, мы плывем против течения, потому что так решила река?

— Правильно. Река течет вниз, чтобы лососи набрались опыта.

— Набрались опыта?

Зеленая Река медленно произносит:

— Река течет вниз, своим течением и прохладой закаляя лососей. Она указывает им дорогу. Учит их плыть против течения, а потом показывает, зачем лососям все это нужно.

Серебристый Лосось кивает. И вправду, река сама по себе указывает лососям путь.

— Вы говорите, что плыть против течения — значит искать мечту?

— Именно так я и говорю.

— И что же, получается, наша мечта — это нерест? — разочарованно спрашивает Серебристый Лосось.

— Ну... может быть, так, а может быть, и нет.

— Тетушка река! Ну разве это ответ? — канючит Серебристый Лосось.

Река говорит:

— А у тебя, Серебристый Лосось, какая мечта?

Застигнутый врасплох вопросом Зеленой Реки, Серебристый Лосось не может ответить. Он так о многом мечтает. Но почему же не может он рассказать об этом? Лосось подумал, что река права: искать мечту — значит надеяться увидеть то, чего сейчас не видно.

Ким Чунхёк

Стеклянный город

Перевод Ксении Пак

КОГДА большое стекло размером 10 × 10 метров упало на землю, люди, находившиеся внизу, не успели даже испугаться.

Если вещь падает с неба, она отбрасывает тень. Но только не стекло. Солнечные лучи свободно проходят сквозь него. Одни очевидцы утверждали, что они все же видели прямоугольный отблеск на месте будущего падения. Другие были уверены, что отблеск был в виде ромба. Как бы то ни было, огромный кусок стекла упал на головы пятерых, переходивших улицу прохожих. Трое из них умерло: одному большой кусок стекла вошел в глаз и вышел через затылок, другого разрубило на две половины, тело третьего было испещрено тысячами стеклянных осколков до неузнаваемости. Двое оставшихся в живых находились чуть поодаль от места падения, и их лишь слегка задело осколками. К счастью, стекло упало по касательной, и жертв было немного. Этот случай, произошедший в Сеуле, микрорайоне Мион, района Кванчхан, попал в историю как первая “стеклянная трагедия”.

Глава отдела по предотвращению ЧС Ли Юнчхан прибыл на место происшествия через полчаса после трагедии. Тела

© Kim Jung-hyuk, 2010
© Ксения Пак. Перевод, 2016

погибших и двоих выживших к тому времени уже увезли. Место происшествия было окружено оградительной лентой, но сохранить его в неприкосновенности было невозможно. Куски стекла разлетелись во все стороны, к тому же сразу после происшествия прошел дождь, и искать их было бесполезно. Но даже если бы удалось сложить стекло по кусочкам, найдя все составные части пазла, это бы не помогло решить задачу. Оградительная лента была натянута и вокруг пятен крови, не до конца смытых дождем. Места, где лежали трупы, были обведены белым мелом.

Ли Юнчхан подобрал один из осколков и поднялся на десятый этаж здания, откуда и упало стекло. Это здание занимала телекоммуникационная компания, предоставлявшая услуги связи и доступа к сети интернет. В офисе на десятом этаже находился отдел по развитию бизнеса и отдел международного сотрудничества. Все пятнадцать сотрудников безмолвно смотрели на зияющий оконный проем. Следователь Чон Намчжун, встав на колено, внимательно рассматривал пол, отгороженный лентой у проема. Ли, показав удостоверение, прошел за ограждение. Чон встал, приветствуя его:

— Шеф, давно не виделись. И надо сказать, слава богу, что давно.

— Ты что-нибудь нашел?

— Ничего нет. Все чисто. Ни стеклышка. Теперь вам, как эксперту, разбираться. А мне надоело тут копаться, согнувшись в три погибели.

— Свидетели?

— Все они — свидетели, — произнес Чон, указывая на сотрудников компании. Те продолжали смотреть на дыру. — Вот только пользы от них никакой. Сидели, работали, и вдруг окно бесшумно обрушилось.

— Бесшумно?

— Никто не слышал, как стекло выпало, слышали только, как грохнулось о землю. По мне, так сильно смахивает на самоубийство.

— Что за чушь, какое еще самоубийство?

— Рассмотрев все обстоятельства дела, давайте определим его как самоубийство. А что? Бедное стекло стояло, уцепившись за стену, и так ему тяжко стало, что спрыгнуло вниз. А все оттого, что у него не было тени. Сказало “Пока” кабинету и прыгнуло.

— Не пори чушь, спустись на первый этаж, а я здесь осмотрюсь и подойду позже.

— Да, шеф. Будьте осторожны, здесь на краю скользко.

Ли и Чон работали в разных отделах. Ли являлся начальником отдела по предотвращению ЧС, Чон был приписан к отделу по борьбе с террором. Они встречались на месте преступления в тех случаях, когда была неясна природа происшествия. Они часто помогали друг другу, но чаще расходились во мнениях. Ли был старше на десять лет, и Чон как-то само собой стал звать его шефом, хоть и не обязан был, поскольку служил в другом отделе. Но это не мешало ему, невзирая на субординацию, высказываться так, как бог на душу положит. В этом был весь он. Его характер просматривался и в чертах его лица. Линии бровей, уголки глаз, архитектура носа — все его вечно радостное лицо было слеплено довольно грубо. Внешность Ли Юнчхана также не отличалась изяществом, но из-за узких губ черты его лица казались тонкими.

Ли внимательно осмотрел оконный проем: никаких следов воздействия не обнаружил, не похоже, что кто-то пытался вырезать стекло из рамы. Как сказал Чон Намчжун, стекло само бросилось вниз. Иначе чем объяснить то, что нет следов внешнего вмешательства? Ли сфотографировал пол, оконный проем и выглянул наружу. С высоты десятого этажа земля казалась близкой. Не смытые дождем осколки блестели под яркими солнечными лучами. Там, где до этого лежали тела, подсыхали красноватые пятна. Ли представил себе, как громадное стекло падает вниз; как оно внезапно, словно гигантское старое дерево, обрушивается на головы прохожих, пробивает насквозь череп, врезается в человеческую плоть и рассыпается, разлетаясь многочисленными осколками в разные стороны. На миг ему показалось, что это могло быть красиво. Он покачал головой, отступил от окна и направился вниз.

Вторая стеклянная трагедия произошла тремя днями позже. Еще через два дня третья. Во втором случае стекло упало с четвертого этажа и убитых не было. В третий раз от стекла, упавшего с восьмого этажа, пострадали семь человек. Четыре школьницы скончались на месте. Три другие жертвы осколочной атаки, не протянув и дня, умерли в больнице. И в этих случаях не было никаких следов постороннего вмешательства, оконные проемы были так же не тронуты, и казалось, будто стекла падали сами.

Ли не смог найти в этих событиях ничего общего, кроме того, что все они произошли в Сеуле, хотя и в разных местах, на разных этажах. Не было ничего общего у арендаторов офисов, и во всех трех случаях было разное время падения, угол падения и размер стекла. Совпадало только то, что стек-

ло выпало, выпало бесшумно, и не было никаких следов внешнего воздействия. Эти обстоятельства объединяли происшествия в одно дело, но это ничем не помогало следствию.

Стеклянные трагедии широко освещались в новостях. Для их всестороннего анализа в телестудии приглашались узкопрофильные эксперты (строители, мастера стекольного дела, представители отдела ЧС). В других передачах учили ходить по тротуарам так, чтобы не стать жертвой стеклопада, говорили, что нужно делать, если осколки все же воткнутся в тело. Люди стали ходить по улицам, подняв голову и смотря на небо. Ли Юнчхан тоже ходил, подняв голову к небу. Со всех сторон его окружали здания. Сотни тысяч стекол угрожающе нависали над ним. Каждое из них могло обрушиться в любой момент. Вопрос в том, успеешь ли увернуться, если заметишь падающее стекло? В одной из передач даже проводили эксперименты. На земле установили камеру и уронили стекло с высоты пятого этажа. При падении стекла почти не было видно. Лишь внимательно приглядевшись, на мгновение можно было заметить блики, отражение солнечных лучей от его поверхности. И лишь когда стекло достигало уровня камеры, на секунду появлялось ощущение, что в воздухе что-то есть, и тут же раздавался грохот разбивающегося стекла. Результаты экспериментов были очевидны: увернуться от падающего стекла невозможно. Самый верный способ избежать смерти — передвигаться как можно ближе к стенам здания.

Сперва нужно было узнать все про стекло. Ли Юнчхан договорился о встрече с Ха Сону, основателем общества строителей, выступавших за "город, удобный для пешеходов". Ха был "номером один" во всем, что касалось строительства с фасадным остеклением и, по совместительству, являлся консультантом корпорации, производящей закаленное стекло. Огромный стеклянный колосс, возвышавшийся в центре города, был его творением. Ли Юнчхану пришлось прождать Ха полчаса в приемной. Когда он все же попал в кабинет, Ха Сону не понравился Ли Юнчхану с первого взгляда. Ха Сону делал вид, что жутко занят, и то и дело отвечал на телефонные звонки. Офис Ха находился на пятом этаже спроектированного им же здания и тоже был целиком из стекла. Ли сперва даже показалось, что Ха парит в воздухе. Книжный шкаф, письменный стол, журнальный столик и, разумеется, окно — все было стеклянным. Благодаря этому пространство комнаты будто расширялось, у Ли даже закружилась голова. На лицо Ха, сидевшего спиной к огромному окну, падала слабая тень.

— Вы пришли по поводу стеклянных трагедий?

– Ли Юнчхан, отдел по предотвращению ЧС.

– Мы оба занятые люди. Давайте без лишних слов. Я вам скажу, что я об этом думаю. Это вовсе не чрезвычайная ситуация, это убийство.

– Так вы хотите сказать, проблема не в стекле?

– Ну, разумеется. Кто-то специально обрушивает стекла. Мне кажется, вам стоит копать именно в этом направлении.

– Но стекла падали и раньше.

– Ну конечно, падали. Но это было давно. Стекло, оно только на вид хрупкое. На самом деле оно намного крепче, чем кажется.

– Из каких стекол были сделаны окна в тех зданиях, где случились трагедии?

– Я советую вам уточнять у специалистов такие банальные вещи.

– Так я у него и уточняю.

– Как-то вы не очень вежливо обращаетесь к специалистам.

– Ну уж извините. Можно я, невежда, позволю себе еще один банальный вопрос.

– Я вас слушаю.

– Задумай вы обрушить стекло, как бы вы это сделали?

– Почему я должен на это отвечать?

– Меня просто интересует сам способ.

– Чтобы что-то сделать, надо придумать, как сделать.

– Ну и как это сделать технически?

– Чтобы получить надлежащий ответ, нужно задать правильный вопрос. Вы же понимаете, я человек занятой...

Подгоняемый этими словами, Ли Юнчхан вышел из кабинета. Ему не понравилась оборонительная позиция Ха, который улыбался, но, судя по всему, был раздражен. Можно списать странное поведение Ха на занятость, но уж очень мощной была выстроенная им оборона. Ли решил проехаться по стекольным заводам. Ха Сону был по-своему прав. Чтобы получить надлежащий ответ, нужно задать правильный вопрос. А чтобы задать правильный вопрос, нужно исходить из соответствующих предпосылок. Однако прежде чем Ли добрался до стекольного завода, произошла четвертая стеклянная катастрофа. Случилось это между местом обрушения второго и местом обрушения третьего стекла. В этот раз обошлось без смертельных исходов, лишь пятеро пострадавших получили легкие травмы. Ли развернул машину и направился туда, где случилось происшествие. Чон Намчжун уже был там.

— Вот черт.

— Что-то нашел?

— И в этот раз никаких повреждений. Результаты экспертизы стекла еще не пришли?

— Еще нет.

— А без них не понять, что к чему и что делать дальше.

— Ты опросил очевидцев?

— Нет. Какой в этом толк? Упало тихо, никто ничего не слышал. Оно же стекло, его не убедить, не запугать.

— Не неси чушь.

— Какую чушь?

— Про самоубийство.

— Это шутка!

— Не шути так.

— Ну и характер у вас. Что ж, я понял. На том и порешим, окно само не выбрасывалось. В нашей стране уровень самоубийств окон — самый низкий в мире! Ха-ха-ха.

Ли Юнчхан промолчал. В этот раз стекло упало с шестадцатого этажа. Начался дождь. Капли мало-помалу сливались в тонкие струи. Струи становились все толще. Дождь сквозь оконный проем пробивался внутрь здания. Это был большой торговый центр, и шестнадцатый этаж был отдан под ресторанный дворик, но арендаторы еще не въехали, и он пустовал. Ли отступил назад, спасаясь от капель. Чон смотрел на проем из-за его плеча. Ветра не было, и струи потоком стремились вниз, в воздухе между ними парила водяная взвесь. Они молча смотрели на дождь в окно, лишенное стекла. Минут через пять дождь поутих. Ли подошел к окну, высунул голову и посмотрел вниз. Внизу было скользко. Чон Начжун тоже подошел и посмотрел вниз. На темном асфальте блестели осколки и вода.

Через два дня пришли результаты экспертизы. Они были весьма любопытны. Закаленное стекло может обрушиться из-за трещины или изъяна, возникшего при его изготовлении. Трещина, становясь все больше, не выдерживает давления и разрывает стекло на части. Способна разорвать стекло примесь серы или никеля. Стекло с изъяном может взорваться и через год, а то и через десять лет. В осколках с трех мест происшествий был обнаружен алюминат кобалиума. Видимо, этот химикат использовался в процессе закалки стекла. Закалка нужна, чтобы не появлялись трещины. Но алюминат кобалиума как раз способен вызывать трещины. Воскрешать то, что исчезло. Лаборант, протягивая Ли Юнчхану листок с результатами, сказал, что кто-то специально добавил алюминат

кобальта в стекло. Ли хотел бы узнать из бумажки о намерениях преступника, но видел только ряды цифр и непонятные названия, ничего ему не говорящие. Лаборант сказал:

— Вся проблема в том, что алюминат кобальта неустойчивое вещество.

— Что значит неустойчивое?

— Оно очень чувствительно к окружающей среде.

— То есть легко превращается в другое вещество?

— Да, само превращается и может влиять на окружающие вещества. Оно, вероятно, особым образом реагирует на определенное воздействие. Преступник наверняка знает на какое и может в нужный момент разбить нужное окно.

— Это ужасно, — пробормотал Ли Юнчхан.

Раз уж это убийство, а не ЧС, дело надо было передать Чон Намчжуну, но Ли все продолжал размышлять об этом загадочном явлении. В нужный момент в нужном месте... это может стать самым большим чрезвычайным происшествием в истории человечества. Да, он сам хотел до всего докопаться. Ли вызвал Чона, ввел его в курс дела и предложил совместное расследование. Чон Намчжун был не против. Он не стал бы жаловаться, если бы это дело поручили ему одному, ведь жертвами террора могли стать миллионы.

— Я пробегусь по стекольным заводам, а вы, шеф, проверьте другие осколки с мест происшествий. И надо попросить подкрепление.

— Согласен. А ты поинтересуйся, где и когда было сделано стекло.

— Обидно, что вы меня за дурачка держите. Я свое дело знаю.

Отдел по борьбе с терроризмом официально принял дело к производству, и Чон возглавил специальную команду из десяти человек. Отдел по предотвращению ЧС выделил троих для поддержки, включая Ли Юнчхана.

На следующий день Чон со своей командой отправился на стекольную улицу, что на окраине Сеула. По обеим ее сторонам находились тридцать заводов, около каждого из них стоял грузовик в ожидании погрузки. Внутри — стекло, снаружи — стекло, в кузове грузовиков — стекло. Все было стеклянным, и от этого улица казалась светлее. Солнечные лучи пронизывали воздух. Почти все стекла для защиты от сколов были проклеены крест-накрест скотчем. Каждый раз, когда стекло перемещали, крест будто парил в воздухе. Причудливая картина. Чон, устав за это время от стекла, несколько минут не мог заставить себя ступить на улицу.

В результате расследования Чон выяснил, что на стекольной улице производили стекло малого формата. На такое стекло нанесен специальный номер, по которому всегда можно узнать производителя. Большие стекла производители не маркируют. Чон вспомнил места преступлений. Стекла были большими. Он позвонил Ли и сообщил ему об этом. Ли проверил данные. Самое маленькое стекло было высотой в три метра. Все стекла упали как раз с недавно реконструированных объектов. Здания оставляли как есть, меняли только фасады. Дома, теперь со стеклянными фасадами, выглядели как новые. Старые фасады постепенно, начиная с верхних этажей, менялись на стеклянные. В зданиях в это время можно было работать, так что владельцы не несли убытков. Все стекла с мест происшествий были с таких зданий, что отремонтировали за последние два года. Подрядчики были разные, стекла большого формата производились в трех разных местах, но производитель был один. Вот и разгадка. Ли и Чон договорились встретиться в компании, производившей стекло.

— Мы строго контролируем процесс производства. В стекло не могут попасть посторонние примеси, — твердо сказал менеджер "Curtain glass", фирмы по производству стекла, и густо покраснел, видимо, решив, что оскорбление нанесли ему лично. Чона это не остановило.

— Людям свойственно ошибаться. Вы не можете быть уверены на сто процентов.

— Хотите — проверяйте. У нас все контролируется приборами. Если добавить примесь в состав, можно изменить структуру.

— Значит, это был кто-то, кому приборы доверяют. Кто-то, кого они не могли бы заподозрить, добавь он даже примесь в стекло.

— Да о чем вы вообще?!

Но Чон был доволен своей шуткой и рассмеялся. Ли поморщился и сам спросил менеджера:

— Вы знаете, что такое алюминат кобалиума?

— Да, знаю.

— Если алюминат кобалиума входит в состав стекла, он может среагировать на определенное воздействие. Вы знаете об этом?

— Ну...

— Кто еще может знать об этом в вашей компании?

— Сотрудники лаборатории, они работают в другом месте.

Ли и Чон поехали в лабораторию. Ли, сидевший на пассажирском сиденье, пальцами постучал по окну машины.

Стекло отозвалось на удары. Какая сила нужна, чтобы разбить такое стекло? Ли сжал пальцы в кулак и ударил по окну. Стекло загудело в ответ. Чон Намчжун посмотрел в его сторону:

— А не вы ли преступник? У вас странное отношение к стеклам.

— Почему стекло?

— О чем вы?

— Почему ему пришла в голову мысль разбить стекло?

— Потому что они есть везде. Их видно отовсюду. Вон, оглянитесь. Везде стекла.

— Это не причина.

— Только представьте, что все эти стекла в один прекрасный момент рухнут на землю. Это же страшно. Преступник, наверное, думает так же.

Ли подался вперед и посмотрел на возвышающиеся вокруг здания. Они окружали дорогу с обеих сторон. Ли представил, как эти неисчислимые стекла вдруг падают на дорогу. Прозрачные стекла похожи на дождь или на снег. Они накрывают прохожих, окрашивают улицу кровью и разлетаются в разные стороны мелкими осколками. Ему пришла в голову мысль, что стекла похожи на живых существ.

— Чего же хочет преступник?

— Ну, требований он никаких не выдвигал, значит, просто сумасшедший. И он зол на всех.

— Я думаю, это не так. Должна быть причина.

— И какая, как вы предпаолагаете?

— Не могу понять.

— Поверьте мне, он просто сумасшедший.

Ли посмотрел на свое отражение в боковом зеркале машины. Одни стекла остаются стеклами, другие — превращаются в зеркала. А иногда и те, что остались просто стеклами, становятся зеркалами. Ли вглядывался в пейзаж, отражавшийся в зеркале. В этом же зеркале отражалось и боковое стекло машины. Многочисленные отражения мелькали и в других стеклах.

* * *

Ко Ынчжин долго вглядывалась в свое отражение. Под глазами залегла густая тень. Она подалась вперед, к зеркалу. Маленькие морщинки, создавая змеиный узор, разбегались по ее лицу. Она указательными пальцами растянула глаза. Щелки глаз уменьшились, все расплылось, и она уже ничего не видела в зеркале. Она потянула уголки глаз кверху. Ни

так, ни так она не казалась ни злой, ни опасной. Она усмехнулась своему отражению. Ее дом был весь отделан зеркалами. Стекол в нем не было. Все стеклянные поверхности она заменила зеркальными. Она любовалась отражением своего нагого тела. Она была так худа, что можно было кости пересчитать, но не хотела прибавлять в весе. Она любила свое худое тело. Ключицы, плечи, локти, лонное сочленение — ей нравилось все, что она видела. Ынчжин оделась, еще раз взглянула на себя в зеркале, бросила взгляд на гигрометр и вышла из дому. Гигрометр показывал 80 процентов влажности.

Ко Ынчжин узнала о свойствах алюмината кобалиума два года назад. Случайно обнаружила это, когда изучала, зависит ли прочность закаленного стекла от его размера. Она будто выиграла в лотерею и в тайне от всех начала эксперименты, добавляя это вещество в стекло и изучая возникающие эффекты. Для нее это была игра, в которую никто не должен был вмешаться. Спустя год она выяснила, при каких условиях алюминат кобалиума способен сжать стекло. Ынчжин проводила эксперименты со своим особенным стеклом на одном из тех заводов на стекольной улице. Завод был на грани закрытия, часто простаивал, и всем было наплевать на ее эксперименты. Там она довела свои опыты до желаемого результата.

Ынчжин почувствовала приближение дождя. Он непременно должен был начаться, раз в иссушенном городе так пахло плесенью. Этот запах заставил ее поторопиться. Она уточнила адрес по навигатору в телефоне. Это недалеко, всего четыре остановки на автобусе, и вот показалось огромное здание, словно окутанное стеклом. Она была на месте. Вошла в универмаг, стоявший напротив намеченного здания, поднялась на крышу в искусственный парк. Оттуда хорошо просматривалась цель. В будний день парк был почти пуст. Ынчжин вдохнула запах приближающегося дождя и села на скамейку, чтобы выждать момент.

Она точно помнила, что год назад, в то же время года, в похожую погоду, умерла ее подруга Чон Чихён. Чон Чихён — хорошенькая женщина миниатюрного телосложения. Все ее любили, и она этого вполне заслуживала. Ынчжин впервые встретила Чихён в клубе любителей джаз-танца. Ынчжин неуверенно чувствовала себя среди незнакомых людей, но танец притягивал ее настолько сильно, что она была готова потерпеть. Она терпеливо и старательно повторяла за другими все па и, возвратившись домой, танцевала в одиночестве перед зеркалом.

Чихён она приметила на третьем занятии. Чихён была слишком хрупкой для этого танца, но обладала удивительным чувством ритма. И все танцующие украдкой наблюдали за ее движениями, и она со всеми была приветлива.

Ко Ынчжин и Чон Чихён были почти ровесницами. Они нередко ужинали вместе после занятий, выпивали по стаканчику и болтали о том о сем. Чихён говорила, Ынчжин больше слушала. Их объединял возраст и много схожих переживаний, но были и совсем разные переживания. Чон Чихён часто говорила о своем парне. Ко Ынчжин это нравилось, и в то же время не нравилось. Она часто думал о Чихён. Перед сном, лежа в кровати, она часто вспоминала улыбающуюся Чихён. Она не старалась избавиться от мыслей о ней, потому что, когда она думала о Чихён, у нее улучшалось настроение. Ко Ынчжин бросила танцы через три месяца, но продолжала видеться с Чихён. А Чихён нравилась спокойная, вдумчивая Ынчжин, которая всегда могла ее выслушать.

Чон Чихён умерла через неделю после открытия секрета алюмината кобалиума, и Ынчжин показалось, что эти два события как-то удивительно связаны друг с другом. Чихён умерла, когда Ынчжин радовалась своему открытию. Упала с четырнадцатого этажа жилого здания. Расследование установило, что это самоубийство, но Ынчжин ему не поверила. Они общались за день до этого, и ничто не предвещало несчастья. И даже в день смерти Чихён написала ей: “Ынчжин, хорошего тебе дня. Встретимся на следующей неделе, отпразднуем твое открытие?”. Ынчжин считала, что это никакое не самоубийство. Доказательств не было, но она подозревала парня Чихён. Для Ынчжин было очевидно, что это парень столкнул ее. За день до ее смерти, Ынчжин долго рассказывала ей о своем открытии. Ынчжин не смогла объяснить ей суть научным языком и пообещала показать чудо. Она хотела показать ей, как стекла сами выпадают из очков, как стакан уменьшается в размерах и из него выливается вода, как стекло выпадает из оконного проема.

С того дня, как умерла Чон Чихён, у Ынчжин начались видения. Стоило ей посмотреть в окно, и она видела, как кто-то стремительно падает с высоты. И даже в эту секунду она ухитрялась разглядеть лицо. Это была она, Чон Чихён, она видела ее так ясно, будто падение на миг остановилось. Ынчжин смотрела в окно, и мимо пролетала Чон Чихён. В первый раз она в испуге подбежала к окну, посмотрела вниз, но тела не было. В день она падала минимум раз десять.

Видения преследовали Ынчжин и на улице. Стоило ей взглянуть наверх, она видела, как кто-то падает с высоты. Когда она оказывалась перед окном, за стеклом тут же возникала Чон Чихён. Ынчжин пила кофе в кафе на первом этаже, бросала взгляд на окно и снова видела, как падает Чихён. Она смотрела вверх на здания, окруженные стеклом, и видела, как падает Чихён. Прошел месяц, и это начало ей нравиться. Она наслаждалась падением Чихён и даже пыталась приукрасить свои галлюцинации. В них Чихён падала с высоты и разбивалась, словно стекло, на кусочки. Ее глаза, нос, тело, ногти и даже соски разбивались вдребезги, разлетаясь, словно стеклянные осколки. Крови не было, ее тело превращалось в маленькие гранулы и просто рассыпалось. Ынчжин, не моргая, следила за процессом. Она научилась вызывать ее образ, и Чихён падала с вершины здания, разбивалась о землю и разлеталась во все стороны, как стекло.

Иногда Ынчжин прыгала вместе с ней. Ее тело превращалось в стекло, падало вниз, и Ынчжин исчезала. Приближаясь к поверхности земли, ее тело становилось твердым и со звоном распадалось на осколки. А когда видение рассеивалось, она вновь оказывалась в своем теле. Ей одной был слышен звонкий грохот разбивающегося стекла, слишком отчетливый для воображаемого звука. Он нравился Ко Ынчжин. Ей хотелось сбросить на землю все стекло, чтобы вызвать к жизни этот оглушающий звук. Она часто представляла себе, как люди и стекла падают вместе, распадаясь на мельчайшие кусочки.

Люди, гулявшие в парке, куда-то исчезли. Вот-вот должен был хлынуть дождь. Хмурое небо подгоняло людей прятаться в здания. Ко Ынчжин огляделась и достала из сумки ружье. Оно было странной формы: курок был сделан в виде выключателя, ствол — короткий, а мушка — чересчур большая. От обычного ружья оно отличалось тем, что имело индикатор заряда, который загорался зеленым светом через десять секунд после нажатия кнопки заряда. Это означало, что можно стрелять. Стреляло оно не пулями, а звуковой волной. Ынчжин, прежде чем прицелиться в окно напротив, посмотрела вниз. Был будний день, и людей на улице почти не было. Она выбрала самое большое окно.

— Ко Ынчжин, — Ынчжин не успела оглянуться, как Чо выбил у нее из рук ружье и завел ее правую руку за спину. Ли Юнчхан поднял ружье.

— Ко Ынчжин, вы арестованы, — тихо произнес Ли.

— За что, вы и сами знаете. Так что можно и не говорить, — добавил Чон.

В комнате для допросов Ко Ынчжин не сказала ни слова. Чон и Ли вели допрос по очереди, но Ко смотрела в стол, не поднимая глаз. По столу извивались царапины.

— Госпожа Ко, вы оставили улики в центре управления производством. Когда вы начали добавлять в стекло алюминат кобалиума? Зачем вы это делали?

— Шеф, вы, должно быть, злитесь на нее, ведь она заставила вас побегать. Давайте достанем наших резиновых помощников, иногда людям нужен стимул, чтобы заставить себя открыть рот.

— Ты опять несешь чушь.

— Да что я такого сказал? Я известный специалист по резиновым дубинкам. На теле — ни следа, а заговорит, как миленькая.

— Да ладно тебе. Сходи лучше к Ха Сону и узнай, что произойдет, если на стекло с примесью алюмината кобалиума воздействовать звуковой волной.

— К этому-то? Да какая от него польза? А он согласится встретиться?

— Я уже назначил встречу. Он специалист и сможет дать нам консультацию по закаленному стеклу.

— Так мне поехать к Ха Сону?

— Да, езжай.

— Уже еду.

После того как Чон уехал, Ли сел напротив Ко Ынчжин. Она все так же не поднимала головы. Ли пришлось прильнуть к столу, чтобы заглянуть ей в глаза.

— Госпожа Ко, мы не можем заставить вас говорить против вашей воли. Но я могу рассказать все за вас. Поправьте меня, если я ошибаюсь. Остановите меня, если я дам волю воображению. Это дело меня сильно заинтересовало, и я на досуге много раздумывал о причинах.

Ынчжин сидела все так же, не поднимая головы. Ли вынул из кармана листок.

— Год назад вы открыли особые свойства алюмината кобалиума. Это, конечно, не точно, но, допустим, год назад. Примерно в то же время, как же ее зовут, а, Чон Чихён, умерла. Не знаю, что из этих событий было раньше, а что позже, не столь важно. Вас потрясла ее смерть. Вы ведь ее так любили. Не знаю, что это была за любовь, но, должно быть, вас сильно задела ее смерть. С того времени вы начали разрабатывать свой план. Вы задумали незаметно добавлять алюминат

кобалиума в стекло на заводе. Но для чего? Чтобы разрушить все стекло в мире, разрушить этот мир? Или вы захотели отомстить за смерть подруги? Но, может, есть более простая причина? Может, вы просто хотели продемонстрировать миру свое открытие? Ну и бог с ними, с причинами, результат ужасен. Вы очень страшный человек, если вы сознавали все последствия своих действий. Ли Юнчхан отпил воды. Он протянул и ей пластиковую бутылку с водой, но она не взяла. Пока Ли излагал свою версию, она даже не шелохнулась. Она так и сидела, сгорбившись.

— Четыре окна, десять трупов, скольких еще вы собирались убить?

Ли заметил, что плечо Ынчжин дрогнуло. Может, она осознала свою вину или, наоборот, хотела убедить в своей невиновности? То есть хотела все рассказать, но тело будто не позволяло ей это сделать. Ли решил все-таки подобраться к истине.

— Так во сколько стекол вы подмешали алюминат кобалиума? Вы хотели убить всех в Сеуле? — Ли говорил и наблюдал за Ынчжин. Он подумал, что ей нужно дать немного времени поразмыслить, чтобы раскаяться в содеянном. Он оставил ее одну и пошел в комнату отдыха попить кофе. И сам не заметил, как задремал. Его разбудил звонок Чона.

— Шеф, это ружье, "Ультрасоник", стреляет звуковой волной. Мы попробовали выстрелить из него по стеклу с примесью алюмината кобалиума, и интересная штука получилась.

— Не тяни.

— Стекло съежилось и в ту же секунду выпало из проема. Стекло с примесью алюмината кобалиума реагирует на звуковой удар, при этом разрушаются молекулярные связи внутри стекла, и оно уменьшается в размере. Стекло, как бы корчась в муках, съеживается.

— Это Ха Сону сказал?

— Я, конечно, своими словами пересказал, но смысл такой. Еще он сказал, что в сырую погоду эффект сжатия выше.

— В такую погоду, как сегодня.

— Да, именно так.

Ли просмотрел файлы Ко Ынчжин и нашел кое-что интересное.

Первая трагедия произошла в микрорайоне Мион района Кванчхан 15 июня в три часа дня. В тот день Ко написала заявление об уходе. Но очевидцы говорят, что она была на рабочем месте до пяти. Это подтверждается данными электронного учета рабочего времени. От офиса до Миона на

машине — 30 минут, но нет свидетельств, что она покидала офис. Ли заподозрил, что у Ынчжин есть сообщник. Вероятнее всего, это кто-то из сотрудников лаборатории. Ли вернулся в комнату для допросов. Ынчжин сидела в той же позе, вперив взгляд в стол.

— Идеальная погода для битья стекол, не так ли?

Ли пытался спровоцировать ссору, но Ынчжин будто не слышала его. Ему на секунду показалось, что она еле заметно усмехнулась.

Ко Ынчжин так и не заговорила. Соучастника не нашли, не узнали также, сколько еще в городе окон с изъяном. Ли решил, что расследование можно не продолжать. Стекла безопасны, пока их никто не трогает. Имя Ко какое-то время еще гремело в медиапространстве. Было высказано много догадок. Ли пометил ее дело как "Особо секретное". Узнай кто о реакции стекла с примесью алюмината кобалиума на звуковой удар, сотни, да что там сотни, тысячи окон сразу бы стали угрозой для окружающих.

Спустя месяц начался сезон дождей. В воздухе пахло долгожданной влагой, сменившей долгую засуху. Капли дождя падали на иссушенную землю, поднимая фонтанчики пыли. На улицах ощущался запах гнили. Незадолго до того, как на город обрушился дождь, из окна одного здания в центре города выпало стекло размером 4 на 3 метра и убило двух прохожих. Одной из пострадавших, женщине за двадцать, стекло раскроило череп так, что он был похож на вскрытый арбуз. Троих очевидцев стошнило на месте. Ли Юнчхан позвонил Ха Сону как только узнал о происшествии. Ха Сону был как будто удивлен и утверждал, что не имеет отношения к происшествию. О реакции стекла с примесью алюмината кобалиума на звуковой удар знали четыре человека: Ко Ынчжин, сидевшая в тюрьме, Ли, Чон и Ха. Но, возможно, был и пятый. Тот самый сообщник Ко Ынчжин. Как только Ли положил трубку, телефон зазвонил снова.

— Шеф, вы едете? — это был Чон Намчжун.

— Да, еду. Что на месте преступления?

— Как и в прошлые разы. Никаких следов.

— Начни с алиби сотрудников лаборатории.

— Уже сделано. За это время никто не увольнялся, и все были на рабочих местах.

— Так кто же это?

— Не знаю. Приезжайте быстрее.

Ли положил трубку и сразу же вызвал такси. В машине было душно, и он опустил боковое стекло. В салон залетали кап-

ли дождя. Водитель оглянулся на пассажира. Струи дождя становились все толще. Ли посмотрел наверх, на этот лес из зданий. Слишком много стекла. Сквозь стену дождя доносился высокий, давящий звук. Наверное, ветер, прорываясь сквозь струи дождя, издавал его. Ли подумал, что, может, и нет никакого сообщника. Возможно, окна разрушает звук, который нам не слышен, о котором мы не знаем. Ему вспомнилось, как усмехнулась на допросе Ко Ынчжин, и его тут же бросило в жар от гнева. Он смотрел на скрывающиеся за завесой дождя здания. Слишком много стекла.

— Сиденье все вымокло, — сказал ему водитель, наблюдая за ним в зеркало заднего вида. Из-за открытого окна у Ли промокло правое плечо и вся рука. Он закрыл окно. И тут же капли, словно звери в поисках добычи, накинулись на стекло.

Перевод Анастасии Гурьевой

Со Чончжу

У *хризантемы*

Чтоб расцвела сегодня хризантема —
Еще с весны, — не для того ли
Пела с плачем совка?

Чтоб расцвела сегодня хризантема,
Не для того ли
Гром гремел из тучи?

Цветок, подобен ты моей сестрице —
Грудь скована печалью неизбывной,
Окольными путями юности
Она пришла и в зеркало глядится.

Чтоб лепестками желтыми сегодня ты цвела,
Вчера не для того ли появился первый иней,
И ночью нынешней не потому ли так долго я не мог
уснуть?

© Анастасия Гурьева. Перевод, 2016
© Seo Jeong-ju, 1946, 1955, 1975

На *качелях. Песня Чхунхян*[1]

Хяндан[2], а ну раскачивай качели!
Как будто в море синее
Ты отправляешь лодку,
Сильней, Хяндан!

Как будто от трепещущей понуро ивы,
И от приникших, словно перед бурей, трав,
От мотыльков и ярко-желтых иволг,
Ввысь направляешь ты меня, качай сильней, Хяндан!

И в небо, где нет рифов, нет и островов,
Ты ввысь меня направь, раскачивай качели.
К тем облакам с их переливами оттенков, ты ввысь
меня направь, сильней качай,
И душу, что томится в ожиданьи, ты ввысь направь,
сильней, Хяндан, сильней!

Но все же так, как к западу стремится месяц,
Я в небо устремиться не смогу.

Как ветер, что вздымает в море волны,
Сильней качай меня, Хяндан,
Сильней!

Иссиня-ослепительные дни

В иссиня-ослепительные дни
Давайте тосковать о тех, по ком скучаем.

Но здесь, куда ни глянь, повсюду — осени цветы,
Устав от зелени, раскрасились осенней гаммой.

А как же быть, что делать в снегопад?
И как же быть, когда весна наступит?

Когда, быть может, я умру, а ты продолжишь жить,
Когда, быть может, ты умрешь, а я останусь?

1. Чхунхян — героиня традиционного корейского сюжета. Когда она качалась на качелях, ее увидел молодой человек, с которым Чхунхян впоследствии связала свою судьбу. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Хяндан — имя служанки Чхунхян.

В иссиня-ослепительные дни
Давайте тосковать о тех, по ком скучаем.

Невеста

Пред наступленьем первой брачной ночи еще сидела рядом с женихом невеста, устало распустив прическу, одета в кофту синюю и юбку алую, как вдруг, нужду испытывая малую, жених вскочил и поспешил на двор, да зацепился за дверной крючок полой одежды. Решил жених поспешно, не подумав: видать, моя невеста похотлива, что утерпеть она не может и тянет за полу к себе. Не обернувшись, выбежал жених, и думал он, нужду справляя, что, мол, невеста, как оторванный лоскут, на что она теперь годится? И так решив, он не вернулся в дом.

Прошло тому почти полвека, и оказался он проездом в тех краях. И вспомнил, и решил проведать, прошел он в комнату невесты, посмотрел — а та все так же, как той самой ночью, еще сидит с распущенной прической, одета в кофту синюю и юбку алую. Почувствовал неловкость перед ней, и осторожно он ее плеча коснулся, и тут рассыпалась она и обратилась прахом. Был синим и был алым этот прах.

Ким Сынхи

Жизнь в сердцевине яйца 2

Откроешь холодильник — там рядком
Лежат покорно яйца,
Белы, и аккуратны, и чисты.
И думается мне, что даже голод
Мне не позволит съесть их ненароком.

На пригородном поезде бесцельно я каталась как-то,
И вот, у сельской школы бедная торговка продавала
Десятки и десятки желтеньких цыплят.
И все они в картонном коробе
Так неустанно копошились,
Комочки желтенькие.
(Да, сердцевина жизни столь тепла!)
"Жить — счастье!" — эту мысль являл их образ
И у меня, так часто повторявшей, что "несчастье —
жить",
Слезами он застлал глаза.
Не потому ли, что тогда рвалась на волю я из
скорлупы?

Ах, как же грустно
В безденежье искать нам средства на леченье
Разбитого параличом отца!

© Kim Seung-hee, 1989, 2012

И так же, как и мы, белок с желтком,
Ведут ли диспут об отчаяньи?

В любое время года холодильник
Откроешь потихоньку, а оттуда
Как будто бы яиц холодных раздается
Шепот:
“Мам, обними меня”! Но в теплые объятья
Наседки-мамы так и не попали эти яйца.
И дешево распродавали их.
Подобно им, и у меня, оставшейся без документов,
Надежда постепенно ослабела,
Но и отчаянье зато как будто бы смиренней стало.

Сеульская хандра 1

Шопену тяжело от бытности Шопеном, и потому он
голову склоняет.
Жорж Санд же тяжело от бытности Жорж Санд,
Вот потому она и голову склоняет.
Больному тяжело от бытности больным,
А вору – бытность воровская тяжела,
Рабочему – от бытности рабочей тяжко,
Врачу – от бытности врачом, и потому они и голову
склоняют.
Отцу – от бытности отцовской тяжело,
От материнской – матери,
А дочери – быть дочерью непросто, вот потому они
и головы склоняют.
Подсолнуху – подсолнухом быть тяжело,
И традесканции собою быть непросто,
Ромашке – быть ромашкой,
И астрагалу тяжело быть астрагалом,
А канне – бытность канной тяжела, вот потому они и
голову склоняют.

О, как же тяжко!
Как тяжко жить под именем своим!
Свое прошенье посылаю я и свету лунному, и
солнечному свету.
И мне не по душе –
Перед своей душой склоняя голову, идти по жизни.

Чон Хосын

Песнь *расставания*

Уходишь ты...
Но если ты со мной еще побудешь,
То после твоего ухода мне
Любить тебя еще не будет поздно.

Туда, куда уходишь ты,
Пусть первым я уйду...
Пошлю зари вечерней переливы
На удаляющийся образ.

И запахну полы одежды, и во тьме,
Когда погаснет свет в домах вокруг,
Я поднимусь и буду петь тебе,
И превращусь в сияющие звезды.

Уходишь ты...
Но если ты со мной еще побудешь,
То после твоего ухода мне
Любить тебя еще не будет поздно.

© Chung Ho-sung. 2003, 2015

Нарциссу

Не плачь!
Ты — человек, и ты подвержен одиночеству.
Жизнь означает муки одиночества.
Когда не позвонили, ты звонка не жди.
Идет ли снег — дорогой снежной ты иди,
Идет ли дождь — в дождя потоках ты иди.
А в камышах бекас сидит и, притаившись, за тобой
следит.
И даже Бог порой роняет слезы от одиночества.
И птицы на ветвях сидят — от одиночества,
И ты на берегу сидишь — от одиночества.
И тени гор спускаются под вечер в деревни к
людям — все от одиночества.

И колокол протяжно льет тоскливый звон — от
одиночества...

Люди, которых я люблю

Я не люблю людей, которые не имеют тени.
Я не люблю людей, которые не любят тени.
Но я люблю людей, что сами стали дерева сенью.
Свет солнца ослепительно ярок — благодаря тени.
И не бывает мир еще прекрасней, чем тогда,
Когда ты под раскидистою сенью
Стоишь и наблюдаешь проблески лучей в листвы
движеньи.

Я не люблю людей, которые не источают слезы,
Я не люблю людей, которые не любят слезы,
И радость — радость не вполне, когда она без слез,
Бывает ли когда-нибудь любовь без слез?
И образ человека, сидящего под дерева сенью,
Слезу другому оттирая, —
Собой являет красоты неброской воплощенье...

Чхэ Мансик

В *эпоху великого спокойствия*

Главы из романа

Перевод и вступление Евгении Лачиной

© Евгения Лачина. Перевод, вступление, 2016

Чхэ Мансик (1902—1950) — известный корейский писатель-сатирик и один из немногих, чье творчество стало классикой по обе стороны тридцать восьмой параллели. В своих произведениях он критически осмысливает острые социальные проблемы окружающей его действительности: нищету крестьянства, жалкое существование городской бедноты и безнадежное положение интеллигенции в период японского колониального господства (1910—1945).

Роман Чхэ Мансика "В эпоху великого спокойствия" увидел свет в 1938 году. Уже в самом названии — скрытая ирония: реальность, в которой оказывается читатель, знакомясь с главными героями, никак нельзя назвать спокойной. В иронической форме, а иногда и с привлечением черного юмора, автор ярко показывает те изменения, которые произошли в традиционном жизненном укладе и в отношении к духовным ценностям корейского общества в этот полный противоречий период корейской истории.

1. Наставник Юн возвращается домой

В один из вечеров после Чхусока[1] закатное осеннее солнце было готово вот-вот скрыться за горизонтом.

Достопочтенный наставник Юн, слывший богачом в районе Кедон, видимо, отлучался куда-то по делам, и теперь, остановив рикшу у своих ворот, собирался выйти из повозки.

То ли из-за недосыпа прошлой ночью, то ли из-за утренней ссоры с женой, но в этот день у рикши все шло не так. Даже по самой обычной ровной дороге ему было тяжело тянуть свою повозку, а тут пришлось еще и взбираться по крутому подъему в узком переулке, хоть язык высовывай, что уж говорить. И неудивительно, ведь весил пассажир 28 с лишним *гванов*[2]!

Точный вес наставника Юна перестал быть загадкой позавчера, когда вместе с Чхунсим он отправился на прогулку за перевал Чин, а потом зачем-то влез на весы перед аптекой, что прямо напротив кёнсонского[3] почтового отделения. Тогда-то она и увидела, сколько он весит.

Происходивший из самых низов рикша, закаленный своим ремеслом, изо всех сил тащил повозку с грузным пассажи-

1. Чхусок — день урожая, один из трех важнейших традиционных праздников Кореи. Празднуется 15 числа 8 месяца по лунному календарю. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. 28 гванов — примерно 105 кг.
3. Кёнсон — нынешний Сеул.

ром, и вот наконец остановил ее у высоких крытых ворот, которые лишь немного уступали по размерам Южным, а потом и снял плед, покрывавший колени господина.

Наставник Юн с трудом приподнялся на узком сиденье повозки, которая шаталась из стороны в сторону так, что готова была перевернуться в любую секунду, и собрался было спуститься на землю, но ненадежность конструкции вызывала опасения. Поняв, что сам не справится, пассажир повернулся к рикше:

— Эй ты! Подай-ка мне руку. Что стоишь, как вкопанный?

Рикша, с трудом переводя дыхание, обтирал пот, однако, услышав упрек, почувствовал себя виноватым и тотчас протянул руку.

Когда наставник Юн спустился, стало очевидно, насколько он огромен. Если бы кто-то попытался обхватить его за талию, рук хватило бы только наполовину. Подстать весу в нем и росту было 5 *ча* и 9 *чхи*[1]. Словом, повозка рикши, в которой он прибыл, казалась рядом с ним игрушкой, а когда они подъехали к воротам, в проеме практически не осталось свободного пространства.

Выглядел наставник Юн хорошо. Вот уже на протяжении тридцати с лишним лет, бывая в уездах Пуан и Пёнсан, он укреплял свое здоровье то пантами оленя, то кровью свиней и косуль. Поэтому и сейчас, благодаря тому, что в качестве целебного средства он регулярно принимал женьшень, лицо его имело здоровый, как у ребенка, вид, а его не слишком густая и не слишком редкая борода была бела, как снег, и этим он чрезвычайно гордился.

Лицо наставника Юна было воплощением всевозможных достоинств мужчины: долголетия, достатка и знатности происхождения. Его глаза с чуть приподнятыми внешними уголками, напоминали глаза феникса, нос имел правильную форму, уши были длинные, а рот отличался внушительными размерами.

Возраст?.. В этом году ему исполнилось семьдесят два. Однако не стоит спешить с выводами. Хотя наставник Юн и страдал одышкой из-за гипертрофии сердца, в остальном его здоровью могли позавидовать даже молодые мужчины лет тридцати. Он не уступал им ни в чем.

Притягивала взгляд и его манера одеваться. Сияющий атласный наряд наставника Юна был новым, как с иголочки, а

1. 5 ча и 9 чхи — около 179 см.

на голове поверх *тхангона*[1] красовался устремленный ввысь головной убор *кат*[2] с подвязкой, изготовленный в славившемся своими мастерами городе Тхонъён.

На ногах у него были высокие, черные, как ночь, кожаные ботинки, из которых выглядывали вязанные цельной хлопковой нитью белые *посон*[3], в правой руке он держал изысканную трость с серебряным набалдашником, а в левой — бамбуковый веер из тридцати четырех пластинок.

В прежние времена такая особа могла бы быть губернатором одной из провинций, но теперь ситуация настолько изменилась, что какой-нибудь насмешник якобы по ошибке принял бы наставника Юна за клоуна, а уличные продавцы сладостей от Кореи до Японии были готовы проглотить этого "карамельного петушка".

Выйдя из повозки, господин наставник собрался было поправить распахнувшуюся за время поездки переднюю полу *турумаги*[4], но вместо этого развязял шнурок темно-синего кошелька, заманчиво раскачивавшегося у него на поясе.

— Сколько с меня за извоз?

Судя по говору, родом пассажир был из провинции Чолла, а сама речь звучала как-то пренебрежительно.

— На ваше усмотрение, господин.

Держа в руках плед, рикша поклонился. Такой ответ у него был припасен для важных пассажиров, но этого почтенного господина рикша удостоил им от всего сердца. Разумеется, в этом ответе крылась просьба хорошо подумать об оплате.

— А, на мое усмотрение, говоришь? Тогда ступай восвояси!

Наградив рикшу пристальным взглядом, наставник Юн отвернулся и завязал развязанный было кошелек.

Отчего-то глаза рикши забегали в разные стороны. Он предположил, что поездка могла быть в кредит, и, почесав затылок, произнес:

— Позвольте мне прийти завтра.

— Завтра? Зачем завтра?

Уже до поездки настроение наставника Юна было испорчено, а из-за пустой болтовни оно ухудшилось еще больше.

1. Тхангон — головной убор из конского волоса, надевавшийся под шляпу.
2. Кат — традиционная корейская шляпа, изготавливаемая из конских волос на бамбуковой основе.
3. Посон — традиционные корейские носки.
4. Турумаги — длинное пальто или халат, надеваемый поверх традиционного корейского костюма.

Рикша же прекрасно понимал, зачем ему приходить завтра: чтобы получить плату за поездку в кредит. Но об этом же прямо не скажешь. Рикше стало неловко, и он так и не сумел ответить подобающим образом. Тем временем наставник Юн, не озаботив себя ни единой мыслью о переживаниях рикши, как бы давая понять, что он все сказал, уже направился к дому.

Рикша не мог допустить, чтобы работа, которая, паче обыкновения, была так тяжела, что чуть легкие не разорвались, обернулась ничем. Он не понимал, почему этот господин так поступает, но и не мог в этой ситуации только стоять и бормотать что-то невразумительное. Ему не оставалось ничего иного, кроме как проявить решительность.

— Господин, плата за извоз...

Однако от его решительности стало только хуже.

— Плата?

— Да, господин.

— Ах ты, да как ты смеешь!

Наставник Юн разозлился и, словно собираясь ударить рикшу своим огромным кулаком, шагнул в его сторону.

— А не сам ли ты сказал, что на мое усмотрение?

— Да!

— Вот... На мое усмотрение, это значит, сколько пожелаю, не так ли?

Рикша понял, к чему идет дело. И это его совсем не радовало. Да, с таким человеком лучше не шутить. Да, конечно, сколько пожелаете, подумал рикша и, подавив ехидную усмешку, недопустимую в присутствии уважаемого господина, изобразил улыбку.

— Ты сказал, за извоз — на мое усмотрение. А я счел, что за это можно не платить, вот и повелел тебе ступать восвояси.

Рикша подумал было, что господин и вправду шутит, но ни в его облике, ни в словах не было и тени шутки.

— Эх, я-то думал, что есть еще честные извозчики, увидел в тебе достойного малого, благородство которого не позволит взять со старика платы, ведь ему и так тяжело. А ты, милый человек, задумал меня провести? Про таких говорят: "Тот, кто сам себе противоречит, — не иначе как сын двух отцов". Не иначе как твоя мать была женщиной легкого поведения!

Конечно, рикша не знал, что это классическое изречение Конфуция используют и в качестве ругательства, но он не мог не почувствовать себя оскорбленным оттого, что его мать назвали женщиной легкого поведения. Он все еще не

понимал, то ли пассажир шутит, то ли серьезен, говоря, что не собирается платить; от этой неопределенности ему и так было не по себе, а тут еще важный господин обвиняет его в попытке сжульничать, да еще тревожит прах его усопших родителей. Кому такое понравится? Довезти до дому такую тушу, да еще и виноватым оказаться! Не зная, как поступить, рикша стоял и только открывал рот, как рыба на песке, отчаянно желая отвесить наглецу пощечину.

— Благородный господин, будьте благосклонны ко мне, вашему слуге! Дайте хотя бы одну купюру...

Рикша подавил в себе подступающую злость и заговорил крайне уважительно. Однако у наставника Юна слово "купюра" вызвало неподдельное негодование, такое, какое могло бы вызвать заявление этого немецкого выскочки Гитлера, или как там его, о переходе к решительным действиям.

— Что-о? Какую купюру?! Да как ты... — воскликнул наставник Юн, удивленный такой неожиданной наглостью.

Впрочем, наивный рикша воспринял эти слова буквально:

— Купюру всего лишь в одну *иену*[1], господин...

— Много я повидал в этой жизни, но чтоб такое!.. Как же так, ты же сам сказал заплатить по моему усмотрению, словно вовсе не хотел получать никакой платы, а теперь просишь целую *вону*[2]! Какая дерзость!.. Тебе б только нажиться за счет чужого добра, паршивец. Ладно, будь по-твоему. Сколько хочешь? Отвечай скорее!

Рикша хотел было набросить еще несколько *чон*[3], но, сообразив, что он все равно не получит желаемого, а лишь потеряет заработок в других местах из-за проволочки, обреченно назвал 50 *чон*. Но наставник Юн был непреклонен.

— Видали наглеца? Ты что же, шутки шутить со мной вздумал? Что за вздор ты несешь? Это "50 *чон*" слетело с твоих губ так легко, будто это имя ребенка!

— Господин, я много не прошу. Ведь я довез вас от Пумингвана[4] до дому.

1. Корейская иена, пришедшая на смену воне в 1910 г., когда Корея была аннексирована Японией, использовалась в качестве национальной валюты до 1945 г.
2. Здесь господин Юн пользуется старым обозначением национальной валюты.
3. 1 чон — сотая часть воны, национальной валюты Кореи.
4. Пумингван — общественное здание многофункционального назначения, находится в современном Сеуле. В период японской оккупации Пумингван, помимо всего прочего, был местом, где проходили агитационные собрания, призывающие население к войне.

— А я что говорю? Да я туда доплюнуть могу, а ты за это 50 *чон* просишь!

— Это совсем немного. К тому же, благородный господин, разве не добавите вы мне на плошку *макколи*[1]?

Наставник Юн сделал вид, что не расслышал, отвернулся в сторону и снова развязал завязанный было шнурок кошелька, откуда достал две монеты по 10 чон, которые положил себе на ладонь и начал перебирать кончиками пальцев.

Природа человека такова, что ему свойственно ошибаться. Зная это, господин Юн тщательно проверил ребро монеты на наличие рубцов, чтобы убедиться, что он не вынул по ошибке 50 *чон* вместо 10.

— Вот, так бы я дал тебе 15 *чон*, но, выслушав твои доводы, дам тебе 20: лишних 5 *чон*, как ты и просил, трать, как знаешь — хоть на *макколи*, хоть на *тхакпэги*[2], — мне до этого нет никакого дела.

— Господин, этого недостаточно!

— Что значит недостаточно? Тебе недостаточно 20 *чон*? Да в деревне ты себе на это купишь 10 *пхён*[3] земли, 10 *пхён*!

Рикше хотелось сказать, чтобы господин сам отправился в деревню, купил там на 20 *чон* 10 *пхён* земли и кормил с этого все свое потомство хоть до третьего, хоть до четвертого колена, но с большим трудом все же сдержался.

— Господин, добавьте еще хотя бы 10 *чон*. Ведь и весом вы добры...

— Да ты еще и критиковать меня смеешь, наглец какой! Этот самый вес намного больший ущерб понес от езды в твоей замшелой телеге. Ты когда-нибудь слыхал, чтоб плата за поездку в автомобиле или поезде зависела от веса пассажира?

— Да, но...

— Ну что? Возьмешь, что даю, или не возьмешь? Если нет, то я на эти деньги куплю кусок мяса и с удовольствием съем его на ужин.

— Еще только 10 *чон*, это же пустяк для столь благородного господина!

— О-хо, благородного? Да я бы уже давным-давно разорился от такого благородства! Ей-богу, попадись мне еще один подобный извозчик, и дни мои сочтены!

1. Макколи — корейский традиционный алкогольный напиток из риса молочного цвета, со сладким вкусом и крепостью от 6,5 до 7 %.
2. Тхакпэги — в некоторых диалектах корейского языка то же самое, что и макколи.
3. Пхён — единица площади, равная 3,3058 кв. м.

Если бы рикша мог, то на это он бы ответил: “А попадись мне еще один подобный пассажир, я с ума сойду”.

Тем не менее пассажир снова развязал свой кошелек и вынул монету в 5 *чон*. Господин наставник не на шутку разозлился: этих 5 *чон* ему было особенно жаль, но он больше не мог выносить настойчивости рикши.

— Вот, бери. 25 *чон*. Но теперь я буду непреклонен: хоть вешайся на моем поясе, и медной монеты не получишь!

Не успел наставник Юн закончить эту фразу, как рикша, зажав в своей мозолистой руке три латунных монеты, звякнувших от соприкосновения друг с другом, пробормотал что-то вроде “спасибо” и скрылся.

— Эх, и зачем я только эту девку слушал?! Ведь это из-за нее мне попался такой назойливый извозчик, на которого пришлось потратить на 5 *чон* больше! Ох уж эта несносная Чхунсим, разрази ее гром, все уши мне прожужжала про этот концерт, как было не пойти туда с ней...

- Наставник Юн был разъярен и бранил Чхунсим последними словами почем зря, хотя какое отношение она могла иметь к его решению пойти на концерт в Пумингван? Да, она и вправду упоминала этот концерт, хвастаясь, что ее сестра Унсим тоже в нем участвует, и господин наставник так загорелся желанием послушать, что тут же сам предложил Чхунсим пойти туда...

Правда, если бы наставник Юн не услышал о представлении от Чхунсим, то не пошел бы на него сегодня, а на следующий день, узнав, что пропустил его, был бы крайне раздосадован.

2. *Искусство не платить за проезд*

Наставник Юн был горячим поклонником музыкальных представлений с участием известных исполнителей. Это, пожалуй, было его главным увлечением в этом мире после денег.

Родом господин наставник был из провинции Чолла, и неудивительно, что южные ритмы и голоса доставляли ему такое удовольствие. Будь его воля, он бы 360 дней в году наслаждался представлениями *кисэн*[1] и артистов, приглашенных на дом, но сколько же на это нужно денег!

1. Кисэн — корейские куртизанки, обученные музыке, танцам, пению, поэзии, поддержанию разговора.

Чтобы устраивать подобные вечера каждый день, наставник Юн мог бы договориться с каким-нибудь посредником по найму *кисэн* или с Обществом изучения корейской музыки, но даже если бы он и добился от них особых уступок в цене, то это стоило бы по меньшей мере 10 *вон* в сутки, 300 *вон* в месяц, 3000 *вон* в год... Мать честная! Такая астрономическая сумма даже господину Юну была не по карману.

Ясное дело, господину наставнику такое и присниться не могло.

Впрочем, человек со всем может сжиться, и наставник Юн нашел то, что могло приблизить его к осуществлению, казалось бы, неосуществимого желания: концерты по радио. Не сказать, чтобы они были полноценной заменой, но и они доставляли ему большое удовольствие. Поэтому господин Юн поставил малюсенький радиоприемник, который он берег как зеницу ока, на столик у изголовья и наслаждался струящимися из динамика южными ритмами, мелодиями, голосами, балладами.

Как же хорошо, зажав в зубах длинную трубку, лежать на мягкой подушке! Вслушиваясь в приятные звуки, струящиеся из приемника, наставник Юн, конечно же, сожалел, что не может видеть красивых лиц куртизанок и изящных движений артистов, и все же он испытывал неподдельное наслаждение.

Обязанность переключать каналы в зависимости от программы господин наставник возложил на своего батрака, секретаря и исполнителя всяческих поручений Тэбока. Именно на него обрушивался весь гнев наставника Юна в дни, когда по радио не ставили музыку южных провинций или баллады.

— Я даю тебе пищу наравне со всеми остальными — три порции в день, а ты, негодник, куда ты дел музыку, которая играла каждый день?

Не зная, что ответить на такое несправедливое обвинение, Тэбок лишь качал головой. Сначала он несколько раз пытался оправдаться, говоря, что ведь если на радиостанции так решили, то музыки южных провинций не будет, сколько ни крути колесико приемника.

От этого господин наставник злился еще сильнее:

— Не будет? Что за чушь собачья? Это ты, небось, так мне отвечаешь из-за того, что я тебя назвал негодником, и поэтому решил кого другого оговорить в отместку? Как может быть такое, что до прошлого вечера звучал голос одного и того же певца, а сегодня вдруг исчез? Что, все *кисэн* и артисты скоропостижно скончались?

На самом деле единственным, кто тут мог скончаться, был Тэбок, которого наставник Юн бранил словно кошку, застигнутую врасплох на обеденном столе.

Одно время на радиостанцию даже приходили анонимные письма в несколько десятков страниц, написанные аккуратным почерком, с просьбой ежедневно, без выходных, передавать музыку южных провинций. Автором этих слезных посланий был не кто иной, как разозленный Тэбок, уставший от огульных обвинений и упреков хозяина.

Впрочем, негодование наставника Юна этим не исчерпывалось. Даже если по радио и передавали его любимую музыку, он был недоволен тем, что вместо 3-4-часового непрерывного вещания она звучала всего 30 минут — за это время только-только войдешь во вкус.

По правде говоря, несмотря на все свое брюзжание, наставник Юн был вполне доволен приобретением, ведь сам радиоприемник обошелся ему в 17 *вон*, а плата за пользование всеми его возможностями составляла 1 *вону* в месяц, что на самом деле было не так много.

Однако каждый раз, когда приближался срок уплаты этой суммы, недовольство господина наставника по поводу того, что он вынужден отдавать целую *вону*, нарастало:

— Можно подумать, диво какое, чтоб за него еще и по *воне* в месяц платить! — И, негодуя на то, что даже слушать радио нельзя бесплатно, восклицал: — В таком случае, отключайте меня со следующего месяца!

Вот такие отношения с радио сложились у наставника Юна.

Вторым его увлечением были музыкальные представления известных исполнителей.

Сколько на свете самых разных *кисэн* и артистов, сколько замечательных песен на любой вкус! Наставник Юн был готов наслаждаться живой музыкой целую вечность, и то, что, в отличие от опостылевшего радио, эти представления устраивались нечасто, несомненно, было их большим недостатком, но зато их посещение доставляло истинное удовольствие. Разумеется, господину наставнику очень хотелось бы, чтобы такие представления устраивались как минимум 360 дней в году.

Наставник Юн непременно посещал каждый концерт именитых исполнителей, проходивший в Сеуле, ведь для него это было самым завораживающим действом на свете. А если он не попадал на какое-то из представлений, то исключительно по нерадению Тэбока, который — кроме тех случаев,

когда он отправлялся с поручениями в город, — должен был каждый день ходить в цирюльню на углу и смотреть в газетах программу радиопередач и объявления о предстоящих концертах известных артистов и иных представлениях, устраиваемых Обществом изучения корейской музыки.

Поэтому, когда Тэбок не сообщал наставнику Юну об этих великолепных выступлениях, и тот с опозданием узнавал, что пропустил хотя бы одно из них, Тэбоку приходилось выслушивать громогласную брань своего господина, как в тот раз, когда батрак, обязанный выполнять и разнообразные поручения по дому, по недоразумению купил три килограмма соевого творога вместо двух, потратив на это на 5 *чон* больше.

Любовь наставника Юна к выступлениям известных артистов была настолько велика, что сегодня он, боясь не поспеть к началу долгожданного представления, назначенному на час дня, вышел из дому, когда на часах не было и половины двенадцатого. Сопровождавшая его Чхунсим, нехотя шедшая рядом, повернулась к нему и пробурчала:

— Зачем же выходить так рано? Какой толк приезжать загодя и сидеть без дела в ожидании начала?

Наставник Юн провел рукой по белоснежной бороде и усмехнулся:

— Что ты паясничаешь? Давай иди поживее!

Слова наставника Юна заставили Чхунсим снова повернуться и продолжить путь.

У девушки было лицо правильной овальной формы, совсем не характерной для южных провинций, где она родилась. И хотя она не слыла красавицей, но такой зайчик с ясными глазками, прямым носиком и аккуратным ротиком не мог не вызывать умиления. Впрочем, такая внешность повлияла и на ее характер: девушка отличалась фривольным нравом.

Было ей годков эдак пятнадцать, и лицо ее еще не обрело всех признаков зрелости, но, оттого что за свою недолгую жизнь она всякое успела повидать, в ее теле угадывались достоинства взрослой женщины.

Ее длинная, ниже талии, коса с аккуратно вплетенной бордовой ленточкой мерно покачивалась при ходьбе. Далеко не все знали, что на самом деле это были чужие волосы, прикрепленные к достаточно короткой стрижке Чхунсим. Небольшие пряди на лбу были искусно завиты и пришпилены тут и там заколками.

Ее традиционный короткий жакет выцвел от стирки и стал бледно-розовым, но в сочетании с темно-серой юбкой в складку, туго подвязанной галстуком, он смотрелся достаточ-

но гармонично. На ее покрытой детским пухом коже виднелись следы лишая, а неровно нанесенная пудра местами походила на пигментные пятна. Дай ей пройтись где-нибудь в таком виде, ее было бы не отличить от тех молодых *кисэн*, что часто встречаются на мосту Тэгван-гё. (Однако не стоит относиться к ней с презрением. В последнее время у нее появился человек, которого она любит.)

Какое-то время Чхунсим молча шла, как ей и повелел наставник Юн, но вдруг она снова резко повернулась к нему, словно пораженная какой-то мыслью:

— Господин! — воскликнула она и засмеялась. Девушка ни минуты не могла не кокетничать.

— Что? Что тебе опять не так?

— Давайте лучше поедем на автомобиле, а? Это же лучше, чем выходить так рано.

— Авто-мобиле?

— Да-а.

— Будь по-твоему, чтоб тебя.

Чхунсим, удивленная той легкостью, с которой согласился наставник Юн, окинула его пристальным взглядом. Действительно, на его лице была хитрая усмешка.

— Правда?

— Да, черт с тобой!

— Тогда нужно найти телефон, чтобы сделать вызов?

— В этом нет надобности. Еще немного пройдем, и оттуда уже поедем.

— Откуда? Надо сначала дойти до перекрестка, где начинается район Ангук...

— Есть одно местечко и до перекрестка!

— Нет же!

— Есть! Такой серебристый, блестящий, большу-ущий автомобиль...

— Погодите, не об автобусе ли вы говорите? — спросила Чхунсим, поняв вдруг, что господин наставник ее провел, и обиженно воскликнула: — Так все это время под автомобилем вы имели в виду автобус!

— Эх ты, несмышленая, все-то тебе автомобиль! А, между прочим, автобус намного дороже!

— Это по 5 *чон* с человека дороже?

— Ты о чем? О плате за проезд? А я говорю о цене за покупку...

Ожидая автобус на перекрестке Чэдон, наставник Юн и Чхунсим наблюдали необычную для этого времени дня картину: несмотря на то что утренний час пик уже миновал, а до вечернего было еще далеко, два битком набитых автобуса

проехали мимо, не остановившись. Третий автобус был забит чуть меньше, и господин Юн с Чхунсим, помогая себе локтями, смогли в него влезть, что едва не повергло кондуктора в слезы.

Не обременяя себя мыслями о других пассажирах, господин наставник испытывал непосильные муки оттого, что был вынужден ехать с ними в переполненном автобусе, хотя для этого автобуса вполне хватило бы его одного. Кроме того, ему пришлось стоять, согнувшись в три погибели, чтобы его *кат* не помялся о потолок, а на это требовалось еще больше места. Чхунсим же ютилась у него под мышкой, и если бы она прикрылась подолом его *турумаги*, то могла бы и вовсе не платить за проезд.

Когда наконец автобус прибыл на последнюю остановку возле здания японского генерал-губернаторства, наставник Юн и Чхунсим вышли вместе со всеми остальными пассажирами, которые, будто желая запечатлеть в памяти этот момент, перед выходом бросали на них долгие косые взгляды.

Выйдя из автобуса, первым делом господин наставник с облегчением вздохнул, после чего развязал кошелек и медленно вынул купюру в 10 *вон*.

— Как же быть? У меня нет сдачи! — В сердцах воскликнула кондукторша.

— И что же теперь делать? Это тоже деньги...

— А кто говорит, что не деньги? Только нужна мелочь!

— Нет у меня мелочи!

— А что это сейчас звякнуло у вас в кармане? Вот...

— А, это? — Наставник Юн потряс кошелек, из которого слышался звон. — ...Так это фальшивые деньги, подделка... Хочешь, чтобы я ими заплатил, хоть они и поддельные? — спросил господин наставник и начал развязывать кошелек.

— Не надо! Так что же делать?.. Куда вы? — всполошилась не на шутку рассерженная кондукторша.

— На остановку.

— Тогда поменяйте деньги на остановке трамвая.

— Конечно.

Естественно, все это наставник Юн сделал преднамеренно: и вынул купюру в 10 *вон*, тогда как в кошельке у него было полно мелочи, и направился якобы к остановке, хотя ему нужно было выйти у городской администрации. И вот, так и не заплатив за проезд, он не спеша двинулся в сторону Пумингвана, а чуть впереди шла Чхунсим.

— Это компенсация за мучения, перенесенные мною в этом битком набитом автобусе, — делился наставник Юн своим искус-

ством не платить за проезд с Чхунсим. Судя по всему, он был не их тех, кто хранит секреты своего мастерства за семью замками.

3. *Концерт по-европейски*

Несмотря на то что путь по разбегающимся дорогам района Чонно занял немало времени, когда наставник Юн и Чхунсим прибыли к зданию Пумингвана, большие часы на его башне показывали только 12 часов дня.

Не успели они подойти к кассе, чтобы купить билеты, как между ними разгорелся очередной спор. Господин наставник повелел Чхунсим разыскать за сценой ее сестру, которая, как он помнил, участвовала в представлении, чтобы та провела их бесплатно. Но девушка упорствовала, ведь это он ее сюда привел, к тому же добросовестным зрителям подобает покупать билеты, а не лезть через черный ход.

Какое-то время они стояли и спорили, оба не желая уступать, но в конце концов наставник Юн незаметно вынул 2 монеты по 10 *чон* и протянул Чхунсим со словами:

— Вот, возьми, это тебе на жареные каштаны. И попроси все же, чтоб нас пустили бесплатно, ладно? Ведь так и тебе лучше, и мне.

У господина наставника вошло в привычку, давая детям мелочь, говорить "на жареные каштаны", даже если на дворе стояло жаркое лето.

Чхунсим без дальнейших размышлений взяла 20 *чон* на печеные каштаны и, поговорив, с кем нужно, вскоре была за сценой.

Между тем наставник Юн за 50 *чон* купил красный билет низкой категории. Пройдя внутрь, он занял лучшее место в первом ряду нижнего яруса, став таким образом первым зрителем в пустом зале.

Спустя некоторое время в помещение вошел джентльмен в европейском костюме лет сорока, лишь самую малость уступавший господину наставнику в расторопности, и тоже устроился в первом ряду.

Отчего-то этот джентльмен от самого входа не отрываясь смотрел на господина Юна, и его интерес, казалось, только возрастал. Наконец, мужчина пересел на соседнее с ним место. Несколько минут он сидел молча, тем самым выражая свое почтение господину наставнику, но его желание заговорить было настолько велико, что он, не выдержав, со всей возможной вежливостью заметил:

– В последнее время, я смотрю, концерты пользуются популярностью.

Однако наставнику Юну совсем не хотелось заводить бесполезных разговоров с незнакомцем, к тому же он знать не знал, что означает это слово “популярность”.

— Да-а! — машинально ответил он, не прибавив ни слова.

Джентльмен в костюме немного помолчал в недоумении и снова заговорил:

— Интересно, сколько же нужно учиться, чтобы стать выдающимся артистом?

Наставнику Юну уже начинал надоедать этот любитель поговорить, поэтому он небрежно бросил:

— Кто его знает...

— Ха-ха, да будет вам!

— Что будет?.. Я песни умею и люблю слушать, а не исполнять!

— Да быть такого не может! Если сам Ли Донбэк не умеет петь, то кто умеет?

Так вот оно что! Стало быть, мужчина принял его за известного артиста Ли Донбэка! Невозможно передать словами, как в этот момент наставник Юн кипел от переполнявшего его возмущения. Запас его терпения на соблюдение приличий сегодня уже был исчерпан, и, если бы только господин наставник находился не в концертном зале, а у себя дома, он приказал бы выкинуть наглеца вон за ворота.

Впрочем, чего только не повидал на своем веку наставник Юн: ему и лезвие ножа приставляли к горлу, и направляли дуло пистолета прямо в грудь. Ему были хорошо знакомы и нравы нового времени: он знал, что бездумное раздавание приказов налево и направо может обернуться и против него.

Поэтому господин наставник заставил себя успокоиться и показал мужчине свой билет, тем самым подтверждая, что он тоже зритель. Тем не менее, к его величайшему удивлению, джентльмен в костюме не рассыпался в извинениях, а только покачал головой и произнес: “А, так вот оно что... Стало быть, я ошибся”. Это вызвало у наставника Юна новый прилив негодования, но раз уж он решил терпеть, то и на этот раз он молча подавил его.

И тут появился еще один человек в костюме. Да, сегодня господину наставнику явно не везло. Искусственный цветок на воротничке вновь вошедшего выдавал в нем билетера. Проходя мимо наставника Юна, он заметил, что тот сидит на белом месте, тогда как в руке у него красный билет. Вот если б билетер не увидел этот красный корешок, то ему бы и в голову не пришло, что господин с такой благородной внешностью способен на нечто подобное.

— Это белая зона. Будьте добры, пройдите наверх. — Вежливо обратился билетер к господину наставнику.

Но тот не знал таких новых обозначений, как "белая зона", и поэтому указание подняться на второй этаж стало для него неожиданностью.

— Это ты мне велишь на второй этаж идти?

— Здесь белая зона, а у вас, как я вижу, нет соответствующего билета, поэтому вам следует пройти в красную зону, что на втором этаже.

— Ка-ак?! Это ведь билет низкой категории! Я у тебя же его и купил за 50 *чон*! Вот, погляди-ка!

— Все верно. Как вы и говорите, это билет низкой категории. А вы сидите в высокой, поэтому, пожалуйста, пройдите вон туда, в низкую зону.

— Так это высокая категория? А та, что наверху, называется низкой?

— Да-а.

— Это как же так вышло? Верхний ярус называется низкой категорией, а нижний — высокой?! Впервые такое слышу за семьдесят лет жизни!

— И все же, здесь, внизу, высокая категория, а там, наверху, — низкая.

— Погоди, это, получается, мы не в Корее, а в Европе находимся? И оттого все наоборот?

— Ха-ха-ха, теперь везде так. Все же, если желаете остаться, можете заплатить еще 1 *вону* за место в белой зоне и наслаждаться представлением.

— Ну уж нет! Для меня это низкая категория, тут и буду смотреть!

Смущенный тем, что обладатель столь внушительных размеров и столь впечатляющей внешности ведет себя как избалованный ребенок, билетер решил уступить, и в итоге наставник Юн со своим красным билетом остался в белой зоне. В данном случае это упорство не было его очередной уверткой от оплаты. Господин наставник действительно был уверен, что в Пумингване нижний этаж и является низкой категорией. По опыту он знал, что лучшие места в первом ряду нижнего яруса (то есть, как он считал, низкой категории), откуда четко слышны слова песен, а каждое движение *кисэн* и артистов видно как на ладони; к тому же билет туда практически ничего не стоит. Исходя из такого понимания, господин Юн и в этот раз купил билет низкой категории и занял место на нижнем ярусе, которое, как оказалось, находилось в белой зоне и стоило в 3 раза дороже. Но благодаря своей чрезмерной то ли наглости,

то ли упрямству, он настоял на своем и остался в белой зоне. Более того, в отличие от обыкновенных театров, где самые первые ряды относятся к низкой категории и поэтому там голытьбы набивается как сельдей в бочке, а внушительные размеры наставника Юна, зажатого толпой, делают его объектом насмешек, сегодня на нижнем ярусе для высших слоев общества не было бедноты, и можно было наслаждаться и солидным видом любителей музыки, и красотой *кисэн*.

С удовольствием досмотрев представление до конца, господин наставник отправил Чхунсим домой в Чхончжиндон пешком, а сам пошел к остановке трамвая. Но при мысли о том, что ему придется садиться в трамвай вместе с толпой остальных зрителей, потом ждать автобус и, в довершение всего, выйдя на перекрестке Чэдон, взбираться в гору к району Кедон, ему стало не по себе. В общем-то, имея купюру в 10 *вон*, можно снова проехать бесплатно, но вдруг как будто необъяснимый страх пронзил наставника Юна. "А что я буду делать со всеми этими деньгами?" — мелькнуло у него в голове, и он, передумав, тут же поймал рикшу. В конце концов господин наставник оказался у ворот своего дома раздосадованный тем, что заплатил рикше лишних 5 *чон*.

Обычно все ворота были закрыты, включая боковые, которые запирались изнутри. Однако в этот раз они были распахнуты настежь.

Когда большие ворота были открыты, господину наставнику всегда казалось, что его состояние вытекает через них, не оставляя и следа, а его двор заполняют всяческие невзгоды, и поэтому было строго запрещено их открывать, за исключением тех редких случаев, когда во двор въезжала большая повозка с дровами. Это было строжайшим правилом в доме наставника Юна.

Посему большие ворота всегда запирались, и все без исключения, стар или млад, господин или батрак, должны были пользоваться боковыми воротами, которые, впрочем, также надлежало плотно закрывать, ведь если бы ворота оставались открытыми, а сегодня случилось именно это, то попрошайки и прочие незваные гости могли беспрепятственно войти внутрь, что представляло собой немалую опасность.

Разумеется, сколь бы долго они ни протягивали руку, им не подавали ни гроша, но с ними непременно приходилось ругаться, что было делом весьма утомительным. Именно поэтому открытые боковые ворота вызывали яростный гнев у наставника Юна, и он сразу же начинал выяснять, кто из бестолковых домочадцев совершил такую глупость.

Разозленный господин наставник втиснулся в крошечные боковые ворота, затратив на это столько усилий, сколько понадобилось бы верблюду, чтобы пройти сквозь игольное ушко, и сразу же с грохотом захлопнул их. Навстречу ему выбежал слуга Самнам. Вид у него был несуразный: его голова со светлыми курчавыми волосами напоминала голову теленка, не ходившего в ярме, к тому же она была такой большой, что и вовсе выглядела чужой. Глаза у него сильно косили, и ему приходилось поворачивать голову в сторону, чтобы смотреть на кого-либо прямо, а нос был настолько вздернут, что во время дождя Самнам был вынужден наклонять голову.

Юноше было двадцать лет, но, видимо, половина жизни прошла для него так быстро, что он не успел вырасти и выглядел лет на десять. Наставник Юн ценил Самнама очень высоко. Умную прислугу он никогда не нанимал, считая, что она склонна подворовывать. А все потому, что однажды, когда господин наставник еще жил в деревне, он уже обжегся, наняв сообразительного мальчика, и тот не упускал случая что-нибудь украсть.

Самнам был сыном местного лесника и слыл дурачком в округе, за это наставник Юн и взял его на испытательный срок, по прошествии которого окончательно убедился в том, какой дар небесный ему достался. Конечно, временами из-за тугодумия Самнама с ним было крайне тяжело изъясняться, но зато на протяжении всего года он не то что монеты, спички не взял без спроса. К тому же он, будучи сыном лесника, не имел отвратительной привычки, характерной для его сверстников, просить жалованье за свой труд. Что и говорить, второго такого сокровища на всем белом свете не сыщешь.

Вот почему обычно господин наставник при виде глубоко кланяющегося Самнама был с ним дружелюбен, однако сегодня он был настолько зол, что обрушил весь свой гнев на того, кто первым подвернулся под руку, проорав:

— Эй ты! Чья это паршивая рука оставила ворота раскрытыми настежь? А?

— Это не я! Госпожа только что вернулась, верно, это она не закрыла...

Госпожой в этом доме повелось называть его теперешнюю хозяйку, невестку наставника Юна.

— Ах так! Чтоб ее, паршивку! — выругался господин наставник на свою невестку.

Кого бы он ни бранил — будь то невестка, дочь, жена внука, ныне покойная собственная жена или давняя наложница, — у него вошло в привычку употреблять выражение “чтоб

ее", подобно артиклю в европейских языках. Для мужчин же у него было припасено "черт бы его побрал"...

— Чтоб ее!.. Паршивка, и что она с утра до ночи ходит туда-сюда?

— Я не знаю!

— Ясное дело, откуда ж тебе знать, если я не знаю!.. Чтоб ее! Не иначе как мужу до нее нет дела, вот она и бесится, шляется туда-сюда!

— Наверняка так и есть!

Жаль, что у этой сцены не было посторонних свидетелей, иначе они бы хохотали от души.

Такую грубую манеру ругать всех без разбора, и невестку, и кого бы то ни было еще, можно было бы списать на дурной нрав господина наставника, однако на самом деле его грозная напыщенность была не более чем ширмой, подобной искусственному шелку или позолоченной заколке. Что же касается происхождения, гордиться господину Юну было нечем.

4. *Пропади все пропадом, кроме нас*

Покойный отец господина наставника, Юн Йонгю, из-за чрезмерно вытянутого лица получивший прозвище Лошадиная Голова, не был не то что помещиком, а даже мелким служащим в местном ведомстве никогда не числился.

Тем, что он не был чиновником, сегодня, напротив, можно было гордиться, тогда как в прежние времена Юн Йонгю оставалось только мечтать, чтобы получить должность хотя бы служащего библиотеки, коих сейчас так много, но Юн Йонгю не обладал ни достаточными средствами, ни образованием для сдачи экзаменов.

Йонгю Лошадиная Голова до тридцати лет не накопил даже на *мангон*[1], и поэтому неизменно носил одну и ту же плетеную шляпу из бамбука. Как завсегдатаю местного казино ему иногда перепадало немного с чужих выигрышей, и эти деньги он тут же пускал на карточные игры или рулетку, а если ему не везло ни в том ни в другом, то он выжимал последние гроши из жены, которая, чтобы спасти от голода себя и маленького ребенка (речь идет не о ком ином, как о наставнике Юне), торговала вышивкой. В свободное от игр время Юн Йонгю спал

1. Мангон — головная повязка из конского волоса, надевается на лоб для сохранения прически.

подобно Со Дэсону[1], будь то день или ночь... И так провел он полжизни. Впрочем, надо отдать Юн Йонгю должное, он слыл настоящим храбрецом, хотя и был полным невеждой.

Так или иначе, Юн Йонгю, очевидно, родился под счастливой звездой, ибо однажды ему как снег на голову свалилось 200 *лян*[2], а по столичным деньгам выходило в десять раз больше. По тем временам этого было достаточно, чтобы считаться богачем.

Всякое поговоривали: и что он выиграл эти деньги в казино, и что его жена получила их в наследство от дальнего родственника, и что это леший принес, словом, откуда они взялись, никто не знал.

Это сейчас, если какой бедняк разбогател в одночасье, наша бдительная полиция проверяет, откуда взялось богатство, а тогда, шестьдесят лет назад, никто и словом не обмолвился, даже невзначай. Лишь завидовали, придя к заключению, что деньги — это не иначе как дело рук лешего.

Как бы то ни было, с того дня Йонгю Лошадиную Голову будто подменили: в казино он больше не появлялся, а на эти деньги купил поле, занялся мелким ростовщичеством и начал предоставлять ссуды под 50 % годовых. Словом, в мгновение ока он стал важным господином. Его состояние росло и росло, как будто он и впрямь с лешим повелся, и к концу жизни со своих владений он ежегодно получал 3000 *сок*[3] риса.

У наставника Юна (за свое внешнее сходство с жабой получившего прозвище Жаба Юн) с детства проявился талант к ростовщичеству, и к двадцати годам он уже помогал отцу, благодаря чему им удалось сколотить состояние.

В 1903 году наставник Юн в полном объеме унаследовал владения отца и в течение последующих тридцати лет шаг за шагом только приумножал семейное богатство.

1. "Спал подобно Со Дэсону" — корейская поговорка. Так говорят о человеке, рожденном добиться больших успехов, но который бездельничает, ожидая своего часа.
Со Дэсон, герой "Сказания о Со Дэсоне" — корейской повести середины XVIII в., повествующей о том, как Со Дэсон, имя которого обозначает "необычайный успех", родившись в знатной семье, в раннем возрасте потерял родителей и лишился всего. Скитаясь вместе с бродягами, однажды он встретил старого учителя, который обучил Дэсона воинскому искусству. Благодаря этому ему удалось подняться из самых низов и стать правителем им же основанного Северного государства.
2. Лян — мера веса и денежная единица, появившаяся в Китае не позднее периода правления династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.). Впоследствии проникла и в другие регионы Восточной и Юго-Восточной Азии, включая Корею. Серебряные слитки, вес которых измерялся в лянах, служили валютой. Корейский лян равен 37,5 грамма.
3. Сок — корейская мера объема, примерно равная 3,6 литра.

Судя по его учетным записям десятилетней давности, когда он вместе с семьей переехал в Сеул, господин наставник уже тогда получал чистых 10 ооо *сок* риса в год, а теперь на его счете в банке хранилось около 100 ооо *вон*. Так что, оглядываясь назад, с уверенностью можно было сказать, что он во многом превзошел своего отца.

Надо признаться, это окропленное кровью состояние стоило им куда дороже, чем кажется на первый взгляд. Несмотря на то что в те темные времена занятие разными формами ростовщичества было весьма прибыльным делом, а местная бюрократия лишь способствовала приумножению богатства, и отцу, и сыну, сколотившим такое состояние всего за два поколения и успешно управлявшим семейным хозяйством, не раз приходилось иметь дело с алчным губернатором, который без какого-либо объяснения бросал их за решетку, где они подвергались вымогательству и избиению палками при дознании. А сколько раз налетчики, угрожая оружием, забирали их имущество! В довершение всего, Йонгю Лошадиную Голову настигла смерть от рук шайки грабителей.

Воспоминания о тех днях и сейчас заставляют наставника Юна содрогнуться, а перед глазами нередко возникают распростертое на полу тело безвременно ушедшего отца и объятый пламенем амбар, до краев наполненный зерном.

Это случилось в марте 1903 года, в роковой 15 день по лунному календарю, и с тех пор в этот день поминают Йонгю Лошадиную Голову.

Жаба Юн Дусоп, то бишь господин наставник в молодые годы, до ночи занимался учетом получаемых и выдаваемых в кредит денег, отпускал рис, разумеется, под высокий процент, то и дело приходившим арендаторам, которые по весне испытывали затруднения с зерном, ухаживал за прикованным к постели отцом, словом, в одиночку управлялся с огромным хозяйством и потому часто не мог сомкнуть глаз до полуночи. Однажды он вдруг почувствовал, что его будят, потряхивая за плечо, и, испуганный встревоженным шепотом жены, вскочил с постели.

Уже не раз наставнику Юну приходилось сталкиваться с бандитами, и поэтому его тело, не дожидаясь сигнала спящего мозга, среагировало на опасность, в точности, как тело военачальника, которое безошибочно действует на поле боя, даже когда рассудок его хозяина замутнен.

Правду сказать, волнение, тревога и страх в то время царили в доме Юнов и днем и ночью, ни на секунду не давая

расслабиться ни телу, ни душе. Казалось, что вся семья ходит по тонкому льду.

В комнате была кромешная тьма. Молодой Жаба Юн, схватив по пути, чем прикрыться, полусогнувшись прокрался к боковой двери, очерченной снаружи лунным светом. Жены он не видел, но слышалось ее прерывистое дыхание, и через мгновение ее дрожащая рука коснулась его запястья.

— Быстрее! Скорее! — поторапливала она, но ее голос заглушили удары то ли прикладом, то ли дубиной по воротам.

Собравшийся было бежать Жаба Юн на миг остановился и повернулся к жене с вопросом:

— А как же отец?

— Не знаю... Но... Ох, быстрее же, быстрее!

Жена, тяжело дыша, схватила мужа за руку. Конечно, она бы не смогла увести его силой, но тот уже сам бросился к боковой двери, распахнул ее ногой и выскочил наружу. Не успев обуться, он, босиком, что есть мочи пробежал через двор, одним махом перепрыгнул через высокий забор, припал к земле и, прячась, будто фазан, пополз по борозде ячменного поля, простиравшегося вдоль дороги. С того момента, как его разбудила жена, прошло не более пяти минут.

Между тем прыжок через забор стоил Жабе Юну подштанников, не подвязанных поясом и посему слетевших, когда он перемахивал через ограду, поэтому по полю он полз уже голышом. В это самое время у дальнего угла дома показались две темные фигуры: у одной на плече было ружье, а вторая сжимала в руках дубину. Это были бандиты, специально поставленные для того, чтобы ловить спасающихся бегством через ограду. Что и говорить, Жабе Юну несказанно повезло: эти двое его не заметили, а сам он даже не подозревал, какой опасности подвергался, перепрыгивая через забор, и лишь продолжал ползти.

Если б он попался им на глаза, они бы попробовали его догнать и схватить, а если бы им это не удалось, то начали бы стрелять из своего похожего на кочергу фитильного ружья, хотя было понятно, что привыкшие работать тяпками и вилами налетчики вряд ли попали бы в удирающего по полю человека, к тому же при скудном свете луны.

Так или иначе, Жаба Юн голышом пересек поле и скрылся в сосновом лесу, а потом быстро взобрался на невысокий холм и, наконец почувствовав себя в безопасности, сел на землю перевести дух.

Когда имеешь дело с бандитами, самое мудрое — это бросить все и бежать, не думая ни о чем, спасая собственную жизнь, ибо

они, забравшись в дом, первым делом избивают его хозяина и всех взрослых мужчин до полусмерти. Так что, попав к ним в руки, прежде всего... жди побоев. За избиением следует вынос имущества, и любой неверный шаг может стоить жизни. Сколько человек попалось, столько и разделяют одну и ту же участь. Посему негласным правилом для всех было — сразу же спасаться бегством, ни на минуту не задумываясь ни о родителях, ни о детях. Даже если бы сын, зная, какая участь ожидает отца, и решил бы сопротивляться, у него все равно не было бы шансов: бандитов всегда больше, к тому же они вооружены, а убить человека для них все равно что прихлопнуть муху. Той ночью Жаба Юн, хотя сразу же подумал об отце, вынужден был спасать собственную жизнь, которой угрожала не меньшая опасность.

Шестидесятилетний Йонгю Лошадиная Голова, тело которого изнывало от побоев палками в камере, откуда его только вчера освободили, и не думал о спасении. Он лишь приподнялся на своем ложе и включил прикроватный светильник. Он понимал, что без насилия не обойдется, и раз уж расклад таков, то он решил не сдаваться без боя.

Один из грабителей перемахнул через забор и открыл засов ворот изнутри, чтобы остальные могли беспрепятственно войти.

— Смотрите, чтоб ни одна тварь не сбежала! — приказал главарь двум бандитам, поставленным на караул у ворот.

— Если кого увидите — стреляйте!

Отдав указания, главарь сразу направился к помещению для приема гостей. Тем временем другой бандит вошел во внутренние покои дома. Судя по тому, что обычно заходящиеся свирепым лаем собаки в этот раз не издали ни звука, а лишь изредка жалобно поскуливали, можно предположить, какого страху на них нагнали налетчикии.

— Не смейте трогать женщин и детей! — строго приказал главарь на подступе к дому, окидывая взглядом своих соумышленников, на что те в один голос ответили:

— Ясно!

Это правило было отличительной чертой разношерстной шайки, забравшейся сегодня ночью в дом Юнов. И хотя ее члены выглядели один нелепее другого: крестьяне — кто в бамбуковых шляпах, кто с тряпичными повязками на головах, — совсем еще юнцы с заплетенными в косы волосами, или же старики и прочий сброд, во всех своих грабежах они твердо придерживались одного правила: не трогать женщин и детей. С тем же, кто нарушал его, главарь расправлялся без промедления.

Зайдя в гостиную, он приказал одному из бандитов раздвинуть внутреннюю дверь, запрыгнул на деревянный настил и тут внезапно натолкнулся на решительный взгляд Йонгю Лошадиной Головы, направленный прямо на вошедшего. От неожиданности бандит отпрянул назад. Он не мог поверить, что в этой критической ситуации Юн Йонгю не только не попытался убежать, но и осмелился так вызывающе смотреть на него, как бы говоря: "Ну, заходи, коли пришел".

Более того, на исхудалом больном лице седовласого старика, не спускавшего своего страшного взгляда с бандита, играл тусклый свет масляной лампы, и это делало его похожим на дьявола. От этого взгляда главарю стало не по себе, и кто знает, не отступил бы он, не будь у него за спиной десятка готовых к бою сподручников с ружьями, ржавыми ножами, дубинами и топорами.

— Ааа, так ты тут ждешь! — угрожающе проговорил главарь, оправившись от оцепенения.

Это была не первая встреча Йонгю Лошадиной Головы с этими бандитами, так что они были знакомы. Та же шайка забиралась в дом Юнов около месяца назад. Тогда налетчики взяли 300 *нян* деньгами, ценные бумаги, женские украшения и в придачу увели корову, поэтому они хорошо запомнили хозяина. Сам же Юн Йонгю смог опознать лишь лицо главаря, но и его одного он успел возненавидеть лютой ненавистью, и оттого вместо страха Лошадиная Голова испытывал вскипающую изнутри ярость, а осознание неизбежности столкновения только придавало ему решительности.

— Юн, собака, слушай! — начал главарь угрожающим тоном, не отрывая взгляда от Йонгю, безмолвно сидящего на кровати. — Это ты сдал моего человека властям? И после этого ты надеешься, что сможешь избежать расправы? Отвечай же, это ты сдал?

— А как же, пошел в полицию и сам обо всем рассказал! А ты как думал? — хрипло ответил Йонгю, и в его глазах сверкнул зловещий огонек. — Да, именно так, все-все рассказал. А ты что же? Набрал шайку головорезов, грабишь порядочных людей и этим живешь! Думаешь, ты уйдешь от расправы? У-ух, стервец! — старик все повышал и повышал голос. — Да ты ведь долго не протянешь, мерзавец! Уж недалек тот день, когда и тебе снесут голову! — Йонгю так кричал, что чуть не сорвал голос.

Если вдуматься, эта последняя вспышка ярости перед надвигающимся концом была не чем иным, как пророчеством, в

нем звучала уверенность, что угнетенные в будущем восторжествуют, а угнетателей ждет возмездие.

Юн Йонгю, несмотря на свое невежество, все-таки чувствовал, что властелином грядущего мира скоро станут деньги. Поэтому его пророчество касалось не только грабителей; оно относилось и к губернатору — циничному и расчетливому вымогателю, и ко всем другим угнетателям, даже если сам Юн Йонгю этого и не осознавал.

— Ах вы, сволочи! Думаете, ночь сто лет будет длиться? Посмотрим, как вы запоете, когда день наступит! — продолжал сыпать угрозами разъяренный Юн Йонгю.

— Глупец, не трать слова попусту! — с грустью в голосе усмехнулся главарь.

Громкие голоса разбудили батрака, что спал в дальнем углу комнаты. Оглядевшись по сторонам и поняв, что происходит, он затрясся от ужаса и попытался забиться в угол еще глубже.

В этот момент один из бандитов, вошедших в дом, приблизился к главарю. На дуле его ружья болтались белые подштанники.

— Командир, сын хозяина сбежал.

— Сбежал? А это что у тебя?

— А это валялось у ограды с той стороны. Стало быть, он потерял подштанники, перепрыгивая через забор. Видать, выскочил прямо из постели, не успев даже поясом подвязаться.

Несколько грабителей, представив описываемую сцену потери подштанников, захихикали.

— Болваны! Как вы могли проворонить?!

Главарь покачал головой и, указывая на батрака, трясущегося в дальнем углу комнаты, спросил:

— А может, это его сын, а сбежал кто-то другой?

Жаба Юн еще ни разу не попадался этой банде, и поэтому главарь не знал, как он выглядит.

Уловив в словах главаря приказ, один из бандитов кинул пристальный взгляд в угол:

— Нет, это батрак.

— Тьфу... Что ж, ничего не поделаешь... Не расслабляться и не трогать ни ложки, пока я не скажу!

— Ясно... Командир, тут есть бочонок с хорошим вином... А еще свиньи и курицы, как раз на обед...

Несмотря на то что тот год, в отличие от позапрошлого, не был голодным, для вставших на путь грабежа было бы кощунством не заметить спиртного и мяса в доме.

Главарь снова повернулся к старику и сказал:

— Юн, мразь, слушай... Сегодня мы пришли не за твоим имуществом, а... к тебе по делу... Согласен выслушать или нет?

Йонгю, внимательно смотревший на главаря, пока тот говорил, отвернулся, как только он замолк.

— Ну так что? Нет, значит?

— Чтоб я бандита стал слушать?! Вот еще! Да я б вас всех порезал на мелкие кусочки, лишь бы не слушать!

Из своего богатого опыта столкновений с грабителями Йонгю знал, что хоть ползай перед ними на коленях, соглашаясь на все и моля о пощаде, хоть в открытую бросай им вызов — все равно и побоев не избежишь, и имущества лишишься. Поэтому, будучи уверенным, что ему не избежать этой участи, старик с самого начала и не думал их ни о чем умолять. Напротив, он презирал главаря и всю его шайку настолько, что охотно перерезал бы их всех до единого.

Около месяца назад, когда та же банда ночью забралась к нему в дом, Йонгю увидел среди грабителей знакомого. Оказалось, это его арендатор по фамилии Пак, живший неподалеку.

— А, так это ты!

Лошадиная Голова никак не мог понять, что он такого сделал, что Пак его вдруг возненавидел. И вот человек, живущий и работающий на его земле, вместе с другими бандитами забирается в дом своего арендодателя! От негодования глаза Йонгю загорелись яростным огнем, а сердце забилось с такой силой, что едва не разорвало грудь.

На рассвете следующего дня Йонгю собственной персоной отправился в Управление. Надо сказать, грабили его часто, поэтому его лицо уже примелькалось тогдашнему губернатору Пэк Ёнгю, ему-то пострадавший и подробно изложил, что произошло, как и когда, особое внимание уделив участию в ограблении арендатора Пака, и выразил надежду, что, поймав одного, можно будет выйти на всю банду.

Однако Пэк решил иначе. Он все выслушал и пообещал поймать Пака, но при этом добавил: раз ты, Юн, так хорошо знаешь бандита, значит, и сам, стало быть, замешан, потому допрашивать будут вас обоих. А так как на Пака еще не вышли, Лошадиная Голова был первым заключен под стражу.

В самом деле, зачем нужна справедливость или хотя бы доброе имя человеку, все усилия которого направлены на то, чтобы сфабриковать ложное обвинение и хитростью заполучить чужое имущество? Говорят, когда-то французский ко-

роль Людовик XIV произнес знаменитую фразу: “Государство — это я”. Так и в Корее, один из правителей при допросе обвиняемого задал ему вопрос: “Как щебечет воробей?” Если бы тот ответил: “Чик”, его бы казнили; ответь он: “Чирик” — исход был бы тем же; ничего бы не изменилось и при ответе: “Чик-чирик”.

В то время губернатор был полновластным правителем уездного города, любая прихоть которого безукоризненно исполнялась. К тому же его больше интересовало выколачивание денег из помещиков, нежели поимка преступников.

Итак, обведенный вокруг пальца Йонгю Лошадиная Голова был брошен в камеру. В тот же день к нему присоединился тот самый Пак. Допрашивали, тем не менее, каждого по-своему. У Пака выпытывали имена главаря и членов шайки, а также их местонахождение. Он признался, что состоял в банде, но обо всем остальном держал рот на замке и не обмолвился больше ни словом, даже несмотря на то, что ему поломали ноги, так что белые кости торчали наружу.

От Йонгю же требовали признания в сговоре с бандитами и в том, что он делился с ними имуществом и снабжал их едой. По свидетельству Пака выходило, что Юн-старший был связан с бандой, и если он откажется чистосердечно во всем признаться, то его передадут властям более высокого уровня с последующим обезглавливанием.

Нечего и говорить, что подобные голословные обвинения были наглейшей клеветой. А молодой Жаба Юн тем временем, не получив каких-либо указаний, трудился без сна и отдыха, раздавая взятки, чтобы вытащить отца.

Сумма в 1000 *нян*, два раза по 500, досталась губернатору Пэк Ёнгю, еще 1000 *нян* ушла на взятки мелкому звену: начальнику канцелярии, канцеляристам судейской палаты, тюремным надзирателям, посыльным и даже глашатаям при уездном начальнике. Таким образом, на взятки ушло 2000 *нян*. И вот спустя примерно месяц, ранним утром, Йонгю Лошадиную Голову, всего в гнойных ранах от побоев, усадили в паланкин и доставили из тюрьмы домой.

В свете всего случившегося можно лишь догадываться, какую ненависть к бандитам и губернатору Пэк Ёнгю испытывал сейчас Юн Йонгю, сидя на кровати.

Ненависть ненавистью, а губернатору все сошло с рук. Лошадиная Голова же только и думал о том, как отомстить грабителям, и вот по воле судьбы они снова забрались к нему в дом. И его желание растерзать их на кусочки объяснялось вовсе не его бесчеловечностью, а событиями недавнего прошлого.

Бандиты же ненавидели Йонгю Лошадиную Голову за то, что тот сдал Пака, не меньше, чем он их. И хотя Пака после поимки сурово пытали, он не выдал ни главаря, ни остальных грабителей, и это было расценено как высшее благородство с его стороны. Такая стойкость и верность не могли не вызвать восхищения у банды. Поэтому первым делом они решили во что бы то ни стало вызволить его из заключения, месть же Юну-старшему была отложена на потом. Если бы не этот план, то они бы без промедления сделали все, зачем пришли, и убрались бы восвояси.

* * *

Оттого что ему приходилось выслушивать проклятия старика Юна, который все больше распалялся и трясся от злости, главаря охватила неописуемая ярость.

— Ты что, не хочешь даже слушать? — переспросил главарь, свирепо вращая глазами.

Но Юн без промедления ответил:

— Не трать слова зря!

— А ты не будь таким упрямым! — процедил главарь сквозь зубы и смерил Йонгю долгим взглядом. Но затем, понизив тон, снова принялся уговаривать: — Тебе же некуда деваться. Не спеши с ответом, от тебя требуется всего 3000 *нян* на взятку. Ведь и тебя б без взятки не выпустили, разве нет? Значит, тебе следует вытащить и моего подопечного, который по твоей же вине и попал за решетку, ты так не думаешь?.. Конечно, мне б самому надо заняться этим делом, а не тебя заставлять, но у меня нет на руках 3000 *нян*, а чтобы их достать, нужно обчистить с десяток таких, как ты. Сам посуди, это ведь дело долгое. К тому же, если я стану взятки давать, это большой риск. Вот и выходит, что, кроме тебя, и некому этим заняться. Через несколько дней его передают провинциальным органам власти, так что нужно поторапливаться, — закончил главарь чуть ли не умоляющим хриплым голосом.

Дело было за ответом Йонгю, который, впрочем, все это время сидел, отвернувшись и делая вид, что не слышит бандита.

Реакция старика вызвала очередной прилив ярости, от которого у бандита поначалу беззвучно зашевелились губы, а потом он сорвался на крик:

— Ну так что? Отвечай, сделаешь или нет?..

— Нет, не сделаю! — прокричал Йонгю столь же громко. — Я только и молюсь, чтоб вас всех переловили и поперевешали! Вот одного уже схватили. А чтоб я свое имущество на

взятки тратил ради его вызволения?! Слыхали? Скорее небо упадет на землю, чем я соглашусь на такое!

— Это твое окончательное решение?

— Да, окончательное! — отрезал Лошадиная Голова. Он был твердо уверен, что плакало его имущество и ему самому не миновать расправы, но на своей территории он все же мог дать негодяям отпор, а это было во сто крат лучше, чем тратить 3000 *нян* на вызволение одного из них. К тому же его рисовых полей им все равно не унести.

— Значит, не согласен? — уже через силу выдавил из себя главарь.

— Я скорее сдохну, чем соглашусь!

Не успел Йонгю закончить, как главарь, оглянувшись назад, приказал:

— Вытаскивайте его!

От толпы бандитов, стоявших все это время за спиной главаря, отделились четверо, вместе подошли к кровати и начали бесцеремонно вытаскивать из нее старика. В этот момент распахнулась задняя дверь, и в комнату, неистово вопя и причитая, влетела его растрепанная жена. Она подбежала к мужу и вцепилась в него мертвой хваткой.

Несмотря на яростное сопротивление Йонгю, бандиты оттащили его к двери. Да и что он мог сделать, когда его держали четыре человека. И все же Йонгю каким-то образом удалось ухватиться за ружье одного из них. С ружьем в руках это уже не был тот шестидесятилетний побитый старик. Лошадиная Голова вдруг ощутил новый прилив сил и что было мощи рванул ружье так, что оно, как засов, встало поперек в дверном проеме, зацепившись за раму с обеих сторон, а ногами старик уперся в порог. И как ни тащили его бандиты за волосы, собранные в пучок, и сколько ни тыкали дубинками, он издавал лишь рычащие звуки, но не сдвинулся с места. Главарь, не желая больше наблюдать столь омерзительную сцену, выхватил дубинку из рук оказавшегося рядом подельника и, метя в правую руку Йонгю, сжимавшую ружье, нанес удар. Но в дверном проеме создалась такая теснота, что дубинка пролетела мимо руки, и удар пришелся по голове старика.

— О-о-о-ох! — издал он вздох и осел на пол. Из раны брызнула кровь.

Его жена закатила глаза и закричала:

— Убивают! Скоты, убейте тогда и меня!

В тот момент и жизнь, и смерть для нее были равны: она схватила главаря за руку и впилась в нее зубами. Между тем потерявший от удара сознание Йонгю очнулся. Он не знал, зачем

бандиты хотели вытащить его за дверь, но понимал, что в любом случае к добру это не приведет, и поэтому сопротивлялся изо всех сил. Сильный удар дубиной повалил его на пол, и, когда его затуманенного сознания достиг крик жены: “Убивают!”, он и вправду подумал, что ему пришел конец. И тогда старый Юн, рассвирепев, решил, что, раз уж ему все равно не жить, то просто так он не дастся. Он резко встал, схватил попавшийся на глаза нож и начал яростно им размахивать. И тут бандиты пошли на то, на что никогда еще не решались: один из них ударил не просто женщину, а престарелую жену Йонгю. Он не знал, что она до того вцепилась зубами в руку главаря, а видел лишь продолжение эпизода, когда главарь уже схватил ее за волосы и с силой дергал из стороны в сторону.

Разумеется, даже с оружием в руках и с решимостью стоять не на жизнь, а на смерть, у умирающеего старика не было шансов против дюжины ружей, дубинок, ножей и топоров. В итоге он получил удар топором по затылку и снова упал. Глаза главаря загорелись от ярости, ибо у него не было намерения убивать старика. Не то чтобы у него рука не поднялась расправиться с ним, но Йонгю был нужен ему живым. Главарь хотел взять старика в заложники и таким образом заставить его семью выполнить его требования — так когда-то делали в Маньчжурии.

— Подожгите амбар с зерном! — грозно приказал он бандитам, окинув взглядом окровавленное тело старика на полу.

Вскоре над амбаром взвилось яркое пламя, так и норовившее пронзить небо. Завидев его, сбежались соседи и начали спешно тушить пожар. Тогда же вернулся из укрытия и нагой Жаба Юн. Разумеется, к тому времени бандитов и след простыл.

Юн-младший, припав к окровавленному телу отца, со всей силой ударил кулаком об пол и простонал:

— Чтоб этот чертов мир рухнул к ядреной матери! — Потом решительно встал и, сдерживая слезы и скрипя зубами от негодования, проревел: — Да пропади все пропадом, кроме нас!

Это страшное проклятие тоже стало порочеством.

* * *

Таково было пережитое наставником Юном в молодости потрясение. Поэтому неудивительно, что каждый раз, когда ему приходилось тратить хотя бы малую частицу этого окропленного кровью имущества, нажитого ценой таких жутких страданий и переживаний, теперешнего господина настав-

ника бросало в дрожь в буквальном смысле слова. И дело тут даже не в том, что для него имело значение, какая сумма и каким образом была накоплена. Он зашелся бы в праведном гневе, назови его кто эксплуататором.

Он честным трудом заработал свое богатство. Да, эпоха предоставила ему хороший шанс. Но какое отношение к этому имеют арендаторы, заемщики, взявшие рис взаймы, и прочие должники? Хотя пора взятия Бастилии давно миновала, наставник Юн все же ощущал сходство недавнего прошлого, полного потрясений, с теми далекими временами, и, если сегодня, сидя на горе добра, ради сохранения которого была пролита родная кровь, он вдруг вспоминал о великом спокойствии новой эпохи, его лицо расплывалось в широкой довольной улыбке.

Говорят, человеческая натура такова, что, получив коня, человеку сразу же хочется иметь коновода. С наступлением новой эпохи суматошный мир канул в прошлое, но тут Жабу Юна начало заботить его незнатное происхождение, хотя его богатству можно было только позавидовать.

Конечно, Жабе Юну и раньше приходилось иметь дело с "молодежью в европейских костюмах" или, как ее еще называли, "молодежью с револьверами".

Но вот однажды в конце 1919-го — начале 1920 года, а точнее, в один из дней декабря 1919-го, когда площадь его рисовых полей должна была уже достигнуть вожделенных размеров в 5000 *пхён*, Жаба Юн ожидал продавца земли, заготовив в доме 4000 *вон* наличными для оплаты. И тут произошло такое, чему и леший бы удивился, а Юн-младший просто дар речи потерял: как будто заранее зная об этом, два "костюмчика" средь бела дня пришли к нему в дом и забрали все 4000 *вон*. В тот день Жаба Юн расстался с деньгами, не издав ни звука: черное бездонное отверстие ледяного дула, направленного в грудь, было совсем близко, и на этот раз повелитель царства мертвых его помиловал.

В прежние времена бандиты обычно забирались по ночам, ломая ворота. И при удачном стечении обстоятельств можно было вовремя унести ноги. Тут же они торжественно прибыли средь бела дня как дорогие гости и приставили ствол в упор, так что ничего иного ему не оставалось. Обреченно отдав 4000 *вон*, растерянный Жаба Юн в удручении опустился на пол и какое-то время просидел не двигаясь, но вдруг его взгляд зацепился за небольшой листок бумаги, лежавший неподалеку. Это была расписка от бандитов о том, что они получили деньги.

— Ого! Мир становится цивилизованным, а вместе с ним и бандиты! Вон аж расписку выдают после ограбления!

В течение шести дней после этого Жаба Юн не мог ни есть, ни спать: два дня он провел, сожалея об отданных 4000 *вон*, и еще четыре — в беспокойстве по поводу того, что мир возвращается в те времена, когда бандиты разгуливали практически безнаказанно.

После того случая те же незваные гости несколько раз навещали Юна-младшего, но уходили уже без добычи: с того злополучного дня он ни монеты не хранил дома.

Если, живя в деревне, имеешь много денег, то тебя постоянно донимают требованиями заплатить налоги, просьбами во что-нибудь вложить капитал, а нищие родственники норовят поживиться за твой счет. Все это доставляет немалое беспокойство, а тут еще эти пройдохи в европейских костюмах не дают покоя. Поэтому в конце концов Жаба Юн собрал семью и переехал в Сеул. Жизнь стала спокойнее, но теперь нового сеульчанина удручало отсутствие подобающей родословной, и делом всей жизни для него стало прославление своего клана, для чего он выработал программу действий, состоящую из четырех этапов.

Во-первых, он приукрасил свое происхождение, найдя среди отошедших в мир иной родственников подходящих для этой цели людей. Затем под его чутким руководством в генеалогические таблицы было вписано, что один из них числился заседателем государственного совета, другой — начальником приказа, третий слыл почтительным сыном, четвертый женился на добродетельной женщине и т. д. Таким образом, потратив всего 2000 *вон*, Юн Дусоп без особых усилий обзавелся новой родословной. Но сколь бы внушительно она ни выглядела, это было всего лишь украшение, чтобы радовать глаз, но сама по себе она не имела никакой ценности. Он так и остался Жабой Юном, сыном Юна Лошадиной Головы, или просто Юном Дусопом, отпрыском бездельника Юна Йонгю. Ему недоставало аристократизма, как жаждущему в пустыне — воды.

Говорят, если носителя фамилии Син постоянно называть обезьяной[1], то однажды он, сходив в зоопарк и посмотрев там на далеких предков человека, обнаружит между ними и собой немалое сходство. Точно так же, если бы кто-нибудь,

1. Иероглиф, используемый для записи фамилии Син, означает также — обезьяна.

желая угодить Жабе Юну и таким образом получить должность управляющего поместьем, выучил бы его новую родословную наизусть и по несколько раз на дню обращался бы к нему: “достопочтенный Юн Дусоп, потомок такого-то заседателя государственного совета в таком-то поколении” или “достопочтенный Юн Дусоп, такой-то потомок такого-то начальника приказа”, это генеалогическое древо обрело бы некое правдоподобие, да и адресату, безусловно, радовало бы слух, только откуда взяться такому сообразительному и в то же время безразличному к реальности человеку? А то еще можно было бы заказать известному эстрадному исполнителю записать пластинку с положенной на музыку родословной и проигрывать ее изо дня в день.

Но оказалось, что пользы от новой родословной не так уж много, поэтому следующим этапом стало получение государственной должности.

В то время еще не исчезли *хянгё*[1] — специальные образовательные учреждения, в которых чтили Конфуция, Мэнцзы и других конфуцианских мудрецов далекого прошлого. По весне и осени в них совершали жертвоприношения, забивая корову или свинью. Должность главы такой школы носила название “старший наставник”.

Прежде старший наставник избирался местными жителями из числа наиболее образованных и высоконравственных конфуцианских ученых деревни, но с тех пор, как управление финансовыми и прочими вопросами *хянгё* передали в руки уездных канцелярий, все изменилось. Теперь там появилось множество чиновников не столь высокого ранга, и тот, кто платил большие налоги и мог пожертвовать им земельный надел или предложить поместье в управление, имел большой шанс стать старшим наставником в *хянгё*. Для Жабы Юна, у которого не было ни единого шанса сдать экзамены на чиновничью должность и стать государственным служащим, а о поступлении в почетный караул королевских гробниц он даже думать не хотел, чин старшего наставника *хянгё* был единственным возможным вариантом. Так Юн Дусоп стал главой конфуцианской школы. Вскоре, в том числе стараниями домочадцев, при обращении к нему вместе с фамилией начала звучать и его новая должность.

1. Хянгё — провинциальное заведение в эпоху Чосон (1392–1897), одновременно служившее и конфуцианским храмом, и школой.

Три года после этого прежний Жаба Юн и теперешний господин наставник исправно выполнял свои обязанности: по два раза в год — весной и осенью — он прибывал в *хянгё* и с помощью команд "поклон" и "прямо" проводил церемонии поклонения Конфуцию, Мэн-цзы и прочим мудрецам, каждый раз гадая, кто из них сильнее.

Речь о том, что вопрос "Кто кого победит: Конфуций Мэн-цзы или Мэн-цзы Конфуция?" был излюбленной забавой наставника Юна, которую он сам же и придумал. Начало этому развлечению было положено однажды летним днем, когда господин наставник появился в *хянгё* и, подойдя к группе ученых, сосредоточенно декламировавших стихи о родной природе, задал им свой вопрос:

— А как по-вашему, если бы достопочтенные мудрецы Конфуций и Мэн-цзы состязались в борьбе на руках, то кто бы выиграл?

От неожиданности те не знали, то ли смеяться, то ли плакать, и лишь беззвучно открывали рты. Словом, так никто и не смог утолить любопытство наставника.

А по прошествии трех лет, в течение которых наставник Юн заправлял конфуцианскими церемониями в *хянгё*, он оставил этот пост и переехал в Сеул. Однако почетный титул наставника, равно как и загадка, кто выйдет победителем в борьбе на руках: Конфуций или Мэн-цзы, остались с ним на долгие годы.

Следующим, более серьезным, шагом на пути обновления семейной родословной стала попытка породниться с аристократическим родом. Единственный сын наставника Юна, пятидесятилетний Чхансик, если не считать сына от наложницы, не годился для этого, так как он уже был женат на дочери мелкого провинциального служащего. Поэтому ставка была сделана на дочь, которая в итоге вышла замуж за одного сеульского аристократа.

Оказалось, что новые родственники прозябали в нищете, влача жалкое существование в покосившейся хижине, а через год после свадьбы новоиспеченный зять погиб, попав под трамвай, и молодая вдова вернулась в родительский дом. Тем не менее этот недолгий брак закрепил принадлежность клана Юнов к аристократическим кругам. Но господин наставник на этом не остановился и для своего старшего внука нашел невесту в провинции Чхунчхондо. Ею стала девушка из небогатой, но принадлежавшей к высшему сословию семьи Пак. Второго внука он выдал за девушку из сеульского клана Чо, издавна обосновавшегося за Церемониальными во-

ротами[1]. Поговаривали, что она приходилась то ли тридцати семи то ли тридцати девятиюродной родственницей королевы Синджон[2]. Уж точно не из семьи торговца капустой. В результате наставник Юн обзавелся тремя сватами из высшего сословия, таким достойным образом на порядок повысив свою значимость.

Наконец, последний, самый важный, шаг должен был стать и самым дорогостоящим. Он заключался в том, чтобы превратить ближайшах членов семьи во влиятельных аристократов: одного сделать уездным начальником, другого — полицеймейстером. Благо наставник Юн как раз имел двух внуков. Конечно, провинциальный начальник куда лучше уездного, а комиссар полиции во сто крат серьезнее полицеймейстера, но такие амбиции были бы сродни желанию наесться досыта с одной ложки, поэтому пока наставник Юн решил придерживаться первоначального плана улучшения родословной.

1. Церемониальные ворота — одно из названий Малых Южных ворот, через которые проходили похоронные процессии.
2. Королева Синджон (1809–1890) — мать 24-го правителя Кореи Хонджона (1827–1849; правил с 1834 по 1849 гг.).

Луна отраженная. Жизнеописание Будды

Фрагмент литературного памятника XV века

Перевод и вступление Елены Кондратьевой

Ворин сокпо — памятник корейской средневековой литературы, который был издан на пятом году правления *вана* Седжона в 25-ти томах. Он представляет собой компиляцию книг *Ворин чхонганджи гок* ("Песни луны, отраженной в тысячах рек", 1449), написанной *ваном* Седжоном, и *Сокпо санджоль* ("Жизнеописание Будды. Главы с толкованиями", 1447), написанной принцем Суяном, братом Седжона. *Ворин чхонганджи гок* — это поэтическое собрание гимнов, восхваляющих Будду. *Сокпо санджоль* — прозаическое произведение, представляющее собой собрание *джатак* — историй из жизни Будды в разных перерождениях. По данным корейских источников *Сокпо санджоль* является переводом с санскрита.

Оба эти сочинения, объединенные и отпечатанные в 1459 году под названием *Ворин сокпо,* представляют собой поэтический сборник гимнов, взятых из *Ворин чхонганджи гок* и сопровождающихся прозаическими пояснениями из *Сокпо санджоль*. В основу 22-го тома, отрывок из которого приведен ниже, положен сюжет, заимствованный из сутр буддийского канона — "Сутры о мудрости и глупости" и "Сутры о будде Дафанбянь, воздающем за милости". В качестве главной сюжетной линии была выбрана история двух братьев, отправившихся в путь за волшебной жемчужиной. Прозаическая часть произведения начинается с рассказа о том, как Будда проявил сострадание к Девадатте и спас его от вечных мучений. Однако монахи, которые услышали этот рассказ, не поняли, почему Будда спас Девадатту, и просят Будду объяснить причину, по которой он спас его. И в ответ на их вопрос Будда рассказывает присутствующим историю из далекого прошлого про двух братьев, один из которых он сам (в тексте памятника — Сон У, Друг Добра), а другой брат — Девадатта (Ак У, Друг Зла).

Считается, что примером для подражания в поэтической части произведения был выбран первый литературный памятник, написанный с применением нового корейского алфавита, *Ёнбиочхонга* "Ода о драконах,

© Елена Кондратьева. Перевод, вступление, 2016

летящих к небу" (1447). И в том и в другом произведении стихи состоят из двух строк, каждая из которых представляет собой синтаксически законченное предложение. Помимо соблюдения принципа параллелизма в строфах сохранена рифма. В отличие от "Оды о драконах, летящих к небу" строфы в *Ворин сокпо* ритмически не маркированы, однако множество сходных черт со стихами "Оды о драконах, летящих к небу", как то: общая грамматическая структура стиха, примерно одинаковое количество слогов и т. д., позволили нам в переводе попытаться сохранить ритмику стихов, жертвуя при этом грамматической рифмой.

Песнь 445

Священным светом Будда-мудрец[1]
Четвертое небо[2] и ад озарил.
Страданья ему Девадатта[3] принес,
Но так велико состраданье[4] его,
Что боли не чувствовал в теле своем.

Песнь 446

Столкнулся Будда с вечным врагом,
Воспел народ деянья его.
"В явленье прошлом был страшен Ак У,
Его нашел я!" — так Будда сказал.

Песнь 447

Годами *ван*[5] наследника ждал,
Кому священный град передать?
Двенадцать полных минуло лет,
Родили две жены сыновей.

1. В корейском тексте имя Будды записано как Седжон, что означает Просветленный мудрец из рода Шакья. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. Четвертое небо — Акаништха (*санскр.* Akanittha, Akanistha, *кор.* Акаитхачхон), "высшее небо, мир высших дэвов".
3. Девадатта (*кит.* Диподадоу, *санскр.* Devadatta, *кор.* Чодаль), двоюродный брат Будды Шакьямуни. Постригся в монахи и стал последователем Будды Шакьямуни, известен тем, что пытался внести раскол в сангху.
4. Великое сострадание (*кит.* дабэй, *санскр.* maha-karuna) — желание избавить других людей от несчастья и страдания, принести благополучие и радость.
5. Имеется в виду правитель Паране, священного города, существовавшего во времена Будды Шакьямуни, расположенного в центре Варанасии, в среднем течении Ганга. В пригороде Варанасии находится город Саранх, где Будда провел свою первую проповедь после просветления пяти первым последователям. Позже эти города объединились в государство Косара.

Песнь 448

Характер скверный был у жены,
С зачатьем стала доброй она.
Характер добрый был у второй,
С зачатьем стала скверной она.

Песнь 449

Поскольку стала доброю мать,
Младенцу дали имя Сон У[1].
Поскольку злом исполнена мать,
Младенцу дали имя Ак У[2].

Песнь 450

Сон У готов был людям помочь,
В семье всегда любили его.
Ак У завистлив был и жесток,
Задумал брата он погубить.

Песнь 451

Сон У страданья видел вокруг,
Глаза закрыла слез пелена.
Отец спросил, что печалит его;
Сон У ему о страданьях сказал,
Помочь просил живым существам.

Песнь 452

Все ищут, что поесть, что надеть,
И пашут поле, ткут полотно.
Ползут в полях из пашни жуки,
Клюют вороны их, чтобы жить.

Песнь 453

Верблюда режут, лошадь, быка,
Овцу, свинью, барана забьют.
И птиц, и рыб, поймают в силки —
Отняв их жизнь, другую дают.

Песнь 454

Увидел Сон У страданья существ,
От боли разве слез не прольет?

1. Сон У (*кит.* шаньёу) — досл. хороший друг, религиозный наставник, в некоторых сутрах это имя переводят как Друг Добра.
2. Ак У (*кит.* Уёу) — досл. злой друг, недруг, в сутрах это имя переводят как Друг Зла.

Отец и мать любовью полны,
Откажут разве в помощи им?

Песнь 455

Сон У раздал две трети казны,
Но понял: всех не смог накормить.
Один из трех[1] его научил:
Спасти народ поможет *поджу*[2].

Песнь 456

Взошли на борт пятьсот человек,
Достигли тех морских берегов,
Где смотрит ввысь гора Чинбосан[3].
Сокровищ редких полон корабль —
Чудесны были те берега, —
Корабль в обратный отправился путь.

Песнь 457

Уплыли все на том корабле,
А он хотел лишь *поджу* найти,
Отправился в путь за пик Чинбосан.
Остался с ним один проводник[4],
Подробно путь ему описал,
Чтоб смог дворец Дракона найти.

Песнь 458

Семь дней их путь лежал по воде,
Колени лишь скрывала она,
Еще семь дней по горло была,
Еще седмицу двигались вплавь,
Тогда лишь к морю вышли они.

1. В прозаической части текста этот сюжет описан так: “В тот же момент [наследник] собрал подданных и вопрошал: “Что нужно, чтобы получить богатства?” Один министр сказал: “Нет [ничего] важнее, чем возделывать землю”, еще один министр сказал: “Нет [ничего] важнее, чем увеличить [количество] убитых диких животных”. Еще один министр сказал: “Отправляйтесь в море и добудьте волшебную жемчужину, исполняющую желания, если получите ее, всем живым существам будет всего достаточно”.
2. Имеется в виду драгоценная жемчужина (*кор.* поджу, *кит.* баочжу, *санскр.* mani).
3. Гора Чинбосан — от *кит.* жэньбао, *санскр.* ratna — “сокровище”.
4. Согласно прозаической части памятника, поясняющей песни, проводник был стар и слеп, но он был единственным, кто знал, как достичь дворца Дракона, обладателя волшебной жемчужины. Проводник спрашивал, что видит наследник, и подсказывал, куда двигаться дальше. Их путь лежал через водные и горные преграды, они терпели лишения на протяжении многих дней. Не выдержав такого испытания, проводник умер, объяснив наследнику, какие земли ему еще надо миновать, чтобы найти дворец Дракона.

Песнь 459

Пески прошли и вышли к горам —
Вокруг все было из серебра.
И умер там его проводник.
Пески минуя, вышел к горам —
Сияли златом земли вокруг.
Но этот путь прошел он один.

Песнь 460

Ступив на лотос, змей увидал,
Но смог пройти лазоревый пруд[1],
Вот так он прибыл в крепость Чхильбо[2].
Вошел в ворота внешние он,
Вторые тоже смог миновать —
Открыли стражи путь во дворец.

Песнь 461

Увидел там он стражников-змей[3];
С любовью он помыслил о них —
Не смели те ему навредить.
И был дракон, что яд источал[4];
Наполнил сердце он добротой —
Дракон ему дорогу открыл.

Песнь 462

Прекрасных дев потом повстречал,
Сказал: “Пришел наследник Сон У”.
Дракон[5] его слова услыхал,
И рад был добрым деяньям[6] его;
Сказал: “Входи, наследник Сон У”.

1. В прозаической части текста сказано, что, пройдя золотые горы, наследник увидел цветы синего лотоса, а под ними — синих ядовитых змей, обвивающих стебли. Тогда он с любовью и милосердием помыслил о них и сошел с цветка лотоса, и змеи не навредили ему. Так он смог перейти волшебный пруд из ляпис-лазури, полный ядовитых змей.
2. Крепость Чхильбо — досл. крепость Семи сокровищ (*кит.* чибао, *санскр.* sapta ratnani). По всей видимости, речь идет о следующих сокровищах: золото, серебро, ляпис-лазурь, раковины тридакны, агат, жемчуг, яшма. О них идет речь в “Лотосовой сутре”.
3. Дворец царя драконов охраняли синие ядовитые змеи, однако Друг Добра наполнил свое сердце состраданием и добротой, и они позволили ему пройти препятствие, никак не навредив.
4. На воротах, ведущих во дворец, стоял дракон, источающий яд. Увидев его, наследник преисполнился любовью и состраданием и сказал ему, что если дракон причинит вред, то все живые существа, ради которых наследник прибыл сюда, не получат помощи. Тогда дракон, охраняющий врата, позволил Другу Добра беспрепятственно войти.
5. Имеется в виду царь Драконов (*кит.* лунван, *санскр.* nagaraja).
6. Добрые деяния (*кит.* фудэ) — досл. религиозные заслуги и добродетель.

Песнь 463

Пред принцем семь сокровищ лежат —
Достойно гостя встретил дракон,
Велел еще дары поднести.
Сон У в ответ закон толковал[1],
Поджу в награду смог получить;
На берег духи его отнесли.

Песнь 464

Вернувшись снова к тем берегам,
Нежданно принц увидел Ак У,
И о друзьях своих он спросил.
"Был шторм, и наш корабль потонул,
Погибли все, спастись смог лишь я", —
Такой ответ услышал Сон У.

Песнь 465

Сон У был честен, верил Ак У,
Сказал: "Возьми жемчужину ты!"
Ак У, напротив, зол и жесток,
Задумал выкрасть тайно *поджу*.

Песнь 466

Ак У сказал: "Опасен наш путь,
Друг друга будем ночью хранить".
Сон У сказал: "Пока один спит,
Другой жемчужину будет стеречь".

Песнь 467

Когда Сон У заснул крепким сном,
Ак У забрал *поджу* у него
И вбил в глаза Сон У две щепы.
Сон У подумал, что воры пришли,
Хотел он брата предостеречь,
Стал громко его по имени звать.

Песнь 468

Ак У ответа так и не дал,
Сон У тогда стал громче кричать,
"Мой младший брат убит?!" — вопрошал.

1. Имеется в виду учение Будды.

Услышал дух лесной этот крик,
И так Сон У ответил он вслух:
“Твой младший брат разбойник и вор”.

Песнь 469

Ак У, вернувшись, увидел семью,
Отца и мать хотел обмануть.
“Погиб Сон У” — услышали весть,
Отец и мать поверили лжи.

Песнь 470

Убиты горем мать и отец,
На землю оба пали в слезах,
“Зачем вернулся?” — был их упрек.
Напуган он немилостью их,
Решил пока *поджу* закопать,
Сокрыв свое деянье от всех.

Песнь 471

Ослеп на оба глаза Сон У,
Кто сможет вытащить палки из глаз?
Забрел один на берег морской.
И пуст живот наследника был,
Кто сможет сейчас его накормить?
Куда теперь он может пойти?

Песнь 472

Не мог ни жить и ни умереть;
Пришел Сон У в чужую страну.
Не может он вернуться домой,
Не может он и брата найти,
Кого спросить: “За что это все?”

Песнь 473

Звалась чужая страна Исабаль,
И взрослой стала правителя дочь.
Меж ними[1] давний был договор:
Ее наследник в жены возьмет.

1. В прозаической части текста говорится, что когда-то давно наследник страны Паране Сон У бывал в этих землях и был помолвлен с дочерью правителя.

Песнь 474

Достойный Лю был бедный пастух,
Пятьсот коров на пастбище гнал.
Когда Сон У скитался один,
Пятьсот коров он тех повстречал.

Песнь 475

Вожак[1] собой Сон У укрывал,
Пятьсот коров прошли перед ним,
Из глаз Сон У слизали щепы[2].
Когда пастух его увидал,
Узнал достойный облик его,
Домой забрал, дары подносил.

Песнь 476

Сказали Лю все члены семьи:
"Ты знаешь сам, мы очень бедны,
Как долго будем гостя кормить?"
Услышал эти речи Сон У
И так сказал достойному Лю:
"Я – странник, долго гостить не могу".

Песнь 477

Он в град вошел, *аджэн*[3] с собой взяв[4],
И звук его был чист и красив.
Народ, услышав музыку ту,
В избытке нес дары и еду.

1. Бык-вожак (кит. Ню-ван) – досл. князь волов; бык-вожак стада, также покровитель крупного рогатого ската в китайской народной мифологии.
2. В прозаической части текста есть следующий пассаж: "Наследник Сон У сидел посередине дороги, и коровы чуть было не начали давить его, но среди них был вожак стада, он на четырех копытах подошел к наследнику и встал над ним, все коровы проходили мимо, поворачивали голову в правую сторону, облизывали оба глаза наследника языком и вытащили бамбуковые палки из его глаз".
3. Аджэн – семиструнный инструмент со смычком из дерева *кэнари* – китайская цитра на подставке с одной стороны, в Корею была ввезена из минского Китая в конце династии Корё (918–1392).
4. Сон У проникся состраданием к семье бедняка Лю и захотел уйти, чтобы более не обременять его. Он попросил Лю сделать для него *аджэн* и отвести в город на рынок. Лю уговаривал наследника остаться, но тот был непреклонен. Пастух выполнил желание наследника, сделал для него инструмент и отправил в город. Когда Сон У стал играть на своем *аджэне* на рыночной площади, людей переполняла радость, они несли ему еду, которой было вдоволь, чтобы накормить всех страждущих вокруг.

Песнь 478

Смотритель сада[1] фрукты берег,
Искал, кто будет птиц отгонять.
Он дал Сон У еду и питье,
Велел от сада птиц отгонять.

Песнь 479

Однажды он под дерево сел,
Играл на цитре, струны зажав.
Тоску и грусть прогнал он игрой,
От звуков цитры народ ликовал.

Песнь 480

Принцесса в сад пришла погулять,
Хотелось ей увидеть Тонсан.
Спросила принца, кто он такой,
Любовь возникла в сердце ее.

Песнь 481

Желала стать супругой Сон У,
Делить еду и кров только с ним.
О том она сказала отцу.
Словам отца не хочет внимать,
Осталась с нищим[2] дочка царя.
Таким решенье было ее.

Песнь 482

"Уйду и вернусь", — так сказала она.
Сомненьем наполнилось сердце его.
Священная клятва ответом была:
"Вернусь, обещаю. Клянусь, я не лгу,
Пусть глаз твой прозреет, как смолкнут слова!"
И в этот же миг один глаз прозрел.

Песнь 483

Когда свое он имя назвал,
Сомненье было в сердце ее,
Священную клятву он произнес:

1. Имеется в виду королевский сад в горах Тонсан, смотритель которого предложил Сон У разгонять птиц, чтобы те не клевали фрукты.
2. Под нищим имеется в виду Сон У, истинный наследник Паране, которого никто не узнал в слепце, просящем подаяния. Принцесса возжелала быть его супругой, не зная, что он и есть ее суженый.

"Не лгу тебе, зовусь я Сон У,
Прозреет пусть второй глаз сейчас!"
И в этот миг второй глаз прозрел.

Песнь 484

Узнал правитель в нищем Сон У,
Просил прощенья с трепетом он,
Сон У сказал, что пастух его спас.
Узнали все достойного Лю,
Дары и помощь он получил,
И весь народ его восхвалял.

Песнь 485

Остался белый гусь во дворце,
Когда-то принц любил с ним гулять.
Как только мать встречала гуся,
Тоска сжимала сердце ее.

Песнь 486

Скучал по принцу гусь и кричал,
И мать тогда на шею гуся
Письмо свое спешит привязать.
Гусь в небо взмыл, исчез в вышине,
Над морем долго-долго кружил,
Пред принцем сел он, крылья сложив.

Песнь 487

Письмо наследник снял и открыл,
Тоску и грусть он в нем прочитал.
В ответ письмо с гусем он послал,
О том, что сталось с ним, рассказал.

Песнь 488

Отец и мать надеждой полны,
Ак У в тюрьму велят заточить,
К Сон У посланца выслать хотят.
Правитель той страны поражен,
Сон У по-царски он облачил
И дочь скорее замуж отдал.

Песнь 489

Вернулся принц домой наконец,
Отец и мать встречали его,
Был счастлив он, приветствовал всех.
Не видя брата в стенах дворца,
Просил отца-правителя он
Открыть тюрьму, где брат заточен.

Песнь 490

Увидел брата он в кандалах,
Железной цепью скован Ак У;
И принц велел его отпустить.
Ак У он крепко обнял тогда,
Спросил, куда тот спрятал *поджу*,
И вновь чудесный дар он обрел.

Песнь 491

Сон У затем, омовенье свершив,
В одежды новые был облачен,
Изрек слова священные он:
"Во благо всех живущих существ
Терпел нужду, страдания, боль,
Для них искал жемчужину я".

Песнь 492

С востока сильный ветер подул,
Очистил небо от облаков,
Туман и дымка развеялись вдруг.
Мир Джамбу-двипа[1] чудо спасло,
От грязи был очищен навек,
И рис стал падать с небес, словно дождь.

Песнь 493

Одежда, жемчуг, браслеты, цветы
И кольца, золото и серебро,
И семь сокровищ упали с небес.
И все, о чем могли лишь мечтать,
Дала в избытке жемчужина им.
В том сила была волшебной *поджу*.

Песнь 494

Отца Махараджа[2] звали тогда,
Теперь Шуддходана — имя его.
Супругой его Майя[3] была,
Сон У — Татхагата[4], Девадатта — Ак У.

1. Мир Джамбу-двипа (*санскр.* jambu-dvipa) — мир, земля. Jambu — название дерева, а dvipa — это большой остров, расположенный в южной части мирового океана, на мифической горе Сумеру.
2. Махараджа (*кит.* мохэлоуду, *санскр.* Maharaja) — великий царь.
3. Майя — дочь вождя племени ("царства") *колиев*, Великая Майя — мать будды Шакьямуни.
4. Татхагата — досл. Так Пришедший или Так Ушедший (*кит.* Жулай), один из десяти эпитетов Будды.

Ким Хун
Родина и чужбина

Перевод Анастасии Погадаевой

Мне не так уж приятны чувства, которые связаны с понятием “родина”. Они не отпускают и вызывают все новые и новые вопросы. В основе этого неприятия, видимо, лежит некая нелогичность. Мне нравится мир, который не делится на родину и чужбину. И я хочу жить в мире, в котором вовсе нет этих понятий.

Моя так называемая родина — это самый центр Сеула, внутри городских ворот. Ручей Чхонгечхон разделяет его на северную и южную части. Моим официальным местом жительства была северная сторона, неподалеку от королевского дворца Кёнбоккун. Район был густо населен такими же бедняками, как и я, но все мы гордились тем, что живем в самом центре мира и цивилизации. Людей с окраины города мы называли “живущими за воротами”.

Моя мама была коренной жительницей Сеула. Жила она в крайней бедности. Честно говоря, я даже представить себе не могу, как она растила нас, справляясь со всеми лишениями и одиночеством. Несмотря на это, мама всегда была бойкой, решительной и уважала точность. Она с трепетом относилась ко всем измерительным инструментам, таким, как линейка, весы или мерка для зерна. Она терпеть не могла продавца риса, который намазывал свечкой дно мерки, сделанной из тыквы-горлянки, чтобы сделать ее более тяжелой, и терпеть не могла мясника, который всех обвешивал. Объединившись с соседками, она даже объявила этим торговцам бойкот. В то время еще не были установлены фиксированные цены на соевый творог, и, когда из-за подорожания сои кусочки творога в лавке все уменьшались в размере, мама во всеуслышание высказывала свое возмущение. Когда мама отправляла меня за керосином, вместо канистры или

© Kim Hoon, 2008
© Анастасия Погадаева. Перевод, 2016

металлического ведерка она давала мне бутылку из-под рисового вина, прозрачную и точную по объему, так что в керосиновой лавке уж никак не смогли бы меня обмануть.

Однажды в день провозглашения конституции[1] (не помню, сколько мне было лет, наверно, тогда я учился в старших классах) мама в честь такого события велела мне надеть обновку. Это не была обновка в прямом смысле слова. Это была старая поношенная одежда, но постиранная, залатанная и отутюженная. Новыми были только кроссовки. Я до сих пор хорошо помню этот день. Тогда я был еще маленьким и плохо понимал, что в нем особенного. Но для мамы, всю жизнь несшей бремя бедности, пережившей времена беспредела при либеральной партии, день принятия основного закона страны очень много значил, так что она хотела одеть своих детей как можно лучше. У меня слезы наворачиваются на глаза, когда я думаю о том, что такое для мамы конституция. Этот день был выходным, и я не мог похвастаться своей обновкой в школе. Весь день мы с соседскими мальчишками бегали и озорничали. Помню, мне так захотелось сладкой тянучки, что я с легкостью променял свои новые кроссовки на заветное лакомство, а когда стемнело, вернулся домой весь грязный, так что новую одежду и узнать было нельзя.

Мама терпеть не могла, когда ругаются, ссорятся и хвастаются. Она любила мягкий и красивый сеульский говор, на котором можно было выразить все, что ты хочешь сказать, никого не обидев. Когда я шел гулять с соседскими мальчишками, мама напутствовала меня: “Ты не повторяй все за другими. Не тараторь, как сорока, всегда говори четко и спокойно, только тогда тебя услышат”. Мама ужасно не любила, когда глотали окончания слов[2], с соседками она всегда разговаривала уважительно, соблюдая все правила вежливости. Сейчас мама очень постарела и болеет, она уже не может красиво выразить то, что хочет сказать, и глаза ее не отличают, два килограмма риса перед ней или один, но родина моей бедной мамы — это не место рождения, а правила и четкая речь.

Но я начал свое повествование не для того, чтобы рассказать о маме. Мой родной центр Сеула в пределах городских ворот уже давным-давно ничейная родина. Несколько дней

1. Первая конституция была провозглашена в Корее 17 июля 1948 г. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. В корейском языке существует несколько степеней вежливости, они прежде всего выражаются в окончаниях сказуемого, которое всегда стоит в конце предложения.

назад, в новогодние праздники, ворота Намдэмун[1] подожгли, и их больше нет. В детстве через реку Ханган можно было перебраться только по двум мостам. Один — железнодорожный, по которому ходили поезда, а другой — пассажирский для машин, пешеходов, повозок и велосипедов. Помнится, когда пешеходный мост расширили до четырех полос, на его открытие приехал президент Пак Чонхи вместе с начальником охраны Ча Чихолем и перерезал ленточку, а по всей стране радовались, били в гонг и танцевали.

Сейчас мостов уже больше двадцати. Люди, возвращаясь в родные края на праздники, переезжают реку Ханган именно по этим мостам. Обязательно уезжают и обязательно возвращаются. Сеул в это время пустеет, и внутри городских ворот мой родной центр города неожиданно становится просторным и одиноким. А мне в праздники некуда было поехать, и я бродил в одиночестве по улицам своей родины. На самом-то деле это была ничейная родина. Люди, уехавшие в родные края, обязательно сюда возвращались, но для них это была чужбина. И вот в день, когда уехавшие на новогодние праздники возвращались назад, были сожжены и стерты с лица земли мои родные ворота Намдэмун. Утром я приехал к ним на такси и увидел, что мои ворота сгорели, превратились в груду пепла.

С тех пор я сменил несколько адресов: сначала переехал из съемной комнаты в квартиру в многоквартирном доме в центре, затем переселился на Енсиннэ, что на северо-западе Сеула в районе Пульгвандон. И вот уже десять лет живу в городе Ильсан.

Ильсан тоже оказался ничейной родиной. Ведь это новый город недалеко от столицы. Здесь всё рядом, всё по соседству: церкви и мотели для свиданий, стрип-бары, ночные клубы, кафе, разнообразные массажные салоны, караоке и бани, сауны, интим-магазины, комнаты отдыха для мужчин, парикмахерские, салоны красоты, маникюрный салон, педикюрный салон, клиника пластической хирургии, где меняют размер груди, нос, разрез глаз, форму икр и овал лица, парикмахерская для животных, где вашего питомца покрасят или подстригут ему когти, клиника традиционной китайской медицины для животных, где собакам делают иглоука-

1. Ворота Намдэмун (Великие южные ворота) были построены в 1398 г. Они были древнейшей деревянной постройкой в Сеуле до 2008 г., когда в ночь с 11 на 12 февраля сгорели дотла. Как установила полиция, ворота в знак протеста поджег пожилой кореец.

лывание, ставят банки и делают физиотерапевтические процедуры, а еще здесь японский, итальянский, китайский, вьетнамский, испанский, французский, турецкий рестораны, массажный салон с “дополнительными услугами”.

Однажды ранним вечером я сидел в кафе у дороги и выпивал. Какой-то человек с мегафоном подошел к мотелю для свиданий, встал перед ним и начал кричать: “Покайтесь! Конец уже близок!” Я усмехнулся себе под нос. Есть много вещей, над которыми я смеюсь про себя.

Переехав в Ильсан, я решил пополнить свои знания об этом городе в провинции Кёнгидо, отправился в центральную библиотеку и перечитал там множество книг об истории и географии этой местности и об истории самого Ильсана, отчеты об археологических раскопках, исследования по этнографии и шаманизму. А вечером, возвращаясь из библиотеки домой, я, как обычно, пил, сидя за столиком перед мотелем.

Ильсан расположен в широкой долине, по которой протекают две речушки Кокнынчхон и Чханнынчхон, впадающие в реку Ханган. В долине этих речек было найдено множество артефактов времен неолита. Известно, что люди населяли эту долину уже многие тысячи лет назад. Еще в “Исторических записях трех государств” упоминается название деревни, теперь превратившейся в город, который никогда не спит, город, где ночью одинаково светятся и неоновые кресты на протестантских церквях, и горящие вывески мотелей для свиданий.

Ильсан находится в долине устья реки Ханган, которая, разливаясь, часто затапливала все вокруг. В этом новом районе самой высокой точкой является гора Чонбальсан, окруженная холмами и поднимающаяся на 83 метра над уровнем моря. Холмы плавно спускаются к берегам реки. Пойма реки была обширная, ровная, но из-за разливов реки люди не могли здесь жить постоянно. Через пять лет после огромного наводнения 1925 года на реке Ханган возвели дамбу. В период с 70-х по 90-е годы соорудили дренажную систему и разбили пашни. Так в новом развивающемся районе Ильсан стали заниматься сельским хозяйством.

Создание нового города Ильсан в 1990 году все изменило. Сперва район из неосвоенного превратился в сельскохозяйственный, а затем в новый индустриальный. За весь период существования этой земли, с самого неолита, резкие изменения произошли лишь во второй половине XX века. Появившийся тогда город и окрестности и есть место, где я живу сейчас.

В научно-исследовательском институте доисторической культуры и в институте этнографии при университете Тангук изучили историю этой местности, где расположен Ильсан, и выпустили двухтомный отчет (1992 год), в котором так описано возникновение Ильсана:

...раньше образ жизни и типы строений напрямую зависели от природных условий и, подчиняясь им, находились с ними в гармонии. Теперь природу используют лишь для своей выгоды, и повсюду, как грибы, вырастают высотные дома, а люди теперь следуют новым жизненным правилам, при которых все измеряется денежным эквивалентом. И крестьянские орудия труда, и предметы быта. Денежным эквивалентом оценивается и духовность и даже воспоминания о прежней жизни. Одни ценности поменяли на другие. Теперь за рисовые поля и холмы, разбросанные за деревней, можно получить компенсацию...

Лю Гисон *Ильсан в новое время*

Как только начались работы по застройке района, местные жители, которых хотели выселить из их старых домов, выплатив им компенсацию, выступили против. Разве можно назначить цену всей прожитой жизни, да и будущее в эту цену не входило. Местным жителям предоставили первоочередное право на покупку квартир в строящихся домах, но для многих стоимость этих квартир и затраты, связанные с переездом, оказались не по силам. Они бросали камни и нечистоты в бульдозеры и экскаваторы. Тогда я еще жил в Сеуле в районе Пульгвандон и однажды отправился посмотреть на эти стычки со строителями. Люди швыряли в бульдозеры бутылки из-под рисового вина, наполненные нечистотами, кричали и пели.

Родина, где я жил когда-то,
Деревня в цветущих горах.
Там цветы персика и абрикоса.
Азалия вся в цветах.

Переехав в Ильсан, я много прочел о нем. Мне, потерявшему родину, хотелось утешить себя или хотя бы попытаться понять, как такое могло случиться. Ведь никаких оснований обрести новую родину у меня не было. Люди тогда кричали и пели песню “Весна в родных краях”, а потом все они куда-то переселились. И Ильсан стал навечно ничейной родиной. И каждую ночь здесь одинаково ярко светят огни от крестов

протестантских церквей, и от вывесок кабаре, и мотелей для свиданий. Если подняться на вершину горы Чонбальсан или на крышу моей квартиры-студии, где находится мой рабочий кабинет, можно увидеть эти переливающиеся огни.

Преступником, поджегшим ворота Намдэмун, оказался семидесятилетний старик. Сообщали, что раньше он жил в деревне Ильсан. Я прочитал об этом в газете. Там еще было сказано, что, когда у крестьян забирали земли и строили новый город, он получил около 100 миллионов вон компенсации за свою землю. На его недовольство и возмущение никто даже внимания не обращал. Старик объяснял потом в полиции, что у него не было другого пути быть услышанным и выплеснуть свое возмущение, как поджечь ворота Намдэмун. Я родом из самого центра Сеула, что внутри городских ворот, и я вырвал себя с корнями оттуда и переехал в Ильсан, а старик, всю жизнь проживший в деревне Ильсан, вырвал себя с корнями оттуда и поджег ворота Намдэмун. Старик теперь в тюрьме и, скорее всего, там и проведет остаток дней. А я должен буду продолжать жить в Ильсане, другой альтернативы у меня пока нет.

Ворота Намдэмун долгое время были символом моей малой родины. Они были также символом особого, уникального пространства, которое могло стать родиной и для всех жителей из деревни Ильсан. Ворота Намдэмун, которые поджег старик из деревни Ильсан, вырвавший себя с корнями оттуда, теперь превратились в груду головешек. В газетах писали, что городские службы собираются выбросить их на помойку. Когда новогодние праздники заканчиваются и все возвращаются назад в Сеул, город задыхается от пробок. Неужели родина, куда все эти люди обязательно отправляются в праздники, до сих пор их родина? А твоя родина — это уютные и нежные объятья матери? Я гляжу на пепел, оставшийся от сожженных ворот, и понимаю, что я не из тех, кто в праздники уезжает на родину, и не из тех, кто стремится обрести новую родину. Люди, возвращающиеся из родных мест, посмотрите на сожженные ворота Намдэмун, на мою родину! И не называйте впредь мой родной Сеул чужбиной. Вы не можете создать новую родину на чужбине, вы — вечные сироты, заблудившиеся люди. А на моей родине, в моем родном Сеуле, больше нет ворот Намдэмун.

Ли Орён

Шесть *метафор для моей матери*

Перевод Ирины Касаткиной и Чон Инсун

Книга

В моем кабинете на полках стоит огромное множество книг. Но для меня всегда была и есть по-настоящему только одна книга. Эта единственная книга, книга-исток, книга, которую никогда не прочесть до конца, эта книга — моя мать.

Мать-книга для меня не метафора, она — книга, напечатанная обычным шрифтом, которую можно взять в руки и полистать, а прочитав, поставить опять на полку.

Я узнал книгу прежде, чем узнал буквы. Моя мать всегда читала перед сном какую-нибудь книгу, а иногда садилась у моего изголовья и некоторые читала мне вслух. Так, когда я простужался и у меня поднималась температура, мать непременно открывала книгу, и я, вдыхая слабый запах корейских лекарств, слушал про графа Монте-Кристо, Железную Маску, про бедную Козетту из романа "Отверженные" и другие рассказы, названия которых я теперь даже не могу вспомнить. Зимой, под шум ночного ветра, завывавшего под крышей, и летом, под шелест нескончаемого дождя, я погружался в светлый мир книги, который держала мать в своих белых руках.

Мир матери и книги был похож на упаковку ампул, оставленную врачом после инъекции. Хотя игла шприца всегда пугала меня, но блестящая фольга в коробке, где лежали ампулы с лекарством, и кусочек белой ваты казались мне нежными и красивыми. Я до сих пор помню волшебные слова, которые проникали в мою пылающую от высокой температуры голову, и слышу завораживающее дрожание гласных звуков, доносящихся из глубин моего воображения.

© Lee O-young, 2010
© Ирина Касаткина и Чон Инсун. Перевод, 2016

С тех пор как я научился читать и даже начал что-то писать огрызком карандаша, я все время видел перед собой книгу, которую когда-то держала в руках моя мать. Именно она была наполнена маминым голосом, который сопровождает меня всю жизнь. Именно эта волшебная книга за шестьдесят лет породила огромное множество книг, а ее голос помог мне создать десятки собственных произведений.

Если у меня есть источник, из которого я каждый день могу черпать вдохновение, и весы, умеющие чудесным образом отбирать главные и нужные слова, то этим я обязан книге-голосу моей матери. Она, моя мать, была для меня библиотекой моих фантазий, моим первым стихотворением и пьесой, моей бесконечно длинной сказкой.

Прогулка

С матерью я совершил свою первую прогулку, она научила меня, как надо покидать родной дом, родную деревню и родной край, но вместе с этим не забыла объяснить, что уход не бывает без возвращения. Именно эти два противоположных значения составляют смысл слова “надыри” (в русском переводе – “прогулка”), одного из самых любопытных и благозвучных слов корейского языка.

Мама берет меня за руку и ведет на прогулку. Сначала мы идем по узенькой меже, отделяющей одну полоску с ячменем от другой, потом по тропинке, вьющейся вдоль подножия горы и ведущей на проселочную дорогу, пройдя по которой, мы, наконец, выходим на широкое асфальтированное шоссе. На протяжении всего пути мои новые кожаные ботиночки, которые отец привез мне из Сеула, издают странный ритмичный звук. Но теперь мне кажется, что это был не скрип мнущейся новой кожи, а биение моего маленького сердца в преддверии открывающегося впереди удивительного сияющего мира.

Часть пути мать несла меня на спине, и мне хорошо был виден хвощ, растущий по обочинам дороги, скачущие в траве кузнечики и парящий высоко в небе коршун. При этом в течение всей прогулки меня сопровождал приятный аромат ее пудры с запахом лимонной папайи или мяты.

Самой лучшей для меня прогулкой была та, которая завершалась посещением дома моей бабушки, он находился примерно в четырех километрах от нашего дома. Чтобы туда добраться, надо было перейти горный перевал, где нас

встречали деревянные идолы и стоял алтарь духам-хранителям деревни. В небольшой ложбине за перевалом росло много хурмы и корейских фиников, среди этих деревьев и стоял дом бабушки. Дом был обнесен длинной каменной оградой с высокими воротами. Моя старенькая бабушка, в возраст которой было трудно поверить, жила на женской половине, в комнате, похожей на мамин шкаф, на дверцах которого были изображены десять долгожителей[1]. И даже привычный напиток, приготовленный из обжаренной муки, здесь казался мне вкуснее, чем в нашем доме.

У бабушки я увидел много того, чего не было у нас. Так, за домом у нее находился огород, где росли разные овощи. Недалеко, в углу, стояли странные каменные изваяния в виде баранов. В комнатах даже орнаменты на дверцах шкафов и обоях были разные и очень красивые. Здесь я впервые узнал, что бабушка — это мать моей мамы, но у них почему-то разные фамилии, и что вообще фамилии у женщин отличаются друг от друга[2].

В бабушкином доме и время было какое-то другое. Например, даже вид и бой ее настенных часов отличался от наших. Бой напоминал звук, будто бы идущий из глубокого-глубокого колодца, а на циферблате были изображены какие-то незнакомые буквы и двенадцать животных восточного зодиакального круга. Дому, в котором жила мать моей матери, было уже так много лет, что даже моя мама, как мне казалось, в нем становилась маленькой девочкой.

Когда мы уходили, мать и бабушка плакали. Бабушка стояла у ворот до тех пор, пока мы не доходили до перевала, а когда оборачивались, то махала рукой, поторапливая нас. Домой мы добирались уже в сумерках, когда на небе появлялись звезды, но я думал, что благодаря этой прогулке, несмотря на усталость, мои ноги окрепли и я стал выше ростом.

Мать научила меня, что уход не бывает без возвращения, встреча — без расставания, что, уходя, надо обязательно вернуться домой, как идущий на нерест лосось возвращается из далеких морей в родную реку.

Теперь бабушкин дом опустел — там никто не живет, ограда тоже разрушилась, деревья вырубили, но я и сейчас время

1. Десять живых существ и предметов, обладающих долголетием: солнце, горы, вода, камни, облака, сосна, “трава бессмертия”, черепаха, журавль, олень. (*Здесь и далее – прим. перев.*)
2. В Корее женщины, выходя замуж, фамилию не меняют.

от времени отправляюсь туда с мамой на прогулку в маленьких скрипучих кожаных ботинках, которые привез мне из Сеула отец.

Короб

Чем ярче сияло на улице солнце, тем темнее становилось в большой проходной комнате, где стоял тяжелый деревянный короб, который украшала красивая ваза из белого фарфора, расписанная голубыми пионами. Так как короб был больше меня, то заглянуть в него можно было, только встав на цыпочки. Вид короба, сделанного из четырех прочных стоек и толстых деревянных досок, всегда внушал мне чувство надежности и спокойствие, как и мать, которую неизменно можно было найти в ее комнате.

Перед тем как готовить еду, мать черпаком, сделанным из тыквы-горлянки, на котором она сама написала добрые пожелания[1], доставала из этого короба белый рис. Кормивший нашу большую семью короб никогда не пустовал, напоминая мне волшебный горшок каши из детской сказки. Вот и моя мать, словно короб, всегда могла накормить многочисленных родственников и соседей, собиравшихся в нашем доме.

Уходя из дома, мать никогда короб не запирала, но каждый раз, открыв крышку, что-то пальцем писала на рисе. Однажды я спросил ее, зачем она это делает, и мать ответила: “Если кто-то чужой захочет залезть в короб, то он не сможет взять рис, не оставив следа, так как моя надпись будет нарушена. Нуждающимся надо помогать, и мне не жалко дать им еды, но потворствовать воровству нельзя. Если же закрыть короб на замок, то люди могут подумать, что я им не доверяю, и обидятся. С другой стороны, если ничего не предпринимать, то, когда в доме никого нет, это может соблазнить даже тех, у кого и мыслей о воровстве не было. В этом случае больше вины лежит на том, кто допустил воровство, а не на том, кто украл”.

Мать всегда помогала бедным, нуждающимся и слыла среди односельчан щедрым человеком, но не позволявшим себя обворовать. Она была нашим коробом, который кормил нас и надежно охранял наш дом.

1. Добрые пожелания: долгие годы жизни, счастье, здоровье и спокойствие.

Хинин

Я был в нашей семье младшим сыном и, как говорили, долго не хотел бросать мамину грудь, поэтому однажды она намазала ее хинином. Я хорошо помню, какой он горький, и понимаю, каково это ребенку вместо вкуса материнского молока вдруг почувствовать горечь. Вообще вырастить ребенка — это своего рода болезненное обрядовое действо: отделение дитя от тела матери, а для меня лично в нем еще ощущается вкус хинина.

В момент рождения мы должны пережить эту боль — когда перерезают пуповину, связывающую нас с матерью. Потом мы должны оторваться от материнской груди, и мать, чтобы помочь ребенку, даже готова намазывать грудь хинином. Понимая, что причинит ребенку боль, она все-таки делает это из любви к нему.

Я часто дрался с братом, который был старше меня на два года. Однажды мы подрались так сильно, что мать не вытерпела, схватила прут и отхлестала нас. Впервые нас наказали так строго. Мы молча терпели удары матери, как вдруг она закричала: “Дурачки, почему вы не убегаете, как другие дети?” Услышав это, мы набрались храбрости и бросились на улицу. Когда она наказывала нас, ей было еще больнее, чем нам, поэтому ей очень хотелось, чтобы мы убежали. И когда я сосал грудь, намазанную хинином, она чувствовала горечь в несколько раз сильнее, чем я.

По сей день вкус хинина, а не каких-то сладостей, остается у меня во рту при воспоминании о матери. Правду говорят, что горькое лекарство действует долго.

Мандарины

Чтобы сделать операцию, мать поехала в Сеул. Так как война на Тихом океане была в полном разгаре, в больнице не хватало обезболивающих, и операцию сделали, не введя достаточное количество лекарства. Но даже в такой ситуации мать прислала мне красивый пенал и мандарины. Мне сказали, что пенал она купила сама еще до поступления в больницу, а мандарины достали с большим трудом знакомые. Мать их не съела, а отправила мне в деревню.

Почти одновременно с желтыми мандаринами привезли домой белую урну с прахом матери. Разумеется, эти мандарины никто не мог есть. Эти круглые ароматные фрукты были

не съедобными плодами, а солнцем, излучающим любовь, и луной, источающей печаль, и мы положили их в могилу вместе с матерью.

За день до отъезда в Сеул, мать попросила меня сделать ей массаж ног. Тогда мне было одиннадцать лет, я был достаточно большой, чтобы делать такой массаж. Не знаю, действительно ли у мамы болели ноги, или же она хотела убедиться в том, что я вырос и могу быть самостоятельным, или, чувствуя прикосновения моих рук, хотела со мной проститься, но как бы то ни было, выглядела она очень грустной. Не знаю, почему я так поступил тогда, но, сказав, что у меня много домашних заданий, я не особенно старался и сделал массаж кое-как. Пока я разминал мамины ноги, она не сводила с меня глаз. Я не знал, что за болезнь была у моей матери, но тогда я действительно не понимал, что это был мой последний день с мамой.

Когда я иду к матери на могилу, то покупаю мандарины. Я всегда приношу эти фрукты на поминки, хотя они и не входят в поминальное угощение. Теперь мандарины можно легко купить на каждом углу, но те, которые так берегла в больнице для меня моя мать, я уже ни за какие деньги не куплю никогда.

Теперь я бы отправился хоть на край света, чтобы найти для матери эти мандарины и сделать ей настоящий массаж.

М*оре*

Живя в деревне, я ни разу не видел настоящего моря, не лежал на белом песке пляжа, не стоял на соленом морском ветру, не плескался в морских волнах, не любовался причудливыми валунами на берегу и бескрайним морским горизонтом. Обо всем этом я знал только по картинкам из книг или по фотографиям. Но я ясно сейчас понимаю, что в то время у меня точно было такое море — этим морем была моя мать.

В состав китайского иероглифа со значением “море” входит элемент со значением “мать, а во французском языке слово “море” звучит точно так же, как и слово “мать”. Поэтому появилось даже такое выражение: во Франции море находится в матери, а в Китае мать находится в море.

Море широкое и глубокое. Безграничная любовь и неустанная забота матери подобна морю. Море — это исток жизни, это вода в материнской утробе, где зародился человек, поэтому можно сказать, что мать для любого из нас — это море, давшее нам жизнь.

Однако, по сравнению с этими общими рассуждениями, для меня связь между матерью и морем более осязаемая и конкретная. Море для меня – это одновременно нечто живое и мертвое. Оно наполнено жизненной силой больше, чем какое-либо существо: какое животное может так мощно дышать, так неумолкаемо грохотать и так без устали бушевать? Какие растения могут, как море, в любое время года переливаться сине-зеленым цветом и простираться до самого горизонта? Да, море – это нечто живое, но мы не можем до него дотронуться: нельзя алмазные брызги сорвать как распустившийся цветок, или гребень волны ухватить как гриву скачущего коня, – все потому, что, к великому сожалению, море бестелесно. Тогда, значит, море – это душа, которая существует, но ты ее не ощущаешь, это что-то живое, но и мертвое, полное, но и пустое. В этом и есть парадокс моря.

Ушедшая в мир иной мать, которая для меня всегда остается живой и самой близкой. Мать, к которой я спешу, чтобы с ней первой поделиться своей радостью или, когда мне больно и обидно, услышать слова утешения. И все-таки она, как море: она у меня есть, и в то же время ее нет рядом со мной. Поэтому и сегодня я стою у моря в надежде разрешить эту загадку.

Ким Юнсик

Грезы о Неве[1]

Петербургские прогулки с Раскольниковым

Перевод Инны Цой

1. Почему я хочу увидеть Неву

Так ли хороша Нева, как о ней говорят? Вот бы увидеть ее воочию. Нужно поехать и посмотреть на нее. Взойти на К[окушкин] мост и взглянуть на реку в лучах заходящего солнца. Эта мечта долгое время не отпускала меня. Почему? Ответ очевиден. Потому что в том месте, где я нахожусь, Невы нет. Здесь течет река Хан. Точно так же, как в Париже — Сена, а в Лондоне — Темза.

Проходя чрез мост, он тихо и спокойно смотрел на Неву, на яркий закат яркого, красного солнца. Несмотря на слабость свою, он даже не ощущал в себе усталости. Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения![2]

Знаменитый шедевр Ф. М. Достоевского, роман “Преступление и наказание” (1866), был создан в самый трудный период жизни писателя. Роман состоит из 6 частей и эпилога. Герой романа — бывший студент, перебивающийся частными уроками. Фамилия героя — Раскольников, он живет в съемной каморке под потолком в пятиэтажном доме, и вот уже месяц его занимает одна единственная мысль. *Боже!* <...> *да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить*

© Kim Yoon-sik, 2005
© Инна Цой. Перевод, 2016

1. Ким Юнсик. Избранное. Т. 7. — Издательство “Мунхаксава пипхён”, 2005. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

2. Здесь и далее цитаты даны по книге: Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. — Л.: Лениздат, 1970.

по голове, размозжу ей череп… <…> Господи, неужели? <…> Да что же это я! <…> ведь я знал же, что я этого не вынесу, так чего ж я до сих пор себя мучил? Планируя убийство старухи-процентщицы, он несколько раз приходит туда, где она живет, и понимает, что не сможет поднять на нее руку, но навязчивые мысли не оставляют его. Мучимый раздумьями, он забывает о своих делах, обходит весь Васильевский остров, выходит на Малую Неву и направляется через мост к Островам. Продолжая свой путь, Раскольников заходит в харчевню, выпивает рюмку водки и съедает пирог с какой-то начинкой. Поворачивает в сторону дома, но, дойдя до Петровского острова, совершенно выбивается из сил. Он сходит с дороги, падает в кустах на траву и засыпает. И видит сон. Ему снится, как люди убивают лошадь. Проснувшись, студент осознает: *Нет, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, будь это всё, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика. Господи! Ведь я всё же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!..* По дороге к Т[учкову] мосту, он молится: “Господи! Покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой мечты моей”. Он поднимается на мост и смотрит на Неву в зареве заката. И в этот момент он наконец ощущает себя свободным. Свобода. Освободившаяся душа. Он свободен от этого наваждения, от проклятой мечты. Что же помогло ему избавиться от дьявольских чар, колдовства, обаяния, наваждения? Нева. Не она ли? Нева, раскинувшаяся в лучах заходящего солнца. Именно река освобождает студента от его безумной мечты. Разве это не достаточное доказательство великолепия Невы? Вот почему я так хочу ее увидеть.

2. На *пороге семидесятилетия. Перечитывая “Преступление и наказание”*

Но ведь были и до меня те, кто мечтал посмотреть на Неву. Я могу в этой связи назвать двух людей. Первый из них — японский писатель Хакутё Масамунэ (1879—1962).

Помню, как однажды мы с Хакутё Масамунэ беседовали о том о сем. Это было за несколько месяцев до его ухода из жизни. Речь зашла о поездке в Россию. Масамунэ рассказывал что-то и вдруг повернул голову, устремил взгляд куда-то вдаль и забормотал: “Река

Нева прекрасна. Нева просто восхитительна". Конечно, мысли его я прочесть не мог, но позволил себе предположить, что в тот момент Масамунэ думал о Раскольникове. Казалось, Масамунэ тогда видел перед собой что-то очень далекое от современной действительности. Я вспомнил об этом, пролетая над Сибирью по пути из Хабаровска в Москву. А потом, в Москве, сидя в огромном ресторане гостиницы, слушая громкий джаз и наблюдая за танцующими парами, я внезапно осознал, что хочу увидеть Неву.

Второй — автор процитированных строк, выдающийся японский литературный критик Хидэо Кобаяси (1902—1983). Это вступление к одной из глав о Неве из его книги "Намеки, которые заставляют задуматься" (1974). Получается, не я один мечтал посмотреть на Неву.

Перечитывая эти строки Хидэо Кобаяси, я каждый раз возвращаюсь к одному вопросу. Почему Масамунэ, вспоминая о России, с таким трепетом говорил именно о Неве? И каким же невероятным даром рассказчика должен был обладать Масамунэ, что Кобаяси полностью попал под его обаяние? Ведь эти двое когда-то развернули острую полемику о соотношении философских взглядов и реальной жизни и, рассуждая о жизни великого Льва Толстого, горячо спорили о том, не является ли причиной его ухода из дома и из семьи страх писателя перед супругой.

Я снова и снова задаюсь этими вопросами. Как так вышло? "Преступление и наказание" — вот что вселило в меня желание увидеть Неву. Возможно, все дело в том, что именно Нева помогла главному герою, студенту, до мельчайших подробностей продумавшему свое преступление, внезапно освободиться от своей проклятой мечты и вновь обрести душевное спокойствие? Какой же невероятной красотой должна обладать эта река, если она смогла усыпить проклятую мечту героя, освободить его от дьявольских чар и колдовства? Что же такого особенного в Неве, что помогло этому мертвенно-бледному студенту, одержимому проклятой мечтой, обрести свободу?

За свою жизнь я читал "Преступление и наказание" больше десяти раз. Порой я читал без особого внимания, иногда наоборот — глубоко погружаясь в текст. Когда-то я даже пытался сравнивать оригинал с английским переводом, сделанным переводчицей русской литературы Констанс Гарнетт. Я разглядывал французские фотоснимки Робера Дуано. Я смотрел черно-белый советский фильм, в котором молодой человек, размахнувшись, со всей силы бьет по голове маленькую

неказистую старуху-процентщицу. Эта сцена заставила меня на какое-то время отложить “Преступление и наказание” в сторону. Все дело в топоре. В этом эпизоде был крупным планом показан топор, занесенный для удара. Один его вид внушал мне панический страх. Хотя нет, конечно, причина была не только в этом. Просто накопилось много дел, нужно было решать какие-то проблемы, которые встречаются в жизни у каждого. И слава Богу. И вот, достигнув определенного возраста, я осознал: дел у меня теперь не так много, как раньше, а скоро они и вовсе сойдут на нет. И придется смириться с мыслью, что время мне неподвластно. Кое-кто в такие минуты говорит себе: вот жизнь моя и подошла к концу, но вокруг меня раскинулся необъятный мир, и лучшее, на что можно потратить время — отправиться в путешествие. Неважно, что ты снова едешь туда, где уже бывал. Неважно, что все достопримечательности здесь давно тобой изучены, кому какое дело до этого? Однако это еще не панацея, ведь поездка требует сил, а их с возрастом все меньше. И вот ты уже собираешь чемоданы не чаще, чем два-три раза в год. Правда, есть и еще один способ бороться с неумолимым ходом времени. Можно читать сочинения классиков о прошлом и настоящем Востока и Запада. Особенно романы. Почему? Да потому что это — как строить воображаемый дом. Ты никому не причиняешь вреда и не ищешь выгоды. Рассуждая таким образом, я взялся за чтение. И первой книгой, которая попала ко мне в руки, оказался роман “Преступление и наказание”.

Тогда-то это и произошло. Я увидел то, чего раньше не замечал. Самое первое предложение на первой странице романа явило мне три столпа, на которых зиждутся врата, открывающие путь к смыслу всей книги. Я был поражен своим открытием, и застыл, будто получил удар по лицу.

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту.

1 — начало июля, вечер, 2 — С[толярный] переулок, 3 — К[окушкин] мост — вот эти три столпа. Первый столп — время года, второй — место, где живет герой, третий — указание на то, что здесь протекает ручей или река. Описание времени и пространства. Почему именно в начале июля, в жаркое время под вечер? Возможно, потому что в это время

становится трудно дышать? А почему С[толярный] переулок? Возможно, потому, что здесь живут бедняки, вынужденные снимать втридорога крохотные углы? А почему К[окушкин] мост? Не потому ли, что стоит выйти из С[толярного] переулка, сразу увидишь К[окушкин] мост, и совсем рядом течет река? Эти мысли одна за другой проносились у меня в голове. Открытие это, конечно, не бог весть какое важное, скорее относящееся к области впечатлений. Ведь такой же прием Достоевский использует и в других романах: "Бесах", "Братьях Карамазовых". Но в тот момент мое открытие буквально оглушило меня, словно тяжелый удар железным кулаком.

И вдруг я все понял. Я вспомнил, как когда-то анализировал рассказ "Лягушка в препараторской" (1921). Рассуждая о первом произведении молодого корейского автора Ём Сансопа, который был знаком с творчеством Достоевского, я высказал одну гипотезу, по тем временам довольно необычную. Главный герой рассказа — молодой человек, вернувшийся после учебы из Японии. Кто же он такой? Человек нигилистических взглядов, испытывающий страшные духовные муки. Почему же этот депрессивный герой дрожит от страха, увидев лезвие бритвы? Можно предположить, что, выбрав такого персонажа, автор стремился рассказать о внутреннем состоянии молодых корейцев, которые после поражения Первомартовского движения[1] не видели выхода из сложившейся ситуации. Тогда поведение этого героя легко объяснить психологическими факторами: личными тревогами и ощущением неопределенности грядущего. С одной стороны, такая точка зрения кажется весьма убедительной, но, с другой стороны, ее сложно доказать. Я же выдвинул свою гипотезу: главный герой "Лягушки в прозекторской" — не молодой человек, а дорога. Чем это можно аргументировать? Например, тем, что в рассказе описывается внутреннее состояние героя, находящегося в движении: он начал свой путь со станции Намдэмун, направился в Пхеньян, в порт Чиннампхо, снова вернулся в Пхеньян и добрался до деревни, находящейся в самой северной провинции (до местечка Чончжу в провинции Северная Пхёнан). Доминантой текста

1. Национально-освободительное движение за независимость от Японии, которое охватило всю страну. Начавшаяся 1 марта 1919 г. демонстрация корейских студентов переросла во всенародные волнения. Японские власти подавили эти волнения, мобилизовав полицию и регулярные армейские части.

является дорога. Именно она пронизывает и скрепляет художественный мир произведения, именно на ней он держится, словно на каменном столпе, а не на чувствах и мыслях героя, как может показаться.

По тому же принципу я отважился разобрать и повесть "Прежде, чем раздались крики 'Ура!'" (1923). Путь, который проделал ее герой — студент, вернувшийся из Японии в Сеул, но спустя полмесяца вновь оказавшийся в Японии, — очень необычный. Так же как и в "Лягушке в препараторской", персонаж движется не по прямой, но движение здесь идет по кругу, и в финале мы возвращаемся к началу. Я руководствовался тезисом о том, что в романе Льва Толстого "Анна Каренина" главный герой — это железная дорога. Анна Каренина — замужняя женщина, которая изменяет мужу, а затем бросается под поезд. Действие в романе начинается на железнодорожной станции и там же завершается. Что является здесь, в этой истории о супружеской неверности, путем к спасению? Железная дорога. Человек изменчив, субъективен, его действия непредсказуемы, но в тексте есть что-то, что ясно, точно, крепко. И это — железная дорога[1].

А как же тогда быть с "Преступлением и наказанием"? Уже в самом его начале поражают три его составляющие. Первая — психологическое состояние героя. Как бы подробно ни раскрывался перед нами внутренний мир мятущегося юноши, он едва ли поддается анализу. На что же тогда нам опереться, на какую прочную конструкцию? Возможно, опорой послужат вторая и третья составляющие — С[толярный] переулок и К[окушкин] мост? Может быть, это место проживания главного героя, где по сей день почти ничего не изменилось, или топографические приметы, которые обнаруживаются в тексте? Перед нами настоящая географическая карта, на которой изображены С[толярный] переулок и К[окушкин] мост. И главные герои "Преступления и наказания" — не Раскольников или Соня, а именно эта карта. И тогда понятно, зачем нужны все эти описания местности, привлекшие мое внимание: пространство, лежащее за С[толярным] переулком, или уличные указатели за К[окушкиным] мостом. Вот почему 21 августа 2004 года я собрал вещи и отправился к этим местам.

1. Ким Юнсик. Исследование о Ём Сансопе. — Издательство Сеульского университета, 1987.

3. Нева и Сенная площадь на географической карте

Основное место на этой карте занимает Нева, именно из-за нее появляется и К[окушкин] мост. Именно из-за нее он и упоминается. И не Нева ли внезапно вырвала Раскольникова из безумия, охватившего его?

Не она ли освободила юношу от проклятой мечты, от чар, от колдовства? Та самая Нева, благодаря которой возник и сам К[окушкин] мост, и все остальное пространство. Нева, которая указала герою путь к спасению. Может, поэтому Хакутё Масамунэ и Хидэо Кобаяси так хотели увидеть ее? Чем же еще объяснить их желание, как не тем, что оба они поддались той магии, которой наполнена сцена на мосту, где Нева спасает молодого человека от овладевшего им безумия?

Осмелюсь предположить, что именно так все и было. Возможно, это лишь домыслы, но они позволили мне увидеть на карте еще один ориентир, противопоставленный Неве. Это С[толярный] переулок, о котором говорится в первых строчках романа. Что это за место? Просто переулок, где студенты снимают жилье. Вот наш герой вышел из С[толярного] переулка и направился в сторону Т[учкова] моста. Куда же он пошел после того, как его, стоящего на Т[учковом] мосту и смотрящего на Неву, охватило чувство свободы? Последуем за ним.

Было около девяти часов, когда он проходил по Сенной. Все торговцы на столах, на лотках, в лавках и в лавочках запирали свои заведения или снимали и прибирали свой товар и расходились по домам, равно как и их покупатели. Около харчевен в нижних этажах, на грязных и вонючих дворах домов Сенной площади, а наиболее у распивочных, толпилось много разного и всякого сорта промышленников и лохмотников. Раскольников преимущественно любил эти места, равно как и все близлежащие переулки, когда выходил без цели на улицу. Тут лохмотья его не обращали на себя ничьего высокомерного внимания, и можно было ходить в каком угодно виде, никого не скандализируя.

Почему же, освободившись от наваждения, он не пошел домой, а направился в сторону Сенной площади (английская переводчица перевела название “Сенная площадь” как “Хеймаркет”, вероятно, ориентируясь на название улицы, которая находится в лондонском Вест-Энде). Можно назвать, как минимум, одну причину. Здесь комфортно. Кругом грязь и дурные запахи, но в то же время здесь чувствуется дыхание

жизни, здесь живут люди. Тут Раскольников видит, как с одним из торговцев и его женой беседует женщина. Зовут ее Лизавета. Она не замужем, ей за тридцать. И кто же она? Сводная сестра той самой старухи-процентщицы, которой он заложил свои часы вчера, когда осматривал будущее место преступления. И что же он узнал из разговора торговцев с Лизаветой? То, что завтра вечером, в 7 часов, у нее назначена встреча.

— Вы бы, Лизавета Ивановна, и порешили самолично, — громко говорил мещанин. — Приходите-тко завтра, часу в семом-с. И те прибудут.

Лизавета торгует поношенными вещами и собирается на встречу с теми, кто хочет ей эти вещи продать. Почему так значимо для Раскольникова это время — 7 вечера? Потому что в этот момент сестра Лизаветы, старуха-процентщица, будет дома совсем одна. Случайное совпадение, невольно подслушанный разговор подтолкнули героя к совершению убийства.

Как прокомментировать этот эпизод? Никакого комментария не подобрать. Все мои выводы — плоды долгих раздумий. И применить их к тексту можно лишь с большой натяжкой. Вероятно, все случилось из-за Невы? Почему? Ведь на мосту, раскинувшемся над Невой, герой освобождается от колдовства, чар, от своей проклятой мечты. Ему выгоднее всего было бы возвратиться простейшим, прямым путем. Но в тот день он зачем-то пошел через Сенную площадь. И там его поджидала западня. Словно сам дьявол шепнул ему: “Послушай, в 7 часов вечера. Приходи в этот час с топором. Старуха будет одна”.

Возникает новый вопрос: что это за место — Сенная площадь и переулки вокруг нее? Может, тут сокрыто логово дьявола? Или тут живут люди? Как и Нева, Сенная площадь — важный объект в пространстве города. Достоевский так описывает это место:

Впоследствии, когда он припоминал это время и все, что случилось с ним в эти дни, минуту за минутой, пункт за пунктом, черту за чертой, его до суеверия поражало всегда одно обстоятельство, хотя, в сущности, и не очень необычайное, но которое постоянно казалось ему потом как бы каким-то предопределением судьбы его. Именно: он никак не мог понять и объяснить себе, почему он, усталый, измученный, которому было бы всего выгоднее возвратиться

домой самым кратчайшим и прямым путем, воротился домой через Сенную площадь, на которую ему было совсем лишнее идти. Крюк был небольшой, но очевидный и совершенно ненужный. Конечно, десятки раз случалось ему возвращаться домой, не помня улиц, по которым он шел. Но зачем же, спрашивал он всегда, зачем же такая важная, такая решительная для него и в то же время такая в высшей степени случайная встреча на Сенной (по которой даже и идти ему незачем) подошла как раз теперь к такому часу, к такой минуте в его жизни, именно к такому настроению его духа и к таким именно обстоятельствам, при которых только и могла она, эта встреча, произвести самое решительное и самое окончательное действие на всю судьбу его? Точно тут нарочно поджидала его!

Можно назвать это "мистическим знамением", "случайностью", "суеверием". Соединим все вместе, и получится "мистическое знамение, совершенно случайно явившееся герою на Сенной площади". Все это абстрактные, субъективные категории — и случайность, и мистика, и знамение. В конце концов, все это — категории, применимые к поступкам человека. Никакому рациональному объяснению случившееся не поддается. И Достоевский об этом знал. Но есть ли в этом фрагменте хоть что-то объективное, существование чего не нужно доказывать? Да, и это Сенная площадь.

Вот Сенная площадь на карте. Площадь правильной формы, четко очерчена. Место, где обитают люди. Место, где сосуществуют случайное и закономерное. Человек представляет собой соединение двух этих крайностей: случайного и закономерного. И такие люди живут вокруг Сенной. Человек приносит сюда и добро, и зло. Именно здесь происходят описанные Достоевским убийства. Но здесь же можно обрести спасение.

Получается, Достоевский не так уж и загадочен. Он говорит о том, что всем знакомо, правда, сгущая краски. Но как же быть с Невой? Разве Сенная площадь и Нева не связаны в книге? Вопрос не праздный. И, несмотря на обуревающие меня сомнения, я могу дать на него ответ. Обращу внимание на две вещи.

(А) Одна из проблем в книге — как избавиться от топора. Что делать с топором, которым Раскольников зарубил старуху и ее сестру?

Он пошел к Неве по В-му проспекту; но дорогою ему пришла еще вдруг мысль: "Зачем на Неву? Зачем в воду? Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на острова, и там где-нибудь, в одино-

ком месте, в лесу, под кустом, — зарыть все это и дерево, пожалуй, заметить?" И хотя он чувствовал, что не в состоянии всего ясно и здраво обсудить в эту минуту, но мысль ему показалась безошибочною.

Но и на острова ему не суждено было попасть, а случилось другое...[1]

Ведь нельзя же выбросить окровавленный топор прямо в Неву? Может, лучше унести его в лес, подальше от людей? Герой прячет топор среди мусора у стены заброшенного склада, неподалеку от площади. Нева и лес на островах не связаны с окровавленным топором. А связаны с ним площадь, переулок. Ведь это места, где живут люди.

(Б) Вопрос о месте, где герой признается в содеянном.

Он шел по набережной канавы, и недалеко уж оставалось ему. Но, дойдя до моста, он приостановился и вдруг повернул на мост, в сторону, и прошел на Сенную.

Герой падает посреди площади на колени и целует землю. Почему это должно было произойти именно здесь, на Сенной площади? Потому что здесь сосуществовали дьявольское и ангельское, явившееся в образе Сони. На Сенной Раскольников получает знак, после которого окончательно решается на убийство. Площадь напрямую связана с его преступлением. Но если убийство раскрыто, то нужно прийти с повинной. И местом покаяния тоже непременно должна быть площадь. Если смотреть на роман "Преступление и наказание" с этой точки зрения, в нем открывается удивительная симметрия. Какова же, в таком случае, сущность Невы, протекающей через город? Когда-то давно на месте Петербурга была лишь дикая природа, лес. Кто привел в этот лес дьявола? Уж не Петр ли Великий?

В этом месте моих рассуждений я не могу не вспомнить о Петропавловской крепости, куда был заключен Достоевский, ожидавший оглашения смертного приговора. Необходимо понять, в чем же значение "топора" Раскольникова. Изначально этот "топор" не использовался славянами и не имел никакого отношения к Сенной площади[2]. Но откуда же он то-

1. Приведенная цитата — размышления Раскольникова о том, куда деть украденные у старухи вещи, а не топор. Топор он вернул в дворницкую.
2. Возможно, автор эссе в данном случае придает слову "топор" метафизический смысл, имея в виду западную нигилистическую идею. С исторической точки зрения у славян топоры были и в допетровское время.

гда взялся, где его родина? Это Амстердам, Венеция, а если быть точным, то наполеоновская Франция. Как же французский "топор" попал на Сенную площадь? Может, он приплыл в этот город на корабле? Нева — главный нарушитель спокойствия. По Неве "топор" приплыл в Санкт-Петербург и захватил весь город. "Топор" гордо шествует по улицам, и имя ему Раскольников. Это не герой, не человек и не студент. В "топоре" воплотилась сама идея. Она приняла человеческий облик и пошла бродить по Сенной площади — так в романе возникла эта сцена. И о такой идее нам повествует не только "Преступление и наказание", но и "Бесы".

4. *Матисс в приюте отшельника (в Эрмитаже)*

27 мая прошлого года Санкт-Петербург отметил 300-летие со дня своего основания, шумно обсуждавшееся в прессе. Говорят, на торжества были приглашены главы всех стран, и каждый привез с собой подарки. Говорят, на Неве устроили праздничную регату. В город съехались туристы со всех уголков мира. Чтобы добраться до Санкт-Петербурга, моему уважаемому другу К. пришлось пересечь на поезде всю Сибирь. Но по возвращении он и словом не обмолвился о своем удивительном путешествии по Транссибирской магистрали, а сразу заявил: "Я прошелся по Невскому проспекту!" Я хотел было спросить у него, видел ли он Неву, но промолчал.

Более ста лет назад в этом городе побывал специальный посланник императора Корейской империи Мин Ёнхван, прибывший для участия в церемонии коронации императора Николая II. Вот как он описывал это место:

Этот столичный город простирается, откуда ни посмотри, более чем на сотню ли[1] в каждую сторону, а население его составляет более миллиона человек. Улицы в нем широкие, а дома большие и крепкие. Через весь город течет извилистая река Нева, к которой фасадом обращен императорский дворец, а по обоим ее берегам стоят здания всевозможных дворцовых ведомств и учебных заведений. Грандиозность и размах проекта, по которому построен го-

1. Традиционная корейская мера длины, в момент написания текста равная примерно 420 м.

род, делают его поистине великим. По дороге из Москвы в поезде в качестве топлива использовали дрова, а не уголь, потому что лесов в северных краях много, а месторождения угля редки. Во всех городах Запада крупные дороги вымощены известняком, а здесь — плотно пригнанными друг к другу бревнами или булыжником. Еще одна уникальная черта: деревянные полы в домах здесь украшены узорами, за счет чего кажется, будто на них расстелили покрывало. Солнце встает в час ночи, а садится в 10 вечера, но небо при этом остается светлым настолько, что можно различить прохожих, а немного погодя солнце встает опять. Так происходит с апреля по июль, но говорят, что с августа по март, в период другой крайности, восход бывает в полдень, а закат — в 3 часа дня, поэтому ночи длинные и темные. Это объясняют тем, что земли эти расположены в высоких широтах и лежат близко к Северному полюсу.

На крышу был водружен флаг нашей страны. На Западе принято строить дома в несколько этажей и делить помещения между жителями. Даже если в доме живут несколько семей, то у каждой есть своя дверь, и друг другу они не мешают. Поэтому дом, где мы сейчас живем, в нашем распоряжении не весь, в результате чего мы испытываем много неудобств. В 2 часа дня мы сели в экипаж и поехали на набережную Невы, прямо к тому месту, где на возвышении стоит огромный камень более 10 чхок[1] в высоту и более 20 чхок в обхвате. На камень водружен конный памятник первому императору России Петру Великому, который в левой руке держит поводья, а правой указывает на север. Голова коня поднята вверх, он вздыбился и несется вместе с седоком. Петр Великий родился в 1672 году по западному календарю и взошел на трон в возрасте 25-ти лет. В то время население России еще не приняло идеи прогресса, а внутренние дела страны находились в состоянии хаоса. Поэтому Петр, который задался целью превратить Россию в сильную и процветающую державу, назвавшись простолюдином, инкогнито объездил всю Европу, где изучал разные науки; выдавая себя за плотника, он обучался судостроению и мореходству; в Англии постигал искусство управления государством. По возвращении он основал Санкт-Петербург, занялся освоением прилегающих земель, возвел дворец, построил фортовые укрепления. Начав строить здесь столицу, Петр Великий хотел присоединить к России территории на северо-западе. В следующем году он начал войну с Швецией. При этом даже военные неудачи не поколебали его решимости и не вселили в него страх. Он сказал: “Пусть они нас сейчас победили, но это урок, как мы можем победить их”. После четырех лет наращивания сил Петр Великий, вновь начав большую военную кампа-

1. Традиционная корейская мера длины, равная примерно 0,303 м.

нию, завоевал Финляндию, Ингрию, Латвию и, возвратившись с триумфом, как говорят, сказал подданным: "20 лет назад я сам еще был неучем". После этого он, успешно занимаясь государственными делами, направил все усилия на превращение России в сильное и процветающее государство. Умер Петр Великий в возрасте 53-х лет, и, поскольку жители страны почитали своего правителя, чтобы увековечить память о нем, был воздвигнут этот памятник, город был назван Петербургом, а самого Петра до сир пор называют "благодетельным правителем, возродившим страну"[1].

Возможно, временем наибольшего влияния России на Корейскую империю стал тот знаменитый исторический период, когда был осуществлен тайный переезд государя Кочжона в российскую дипломатическую миссию в Сеуле 11 февраля 1896 года[2]. По поручению государя Кочжона корейская посольская миссия во главе с Мин Ёнхваном, проехав Инчхон, Шанхай, Кобе в Японии, переплыв Тихий океан, добралась до Ванкувера, потом на поезде до Нью-Йорка, переплыв через Атлантический океан, проехав Нидерланды и Берлин, достигла Москвы (где и проходила коронация императора Николая II). Миссия побывала в Санкт-Петербурге, возвратилась в Москву, а оттуда – на родину по сибирской железнодорожной магистрали, которая находилась в тот период в процессе активного строительства. Путешествие было долгим и продолжалось с 1 апреля по 17 июля. Город Петра Великого предстал перед специальным посланником Корейской империи во всем своем великолепии. Считается, что в 1703 году Петр Великий основал этот город, взяв за образец Амстердам и Венецию, а после социалистической революции столица была перенесена обратно в Москву, где в свое время обосновалась династия Романовых. В советский период город, стоящий на берегах Невы, переименовали в Ленинград (слово "Нева" означает "болотистое место"). Протяженность реки – 74 км, средняя ширина – около 600 м, глубина – 24 м. Говорят, что у Невы 65 притоков, которые вместе с Невой образуют 100 островов и над которыми раскинулись 365 мостов. И все же создается впечатление, что этот город, от которого рукой подать до Балтийского моря и который сто-

1. Выходя в большой мир. – Сеул: Ырю, 1959. – С. 48–50.
2. Присутствие государя Кочжона в российской дипломатической миссии в Сеуле привело к укреплению влияния России в Корее, а коронация императора Николая II 14–16 мая 1896 г. в Москве стала хорошим поводом для отправки в Россию первой корейской посольской миссии.

ит на множестве свай, вбитых в болотистые берега Невы, зиждется на старом и хрупком фундаменте. Особенно сильно это ощущение, когда смотришь на Исаакиевский собор – духовный столп, символ города. Если смотреть со стороны Невы, сложно отвести взгляд от этого величественного собора (1818–1858), длина которого составляет 112 м, а высота – 101,5 м. Говорят, что стоит он на 11 тысячах свай. Говорят, что рядом со старыми сваями, оставшимися от прежней церкви, вбили еще 15 тысяч 6-метровых свай. Зачем они нужны? Они необходимы, ведь почва здесь болотистая. Однако, как на все посмотреть, при игре в *падук* это назвали бы "плохим ходом" – выбрать такое место для возведения целого города.

Как же так вышло, что город решили заложить именно здесь, на болотах, а не на ровной и твердой земле? Посмотрите, к чему это привело. Говоря о Петербурге, я не могу не обратить на это внимание. Точнее, внимание на это обращает Достоевский. Очевидно, этот момент был значим и для Ленина. Не случайно и тот и другой в определенный момент оставляют этот город.

Выше я писал о том, что Петр Великий создавал Петербург по образцу Венеции и Амстердама. Зачем ему это было нужно? Сложно судить об этом сейчас. Возможно, он стремился превратить отсталую Россию в процветающую прогрессивную страну. Только не перестарался ли император? Может быть, стоило пойти по пути совмещения национального и западного, постепенно прививать европейские ценности русскому народу? В целом, так оно и вышло, и, тем не менее, масштаб задуманного императором был грандиозен. Чем может потрясти вас город, стоящий на тысячах свай, на строительство которого было положено столько сил? Какие памятники, здания, соборы, дворцы мы увидим тут, какие фрески и картины украшают стены и интерьеры этих дворцов? Чтобы найти ответы на эти вопросы, нужно отправиться в Эрмитаж[1], который занимает третье место среди самых знаменитых музеев мира, после Лувра и Британского музея.

Специальный посланник Корейской империи Мин Ёнхван писал:

> В 2 часа дня поехали в Зимний дворец, который внутри оказался весьма просторным и светлым, блистающим своим убранством

1. Эрмитаж (от *франц.* hermitage) – место уединения, жилище отшельника.

из золота и малахита, полным переходящих друг в друга комнат и галерей. На стенах висят портреты прежних правителей государства и карты былых сражений. В музее выставлены старинные шлемы, доспехи, копья, пушки, различные игрушки и ценные редкости, которые невозможно описать словами. Только избранные посетители могут войти в закрытые покои, где хранится золотое дерево, на котором сидят золотые павлин, петух, а также фигурки других птиц и животных. Это настоящая диковина: каждый час птицы расправляют крылья и начинают петь, таким образом сообщая время[1].

Но, вероятно, больше всего посланника заинтересовали портреты императоров и старинные карты. В 1946 году писатель Ли Тхэчжун, автор книги "Что такое текст" (1946), приехал с визитом в Советский Союз и пробыл там около трех месяцев. 26 сентября он посетил Эрмитаж, но время было послевоенным, и большая часть коллекции, которую спасали во время блокады, тогда находилась в разных регионах страны, поэтому в музее была выставлена лишь треть из 1 600 000 экспонатов.

Отведенное нам время можно было потратить на осмотр предметов прикладного искусства, то есть внутреннего убранства дворцовых покоев и их интерьеров, сотворенных руками великих итальянских и французских мастеров, но мы первым делом отправились в картинные галереи, столь обширные, что мы буквально выбились из сил, обходя их. Картины на религиозные сюжеты Леонардо да Винчи, Рафаэля, Рубенса, Рембрандта, экспонаты, представляющие культуру Древней Греции, скульптуры Микеланджело. Мы посетили и залы, в которые можно попасть только после самого тщательного досмотра, — сокровищницу, располагающуюся на нижнем этаже, где были выставлены предметы прикладного искусства, сделанные из чистого золота и алмазов, царские короны, принадлежавшие королевским династиям и венцы священнослужителей. Многие из этих древних золотых украшений по технике изготовления напоминают золотые короны, которые хранятся в наших королевских усыпальницах в г. Кёнчжу[2].

В поле зрения Ли Тхэчжуна, которому Советский Союз в то время представлялся раем на земле, попали лишь Леонардо да Винчи и Рембрандт, он не упоминает Пикассо, Кандинского, Матисса. Я не могу сказать точно, почему так получи-

1. Выходя в большой мир. — С. 83.
2. Ли Тхэчжун. Поездка в СССР. — Кипхын сэм, 2001. — С. 134.

лось. Возможно, во время его визита эти шедевры еще не были возвращены из эвакуации.

"Я не знаю более красивого города, более гармонического сочетания металла, воды и камня... Памятники – таких же совершенных пропорций, как музыкальные темы в симфониях Моцарта"[1]. Так высоко оценил город Андре Жид, посетивший СССР в 1936 году. Иначе и быть не могло, ведь Санкт-Петербург – прекрасный город, созданный по образцу европейских столиц. Позднее он заявлял: "Мне интересен не сам этот пейзаж". Интерес писателя вызывали люди, живущие здесь. Но это не отменяет того факта, что Жид отдавал должное красоте Петербурга. И об Эрмитаже он писал, как об изумительном месте.

И это правда. Эрмитаж действительно величественное здание, ведь он связан с Зимним дворцом. Екатерина II, которая увлекалась коллекционированием произведений искусства, построила для их размещения трехэтажное здание. На первом этаже можно ознакомиться с искусством Древнего мира, на втором – увидеть произведения русских и европейских мастеров, на третьем – получить представление о западноевропейском искусстве, в частности, здесь выставлена живопись XX века. В Эрмитаже экспонируются и предметы прикладного искусства Китая и Ближнего Востока. Самой большой популярностью пользуются расположенные на третьем этаже залы, посвященные искусству Франции. В них представлены скульптуры Родена, картины Гогена, Сезанна и других. Значительную часть экспозиции составляют произведения Анри Матисса. Им отведены целых три зала – с № 343 и до № 345. Среди этих полотен есть даже знаменитая "Красная комната"! Мне повезло: на первом этаже, в специальном зале, проходила выставка картин Матисса. Кроме всего прочего, там демонстрировалась довольно редко выставляемая картина "Танец" – огромное полотно, на котором изображены пять танцующих обнаженных мужчин и женщин.

На какое-то время я остановился перед этой картиной. Мне вспомнилась недавно прочитанная статья. В дореволюционной России было два выдающихся коллекционера, питавших особую любовь к произведениям французских импрессионистов. Это Сергей Иванович Щукин (1854–1936) и Иван Абрамович Морозов (1871–1921). Екатерина II также увлекалась французской живописью, но собранная ею коллекция бы-

1. Андре Жид. Возвращение из СССР / Перевод А. Лапченко. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 32.

ла бы неполной без позднейших находок Щукина и Морозова. В частности, Сергей Иванович Щукин оказался первым коллекционером, который познакомился с еще малоизвестным тогда Матиссом и приобрел у него 40 картин, относящихся к тому периоду, когда художник увлекся фовизмом. Всего Щукину удалось собрать 60 полотен, он стал самым известным в мире коллекционером картин Анри Матисса. Говорят, что именно Матисс познакомил Щукина с Пикассо. Иван Абрамович Морозов собрал 11 полотен. После революции все эти картины стали частью коллекции Эрмитажа.

И снова я задаюсь вопросом, что же такое Эрмитаж? Что значат все эти имена: Рубенс, Рембрандт (его знаменитое "Возвращение блудного сына" также находится здесь), Пикассо, Сезанн, Матисс? Ответ очевиден. Это вовсе не уединенный деревянный домик и не келья отшельника, это Европа, причем французского образца. Во всем здесь чувствуется тяготение именно к Европе. Почему же славяне, этот великий народ, безропотно поддались европеизации? Неужели это было так необходимо, что люди были готовы вбивать тысячи свай в это болото? Почему все так верили, что именно из этих болот должен вознестись великолепный европейский город? Может быть, это были только фантазии правителей, мечтавших таким образом поставить страну в один ряд с передовыми западными державами? Но думали ли они о народе, о нации? Возможно, все дело лишь в амбициях сумасбродного императора? И Достоевский, и Ленин понимали природу Петербурга. Они понимали, насколько непредсказуем этот город, искусственно возведенный на болоте, где не растет ничего, кроме камыша. Достоевский, автор "Преступления и наказания", отправляется в Сибирь; Ленин, возглавивший октябрьский переворот, без колебаний переносит столицу в Москву. Какие еще нужны доказательства? Это был город-иллюзия, город-галлюцинация. Но, может быть, имя этой иллюзии — искусство?

5. *Интеллигенция – славянское слово, не поддающееся переводу*

Достоевский устами Свидригайлова, который, возможно, на самом деле был тайным агентом следователя Порфирия Петровича, так описывает этот беспокойный город на болоте:

Да вот еще: я убежден, что в Петербурге много народу, ходя, говорят сами с собой. Это город полусумасшедших. Если б у нас были

науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния! Между тем это административный центр всей России, и характер его должен отражаться на всем.

Что могут с этим поделать жители этого неспокойного города, в особенности молодые интеллектуалы? Я назвал их интеллектуалами, но лучше сюда подойдет русское слово "интеллигенция". Этих людей мало, но они не могут сидеть сложа руки и средь бела дня выходят с топором на Сенную площадь, вот о чем писал Достоевский.

И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет! Только слепой не разглядит!

Это мысли Наполеона. Не таков ли мир Рубенса, Рембрандта, Сезанна, Матисса? Это великая европейская философия. Беда в том, что Нева принесла эти идеи в Петербург. В город, возведенный на сотнях свай. Но город этот непредсказуем. Вот почему я так мечтал увидеть Неву. Достоевский вдохновил меня.

Федор Михайлович Достоевский родился в 1821 году в Москве в семье лекаря Мариинской больницы для бедных и был вторым сыном из восьми детей семейства. По настоянию родителей он поступил в инженерное училище в Петербурге, город в тот период как раз переживал строительный бум. В 1843 году Достоевский был зачислен полевым инженером-подпоручиком в Петербургскую инженерную команду. Началась его служба, к которой он не чувствовал никакой склонности. Почему? Потому что он решил всецело посвятить себя литературе, поддавшись тем идейным течениям, которые пришли по Неве из Европы. "Я поэт, а не технарь", — писал он впоследствии в мемуарах. В 1844 году он уволился с военной службы. И тут же посвятил себя писательскому труду, поддавшись очарованию "невских мечтаний". Занимаясь литературой, он стал членом кружка петрашевцев, что, в конечном счете, привело его на эшафот. Что же это были за идеи, завезенные к нам из Европы? Зачем нужно было Достоевскому вступать в кружок тех, кто планировал

убить царя и установить в мире новые порядки? Ответ лежит на поверхности. Он — писатель, вдохновленный "невскими мечтаниями". А стать писателем можно было, только восприняв новые идеи. Идеи, которые Нева принесла из Европы. Это были люди новых взглядов, задумавшие убить царя и построить новый мир. Это были те, кого называют "интеллигенция". Император не мог не отреагировать на их деятельность. И, судя по его реакции, государь был в ярости. Вот как это описано:

16 ноября военный суд закончил рассмотрение дела петрашевцев. Оно поступило в генерал-аудиториат, или верховную прокуратуру. 19 декабря эта высшая инстанция на основе полевого уголовного уложения приговорила двадцать одного подсудимого к расстрелу, но, считаясь с молодостью осужденных, их раскаянием и отсутствием вредных последствий от их деятельности, она ходатайствовала перед императором о замене смертной казни другими карами.

Согласно традиции Николай I отменил высшую карательную меру, к которой были присуждены Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Дуров, Достоевский, Плещеев и другие, снизив для многих из них степень и сроки кары, предложенные генерал-аудиториатом.

Но свое "помилование" царь распорядился объявить петрашевцам лишь после публичного прочтения им первоначального смертного приговора и совершения всего церемониала казни, за исключением последнего слова команды "пли", после чего приказывалось прочесть окончательные приговоры.

Все происходило 22 декабря 1849 года в восьмом часу утра. Аудитор зачитывает приговор, подписанный императором: "Отставного инженер-поручика Федора Достоевского, 27 лет, за участие в преступных замыслах, за распространение частного письма, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение к распространению, посредством домашней литографии, сочинений против правительства... подвергнуть смертной казни расстрелянием". Священник произносит последнюю проповедь "плата за грех есть смерть" и протягивает каждому большой крест для целования. Раздается команда: — К заряду! — Колпаки надвинуть на глаза! Снова воинская команда: — На прицел! Но вот по площади проносится галопом флигель-адъютант. Он вручает генералу Сумарокову запечатанный пакет. И вот аудитор прочитывает новый приговор: "- Его величество по прочтении всеподданнейшего доклада... вместо смертной казни... лишив всех прав состояния... сослать в каторжную работу... Отставного инженер-поручика Федора Достоевско-

го... в каторжную работу в крепостях на четыре года, а потом рядовым...”[1].

Возможно, со стороны императора это было ребячеством, но минуты, проведенные писателем на Семеновском плацу, оказали на Достоевского огромное воздействие. “*...ничего не было для него в это время тяжелее, как беспрерывная мысль: Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, – какая бесконечность!*”[2] Так в словах князя Мышкина, героя романа “Идиот”, написанного двадцать лет спустя, отразились воспоминания Достоевского об этом событии.

Что видел Достоевский в тот момент, когда священник произносил последнюю проповедь “плата за грех есть смерть” и протягивал каждому большой крест для целования? Может быть, ему представлялась Нева? Не те ли европейские идеи, которые проникли по Неве в Петербург, привели к этому финалу, *к греху?* Императоры после Петра по-своему продолжали подражать Европе: построили на берегах Невы церкви с золотыми куполами, дворцы и крепости. Они возвели блистательный Зимний дворец и гранитные крепости, создали монументальные памятники, соборы, прорыли каналы и построили мосты. И вновь — что же это за город, который возник на тысячах вбитых в болото свай? Интуиция подскажет поэтам, что это “сотворенная Невой иллюзия”. Кто разрушил эту иллюзию? Может быть, это сделали петрашевцы? Взяв на вооружение европейские идеи, они решились противостоять иллюзиям императора. Ухватившись за теорию Наполеона о сверхчеловеке, они замыслили избавиться от царя — и точно так же, поддавшись идее, Раскольников задумал убить старуху-процентщицу. Они хотели преодолеть западноевропейский материализм с помощью европейских же идей. Но сцена на Семеновском плацу показала, что их надежды не оправдались. Нет ничего, кроме смерти. Почему же они должны были прийти к этому осознанию, лишь оказавшись на волосок от гибели?

Попробую пояснить на следующем примере. Представьте себе утро рабочего дня. Люди едут на работу, по своим делам, все движутся в одну сторону, но кто-то один — в обратную. И

1. Л. П. Гроссман. Достоевский. — М.: Молодая гвардия (Серия “Жизнь замечательных людей”), 1963. — С. 108.
2. Ф. М. Достоевский. Идиот. Ч. 1, гл. 5.

как должен чувствовать себя человек, испытавший столкновение со смертью? Все верят, что 1+1=2, но только он один отрицает это ("Записки из подполья"). Лишенные данного опыта никогда не поймут такого человека, он навеки чужак в этом мире. Но как же видит мир тот, кто почувствовал на своем лице дыхание смерти? Что открылось ему? Приведу еще два примера.

Первый — из воспоминаний Достоевского о его дороге на каторгу, в Сибирь[1].

Среди них был один человек. Он был приговорен к пожизненному заключению, к каторге. У него были красная рубаха и рубль серебром. Это увидел другой человек. Через какое-то время он должен был выйти на свободу, а пока шел на поселение. Почему бы этому, другому, не поменяться с первым судьбами: он будет отбывать пожизненный срок на каторге, но возьмет себе рубаху и серебро, а первый получит возможность через некоторое время стать свободным?[2] Можно сравнить "Записки из мертвого дома" с делом петрашевцев, и обратить внимание на Дурова — одного из центральных персонажей, изображенных в сцене казни. Даже находясь в ссылке на каторге, он ни разу не изменил своим убеждениям, не усомнился в душе и по-прежнему держал в памяти логически выстроенную революционную теорию. Не было ли это его победой над "мертвым домом"? У человека, стоявшего перед лицом смерти, поведение Дурова вызвало бы только насмешку.

Второй пример я возьму из собственного опыта.

Не знаю, убедит ли он вас. Будучи в Москве, я посетил Центральный музей Великой Отечественной войны в парке Победы. Там я узнал, сколько человек погибло в этой войне. В этом музее, где находится памятная стела высотой в 141,7 м (война длилась 1 417 дней без перерыва), выставлены военные экспонаты и созданы панорамы героических сражений Второй мировой войны. Меня особенно поразило число погибших — 25 миллионов человек (когда я в 1991 году приезжал в Мемориальный музей Потсдамской конференции, то прочел, что число советских солдат, погибших в войне, составляет 20 миллионов человек. Потери среди солдат составили 13 миллионов человек, остальные погибшие — граждан-

1. Воспоминания Достоевского из "Записок из мертвого дома".
2. По-видимому, автор эссе имеет в виду Михайлова и Сушилова из "Записок из мертвого дома".

ские лица). Почему же так много жертв? Можно ли называть победой то, за что пришлось заплатить такую высокую цену? Это ведь больше численности населения Кореи в тот период. Просто нет слов.

Даже эти два примера ясно показывают, что в этом мире 1+1 не равняется 2-м.

С одной стороны, есть неограниченная абсолютная власть императора. А с другой стороны, красная рубаха. И есть человек, который продает свою свободу за серебряную монету. Так, может быть, имя этому человеку — *русский народ*? Зайдите в русскую церковь. Внутри на всех стенах висят иконы. Иконы, которые были для необразованного народа, не знающего даже азбуки, символами православия. Всем известна поэма о Великом инквизиторе, которую написал Иван из романа "Братья Карамазовы". В ней рассказывается о том, как в ночь сожжения сотни еретиков в одной из деревень испанской Севильи появляется Иисус. Кардинал, великий инквизитор, запирает его в здании святого судилища и допрашивает. Он задает Христу три вопроса. Иисус не отвечает или не может ответить. Это место текста интерпретируют по-разному, чаще всего в религиозном ключе. Но связана ли эта проблема с религией? Некоторые считают, что здесь Достоевский говорит вовсе не о религии, а об истории русского общества[1]. Автор этой статьи говорит о том, что в России численность крепостных значительно превышала численность представителей других сословий. Так, земля, которой владел Толстой, по размеру превышает корейский остров Чечжу, и, как отмечает автор упомянутой статьи, писатель мог распоряжаться крестьянскими женами по своему усмотрению. Впоследствии он раскаялся в своих поступках, и это раскаяние нашло отражение в романе "Воскресение". Что такое свобода? В 1861 году в России было отменено крепостное право, но крестьяне не понимали, что делать с этой свободой. Такая "воля" была им не нужна. А что же было нужно? Хлеб. "Хлеб или свобода" — это не идеологическая проблема, а проблема истории русского общества. Красная рубаха, рубль серебром и пожизненное заключение — вот на что люди меняли свою свободу.

Народ, который отказался от свободы, склонившись перед абсолютной властью императора. И между этими полю-

1. См. Масахито Ара. Великий допрос и старец Зосима: Собрание сочинений современной японской литературы. — Т. 97. — Кодансия, 1965.

сами находилась русская интеллигенция. Едва ли в корейском языке найдется точный перевод для этого понятия. В переводе утрачивается множество смыслов, содержащихся в этом слове. Наверное, дословный перевод был бы таким: интеллигенция — это дикая сила, вооруженная окровавленным топором. Если не принимать во внимание этот феномен, то невозможно понять ни "Бесы", ни "Преступление и наказание". Родион Раскольников являет собой русскую интеллигенцию, ищущую ответ на вопрос: что делать с этими крайностями? Как жить, если с одной стороны — глупость самодержавного монарха, а с другой — молчание угнетенного народа? Вот о чем пишут русские классики XIX в. Их произведения, считает Хидэо Кобаяси, можно назвать "революционной литературой". Читая романы Толстого, мы называем их гуманистическими, а в Достоевском видим религиозного писателя, но все это не более, чем домыслы. Потому что эти самые люди выходили на Сенную площадь с окровавленным топором в руках. Так что в каком-то смысле "Преступление и наказание" — не литература. Именно поэтому Дёрдь Лукач в своей блистательной книге "Теория романа" (1916) утверждает, что Достоевский не написал ни одного романа. Потому что он создавал не роман, а новый мир.

6. *Два видения: музыка и образ. Картина художника* Ким Хынсу "*Танец буддийской монахини*" *и народная песня* "*Весна в родном городе*"

25 августа 2004 года, 9 часов 30 минут. Оставив позади, в сумерках, московский аэропорт, я начал свой путь домой. На протяжении всего путешествия я пребывал во власти "Преступления и наказания". И на Красной площади, и в Соборе Василия Блаженного, и на Арбате, и перед мавзолеем Ленина. И даже когда я смотрел в Большом театре балет "Лебединое озеро", за сценами из балета проглядывало "Преступление и наказание". Разве принц Зигфрид, охваченный волшебством, колдовством, очарованием, — это не тот же Раскольников? Кто заставил его поддаться магии? Кто этот бес? Уж не европейская ли идея о сверхчеловеке? Околдованный молодой человек на берегу Невы размахивает топором, который ему вручил сам дьявол. Кто же спасет принца от это-

го наваждения? Не король, не королева, не принцесса, а молодая девушка восемнадцати лет, проститутка. Ее имя Соня.

Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!" Тогда бог опять тебе жизни пошлет.

После всех перенесенных мучений Раскольников идет на Сенную площадь и поступает так, как велит ему Соня. Именно в этот момент, когда с него спадает колдовская пелена, перед ним предстает Сибирь. Снег с дождем, холод, тьма и тюремная жизнь. Он видит выход из "мертвого дома". Выход из этого безбрежного невского болота, заморочившего его. "Преступление и наказание" — это история одного молодого человека, околдованного Невой. Мир, в котором 1+1 не равняется 2, это — Сибирь, мир русского народа.

День опять был ясный и теплый. Ранним утром, часов в шесть, он отправился на работу, на берег реки, где в сарае устроена была обжигательная печь для алебастра и где толкли его. Отправилось туда всего три работника. Один из арестантов взял конвойного и пошел с ним в крепость за каким-то инструментом; другой стал изготовлять дрова и накладывать в печь. Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем непохожие на здешних. Там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь: мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила.

Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился. На ней был ее бедный, старый бурнус и зеленый платок. Лицо ее еще носило признаки болезни, похудало, побледнело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку.

...

Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в

новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого.

Без Сони была бы неполной картина *золотого века.* Впоследствии в "Бесах" в словах Ставрогина вновь возникнет этот образ. Я имею в виду эпизод, когда герой рассказывает, как он увидел в Дрезденской галерее картину "Пейзаж с Ацисом и Галатеей" Клода Лоррена. Полотно изображает безудержную страсть. Золотой век. В этой галерее бывал и единомышленник Достоевского – революционер Ленин. Но ведь, наверное, и в "Лебедином озере" можно увидеть изображение такой великой страсти?

Пусть читатель не ставит мне в вину то, что, выпив пару бокалов вина в самолете, я мгновенно погрузился в глубокий сон. Ведь за всю поездку мне было не вздохнуть под грузом безудержной русской страсти, одержимости, от которой нет спасения. Получается, я на всю неделю утратил свободу? Стал пленником Невы, героем "Преступления и наказания"? Неужели не было ни одного глотка свободы?

Несмотря на глубокий сон, меня посетило видение. Мне явилась картина, где на желтом фоне, набросив на голову капюшон, взмахнув длинными рукавами и слегка приподняв кончик корейского носка *посон*, танцует буддийская монахиня. Это картина корейского художника Ким Хынсу "Танец буддийской монахини". <...> Эрмитаж. Выйдя из зала Матисса и Пикассо, я спускался по лестнице вниз и вдруг увидел эту картину. Полотно, в котором изящно сочетаются корейская композиция и европейская абстракция. В 1993 году в Москве в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, где выставлены картины Марка Шагала, прошла вторая после шагаловской персональная выставка, посвященная работам Ким Хынсу, экспонаты которой позже были перевезены в Эрмитаж[1].

"Танец буддийской монахини" – это, конечно, просто моя ассоциация. Вряд ли я осмелюсь связать ее с "Преступлением и наказанием". Может, были и другие ассоциации? Да. Еще одна – звуковая. В 30 км от Санкт-Петербурга располагается летняя резиденция Петра Великого, куда мне удалось съездить. Фонтаны во главе с "Самсоном" громко шумели. А вот в тенистом, похожем на лес парке было тихо. Если прой-

1. На Санман. Московская выставка великого мастера Ким Хынсу. – Мунхваесуль, 1993.

ти подальше, перед вами откроется море. Это ведь Балтийское море? Море, в которое впадает Нева. Я взглянул на статую морского бога Посейдона, держащего в руках трезубец, сел на берегу и опустил ноги в воду. В голове было пусто, тело расслабилось. Перед глазами простиралось бесконечное море. Не знаю, сколько я просидел так, отрешившись от всего. И вдруг, то ли во сне, то ли наяву до меня донеслись неясные звуки трубы.

Мой родной край — цветущая горная долина...
...
Тоскую по тому времени, когда я проводил здесь беззаботные дни...

В самом деле, что это за звуки? Что за музыка вдруг перенесла меня в детство? Она пришла не из России, не с Невы, это было что-то, принадлежащее мне. Оказалось, это были уличные музыканты, которые, узнав, откуда приехали туристы, играют для них на духовых инструментах. Интересно, почему для корейцев выбрали именно эту мелодию? Я долго думал над этим вопросом. Получилось так, что два образа — зрительный и звуковой — словно околдовали меня. Потому что оба они были моими.

Это были только мои видения, мои грезы, в которые я погрузился. И вдруг я проснулся, почувствовав, как шасси самолета коснулись земли. Прошли пять длинных дней и шесть коротких ночей. В аэропорту меня встречала постаревшая за время моего отсутствия супруга.

Елена Хохлова

Выставка молодых южнокорейских художников в галерее "Триумф"

Весной 2016 года в московской галерее "Триумф" состоялась выставка молодых южнокорейских художников под названием EXTENSION.KR. На двух этажах были показаны произведения одиннадцати авторов, работающих с разными техниками: живопись, скульптура, видео. Среди авторов были художники, признанные в Корее и за ее пределами, были представители локального галерейного искусства.

Проект галереи "Триумф" — не первая попытка познакомить российского зрителя с корейским искусством. Достаточно вспомнить масштабный проект под названием "Современный калейдоскоп. Искусство Республики Корея сегодня", организованный Корейским фондом в 2008 году в Москве. Тогда были показаны работы таких авторитетных художников, как Ли Буль, Ан Гючоль, Хон Гёнтхэк и других.

А в этом году в галерее "Триумф" впервые были собраны произведения только молодых художников разных направлений и из разных художественных миров. В рамках проекта была прочитана лекция по истории южнокорейского искусства в Музее современного искусства "Гараж", а также встреча с тремя художниками, работы которых были представлены на выставке.

Южнокорейское искусство заинтересовало мировое арт-сообщество после успеха китайского искусства в 2000-х, тогда отдельные художники Республики Корея начали появляться на известных мировых площадках. Молодых южнокорейских авторов стали приглашать галеристы разных стран, особенно после выставки "Korean Eye", организованной лондонской "Saatchi Gallery" в 2012 году. Сегодня их работы можно увидеть на многих международных арт-ярмарках. Галерея "Триумф" начала показывать корейское искусство в 2014 году после персональной выставки Мин Чжонён (Мин Джанг

© Елена Хохлова, 2016

Ён), с творчеством которой познакомилась на одном из европейских арт-событий. Успех выставки Мин Чжонён в Москве вдохновил и на проведение EXTENSION.KR, которая тоже приятно удивила и количеством посетителей и проявленным интересом.

Отправной точкой современного искусства Республики Корея принято считать 1957 год, когда представители молодого поколения художников выступили против устарелого академизма, укоренившегося во время японской аннексии. Начался процесс модернизации или вестернизации корейского искусства. Представители течения абстрактной живописи *энформель* активно экспериментировали и вслед за европейцами покрывали холсты большого размера толстыми слоями краски, нанося ее крупными агрессивными мазками, стремясь выразить ужасы пережитой войны и послевоенного времени.

В 1970-х годах художники осознали необходимость выхода за рамки подражания европейцам, а также необходимость создания "национального бренда" и привлечения внимания международного арт-сообщества. Сложилось направление *тансэкхва* (досл. одноцветная живопись), возникшее на основе традиционной восточной философии. Современное понимание корейской традиционной эстетики нашло выражение в монохромных холстах черного, белого или бежевого цветов. *Тансэкхва* получило признание в Японии и США и сегодня бьет рекорды аукционных продаж, попадая в коллекции представителей разных стран. Ряд молодых художников, таких, как представленный на выставке EXTENSION.KR художник Щин Гёнчхоль, продолжают традицию *тансэкхва*.

В 1980-х зародилось *минджун мисуль* (дословно — искусство народа) как реакция на *тансэкхва*, непонятное, по мнению сторонников *минджун мисуль*, обычному посетителю. Художники настаивали на том, что искусство должно реагировать на события, происходящие в современном обществе. Они открыто критиковали коррумпированное правительство и его политику, которая приводила не только к политической и экономической, но и культурной зависимости от США. Представители *минджун мисуль* стремились соединить традицию и современность, так жанровые сцены на злобу дня они выполняли в стиле буддийской и народной живописи. Это направление утратило актуальность в связи с курсом на демократизацию страны в 1990-х, хотя и сегодня из-за отдельных работ *минджун мисуль*, таких, например, как скандальное полотно Хон Сондама "Пак Кынхе, родившая Пак Чонхи" (2014), возникают споры.

В 1990-х была провозглашена политика глобализации. На первый план начали выходить молодые скульпторы и живописцы, восприимчивые к мировой культуре, предпочитающие индивидуальное, а не коллективное, и в гораздо меньшей степени ощущающие себя отделенными от международного мира искусства. Сегодня Республика Корея может похвастаться десятками авторов, входящих в списки самых влиятельных художников современности. Ли Буль, Ян Хэгю, Ким Суджа и другие активно выставляются в разных странах, за их творчеством следят международные арт-институции.

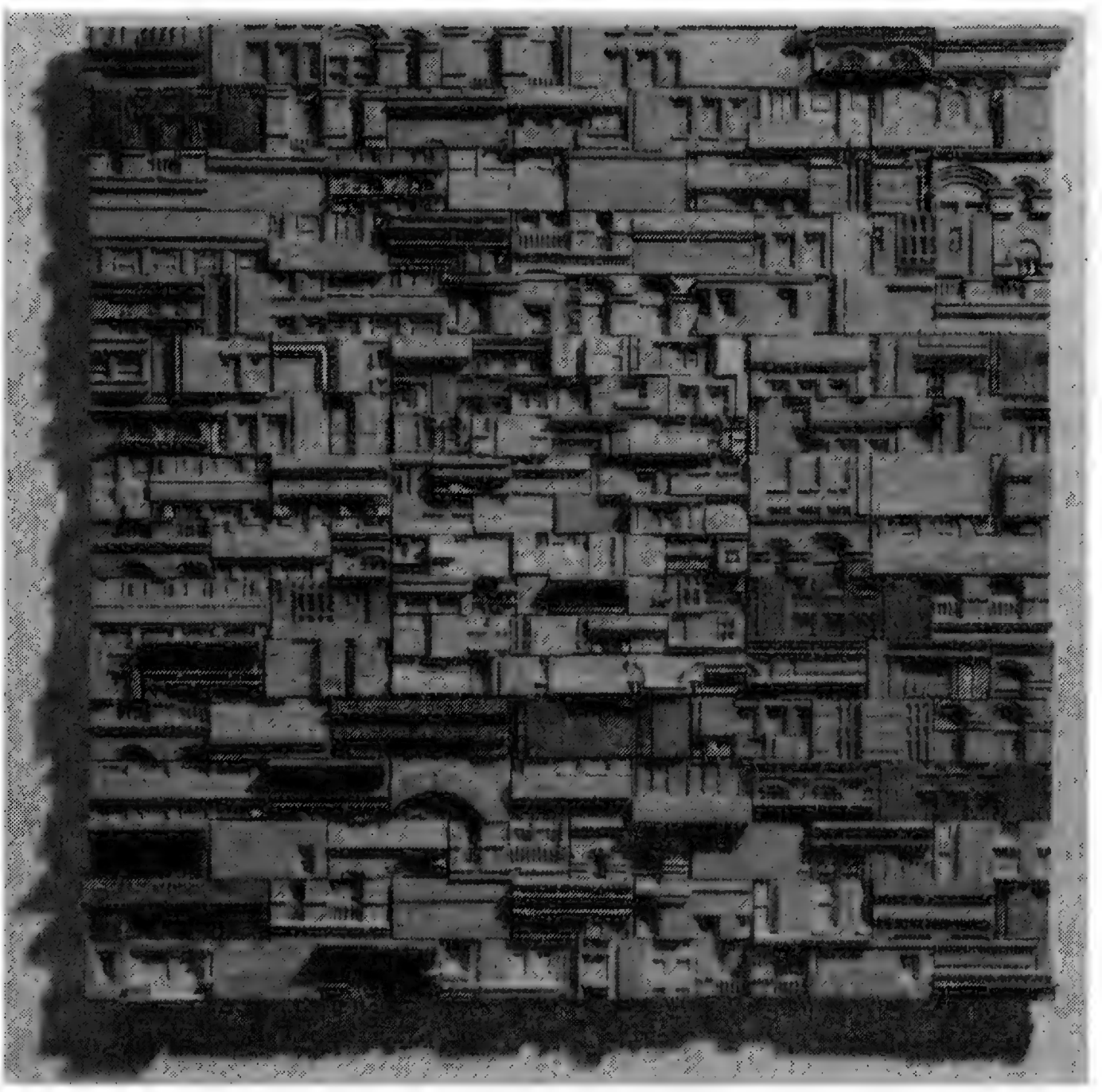
Мир современного корейского искусства — явление масштабное и бурно развивающееся. Южная Корея — лидер по количеству музеев современного искусства, их насчитывается сорок пять, а это — больше, чем в какой-либо из стран Европы или в США. Количество галерей по последним данным превышает четыре сотни. На территории Кореи ежегодно открываются несколько биеннале.

Выставка EXTENSION.KR. представляла собой некий срез того, что происходит сегодня в изобразительном искусстве Республики Корея. Правда, концептуальное искусство было показано здесь не так широко, однако формат галерейной выставки и не предполагает экспозицию трудных для восприятия произведений. В корейском искусстве, как, впрочем, и в искусстве многих стран, существует музейное (или биеннальное) и галерейное искусство. Музейные художники, работающие с всевозможными медиа, зачастую не выставляют свои работы в галереях, а галерейные художники, создающие в основном полотна, отличающиеся большой степенью декоративизма, нечасто попадают в музеи. Эти два мира и были представлены EXTENSION.KR. Объединяло же художников то, что все они — представители одного поколения, и каждый посвятил себя поиску своей темы и способу ее визуализации.

Наибольшее внимание публики привлекла скульптура "Розовые мечтатели" (2015) Чхве Суана. Скульптура представляет собой выполненные с фотографической точностью нежно обнявшиеся фигуры молодого человека и девушки, над головами которых клубится облако цвета фуксии, ассоциирующееся со взрывом вулкана или эмоций, переполняющих молодых влюбленных. По словам художника, "это работа о людях, которые прячутся от реальной действительности и создают свои собственные воображаемые миры. А воображаемый мир, затягивая в себя, все больше и больше разрастается, и в результате человек теряет связь с реальностью". Чхве Суан исследует человеческую природу, эмоции и подсознание людей, но ему интересны

и глобальные проблемы. Художник не стремится раскрывать некие черты, присущие исключительно корейцам, хотя и признает, что принадлежность к корейской культуре не может не отражаться в его произведениях.

Российский зритель проявил интерес и к архитектурным мозаикам Ким Сангюна, составленным из вылепленных из

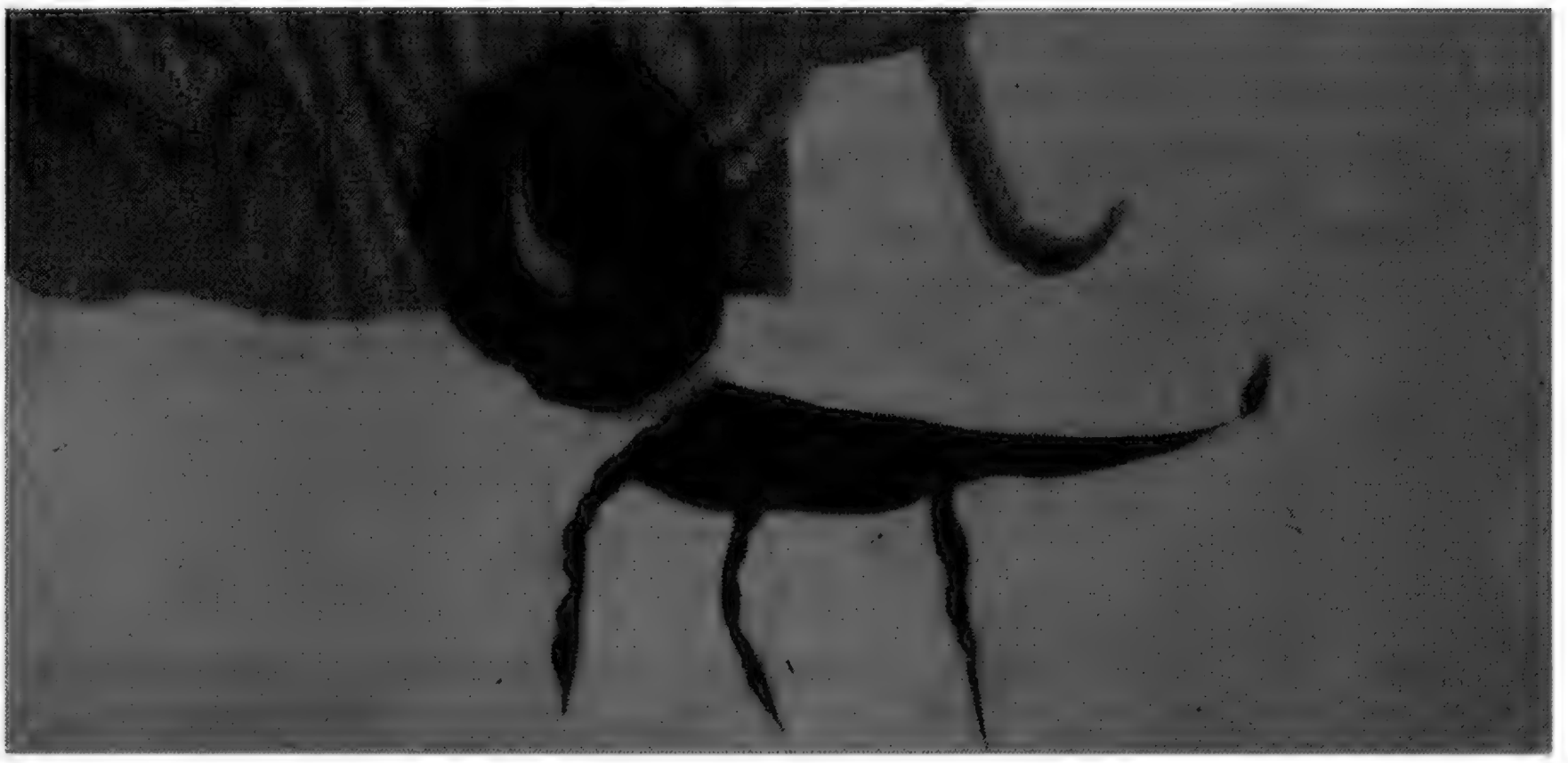


цемента деталей фасадов корейских зданий в стиле неоклассицизма, построенных в период японской оккупации. Эти здания, внешне ничем не отличающиеся от архитектурной застройки других стран, были лишены самобытности. Художник, наблюдая за тем, как легко Сеул подстраивается под мировые тенденции, превращаясь в гибрид функционализма и общемировых архитектурных тенденций, задает вопрос, чем отличается современный Сеул от города времен колонизации, не приводит ли глобализация к стиранию национального в культуре в целом. То есть, рассказывая о прошлом и настоящем Кореи, Ким Сангюн задает вопрос о ее будущем. Для автора колонизаторская политика в странах Восточной Азии в XIX и начале XX века сравнима с экспансией капитализма в XXI веке. Откликаясь на эту ключевую для современного мира тему, Ким Сангюн нашел свой способ визуализации, находящий отклик у зрителей.

Художница Чон Юнгён, которая живет и работает в Лондоне, предлагает свое видение проблемы гармоничного сосуществования человека и природы. Она создает гигантские

архитектурные произведения, вдохновленные современным ландшафтами разных стран. На почти монохромных крупных холстах изображены абстрактные пейзажи, состоящие из филигранно прорисованных элементов, похожих на листья деревьев, стебли растений или перья птиц, которые образуют обтекаемые или остроугольные формы, изысканно переплетающиеся или, наоборот, резко врезающиеся в друг друга. В этом, далеко не идеальном, мире причудливых форм все взаимосвязано — так размышляет автор о возможности сосуществования конфликтующих противоположных явлений в современном мире.

Работы художницы Хо Ынгён из серии “Тысяча глаз” и “Botanimal” (от “Botanic” и “Animals”), хотя и вписываются благодаря японскому аниме в представления европейцев об азиатской визуальной культуре, все же были для зрителя несколько неожиданными. Главная тема творчества Хо Ынгён — мутация. Экологическая обстановка, генетически модифицированные продукты сделали эволюционное развитие человека непредсказуемым. Беспокойство художницы относительно будущего человечества визуализировано в форме существ, похожих на биологических уродцев, одно из них —



ожившее растение, умеющее ходить, очень напоминает состоятельную даму, с жемчужным ожерельем на шее. Излучая доброту, эти создания не могут не пугать, поскольку являют собой-вариант врожденного физического уродства. Художница предлагает посетителю выставки вообразить, к чему может привести неразумное обращение с природой, как может выглядеть новый мир, в котором человеку придется продолжать существование. В серии "Тысяча глаз" автор размышляет и о современных стандартах красоты, о желании корейцев изменять свою внешность с помощью хирургических вмешательств — чтобы стать более похожим на навязываемый идеал красоты. Художница признается, что мечтает увидеть новый мир, где люди изменятся, будут счастливы, но, к сожалению, пока она видит только один вариант развития событий, где человеку придется за многое расплачиваться.

Отдельное место на выставке было отведено признанному в Азии скульптору Чхве Ураму. Его движущаяся скульптура под названием "Чакра 2552-а", спрятанная кураторами в дальнем затемненном углу подвального этажа галереи, была главным сюрпризом выставки. Скульптура состоит из металлических деталей, электронных элементов мотора и платы управления, при приближении человека она начинает двигаться. Зайдя в затемненную комнату, зритель мог пообщаться с оживающим на его глазах плавно раскрывающимся и закрывающимся, словно одушевленным, механизмом. Тема многих произведений Чхве Урама — "противостояние искусственного интеллекта и гуманистических ценностей", и, судя по его работам, автор не теряет веры в возможность гармоничного сосуществования человека с искусственным разумом.

Кураторам выставки было интересно, как молодые корейские художники решают проблему национальной самобытно-

сти и влияет ли отражение "корейскости" в их произведениях на их успешность. Опрос, проведенный среди художников — участников выставки, показал, что авторам в гораздо большей степени интересно "вникать в глобальные проблемы", говорить на общечеловеческие темы, нежели пытаться сформулировать особенности корейской идентичности, искать в себе нечто корейское.

Полемика относительно поиска истинного характера корейского искусства ведется еще с 1950-х годов, когда Корея только начала непосредственно осваивать тенденции западного искусства. Одни утверждали, что искусство должно отражать дух, эстетику, присущие корейскому народу, говоря, что только подлинно корейское может стать всемирно известным. Другие призывали не выпячивать самобытное, поскольку это может помешать современному искусству развиваться и интернационализироваться[1]. Сегодня многие художники и специалисты продолжают настаивать на необходимости создать "бренд корейского искусства", имеющего связь с традиционной эстетикой и мировоззрением, поскольку только так можно защитить корейское искусство от растворения в глобальном мире. Мировая конкуренция и успех соседей будит в корейцах желание заявить о себе в полный голос.

Все художники, которых показывала Республика Корея на протяжении последнего десятилетия в своем павильоне на биеннале в Венеции, не выпячивают национальный колорит, они в большой степени глобализированы, и темы их творчества универсальны. Южнокорейских художников объединяет желание заставить зрителя не понять умом — а именно прочувствовать произведение, дать возможность сознанию естественно, бессознательно отреагировать на увиденное. Вероятно, так они пытаются пробудить память о естественном, природном в человеке, о гармоничном сосуществовании человека и природы, что вполне можно рассматривать в рамках традиционной восточной философии, а можно понимать и как гуманистический призыв. Этого нельзя было не ощутить и в работах, экспонировавшихся в галерее "Триумф".

1. Ким Ённа. Становление современного изобразительного искусства Республики Корея. Каталог выставки: Современный калейдоскоп. Искусство Республики Корея сегодня. 2008. — С. 10—11.

Диана Григорьева
Кинематограф Южной Кореи в пяти портретах

Далеко ли до маяка? По краю моря, потускневшего в дождь, как стекло, мы движемся к маяку. Или не движемся? Дистанция. Маяк. Глухие дары неизвестного языка. Мы отдаляемся. “Вы не знаете, где тут маяк?” — проявляет туристический интерес Анна.

Картина режиссера Хон Сан Су “В другой стране” (2012) сложена из трех новелл, трех вариаций истории рыжеволосой Анны (Изабель Юппер), оказавшейся в приморском южнокорейском городке. Анна хочет найти главную достопримечательность этого места — маленький маяк, но прохожие не могут подсказать ей дорогу. “А что такое маяк?” — удивляются местные, не понимая чужого языка. “Вы живете в маяке?” — путаница в словах: на мгновение героиня становится идущей оттуда, ищущей что-то другое. Странная речь, как дикий зверь, — завораживает и пугает. Маяк остается местом, открывающимся Анне только во сне. В его ускользающем образе лежит основная для западного зрителя тайна восточной истории: разглядеть “маяк” можно лишь незамутненным взглядом, снять с себя панцирь туриста и пройти дорогу, как путешествие, — внимательно и трепетно.

Корейской культуре, почти всегда находившейся на перекрестке чужих влияний, лишь в конце XX века удалось выйти на международную арену. Начав путь с успешного подражания американской массовой продукции, постепенно изжив нарочитую экзотику и отвоевав собственную идентичность, корейская “новая волна” в наши дни представляет собой одно из интереснейших и противоречивых явлений в кинематографе, вобравшем в себя элементы европейской и американской, японской и китайской киноэстетики. Южнокорейские режиссеры чутко реагируют на процессы глобализации, вырабатывая свой собственный киноязык для показа человека, ищуще-

© Диана Григорьева, 2016

го коммуникацию в мультикультурном пространстве. В процессе непрерывного диалога с иными культурами формируется собственная сущность и идентичность корейской кинематографии.

Кодекс мести

В мае 2004 года малоизвестный на западе корейский режиссер Пак Чхан Ук неожиданно покоряет жюри Каннского кинофестиваля и получает Гран-при за драматический триллер "Олдбой". Кинокритики в восхищении, председатель жюри,

Кадр из фильма "Олдбой"

Кадр из фильма "Олдбой"

Квентин Тарантино, не скупится на комплименты, а Пак Чхан Ук везет домой награду, ставшую впоследствии первой ласточкой в череде громких международных успехов нового корейского кино.

В студенчестве Пак Чхан Ук изучает философию и эстетику в католическом университете Соган, увлекается фотографией, и только позднее — кинематографом. Долгие годы пишет сценарии и упорно осваивает профессию кинокритика. Везде добивается определенных успехов, но постепенно приходит к режиссуре. Как человек, знакомый с культурой других стран, Пак Чхан Ук охотно использует усвоенные им мелодраматические элементы американского и европейского кино. Тематика большинства его фильмов пронизана вопросами вины и мести, греха и расплаты. Рваный ритм японского комикса, наличие гэгов и черного юмора сближает его картины с произведениями таких мастеров постмодерна, как Квентин Тарантино и Роберт Родригес.

"Олдбой" — второй фильм "трилогии мести" Пак Чхан Ука. Первой же частью триптиха стала картина "Сочувствие

господину Месть" (2002). В ней режиссер сочетает социальные темы (ущемление прав рабочих, черный рынок продажи донорских органов, прессинг со стороны общества) с фабулой древнегреческой пьесы (ярко выраженная мифологичность — одно событие тянет за собой другое, разматывая бесконечный клубок рока), что, вместе с нарочитостью приемов и старательной эстетизацией каждого кадра, свидетельствует о постоянных поисках молодого режиссера, чьи художественные принципы еще не до конца окрепли. Уже в следующем своем фильме (покоривший Канны "Олдбой"), Пак Чхан Уку удастся обрести собственный язык, который будет признан во многом новаторским. В "Олдбое" успешно размываются границы между жанровым и авторским кино, что, скорее всего, и делает его популярным как у массового зрителя, так и у многих кинокритиков. Сюжет фильма основан на переработанных японских комиксах. Главный герой — крикливый пьяница и увалень О Дэ Су — после очередной попойки просыпается запертым в неизвестной квартире. Там он проводит следующие пятнадцать лет, глядя в телевизор и гадая, кто и за что мог с ним такое сотворить. Все это время герой внутренне крепнет, обрастает мускульной сталью и готовит свой побег, пока однажды утром не оказывается таинственно освобожденным.

Событийная канва раскручивается благодаря искусно вплетенному в сюжет архетипическому мотиву мести. Пак Чхан Ук следует классической драматургической схеме, сталкивая О Дэ Су с необычными обстоятельствами, которые возвышают рядовой характер персонажа до героического и открывают в нем невиданные доселе сверхспособности. Основным драматургическим звеном становится "событие", которое вырастает на противоборстве двух сил, "играющих" в паре друг с другом. Положительному герою противостоит обязательный антигерой, в данном фильме это Ли Во Джин, бывший одноклассник, который и начинает вендетту. Интересно, что в "Олдбое" положительные и отрицательные начала не закреплены за персонажами — по ходу повествования злодей оборачивается жертвой, а жертва — злодеем, антагонисты выступают "зеркалами" друг для друга, что в итоге приводит их к христианской идее всепрощения. Подобный сдвиг легко объяснить политеизмом, присущим корейскому обществу. Пак Чхан Ук, как и многие другие корейские режиссеры, показывает пространство, в котором герой действует в парадигме явно взаимосвязанных христианской и конфуцианской религий.

Шедевром боевой хореографии становится пятиминутная сцена драки О Дэ Су с охранниками тюрьмы, снятая одним дублем. Камера медленным трэвелингом движется вдоль коридора. Стиль съемки делает этот эпизод похожим на одномерную компьютерную игру, в которой картинка на экране еще не тождественна субъективному взгляду главного героя, а игрок остается в роли пассивного зрителя, обладающего крайне скудным набором возможностей: О Дэ Су идет вдоль фронтальной линии экрана — на пути его толпа, он должен всех победить, орудие — молоток, задача — следующий уровень (мести). Его движение — бесцельное в своей предопределенности, тонко изображенное предельно плавной для компьютерного персонажа пластикой. Удивительно, что именно этот эпизод вдруг обрастает философией и символикой: история человека, показанная безо всякого психологизма, достигает масштаба трагедии целой страны, униженной бременем чужой культуры и стремящейся освободиться. Однако Пак Чхан Ук быстро снимает возникший пафос, помещая на финишную прямую эпизода очередной гэг.

Влияние эстетики компьютерных игр можно заметить не только в изобразительном плане описанной сцены, но и в общей событийной линии фильма, где на всех этапах прослеживается нарастание бессмысленной жестокости. Чрезмерная драматизация фабулы, резкие скачки от мелодраматизма к суровому фатализму в “Олдбое” становятся частью продуманной схемы и основным художественным принципом Пак Чхан Ука. Главная его цель — воздействовать на зрителя всеми возможными способами. Зритель же охотно реагирует на режиссерские раздражители. Пак Чхан Ук умело использует многожанровые структуры, выстраивая повествование одновременно по законам комиксов, мелодрамы, американского вестерна и, как мы уже отмечали, античной трагедии. В сюжетном каркасе его основной трилогии прослеживается идея всемогущего рока и неспособности человека избежать предписанного свыше. Натуралистичные сцены с отрезанием языка, выдергиванием зубов плоскогубцами, простреливанием конечностей, вызывающие у зрителя ужас и отвращение, — это укрупненные, приближенные этапы умирания, методичные шаги самой смерти, выступающей как смиряющая волю неизбежность. Судьба, составленная из ран, монтаж неумолимых увечий, каждое из которых не фатально, но, наносимое и демонстрируемое чуть дольше, чем может его выдержать взгляд, сокращает и без того краткую (уже неза-

метную для камеры) секунду общего знаменателя. Не близкий ли этому обычай можно встретить в китайской культуре, долгое время оказывавшей большое влияние на Корею? К примеру, практика Линчи, также известная как "смерть от тысячи порезов", состояла в том, что преступника привязывали к кресту и медленно отрезали от его тела по кусочку. Подобные пытки просуществовали до начала XX века.

В заключительном фильме трилогии – "Сочувствие госпоже Месть" (2005) – Пак Чхан Ук ставит в центр своего "кинематографического вихря" женщину. Красивая Кимджи выходит из тюрьмы, где просидела тринадцать лет за преступление, которое не совершала. На свободе у нее две мотивации – отомстить и вернуть похищенную дочь. Повествовательная структура фильма вновь изобилует шарадами и сюжетными лабиринтами, жестокими сценами пыток и убийств. В структуру фильма Пак Чхан Ук добавляет элементы, присущие видеоэстетике: предыстория трагедии снята как телевизионный репортаж. Режиссер вообще очень любит экспериментировать, так в 2010 году он вместе со своим родным братом, известным медиахудожником Пак Чхан Кёном, снял комедийную хоррор-сказку "Ночная рыбалка", которая стала первой в мире картиной, созданной на четвертый iPhone, и даже получила приз за лучший короткометражный фильм на Берлинском кинофестивале.

Параллельно постоянным творческим мотивом Пак Чхан Ука в последней части трилогии возникает важная тема "чужого языка". Дочь главной героини, во время отсутствия матери воспитывавшаяся австралийской парой, разговаривает только на английском. Начинаются трудности коммуникации между матерью и ребенком. Симптоматично, что антагонистом в фильме является вполне рядовой учитель английского, который еще и оказывается педофилом (то есть, фактически, персонажем современного европейского кино, немало способствующего тому, чтобы данное отклонение заняло место в иерархии типичного экранного зла). Таким образом Пак Чхан Ук наполняет пространство фильма не только диалогом Востока и Запада, но и угрожающими "межкультурными объятиями", в ходе которых, вместе со взаимопроникновением ментальных традиций и языковых пластов, происходит болезненное слияние теневых сторон различных культур в едином поле картины. Режиссер дает нам понять, что мы живем в мире стихий, отвечающих на любое, пусть даже самое малое, наше допущение, всегда одним и тем же способом: "Теперь доступно все!".

Если в европейском обществе обыкновенного человека попросить вспомнить, кто его главный враг, он вряд ли сможет провести какую-либо персонификацию – в ответ, скорее, возникнет "образ врага". Или же враг подменится категорией "враждебность", которая действительно может возникать по отношению к конкретным лицам, однако носит или мимолетный характер, или же относится к более общим явлениям – идеологии, религии, природным факторам. Подобный современный образ обладает неопределенностью, связанной с равной доступностью и возможностью любого врага, с отсутствием нацеленности и персональности во вражде. Пак Чхан Ук демонстрирует нам общество, живущее в современном мире, но по законам архаики, где враг всегда конкретен и персонифицирован, враг тот, от кого исходит смертельная угроза. У отца, потерявшего дочь, враг глухонемой Рю; у О Дэ Су враг Ли Во Джин, потому что тот лишил его пятнадцати лет жизни, а у Ли Во Джина – О Дэ Су, который по невежеству распространил губительный слух про его сестру (враги всегда взаимно отражаются), а Гым Чжа Ли будет мстить человеку, забравшему у нее ребенка... И камера Пак Чхан Ука этого не пропустит.

Тень Ким Ки Дука

Наверное, не найти более шокирующего и противоречивого режиссера в корейском кинематографе, чем Ким Ки Дук. Он всегда разный и не всегда любимый. Часто – в образе изгоя и аутсайдера, без видимых на то причин. Европейские фестивали одаряют его наградами, зарубежная публика признается в любви, но на родине он так и остался белой вороной. Творческие правила Ким Ки Дука не поддаются четкому определению, они текучие и изменчивые, порой парадоксальные. Находясь в постоянной борьбе за собственную идентичность, Ким в то же время излишне беспокоится о признании зарубежными коллегами, может быть, еще и поэтому в его фильмах постоянно смещаются жанровые и стилевые акценты: от яростного морализаторства и жесткого концентрированного повествования до молчаливой полудокументальной притчи, от биения страстей до чистой созерцательности.

Ким Ки Дук увлекался живописью и даже проучился несколько лет в Париже, изучая изящные искусства, много путешествовал, писал масляными красками, но успеха на этом поприще так и не добился. Постепенно его начинает интересовать кинематограф, и уже в 1996 году, не имея никакого

профильного образования, режиссер снимает свою первую ленту “Крокодил”, а за ней еще несколько фильмов, однако мировое признание приходит лишь через несколько лет с картиной “Остров” (2000).

Не скрывающий, но удерживающий в себе человека пейзаж: тихая гладь воды, рыбацкие домики, уснувшие в густом тумане... Камера неспешно прокрадывается к одному из них. В первых же кадрах различимы основные изобразительные мотивы азиатской живописи. То, что Ким Ки Дуку не удается нарисовать красками, репрезентируется камерой, которая почти не покидает водную гладь, передвигаясь от одного плавучего домика к другому. Суши нет. Бóльшая часть фильма проходит в тишине, герои почти не разговаривают, но в общем молчании проявляются черты страстной и болезненной

Кадр из фильма “Весна, лето, осень, зима... и снова весна”

связи между загадочной Хви Джин и бывшим полицейским, убившим свою жену. Днем девушка продает рыбакам еду, а вечером — свое тело. Разрушительные, шокирующие отношения, в которых изощренные перверсии (чего стоят только рыболовные крючки, вонзающиеся во внутренние органы дрожащей человеческой плоти) выталкивают человека далеко за пределы человечного, разворачиваются в незыблемости величественного пейзажа. Поэтому утверждение о том, что “Остров” — фильм более о природе, нежели о человеке, является лишь преамбулой к вопросу, каково это — самоуничтожаться в столь чуждом пространстве, которое с исступленным отстранением и ледяной заботой, вопреки человеческому желанию, сохраняет тебя в себе? Театр жестокости и любви разворачивается на поверхности, и кровь масляной пленкой лишь растекается по водной глади, не нарушая глубины.

Второй, после природы, главный герой фильмов Ким Ки Дука — отшельник, чудак, человек, потерявший свое место в социуме и находящийся с ним в долгом конфликте — альтер

эго самого режиссера. Любой значительный контакт, будь это привязанность или любовь, в конечном счете приносит ему боль и мучительную пустоту. Фильм "Весна, лето, осень, зима... и снова весна" (2003) можно назвать одним из самых автобиографичных в творчестве режиссера, здесь он даже самолично появляется на экране. Изобразительный ряд картины пронизан красотой и метафизикой. Сначала мы видим юного монаха, плещущегося в горной речке. Прозрачная вода влечет его живой и подвижной природой. Малыш подбирает камушки и привязывает один к рыбе, другой — к лягушке, а третий — к змее, наблюдая, как животные с огромным трудом их тащат. Их усилия невероятно смешны, потому что тащить камень всегда неловко, тяжело и больно, но малыш уходит раньше, чем наступает боль. Боль настигнет его утром. Он проснется с тяжелым сердцем.

Уже в последней части фильма мы увидим, как взрослый, потрепанный жизнью, герой взбирается на гору, держа в руках статуэтку Будды. Позади него волочится все тот же камень... Выросшего монаха играет сам Ким Ки Дук, поэтому сцену можно воспринимать вполне символично: тяжкая ноша художника, отстаивающего важнейшее право на самобытность. По дороге герой падает, поднимается, скатывается вниз, стирает ноги в кровь, но все-таки добирается до вершины.

Теперь мы наблюдаем этот эпизод на мониторе компьютера — Ким Ки Дук пересматривает свой фильм. Это уже 2011 год. Опустошенный и потерянный, он снимает исповедальный дневник "Ариран" на границе документального и игрового жанров, превращая его в личную встречу с прошлым, в главное рандеву и партнерство — с камерой. Мы неслучайно упоминаем эти два фильма — "Весна, лето..." и "Ариран" — в связке. Они выступают резонаторами в творчестве Ким Ки Дука, если бы не было первого — не появился бы и второй. Обе картины в насыщенном пути художника играют роль паузы, передышки бегуна перед новым забегом за зрительским вниманием. Они далеки от экспортной экзотики и лишены привычных для режиссера сцен насилия и жестокости — все это в избытке наличествует в "Острове", "Плохом парне" (2001), "Береговой охране" (2002) и т. д. В дневниковом "Ариране" Ким предстает человеком, желающим примириться не только с окружающем миром, но и с самим собой. Совсем скоро за эту картину он получит премию в каннской программе "Особый взгляд", еще чуть-чуть останется до самой важной награды южнокорейского кино — "Золотого льва" Венецианского кинофестиваля за фильм "Пьета", но сейчас, в 2011-м, Ким переживает творческий и личностный

кризис. Активный период творчества сменяется оцепенением, и вот уже три года режиссер пребывает в мучительных думах.

Захламленный дом, облезлая кошка, самодельные агрегаты функционируют, фрукты и овощи киснут на подоконнике. Ким Ки Дук разговаривает с собственной тенью и с собственными призраками, фиксируя показательный сеанс психотерапии, выговаривая свою нерешительность, слабость и уныние. "Меня печалит и мучает то, что я снимаю фильмы. Надо ли мне продолжать снимать фильмы? Что такое фильмы?" Его мучает природа кино, его мучает язык смерти, но больше всего его мучает он сам. Ценят ли его по-настоящему в родной Корее или просто поощряют за "прославление корейской самобытности" на Западе? Есть ли вообще в его картинах отражение "истинной культуры"? А что, если это все вымысел, удобно выбранная форма для получения одобрения со стороны публики? Кровь, месть, жестокость, изощренные убийства, нетрадиционный секс — вот из чего сложена страна Ким Ки Дука на экране. Но и смирение, самоотречение, незыблемое величие природы, тяжкий жизненный круг человека, несущего камень, и невыносимая скорбь народной песни Ариран — это тоже она — в вечном противоречии и поиске собственного языка.

В "Ариране" наряду с насыщенными фабульными эпизодами присутствуют сцены неподвижные, где камера лишь созерцает банальность каждодневного быта при отсутствии события. В финале фильма Ким Ки Дук уничтожает своих обидчиков, а затем убивает себя, — заменяя бессобытийный нарратив активным действием, он неожиданно выходит из пространства "неигрового" на территорию вымышленного. Реальность, с которой он усиленно хотел совладать, неумолимо высвобождается из-под контроля. Остается только подчинить ее воображаемый пласт, то есть снова начать конструировать, чтобы стать властителем созданной проекции. Смерть здесь звучит естественной метафорой, она сообщает нам о перерождении режиссера, избавляющегося от сомнений и нерешительности. Здесь радикализм Ким Ки Дука кажется вынужденной, обратной стороной его личности, которая существует только для того, чтобы, подобно его героям — аутсайдерам и одиночкам, наладить хоть какой-то контакт с окружающим миром. Рандеву Ким Ки Дука с собственной камерой не решает персональных проблем режиссера, но помогает их четко обозначить.

После откровения, запечатленного в ленте "Ариран", Ким Ки Дук возвращается к своему привычному агрессивному повествованию, изобилующему шоковыми аттракциона-

ми и маньеризмом, и вновь погружается в добровольную и приятную личную тюрьму, выходить из которой, как оказалось, бывает очень полезно.

Говоря о Ким Ки Дуке, нельзя не упомянуть еще об одном южнокорейском мастере – Им Квон Тэке, – на счету которого уже около ста картин. Широкому международному зрителю режиссер стал известен сравнительно недавно, хотя его можно было бы по праву назвать отцом корейской "новой волны". Сам Ким Ки Дук, не раз заявлявший о большом влиянии, которое оказало на него творчество старшего коллеги, получая награду Венецианского кинофестиваля, произнес, указывая на Им Квон Тэка: "Вот кому вы должны вручить этот приз!".

Фильмы Им Квон Тэка чрезвычайно важны для возрождения самобытности корейской культуры. Во многие его картины "Сопхенчже" (1993), "Повесть о Чхунхян" (1999), "Тысячелетний журавль" (2007), в структуру фильма в качестве основного формо- и сюжетообразующего элемента вводится балладное пение пхансори, которое оказалось забытым в глобализирующемся корейском обществе. История, рассказанная в картине "Повесть о Чхунхян", начинается в театральном зале. На сцене корейский артист поет пхансори, песню о героической девушке, которая ради верности любимому испытывает муки, посылаемые ей новым градоправителем. В тот момент, когда действие доходит до кульминационной точки, голос певца достигает особого напряжения, и, благодаря изменению в манере исполнения, оно с большей силой передается зрителю. Сам Им Квон Тэк неоднократно отмечал, что диалоги в некоторых его фильмах специально выстраиваются под повествовательную структуру пхансори, а слова героев зачастую совпадают с текстом льющейся песни. Пхансори – это древний жанр корейской музыки, которую исполняют два человека – певец и барабанщик. Одна из составных частей слова – "сори" – значит "звук", другая – "пхан" – "место сбора людей". Пхансори не может существовать без слушателя. В культурно-историческом контексте сюжеты пхансори, передаваемые из поколения в поколение разными исполнителями, являют собой мифы. Легенда, содержащаяся в пхансори, всегда сообщается слушателю с помощью певца, который, во-первых, привносит в нее современное видение истории и, во-вторых, несколько ви́доизменяет ее элементы в соответствии с чертами своего характера и темперамента. С привлечением пхансори в кино произошло существенное изменение в технике передачи истории и, соответственно, во влиянии ее на

воспринимающего. Им Квон Тэк, материализовав обряд на кинопленке, сделал тем самым его уловимым, запечатленным и законсервированным в своем сюжете и форме. Сложно прогнозировать, как скажется на древнем искусстве утрата нематериальности, присущей жанру при передаче из уст в уста, но факт возрожденной популярности пхансори в современной Корее дает надежду, что обряд выдержит и такую проверку на прочность.

В творчестве Им Квон Тэка отражается и политеизм, который совсем не чужд корейскому обществу. Иногда, как например, в "Повести о Чхунхян" или в "Торжестве", различные конфессии сталкиваются и противоречат друг другу, вступая в спор. Такова сложная история государства, жители которого в разные эпохи ощущали на себе сильнейшее влияние различных религий. В XX веке, во время оккупации Кореи Японией, – это синтоизм, ранее – конфуцианство, в традициях которого воспитывали самого Им Квон Тэка, а также буддизм, шаманизм и христианство. Но главное в фильмах корейского мастера – не то, какую веру исповедуют герои, а сам процесс поисков внутренней Истины с помощью религии.

В творчестве Им Квон Тэка возникает тема копии – одновременно традиционная и болезненная для корейской культуры. В фильме "Штрихи огня" (2002) Им Квон Тэк рассказывает о судьбе талантливого художника, выросшего в бедной семье и взятого в ученичество к знаменитому живописцу. Изначально О Вон только копирует известную живопись. Для корейской элиты, в том числе и творческой, на протяжении двух тысяч лет референтной была классическая китайская культура. Правильно выведенный иероглиф считался верхом совершенства, а вот добавление в традиционную форму лишних штрихов не приветствовалось. Герой "Штрихов огня", нарисовав однажды пальцами в состоянии опьянения нечто доселе невиданное, не похожее ни на один канон, открывает новый стиль в корейском изобразительном искусстве. Отбросив кисть-проводник, прикоснувшись к поверхности холста напрямую, своей плотью, О Вон сумел выразить собственное понимание мира. Большинство исследователей в образе О Вона улавливают автопортрет самого Им Квон Тэка. Действительно, режиссер начинал с копирования известных стилей, на заре своей карьеры снимая преимущественно фильмы в жанре "action". Интересно, что, пройдя схожий со своим персонажем путь от воспроизведения образцов чужого творчества до обретения яркой самобытности, Им Квон Тэк словно "продвинулся" с Запада на Восток (влияние Гол-

ливуда сменилось погружением в национальную культуру Кореи), что прямо противоположно направлению движения О Вона, героя "Штрихов огня", — от идеально точного копирования, присущего жанрам восточных культур, до почти модернистского, западного ниспровержения традиций.

Кино без интриги

Одни называют его корейским Эриком Ромером, другие видят в его фильмах ироничность Вуди Алена, а третьи считают Хон Сан Су главным режиссером современности, ниспровергающим все каноны киноязыка.

Свою молодость Хон Сан Су провел во французской синематеке, впитывая чарующие кинообразы прошлого. Его фильмы — тихие и застенчивые, где главными темами выступают запутанные и эмоциональные человеческие отношения. При скупости художественного языка, картины имеют изящную, затейливую структуру, основанную на повторах, отражениях, сюжетных расслоениях, пересечениях и раздвоениях. В них много курят, пьют и говорят. Сюжеты кажутся простыми и повседневными, словно истории, подслушанные в кафе и записанные на салфетке, однако именно это наделяет их неповторимой легкостью и точным, сложным реализмом. Многие критики называют Хон Сан Су новатором, причисляя к великим, но при этом формальная скромность его фильмов словно сторонится подобных определений, боясь потерять тайну и очарование.

Режиссер снимает по несколько фильмов в год, начиная с 1996-го. Хон Сан Су склонен к аскетизму и единообразию формы: фиксированная фронтальная камера, консервативный монтаж, небольшой бюджет. В арсенале единственный эффектный прием — устаревший ретрозум. Но при отсутствии каких-либо других изысков, зум "укалывает", создает тревожное поле. Из формальной аскезы рождается чувствительный жест. Фронтальная камера снимает персонажей, сидящих напротив друг друга за столом. Они пьют, едят и болтают о всяких пустяках. Сцена длится долго и уютно-монотонно, пока резкий скачок (зум) слегка не приближает к нам героев. В их беседе не случается ни переломного момента, ни внезапного молчания, ни специально маркированного жеста — разговор продолжается в том же ключе... Но у зрителя возникает чувство, будто в самом времени повествования возникает некая "запятая", едва уловимая пауза, которая иг-

рает роль случайного "укола". И если насторожиться и присмотреться, то становится заметно, что полифоничная структура произведений Хон Сан Су содержит в себе не только формальные, но и смысловые "пустые промежутки" — необоснованные "торможения" истории, заурядные ситуации, которые легко принять за начало значимого сюжетного ответвления. Но ни один из таких моментов не становится чем-то действительно важным и почти не влияет на персонажей.

Хон Сан Су признается, что ленив, поэтому сценариев, как таковых, не пишет — существует лишь абрис и идея. Зачастую актеры до утра съемочного дня не знают, о чем будет сцена, а многочисленные эпизоды пьяных посиделок снимаются действительно подшофе. Однако за импровизационной легкостью стоит строгий инструктаж режиссера, под чьим контролем находится не только актерская выразительность, но и последующий монтаж. Часто именно на последней стадии выстраивается та самая ювелирная архитектоника фильма. Хон Сан Су использует прием дедраматизации сюжета, отказываясь от любых искусственных препятствий, придуманной интриги, таинственного "бога из машины" и прочих вмешательств в естественный ход повествования. Персонажи взяты из среды, знакомой Хон Сан Су не понаслышке — творческая молодежь и интеллигенция, малоизвестные режиссеры, кинокритики, инфантильные художники, — даже тут он ничего не придумывает.

В фильмах Хон Сан Су особое значение имеет место действия. Раз за разом герои возвращаются в одни и те же, но лишенные постоянных координат, пространства. Четыре-пять готовых декораций: кафе, еще одно кафе, дешевый номер в отеле да лавочка в парке. Зритель редко видит персонажей в их собственных квартирах, в большинстве случаев они довольствуются комнатенкой на ночь — съемным жилищем, пустым и неуютным. В фильме "Женщина — это будущее мужчины" (2004) молодой преподаватель встречает своего друга, только что вернувшегося из Америки. На улицы Сеула крупными хлопьями падает снег, начинающий режиссер долго ищет нужный дом, но, когда находит, хозяин вежливо приглашает его в ближайшее кафе... Хон Сан Су постоянно уводит нас от личного пространства персонажей в пространство общественное. В фильме "Холм свободы" (2014) главный герой попадает в квартиру своей новой знакомой, но после ночной близости с ней, наутро, оказывается запертым в ванной. Уютный дом отторгает посторонних (это прямая противоположность чужим и отстраненным от людей, но цепким и не выпускающим героев

пейзажам Ким Ки Дука). Персонажи Хон Сан Су останавливаются за шаг до двери — дальше их не пускают. Возможно, здесь проявляется и нежелание режиссера вводить человека в пространство, отдавать его месту. Показывая тонкие внутренние переживания своих героев в людных общественных местах, он наделяет определенной топографией саму личность, мастерски двигаясь в ней, как в пространстве, приближаясь, удаляясь, кружа и не переступая черту. Подобное деликатное отношение к человеку словно позаимствовано из классического документального кино, когда перед режиссером еще стояла этическая проблема: "А имею ли я право это показывать?".

Фильмография Хон Сан Су — длинная кинематографическая фраза, не имеющая начала и не ищущая конца. В любом следующем эпизоде непременно возникнет еще одно кафе, гостиничный номер, бар-караоке или пустая ночная улица — ведь их миллионы... Всякая жизнь не поддается предельному рассмотрению. Свершающееся не монолитно, ибо разбито на бесконечное число вариаций, которыми себя преподносит, сама его природа позволяет не соответствовать единственной линии развития сюжета. Можно ли увидеть в таком понимании реальности особенности именно азиатской культуры? Полифония фильмов Хон Сан Су снова отсылает нас к языку корейской песни пхансори. Эпизоды жизненных перипетий героев словно передаются из уст в уста, как та самая изменчивая пхансори, постепенно окрашивающая историю новыми красками и облекающая в новые смыслы. Подобную форму Хон Сан Су использует и в картине "Хахаха" (2010), победившей на Каннском кинофестивале в номинации "Особый взгляд".

Двое друзей встречаются за прощальным застольем: один из них надолго покидает родной Сеул. Во время разговора выясняется, что недавно они практически в одно время отдыхали в небольшом прибрежном городке. Друзья делятся воспоминаниями о путешествии, даже не подозревая, что на протяжении своих каникул посещали одни и те же места и пересекались с одними и теми же людьми. Похожую объемно-вариативную структуру Хон Сан Су выстраивает и в других своих фильмах. В "Прямо сейчас, а не после" (2015) реальность раздваивается — одна история подается зрителю несколько раз, а ракурсы повествования немного сдвигаются, обнаруживая иные возможности сюжета. В картине "Холм свободы" повествование складывается из эпизодов "перепутанных писем", поэтому временная последовательность событий также полностью нарушена. Фильм "День, когда он пришел" (2011) вообще превращается в бесконечный "день сурка". Режиссер вы-

страивает царство космических неслучайностей, которые пересекаются по недоступным нам законам.

В таинственной геометрии фильмов Хон Сан Су обнаруживаются также пустоты, возникающие между главными звеньями его системы — людьми. Режиссера интересует не сама природа этих лакун (ведь она, как и законы причинно-следственных связей, не поддается расшифровке), а ситуации, способствующие их зарождению. Персонажи Хон Сан Су постоянно нуждаются в диалоге. Если говорить не с кем, то герои пишут дневники, письма или сценарии. Если напротив героя оказывается пустой стул, то он обязательно пересядет туда, где людно. Но не любая коммуникация залатывает внутренние лакуны, чаще наоборот — именно во взаимодействии с Другим рождаются новые пробелы. Вспомним один из эпизодов фильма "Наша Сунхи" (2013): сырая ночь, улица подсвечена вывесками, влюбленные держатся друг за друга, чтобы не упасть, стоя под зонтом перед Его домом... И вдруг Она: "Я не так уж и пьяна, иди..." И уходит, пошатываясь, в темноту. Как только наступило сближение, так снова, моментально, "пространственный разрыв". Такими "зазорами" сшиты все истории.

Фильмы Хон Сан Су избавлены от доминирования живописного, их главным элементом становится живое слово, уходящее в традицию независимого жанра "мамблкор", корни которого можно искать во французской "новой волне". Впрочем, и в корейской культуре можно обнаружить весьма популярное течение "дорама", сериальный жанр, знаменитый своим естественным и реалистичным подходом к демонстрации истории. В Южной Корее все больше появляется приверженцев "разговорного" жанра. Так, на прошедшем в июне 38-м Московском кинофестивале картина корейского режиссера Ким Чжон Квана "Худшая из женщин" (2016) получила престижный приз ФИПРЕССИ. Минималистичный по форме, выполненный в жанре "прогулки", фильм изобилует долгими и естественными диалогами между героями и является продолжением той реалистичной линии корейского кинематографа, во главе которой стоит Хон Сан Су.

Хон Сан Су увлекает зрителя магией повседневности в регулярном круговороте жизни, и никто не удивится, если в каком-нибудь следующем его фильме Сунхи снова исчезнет, Юн Хи Чжон полюбит, Хэвон уснет, Кван перепутает письма, а Тон Су никогда не снимет хорошего фильма... Со временем Хон Сан Су, в отличие от "сложного" Ким Ки Дука, все более вытесняет из своих фильмов мрачные обертона, одновременно упрощая структуру и драматическую основу. Возможно, од-

нажды его историям даже не понадобится кинокамера, а для запечатления будет достаточно только зрительских глаз, здесь и сейчас.

Тайное сияние

Почему умирает поэзия?
Потому что умирает память?
Или куда-то уходят слова?

Писатель и учитель словесности, бывший министр культуры и туризма Южной Кореи Ли Чхан Дон — один из самых чутких авторов современного кинематографа. Мировой зритель впервые познакомился с его творчеством благодаря волнующей драме "Оазис", отмеченной несколькими наградами Венецианского кинофестиваля. В ней рассказывается о любви блаженного уголовника, только что вышедшего из тюрьмы, и девушки, страдающей церебральным параличом. Фильм вышел в 2002 году и на волне популярности Ким Ки Дука и Пак Чхан Ука многими воспринялся как продолжение линии "азиатского экстрима" с обязательными визуальными ударами, эпатажем, спекуляциями на тему человеческого уродства и прочими, уже растиражированными, приемами и темами. Однако на поверку картина оказалась совершенно не об этом...

Некоторые сцены "Оазиса" и правда шокируют — насильственная попытка первой близости, искаженное болезнью лицо и скрюченное в жгут тело главной героини... Но если в первой половине фильма это может вызвать неудобство и неприязнь, то после сближения персонажей происходит чудесное разрушение всех стереотипов восприятия — общественного и зрительского. Режиссер постепенно приглушает драматические нотки истории, добавляя ей трагикомического шарма. Влюбленную пару практически не волнует, что общество их отвергает, им вполне достаточно друг друга и своего маленького мира — квартирки со старым ковриком на стене, где изображен Оазис, их собственный рай. Одновременно с натуралистичными сценами в картине есть место для поэзии, достигаемой изобразительными средствами света и тени — так, в красивейшем эпизоде фильма, девушка зеркальцем ловит солнечные лучи, превращая их в стайку белых светящихся бабочек.

Ли Чхан Дона волнует удивительное в повседневном, красота в уродстве, поэзия в обыденности. Другой свой фильм он так и назовет — "Поэзия" (2010). Миджа (очень популярная в

Кадр из фильма "Поэзия". Популярная корейская актриса Юн Чжон Хи в роли Миджи

прошлом корейская актриса Юн Чжон Хи) — пожилая кореянка, любящая цветы и красивые наряды, вдруг обнаруживает, что забывает существительные. Выясняется, что у нее начинается болезнь Альцгеймера. Также женщина узнает, что ее внук с друзьями виновны в самоубийстве одноклассницы. Однако невыносимым последнее обстоятельство делают вовсе не подробности случившегося (внук с пятью другими учениками в течение полугода насиловали школьницу), а растворение трагедии в будничной рутине жизни. Ли Чхан Дон показывает, как страшное происшествие ничего не меняет в общем ходе вещей — внук смотрит за завтраком любимую телепередачу, родители учеников, надругавшихся над девочкой, как ни в чем не бывало трапезничают и выпивают, лениво разрабатывая план сокрытия преступления, а в кружок поэзии набираются новые слушатели.

Когда семантическая память начинает разрушаться, героине дается шанс постигнуть новый язык — наджизненный и надсобытийный. Она записывается на курсы поэзии в местный Дом культуры. Поэзия — это всегда иной опыт языка и постижения мира. Учитель на курсах долго рассказывает об особом видении предметов, слов и образов. "Сколько раз в жизни вы видели яблоки? Тысячу? Десять тысяч? Миллион? Неправильно. Вы никогда прежде не видели яблока. Ни разу". В том, как понимает поэзию учитель, есть много от восприятия живописи художником. Мож-

Кадр из фильма "Поэзия" Ли Чан Дона

но вспомнить об опыте Сезанна, пытавшегося всю жизнь освободиться от штампов. Не стремясь намеренно их опровергнуть, но войдя внутрь предмета, в его суть, и медленно, вкрадчиво добывая нужный мазок постижения, художник все-таки пришел к некоторому освобождению, однако, как пишет Д. Г. Лоуренс: "После сорокалетней ожесточенной борьбы ему удалось до конца постичь одно яблоко, одну-две вазы. Не более того. Это кажется пустяком, и он умер, полный горечи"[1]. Именно в интуитивном познании реальности кроется возможность постижения вещей, находящихся за пределами нашего опыта. На мгновение забывая про трагедию, выходя из ее поля и оборачивая взгляд на красоту созревшего абрикоса, который "...бросается на землю, где его давят и топчут ради его следующей жизни", Миджа словно упорядочивает и возмещает разрывы, образовавшиеся между человеком и повседневностью вследствие произошедшего. Неподвижность природы по отношению к человеческому миру, ее регулярность и постоянство в сознании Миджа словно стягивают и заживляют эти раны-прорехи. Женщина находит спелый абрикос, когда идет навестить мать погибшей школьницы, и при встрече не вспоминает о смерти как о причине своего прихода, не извиняется и не вымаливает прощения, а щедро делится счастьем от испытанного ею опыта познания плода, на миг заставив безутешную позабыть о трагедии. Миджа в первый раз по-настоящему *видит* абрикос. И стихотворение в ее сознании распускается, как недоступный описанию, осязанию, осознанию и, в конечном счете, состраданию цветок — сначала запахами, потом цветом. Он сам — и описание, и осязание, и осознание, и сострадание, и в нем, как в настоящем поэтическом голосе легко уловить акцент смерти. Для этого Мидже достаточно ощутить все пространство вокруг как кенотаф погибшей девочки, и тогда каждый его элемент начнет говорить голосом ушедшей. Женщина пишет стихотворение единственным выразимым языком — языком погибшей Агнес.

Ли Чхан Дона можно было бы назвать очень европейским режиссером, однако он не придумывает истории на "экспорт" и не эпатирует зрителя восточной экзотикой, как это делают многие его коллеги, а, наоборот, фантастически растворяет элементы западной культуры в восточном простран-

1. Ж. Делёз. Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения. — СПб.: Machina, 2011. — С. 96.

стве, наполняя изобразительный язык фильмов особой неповторимой чувственностью.

Мы подходим к финалу. Растворились в памяти Миджи существительные — электричество и автовокзал, дочь и внук, и маленькая квартирка, и цветы, что пахли с балкона, и сухое тело парализованного старика... Но вот они, все еще здесь — вкус упавшего абрикоса, шелест дерева, которое разглядывала когда-то, цвет дороги, где играла в бадминтон, тень остановки, где ждала автобуса, запах школьного двора — пора прощаться, — мост, река и тот же, повторенный, полумертвый, полуживой взгляд сверху вниз, и дальше — по поверхности черной воды.

Как француженка Анна, искавшая свой ускользающий маяк и нашедшая его лишь во сне, героиня фильма Ли Чхан Дона пытается соткать в поэзию лоскуты своей жизни. Начиная как "туристка", смотря на мир словно сквозь шоры, Миджа постепенно осваивает новую оптику, для которой уже не нужен посредник. Теперь вода становится Водой, а ветер — Ветром. И пока нарастающая отрешенность Миджи выражается для окружающих в чудачествах старухи, героиня переступает ту грань, за которой поэзия реальна без существительных, за которой вкус абрикоса больше, чем сам плод, за грань, которую не готов переступить ни один из ее близких. Свое первое и последнее стихотворение Миджа пишет не в Корее, не в Азии и даже не на Земле... Его поймет тот, кто хоть раз — на одну минуту или на всю жизнь — снял "туристические" очки и посмотрел на мир честно, как ребенок:

каково там?
там очень одиноко?
на закате небо по-прежнему сияет красным?
птицы по-прежнему поют тебе вслед,
когда идешь по лесу?
можешь ли ты получить письмо,
что я не осмелилась отправить?
могу ли я передать признание,
которое не осмелилась сделать?
увянут ли розы с течением времени?
пора прощаться...[1]

1. Отрывок из стихотворения, звучащего в фильме Ли Чхан Дона "Поэзия", автором которого является сам режиссер.

Изабелла Бишоп
Корея и ее соседи

Глава из книги

Перевод с английского и вступление О. Пироженко

Вниманию читателя предлагается одна из глав книги известной английской путешественницы Изабеллы Бишоп "Корея и ее соседи", изданной 10 января 1898 года в Нью-Йорке.

И. Бишоп родилась в 1831 году в Англии. В 1856-м вышла ее первая книга "Англичанка в Америке", снискавшая широкую популярность. А после выхода книги "Неисхоженная Япония" (1880) и ряда других сочинений И. Бишоп стала признанным мастером жанра путевых заметок, членом авторитетного Королевского географического общества. С марта 1884-го по март 1897 года она совершила четыре поездки в Корею, и благодаря ее литературному таланту, наблюдательности и эрудиции западный читатель смог из первых рук познакомиться со страной, дольше других государств Дальнего Востока остававшейся закрытой для внешнего мира. Книга о Корее имела большой успех и неоднократно переиздавалась в Великобритании и США.

Произведение И. Бишоп и сегодня не утратило своего значения, являясь ценным источником по истории и этнографии Кореи. "Корея и ее соседи" была переиздана в 1970 году в Республике Корея, а в 1996-м переведена на корейский язык. Три главы из этой книги, в которых И. Бишоп рассказывает о жизни корейских переселенцев в России и о ситуации в российском Приморье в конце XIX века ("Нагасаки — Владивосток", "Корейские поселенцы в Сибири", "Транссибирская железнодорожная магистраль"), в переводе на русский язык были опубликованы в 2001 году в альманахе "Российское кореесведение", № 2.

Предлагаемый в настоящем издании отрывок посвящен драматическому периоду в истории Кореи, когда после японо-китайской войны 1894—1895 годов страна впервые за сотни лет получила формальную независимость, но в действительности это означало лишь устранение еще одного препятствия на пути стремившейся к ее колониальному закабалению Японии.

© О. Пироженко. Перевод, вступление, 2016

Глава XXI. Клятва Короля и аудиенция

Воспользовавшись последним японским пароходом сезона, я оставила Владивосток и провела два дня в Вонсане. Здесь, за весьма редким исключением, я нашла мало изменений. Только горы на горизонте теперь были покрыты снегом, да еще некоторые корейцы обогатились благодаря запредельным суммам, уплаченным японцами за работу в военное время, торговля оживилась, а покой на тихих улицах охраняли японские караульные в деревянных будках[1]. Через Вонсан в направлении Пхеньяна прошли двенадцать тысяч японских солдат.

Следующим портом моей остановки стал Пусан. Здесь я обнаружила отряд из двухсот японцев, новый водопровод и военное кладбище на горе, количество могил на котором свидетельствовало о чудовищной смертности, царившей в японских войсках.

5 января 1895 года, добравшись до Чемульпо через Нагасаки, я нашла здесь разительный контраст с царившими в прошлом июне сутолокой, суетой и возбуждением. Во внешней гавани стояли только два иностранных военных корабля. Во внутренней – три коммерческих парохода из Японии. Зажиточный, людный китайский квартал с его шумной торговлей, большими магазинами, боем барабанов и гонгов, треском фейерверков днем и ночью теперь лежал в тишине и запустении. На протяжении всего моего пути до гостиницы "Итхэ" мне не встретился ни один китаец. Открыться вновь рискнула только одна лавка. Ночью свет, пробивавшийся из-за ее закрытых ставнями окон, одиноко мерцал здесь вместо былых огней, толчеи, шума и веселья. Японская оккупация оказалась для этой части Чемульпо столь же разорительной, как средневековая моровая язва.

В японском же квартале, как и вдоль береговой линии, наблюдалась кипучая деятельность. Пляж был загроможден

1. Примечательно воодушевление, с которым И. Бишоп встречает перемены, происходящие в Корее под влиянием японской экспансии. Как представляется, это обусловлено не только убежденностью в "цивилизаторской" миссии развитых промышленных стран, но и контекстом противостояния между Россией и Британской империей второй половины XIX в. В 1890-х гг. с перемещением центра тяжести англо-русских противоречий на Дальний Восток, Япония, чья агрессивная политика в Корее и в Китае неизбежно должна была привести к столкновению японских и российских интересов, превращается в ценного союзника Британии. Японо-китайская война 1894–1895 гг. ознаменовала и начало англо-японского сближения, результатом которого стал, по существу, антироссийский союз, заключенный этими державами в Лондоне в 1902 г. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

прибывающими и отправляемыми грузами. По улицам едва можно было пройти, причиной чему служило не только оживленное перемещение товаров, взваливаемых на спины быков и кули, но и горы бобов и риса, которые замерялись и упаковывались прямо на дороге. Цены были высоки, оплата труда выросла более чем вдвое, вымогательство поутихло, и корейцы работали с охотой.

Я отправилась в Сеул верхом. Всю дорогу до столицы шел снег. В округе было настолько спокойно, что никакой эскорт не понадобился, и я добралась до Ориколя, не воспользовавшись даже услугами извозчика. Постоялый двор, где по пути в столицу я останавливалась в пору моего первого посещения, был превращен японцами в опорный пункт. Явившись туда в полном неведении относительно наступивших перемен, я была весьма радушно встречена военными, которые угостили меня чаем и снабдили жаровней с древесным углем. Дорога на Сеул утыкана колышками разметки под строительство железнодорожных путей, которое готовили японские геодезисты. Здесь тоже все было забито людьми и быками.

В Сеуле я в течение пяти недель была гостьей британского Генерального консула господина Хиллера. Погода стояла великолепная, столбик термометра дважды опускался до семи градусов ниже нуля, установив рекорд низкой температуры за всю историю наблюдений. Меня ожидал самый радушный прием здешней славной иностранной общины. Окунувшись в водоворот сеульской жизни, я ощущала день ото дня нарастающее давление политических и иных интересов, связанных со своей персоной. В моем распоряжении были лошадь и солдат, я осмотрела город со всеми его извилистыми переулками, смогла по достоинству оценить очаровательные сельские пейзажи за пределами городских ворот, а также посетила некоторые из королевских гробниц, окруженные изящными деревьями и рядами величественных каменных изваяний.

Застою, который наблюдался здесь прошлой зимой, пришел конец. Дела у японцев шли в гору. Они держали многочисленный гарнизон в столице, некоторые ключевые фигуры в кабинете были их назначенцами, японские офицеры муштровали корейскую армию. Повсюду были видны если не усовершенствования, то перемены, и город наполняли слухи о том, что это только начало. Король, которому формально были возвращены полномочия суверена, смирился со сложившимся положением. Королева, по всеобщему убеждению, интриговала против японцев, но деятельность японского

посланника, графа Иноуэ, сочетавшего твердость с чувством такта, позволяла поддерживать видимое спокойствие.

8 января 1895 года я стала свидетельницей необычайной церемонии, которая, возможно, будет иметь далеко идущие последствия для корейской истории. Японцы преподнесли Корее ее независимость в подарок и теперь требовали от короля формально и публично отречься от власти китайского сюзерена. Японцы, взяв на себя труд расчищать авгиевы конюшни коррупции в среде чиновничества этой страны, теперь принуждали ее монарха к торжественному провозглашению этой миссии. Для этого он должен был проследовать к Алтарю земли и плодородия[1] и там объявить о независимости Кореи, поклявшись перед духами своих предков проводить в жизнь рекомендованные ему реформы. Необходимость этого шага вызвала у Его Величества отвращение, и, преувеличивая банальное недомогание, он добился некоторой его отсрочки. А в день накануне самой церемонии сон, в котором духи предков явились уговаривать короля не отступаться от древних обычаев, вызвал у него такой ужас, что едва не сорвал принесение присяги.

Но дух графа Иноуэ оказался более могущественным и неумолимым, чем духи предков Его Величества. Клятва была принесена в обстановке небывалой торжественности в темном сосновом лесу в тени горы Пукхансан, на самом почитаемом алтаре Кореи в присутствии двора и высших сановников королевства. Пожилые, солидные люди постились и соблюдали траур в течение двух предшествовавших церемонии дней. В толпе мужчин в белых мантиях и черных шляпах, наблюдавших за необыкновенным зрелищем с холма у подножия Шелковичного дворца, не было произнесено ни единого слова, не появилось ни одной улыбки. Небо было зловеще пасмурным, дул резкий восточный ветер — грозные предзнаменования, если верить корейским суждениям.

Монаршая процессия, чем-то напоминавшая ритуальный выезд для совершения королем жертвоприношений[2], была все же лишена той варварской пышности, которая делала эту церемонию одной из самых впечатляющих на Востоке. В сущности, она тоже была варварской, но без всякого блеска,

1. Клятва была принесена в храме Чонмё в центре Сеула, где хранились поминальные таблички монархов династии Ли (1392–1910), а также, в соответствии с конфуцианским ритуалом, совершались жертвоприношения их духам.
2. См. главу III книги "Корея и ее соседи".

зато с намеками на наступление новой эры и надвигающуюся волну западной цивилизации, готовую поглотить все вокруг. Еще ее отличало присутствие японских полицейских в голубых ольстерах[1], обеспечивавших личную охрану министра внутренних дел Пак Ён Хё[2], одного из революционеров 1884 года. Он находился в постоянной опасности, так как многие здесь поклялись ему отомстить, хотя король и был принужден помиловать его, вернуть из ссылки и назначить на высокий пост, восстановив в прежнем положении его низвергнутых из сана предков.

За пределами Дворца вдоль дороги была выстроена корейская кавалерия, воины стояли так, что их лица были обращены к стенам, а крупы и хвосты лошадей — к королю. Сбившись в неуклюжие толпы, стояли многочисленные корейские солдаты с мушкетами самых разных образцов, одетые в мундиры хлопчатобумажной ткани ржаво-черного, коричневого и голубого цвета. Штаны у них были то коротки, то на целый фут длиннее, чем следовало, а костюм дополняли белые ватные чулки, башмаки с завязками и черные фетровые шляпы тирольского покроя, украшенные розовыми лентами. После долгой задержки, которая сопровождалась жаркими спорами о том, не попытается ли король в последний момент оказать сопротивление давлению иностранцев, процессия появилась в дворцовых воротах. Ее открывали огромные флаги на древках в форме трезубцев, пурпурные пучки на длинных шестах, этажерка с камнями, передаваемая с необычайной торжественностью, группы людей в алых и синих халатах и шапках того же цвета, по покрою напоминающих шутовские колпаки. За ними следовали личная прислуга короля в желтых халатах и желтых же бамбуковых шляпах, еще люди со штандартами. Затем появился красный шелковый зонт, за которым последовали не четыре десятка носильщиков с величественным троном, но скромное, незамысловатое деревянное кресло со стеклянными боковинами, на котором и восседал суверен, бледный и подавленный. Переносили эту конструкцию всего четверо слуг. За ними на та-

1. Ольстер — длинное просторное пальто из грубошерстного сукна с поясом, иногда с капюшоном; первоначально шилось из ирландского бобрика.
2. Пак Ён Хё (1861–1939) — корейский политический деятель. Здесь имеется в виду его активное участие в попытке государственного переворота в 1884 г., целью которого было проведение модернизационных реформ. Главными своими противниками заговорщики, действовавшие при поддержке японской миссии, считали клан королевы Мин.

ком же сиденье двигался наследный принц. Потом не без помощи подчиненных на лошадей в живописных чепраках водрузились мандарины, министры и военачальники. Выстроившись за министром внутренних дел, который ехал на осле темной масти и выделялся на общем фоне иностранным седлом и иностранной охраной, они начали движение, каждый — при содействии двух сопровождающих, поддерживающих стремена, и еще двух — ведущих лошадей под уздцы. Когда процессия добралась до священных стен, военный эскорт и большая часть кавалькады остались за их пределами, и лишь король в сопровождении главных сановников и слуг, без которых никак нельзя было обойтись, прошел к алтарю. С эстетической точки зрения собрание выстроившихся под темными соснами мужчин в алых халатах смотрелось необычайно эффектно. Что же до политики — то данная королем клятва стала одним из самых значительных актов в утомительной драме прошедшей войны. Вот ее содержание:

Клятва короля:

В сей двенадцатый день двенадцатой луны 503 года от основания династии мы берем на себя смелость объявить со всей ясностью духам наших священных предков, что мы, их недостойный потомок, унаследовав в раннем детстве тридцать один год тому великое дело наших предшественников, испытывая благоговейный страх перед Небом и следуя образцам царствования, установленным праотцами, хотя и столкнулись со многими невзгодами, не утратили нитей правления.

Можем ли мы, недостойный потомок, утверждать, что деяния наши угодны Небу? Всем, чего мы достигли, мы обязаны нашим предкам, которые благосклонно взирали на нас с небес, милостиво даруя нам свое покровительство. Наш прародитель, преисполненный величия, заложил основы правящего дома, открыв для нас, своих потомков, путь, по которому следовали мы пятьсот три года.

Теперь на глазах нашего поколения времена невозвратимо изменились, как изменились и люди, и их дела. Дружественная держава, стремящаяся доказать свою верность, как и наш Совет, высказывающий свои соображения, доводят до нашего сведения, что только в качестве независимого властителя можем мы укрепить силы государства.

Дерзнем ли мы, ваш недостойный потомок, не подчиниться духу времени и тем самым не обеспечить защиту владений, завещанных предками? Осмелимся ли не проявлять усердия, не укреплять силы и не закалять волю с тем, чтобы преумножить сияние добродетелей наших отцов и дедов?

С этого дня и на вечные времена да не будем мы более зависеть ни от одного государства, но широкими шагами двинемся навстречу процветанию, созидая счастье подданных во имя укрепления основ нашей самостоятельности. На этом пути да не позволим себе держаться за устаревшие привычки, предаваться праздности и тратить силы впустую. Но с покорностью исполним великие предначертания предков, наблюдая и исходя из обстоятельств, складывающихся в подлунном мире, совершенствуя внутреннее управление и искореняя накопившиеся злоупотребления. И теперь мы, ваш недостойный потомок, провозглашаем Великую хартию из 14 статей и клянемся перед пребывающими на Небесах духами предков, что мы, смиренно храня веру в завещанные ими добродетели, доведем каждое из этих начинаний до успешного воплощения в жизнь и не осмелимся изменить своему слову. О сиятельные духи, спуститесь и узрите!

1. Да будет оставлена навеки мысль о подчинении государству Цин, да будут заложены незыблемые основы независимости.

2. Да будут установлены непреложные законы для царствующего дома, дабы прояснить правила старшинства его ветвей и порядок наследования.

3. Государь да будет посещать главный зал[1], где, рассмотрев предметы обсуждения и выслушав советы министров, будет принимать решения по государственным делам. Ни государыне, ни представителям Высочайшей семьи да не будет позволено вмешиваться в управление государством[2].

4. Делопроизводство царствующего дома и управление государством да будут строго разделены, смешение их не должно допускаться.

5. Да будут ясно определены служебные обязанности и пределы полномочий Государственного совета и каждого из ведомств.

6. Уплата податей народом да будет основана во всех без исключения случаях на законе. Запрещаются незаконные сборы сверх установлений и самовольная прибавка налоговых статей.

7. Расчет и сбор земельного налога, как и оплата расходов, да будут переданы в полное ведение министерства финансов.

1. Имеется в виду главный зал дворцового комплекса традиционной Кореи, в котором ван принимал сановников и иностранных послов.
2. Здесь, в подготовленном для зарубежной аудитории официальном переводе на английский язык, на который опирается И. Бишоп, допущена неточность: в тексте статьи, изложенном в летописи династии Ли, читаем: “Ни государыне, ни наложницам, ни их родственникам или представителям высочайшей семьи да не будет позволено вмешиваться (в управление государством)”.

8. Издержки царствующего дома да будут сокращены в первую очередь с тем, чтобы бережливость сия послужила примером для каждого столичного ведомства и каждой провинциальной управы.

9. Ежегодно для нужд царствующего дома, равно как и каждого государственного учреждения, да будет заранее устанавливаться смета расходов с тем, чтобы деятельности их было положено прочное финансовое основание.

10. Регламенты службы провинциального чиновничества да будут подвергнуты незамедлительной ревизии с тем, чтобы установить пределы власти местных должностных лиц.

11. Способные молодые сыны отечества да будут без препятствий направляться за границу с тем, чтобы обучиться тамошним наукам и перенять технические познания иностранцев.

12. Да начнется подготовка офицерства и будет введен рекрутский набор с тем, чтобы заложить прочные основы военной системы.

13. Да будут установлены строгие и ясные гражданские и уголовные законы, да не будет никто несправедливо подвергнут тюремному заключению или наказанию штрафом по чьему бы то ни было произволу, да будет обеспечена всем подданным сохранность их жизни и достояния.

14. Отбор для назначения на государственные должности да будет проводиться вне зависимости от семейного происхождения, а поиск кандидатов — как в столице, так и в провинции, дабы для наделенных талантом и добродетелью была открыта широкая дорога к служению.

Официальный перевод королевской клятвы, данной Его Величеством Королем Кореи у Алтаря земли и плодородия, Сеул, 8 января 1895 года.

Хотя в настоящее время реформы в Корее проводятся под покровительством и при содействии иной, нежели Япония, державы[1], следует сказать, что практически каждый шаг в направлении прогресса делается на основании определенного ей курса.

1. Здесь имеется в виду период, когда после убийства супруги вана Кочжона корейский монарх более чем на год (1896—1897 гг.) нашел убежище в русской миссии и при активном содействии ее главы К. И. Вебера сумел временно остановить японскую колониальную экспансию. В это время реализовывалась обширная программа двустороннего сотрудничества, которая включала строительство в Корее телеграфной линии, содействие России в подготовке личной охраны вана, а также в обучении кавалерийских и саперных подразделений, помощь в развитии горнодобывающей промышленности.

Мне было приятно получить от королевы приглашение на частную аудиенцию, компанию мне составила миссис Андервуд, американская миссионерка и медик, личный врач королевы и друг, которого Ее Величество весьма высоко ценила. Мистер Хиллер проводил меня во дворец Кёнбоккун, куда я была доставлена восемью носильщиками в роскошном паланкине под эскортом охраны нашей миссии в Корее. В общей сложности я побывала в этом дворце шесть раз, с каждым посещением испытывая все большее изумление запутанностью планировки и не меньшее восхищение его своеобразием и красотой.

Посетитель попадает во дворец через величественные ворота, разделенные двумя колоннами на три арки. Ведущие к ним каменные лестницы стерегут каменные львы, расположившиеся у основания на каменных пьедесталах. Обилие широких, выложенных плитами внутренних дворов, просторных залов для аудиенций, павильонов, всевозможных зданий, декорированных в большей или меньшей степени, каменных мостков, узких галерей и ворот с двухъярусными резными крышами, среди которых здесь вынужден проходить посетитель, поставят в тупик кого угодно. У главных ворот дежурит японский полисмен. У каждого из внутренних ворот бездельничают по шесть часовых корейской стражи, которые, стоило нам приблизиться, привели себя в порядок и взяли оружие “на караул!”. На обширной территории дворца находятся восемь сотен военных, полторы тысячи слуг и чиновников всех мастей, придворных, министров с их прислугой, секретарей, курьеров и просто нахлебников, что сообщает ему вид столь же густонаселенный, как и тот, что можно наблюдать и в самом городе. Нам пришлось пройти сквозь разные строения около полумили, прежде чем мы оказались на берегу прелестного пруда, в середине которого был декоративный остров с павильоном. Рядом — недавно возведенный дворец в стиле иностранной архитектуры и простые корейские постройки, которые занимали король и королева. У ворот дворика, что вел к дворцу королевы, нас ожидали придворный переводчик, несколько евнухов, две фрейлины королевы и ее няня, лицо весьма влиятельное, поставленное во главе придворных дам, женщина средних лет с довольно изящными чертами лица.

В простой комнате, оклеенной желтым шелком, нас самым обходительным образом развлекали разговорами и угощали кофе с пирожными. Позднее, во время обеда, королевская няня, которой “оказывал поддержку” придворный

переводчик, расположилась во главе очень мило сервированного здесь же стола. Обед был приготовлен в "иностранном стиле", весьма достойно, и состоял из супа, рыбы, перепелов, дикой утки, фазана, фаршированной говядины, говяжьего рулета, овощей, кремов, засахаренных грецких орехов, фруктов, кларета и кофе. Несколько придворных дам заняли места за столом рядом с нами. После этой долгой отсрочки нас в сопровождении одного переводчика проводили в маленькую приемную, на противоположном конце которой на помосте стояли король, наследный принц и королева. Позади них находились три обитых малиновым бархатом кресла, в которых высочайшая семья расположилась после того, как я была представлена госпожой Андервуд. Нас пригласили присаживаться на два заранее заготовленных стула.

Ее Величество, которой тогда уже минуло сорок, оказалась очень привлекательной, стройной женщиной, с лоснящимися волосами цвета воронова крыла и кожей чрезвычайной белизны, чему способствовало использование жемчужной пудры. Глаза, холодные и проницательные, выдавали выдающиеся умственные способности. На ней была очень красивая, очень широкая и очень длинная юбка из парчи темно-синего цвета, богато плиссированная, с высокой талией, доходящей до подмышек, и кофта с длинными рукавами из малиново-синей парчи, скрепленная в области шеи коралловой пряжкой и подпоясанная шестью малиново-синими шнурами, каждый из которых оканчивался коралловой застежкой с красной шелковой кисточкой. На голове ее была отороченная мехом шляпка из черного шелка без верха, опускавшаяся до бровей. Спереди головной убор был украшен коралловой розой и кистями красного цвета, а по сторонам отделан драгоценными камнями и плюмажем. Туфли из той же парчи, что и платье. Стоило Ее Величеству начать говорить, особенно заинтересоваться беседой, как лицо ее озарялось, и в такие минуты ее, пожалуй, можно было назвать красавицей.

Король — невысокого роста, с лицом болезненно землистого цвета, мужчина ничем не выдающейся внешности, носит тонкие усы и эспаньолку. Он нервничает и теребит руки, но его манера держаться не лишена достоинства. Лицо Его Величества располагает к себе, а природная доброта широко известна. Во время разговора королева, по большей части, ему суфлировала. И король, и наследный принц были одеты в одинаковые белые кожаные туфли, подбитые ватой белые чулки, объемные, также ватные белые шальвары. Поверх этого — сначала белые шелковые жакеты, затем такие же зеленые

и, наконец, темно-синие парчовые халаты без рукавов. Костюм в целом производил приятное впечатление свежести и изящества. На головах мужчин были шапки из великолепного газа на конском волосе, черные шелковые капюшоны, отороченные мехом, — термометр, надо сказать, показывал пять градусов ниже нуля.

Наследный принц тучен, вял и, притом что придворный этикет запрещает ему носить очки, к сожалению, чрезвычайно близорук, так что в то время он производил на всех, не исключая и меня, впечатление совершенного инвалида. Он был единственным сыном своей матери, она его боготворила и жила в беспрерывной тревоге за его здоровье, мучимая страхами относительно того, что наследником престола может быть объявлен сын от одной из наложниц. Этим, должно быть, объясняются некоторые ее бесчестные поступки, ее постоянная потребность в помощи магов, ее непрестанно растущие пожертвования на нужды буддийских монахов. Большую часть аудиенции мать и сын сидели, взявшись за руки.

Наговорив мне массу приятных вещей и продемонстрировав как учтивость, так и находчивость, Ее Величество что-то сказала королю, который сразу же подхватил разговор и поддерживал беседу еще с полчаса. Когда аудиенция завершилась, я попросила разрешения сфотографировать павильон, построенный на острове в центре пруда, на что король ответил: “А почему только это? Приходите еще много раз и фотографируйте побольше!”. При этом он упомянул несколько подходящих для съемки объектов и добавил: “Я прослежу, чтобы вам уделили должное внимание”. По завершении весьма приятного и интересного часа мы с реверансами удалились. Наступал закат, и король отправил нас назад с эскортом солдат и группой слуг, освещавших путь фонарями, в окружении трепетавших на ветру штандартов из шелкового газа красного и зеленого цвета.

Два дня спустя “должное внимание”, уделяемое нам, обернулось многочисленной и весьма обременительной толпой из пяти офицеров, полуполка нижних чинов и ватаги дворцовых слуг! Большое впечатление на меня произвели роскошь и величавость зданий, обширный зал для аудиенций, покоящийся на изрядно приподнятой террасе, подъем на которую обеспечивался тройным пролетом гранитной лестницы, благородная соразмерность его пропорций, потолок, богато украшенный резными узорами красного, синего и зеленого оттенков, его внушительные округлые колонны красного цвета на белых основаниях и тусклое сияние корей-

ского трона, сокрытое в полумраке просторного помещения, выходящего на главные ворота. Не менее величественный в своей простоте и основательности, Летний дворец, или зал поздравлений, возвышался на каменной платформе, установленной на острове посредине лотосового пруда. К нему ведут три гранитных моста. Водоем украшен островками, облицованными камнем. Выложены гранитом и берега по всей окружности пруда, обустроена и помеченная флажками прогулочная дорожка.

В течение следующих трех недель я была удостоена еще трех аудиенций. Во время второго посещения меня, как и прежде, сопровождала миссис Андервуд, третье было участием в официальном приеме, а следующее представляло собой строго конфиденциальную беседу, которая продолжалась более часа. По каждому из вышеперечисленных поводов я имела возможность вновь поразиться грации и очаровательным манерам королевы, ее предусмотрительности и доброте, исключительному уму и силе характера, равно как и ее выдающейся способности подчинять себе внимание собеседника, что происходило и со мной, хотя я прибегала к услугам переводчика. Не приходилось удивляться ее необычайному политическому влиянию при дворе или той власти, которую она приобрела над королем, как, впрочем, и многими другими. Она была окружена врагами, главным из которых был Тэвонгун, отец Его Величества. Ненавидели королеву за то, с какой врожденной ловкостью и решительностью ей удалось разместить на всех главных постах в стране членов своей семьи. Ее жизнь представляла собой непрерывную битву, в которой Ее Величество, призвав на помощь все свое очарование, всю свою проницательность и изворотливость, сражалась за достоинство и безопасность своих мужа и сына и за окончательный крах Тэвонгуна. Она укоротила много жизней, чем, впрочем, нисколько не нарушила корейских традиций и обычаев. Некоторым оправданием ее действий может служить хотя бы тот факт, что вскоре после восшествия короля на престол[1] его отец отправил в дом брата Ее Величества адскую машину, сработанную в форме милой шкатулки, которая при открытии взорвалась и убила ее мать, брата и пле-

1. Здесь автором допущена неточность: упомянутый ею эпизод имел место не после вступления Кочжона на престол (1863 г.), а значительно позднее, в 1873 г., когда Тэвонгун был вынужден передать реальную власть в руки вана, находившегося к тому времени под влиянием супруги и ее клана.

мянника, и еще несколько человек. С тех пор он злоумышлял с целью лишить жизни саму королеву, и вражда между ними не утихала ни на минуту.

Династия — в упадке, король, при всей его благожелательности и доброте, слаб характером и находится в полной власти окружающих его интриганов, что стало еще более очевидным теперь, когда влияние непоколебимого характера королевы устранено. Убеждена, что в душе, как-то по своему, этот монарх является патриотом. Он далек от того, чтобы стоять на пути реформ, и принял большинство представленных к его рассмотрению предложений. Но к несчастью для человека, решения которого становятся законом для целой страны, и к еще большему несчастью самой этой страны, он поддается убеждению того, кто последним получит доступ к "высочайшему уху", ему недостает твердости воли и целеустремленности, и многие самые лучшие проекты реформ пали жертвой бесхребетности этого правителя. Исправлению дел изрядно помогла бы замена абсолютизма системой конституционных ограничений, но, cela va sans dire[1], подобное предприятие могло бы увенчаться успехом, лишь получив толчок извне.

Королю было сорок три, королева — чуть старше. До достижения совершеннолетия монарха, а также пока он получал традиционное китайское образование, его отец Тэвонгун, которого один корейский автор охарактеризовал как человека, обладающего "железными внутренностями и каменным сердцем", в течение десяти лет управлял государством в статусе регента с чрезвычайной решительностью. Так, в 1866 году он устроил резню, жертвой которой стали две тысячи корейских католиков. Талантливый, алчный и беспринципный, этот человек всегда оставлял за собой кровавые следы и даже предал смерти одного из своих сыновей. С момента прекращения его регентства и до дня убийства королевы политическая история Кореи являла собой, по преимуществу, сагу о смертельной вражде между королевой и ее кланом, с одной стороны, и Тэвонгуном — с другой. Я была представлена ему во дворце и должна сказать, что его живое и энергичное лицо, острый, проницательный взгляд и чувствовавшаяся в движениях этого уже пожилого человека бодрость произвели на меня сильное впечатление.

1. Что само собой разумеется (*франц.*).

Выражение лица короля отличалось мягкостью. У него великолепная память, и он известен настолько глубокими познаниями в корейской истории, что на любой вопрос об обычаях прошлого может дать обстоятельный, исчерпывающий ответ с точной ссылкой на правление, в ходе которого имело место то или иное историческое событие, а также указанием соответствующей даты. Управление монаршим чтением[1] отнюдь не является синекурой, а королевская библиотека, хранящаяся в одной из самых красивых построек дворца Кёнбоккун, обладает весьма богатой коллекцией китайской литературы. У Его Величества нет предубеждений против иностранцев. Его дружелюбие по отношению к ним хорошо известно, и он неоднократно полагался на их помощь перед лицом угрожавших ему многочисленных опасностей. Во время моего второго по счету пребывания в этой стране, когда влияние Японии все более возрастало, король и королева демонстрировали европейцам особое внимание и расположение и даже пригласили всю иностранную общину на катание на коньках на озере. Отношение Его Величества к христианским миссиям весьма дружелюбное, терпимость в этом вопросе стала реальностью. Медики американцы, как и другие иностранцы, тесно общавшиеся с Высочайшей четой, испытывали к ней теплую привязанность. Думаю, что и среди корейцев общее чувство по отношению к королю и королеве характеризуется нежной преданностью, а вину за ошибки и проявления деспотизма они возлагают на министров.

Я столь подробно остановилась на описании личности корейского монарха, поскольку персона он совсем не символическая. Де-факто он и есть государственная власть этой страны. Здесь нет конституции, будь то изложенные на бумаге уложения или свод неписаных правил, нет представительного собрания и, можно сказать, нет законов как таковых, за исключением опубликованных высочайших указов. Как правитель Его Величество необычайно трудолюбив, стремится ознакомиться с работой всех управлений, получает бездну отчетов и докладных записок и уделяет им внимание, прини-

1. По-видимому этим термином (*англ.* The Office of Royal Reader) И. Бишоп обозначает Управление просвещением и литературой (*кор.* Хонмунгван), один из административных органов Кореи того периода,ответственный за изучение и составление научных и политических трактатов и осуществлявший надзор за соблюдением конфуцианской этики в государственном управлении.. Управление играло важную роль как совещательный орган при монархе.

мает заинтересованное участие во всем, что делается от имени правительства. Многие говорят, что, вникая так глубоко в детали, король берет на себя больше работы, чем под силу выполнить одному человеку.

И в то же время он не способен уловить главной сути событий. У Его Величества столь великодушное сердце, так много сочувствия к идеям прогресса, что, имей он более сильный характер и интеллект, будь он менее подвержен влиянию недостойных людей, он мог бы стать хорошим правителем. Однако же его слабоволие привело к самым гибельным последствиям.

Темы, предложенные к обсуждению в ходе трех моих аудиенций, не только демонстрировали свойственное умным людям желание получить полезную информацию, но и отражали дух реформ, к которым японцы принуждали короля. Меня подробно расспрашивали о том, что я видела в Китае и Сибири, о сибирских и японских железных дорогах, стоимости их строительства, исходя из единицы в один *ли*, а также о том, как общественное мнение в Японии отнеслось к войне, и так далее. Вновь и вновь меня просили рассказать об устройстве государственной службы в Англии, о возможностях для людей "из неблагородных классов" добиваться высоких позиций в правительстве, положении английского дворянства в части "привилегий" и отношении аристократов к простонародью. Одна из аудиенций у короля и королевы оказалась целиком посвящена взаимоотношениям между Британской короной и кабинетом, особый интерес вызвал цивильный лист[1], вопросы о котором Его Величества были столь многочисленны и настойчивы, что едва не поставили меня в неловкое положение. С особой озабоченностью он выяснял, имел ли право "министр финансов" (полагаю, имея в виду канцлера казначейства) осуществлять контроль личных расходов Ее Величества, и оплачивались ли личные счета королевы ею самой или из казны. Дела, входящие в компетенцию каждого из министров, были предметом еще одной серии вопросов.

Большой интерес вызвали обязанности министра внутренних дел, положение премьера и его взаимоотношения с другими членами кабинета и короной. С беспокойством король спрашивал, может ли королева отправить министров в отставку, если они не выполнят ее волю, и, общаясь через перевод-

1. Сумма, выделяемая парламентом Великобритании на содержание двора и королевской семьи.

чика, которому все эти идеи были незнакомы, я не могла объяснить природу конституционных ограничений английской короны и того, что монарх обладает лишь номинальным правом выбора глав министерств.

Как раз перед моим отъездом из Кореи меня вызвали для прощальной аудиенции и попросили прийти с переводчиком из дипломатической миссии. Я прибыла в паланкине с восемью носильщиками, была принята с обычными почестями, солдаты брали "на караул" и т. п.! Не было ни толпы сопровождающих, ни задержки. Меня вели по закрытой веранде несколько евнухов и офицеров, и в этот момент король открыл одну из раздвижных створок, кивком головы пригласил меня войти, а затем сразу же закрыл ее. Я очутилась в приподнятой нише, в которой обычно располагалась Высочайшая семья, но раздвижные панели между нею и приемной залой были закрыты, и, поскольку помещение имело в ширину не более шести футов, возможности выполнить обычные в таких случаях реверансы мне не представилось. Вместо обычной толчеи обслуги, евнухов, фрейлин в шелковых платьях, длина которых на добрый ярд превосходит необходимую, с их тяжелыми, словно канаты, косами и подушками накладных волос на головах, а также привилегированных лиц, стоящих за спиной королевской четы и толпящихся в дверях, присутствовали только няня королевы и мой переводчик, который стоял в проходе между панелями так, что не мог видеть королеву, согнувшись в почтительном поклоне, ни разу не подняв глаз от пола, ни разу не осмелившись возвысить голос так, чтобы он звучал громче шепота. Эти предосторожности, впрочем, не смогли обеспечить ту приватность, к которой стремились король и королева. Уверена, что в щель между панелями я видела тень человека в зале приемов, а более позднее замечание переводчика — посетовал на то, что "сегодня переводить для Его Величества было очень тяжело" — стало понятным, когда мне сказали, что "тень" принадлежала одному из государственных министров, которому король особенно не доверял и которому позднее пришлось бежать из страны. Согласно общему тогда заключению это лицо занималось тем, что передавало содержание высказываний короля и королевы в одну из иностранных миссий.

На страницах настоящего издания я не могу распространяться относительно того, о чем говорил Его Величество. Могу лишь сказать, что эта аудиенция, продолжавшаяся в течение часа, оказалось необычайно интересной. По одному из вопросов высочайшее мнение было выражено весьма от-

кровенно и настойчиво. Король считает, что теперь, когда Корея и формально является независимым от Китая государством, ей подобает принимать у себя дипломатических представителей, аккредитованных именно при корейском дворе. С глубочайшим уважением и благожелательностью говорил он о мистере Хиллере, отметив, что ничто не было бы ему угодно так, как его назначение на пост первого посланника Британии в Корею.

Ее Величество заговорила о королеве Виктории: "У нее есть все, о чем только можно мечтать, — величие, богатство и власть. Ее дети и внуки — короли и императоры, а дочери — императрицы. В лучах своей славы думает ли она хотя бы иногда о несчастной Корее? Она делает в мире так много добра, ее жизнь сама по себе и есть добро. Желаю ей долгих лет жизни и процветания". Король при этом добавил: "Англия — наш лучший друг". Я была весьма тронута, услышав подобные речи от хозяев этого древнего, но ныне шаткого трона.

В этот раз на королеве была кофта из парчового сатина янтарного цвета, юбка из темно-синей парчи с оборками, малиновый пояс с пятью зажимами и кисточками из кораллов, коралловая застежка у ворота. Она не надела головного убора, и ее роскошные черные волосы были собраны в пучок на затылке. Украшений на Ее Величестве не было, если не считать жемчуга и кораллов, которыми была убрана ее прическа. Король и королева встали, когда я уходила, а королева удостоила меня рукопожатием. Оба говорили со мной чрезвычайно благосклонно и выразили надежду, что я вернусь и продолжу свои путешествия по Корее. Когда я вновь оказалась в этой стране девять месяцев спустя, королева уже пала жертвой варварского убийства, а король оказался узником в своем собственном дворце.

Путешественники, которые попадали на прием к корейскому королю, часто высмеивали саму аудиенцию, все, что ей сопутствовало, да и сам дворец. Должна сказать, что не увидела там ничего, что было бы достойно насмешки, разве что кто-то считает, что национальные обычаи и этикет, отличные от наших собственных, уже представляют собой очевидную нелепость. Напротив, я имела возможность наблюдать скромность, достоинство, доброту, учтивость и благонравие, которые произвели на меня самое приятное впечатление, а четыре аудиенции в королевском дворце, которых я была удостоена, стали одним из наиболее ярких событий моего второго приезда в Корею.

Анатолий Ким
Весна, осень в Корее

Весна

Мне приходилось жить в Корее и преподавать в университетах русский язык и литературу на русском языке — таково было условие. В программе обучения русскому языку была тема "Разговор о погоде". Я заметил, что на вопрос, какое время года они больше всего любят, большинство моих студентов ответило: весну и осень. Предпочтения разделились ровно пополам.

Странное это дело: в разгар сегодняшней весны вспоминать прошлогоднюю. Но ведь всегда самая первая встреча с прекрасным запоминается больше всего. К тому же нынешняя весна, в отличие от прошлой, чье дыхание было ровным и прохладным, безо всяких головокружительных порывов тепла, что-то задержалась в пути.

Конечно же, она красавица, какою всегда была — эта корейская весна-красна; но похоже на то, что в этом году красота ее не столь улыбчива и покоряющее приветлива, как в прошлый раз...

Тогда в лесу вдоль дороги, по которой я обычно гулял утром, первыми расцвели азалии. Кругом были еще не совсем одетые в зелень серые кусты, деревья также стояли в пухлых почках, но без листвы — и вдруг, словно яркие огоньки, вдали вспыхнули и манили взор бледно-лиловые цветы дикой азалии.

Кто-то мне говорил, что азалия символизирует корейскую душу, саму Корею. Не знаю, так ли это или нет, но несомненно одно: душевный характер корейцев сравним с весенним цветением. Когда приходит пора цветения, когда кусты и деревья словно окутываются белыми, розовыми, красными и желтыми облаками — приезжай, заморский гость в Корею и, прогуливаясь под сенью цветущих садов, читай раскрытую книгу души корейского человека.

© Анатолий Ким, 2016

Праздничные национальные одежды корейских женщин недаром похожи на распустившиеся цветы азалии: лиловые, желтые, красные, бледно-розовые... Старинные праздничные одежды мужчин похожи, стало быть, на цветы магнолии. Перенимая краски, фактуру и блеск лепестков с этих истинных чудес цветения, люди не могли не перенести и некоторых душевных свойств цветов. Ведь у цветов также есть и душа, и своя судьба.

Когда большие, старые сливы украшаются розовыми цветами, словно наполняются радостным сиянием, то видишь воочию и ощущаешь сердцем вечную юность мира. Ожившие груши в садах, растопырившие по сторонам свои корявые ветви, вдруг зажигаются огоньками соцветий, которые горят ровным белым пламенем.

Заморскому гостю надо побывать весною в окрестностях Ансонга, погулять по дорожкам меж яблоневых и грушевых садов от одной деревни до другой... И, встречаясь с редкими прохожими, не идти равнодушно мимо, а вежливо поздороваться и присмотреться к нему, пока судьба дает нам возможность хоть разок встретиться в этой жизни...

И запомни, гость: в это время года душа корейца больше всего похожа на самое себя и раскрыта для всего мира, подобно весенним цветам в саду. Корейский человек — жизнерадостный человек, весенний человек. Человек надежды. Весной, когда каждый кустик и любое дерево покрывается неимоверным количеством чудесных цветов — они не просто цветы для размножения, это еще и огни надежды. Каждый вспыхнувший цветок сливы, груши или магнолии означает: *я верю в будущее.*

В звездных гороскопах, определяющих характеры людей и предсказывающих будущее, имеются символы: стихии огня, воды, воздуха или земли. Я бы предложил внести сюда еще одну систему символов: принадлежность к времени года. И тогда получилось бы, что корейский человек принадлежит к *стихии весны.*

Русский человек принадлежит к стихии зимы, причем морозной, долгой и многоснежной. Конечно, время года холодное, но русский человек на морозе живет веселее и работает злее... Китаец, очевидно, ближе к стихии тучной осени: хлопочет больше всего о том, чтобы собрать весь урожай без потери. Китайцы не воздушными, небесными надеждами живут, а земной практикой. Японец, мне думается, вполне летнее существо, которого ни весенняя лихорадка не трясет, ни осенняя прагматика не берет. Японцу летом хорошо: он

весной усердно работал, осенью и зимой также будет работать, не разгибаясь, — а вот летом съездит от фирмы в отпуск на Гавайи или в Португалию и там, ни разу не улыбнувшись, с самым серьезным видом, вполне насладится всеми дозволенными туристическими радостями...

Одно из самых ярких проявлений весеннего корейского характера я вижу в цветении магнолии. Это ничем не примечательное дерево с длинными и гибкими ветвями начинает цвести в садах и парках Кореи почти самым первым. Еще в глубокой зимней дреме остальные почтенные деревья, а магнолия уже вспухла на концах ветвей громадными почками и бутонами. Этим бутонам в скором времени дано развернуться огромными цветами — восковато-белыми, словно гигантские ландыши, или розовато-лиловыми, как цветы миндаля.

Магнолия цветет столь неистово и прекрасно, такими невероятно красивыми огромными цветами, что кажется, это ее главное дело на земле — цвести весной. Еще нет на длинных редких ветвях магнолии ни одного листочка, а уже воссияли на них райские цветы немыслимой величины... К чему такая поспешность? Зачем подобная щедрость?

В корейском характере есть похожая необъяснимость. Кореец никогда не сдержит своего неистового душевного порыва к красоте. Он как бы несет в себе некий *хан* — затаенную печаль по непостижимости красоты. Каждый кореец ищет в жизни прежде всего красоту — осознанно или неосознанно, — но не каждый находит ее.

Среди корейских женщин довольно много красивых, есть ослепительные красавицы, но встречаются и совсем некрасивые. Однако я что-то не видел ни одной кореянки, которая чувствовала бы себя подавленной или угнетенной ощущением своей невзрачности. Казалось, им просто неизвестно, что они некрасивы. И это вовсе не потому, что они самодовольны и глупы — нет. Принадлежа к народу, духовным знаком которого является весенний цвет, каждая из них несет в своей душе чувство своей красоты как чувство собственного достоинства.

Наступила новая весна — и пройдет скоро. О, дни весны бегут почему-то очень быстро. Магнолия уже отцвела и опадает. Сливы, растущие вдоль дорог, осыпают на асфальт бело-розовые лепестки. В яблоневых и грушевых садах словно бушует белая метель.

Наконец-то пришли по-настоящему теплые дни, солнце на небе светит с весенним настроением и греет вовсю. Большие серые цапли летают только парами, озабоченные семейными делами. Видно, в их гнездах скоро заведутся птенцы.

Когда пройдет и эта весна — мысленно оглянись на нее и снова полюбуйся, как цветет магнолия, волшебно преображенная, в белом сиянии! Невзрачное дерево с крупными кожистыми листьями ничего особенного тебе не скажет. Но ты сам вспомни чудо его цветения и попробуй ответить: для чего надо было магнолии представать пред нами в такой небесной красоте? *Зачем такая красота?* Неужели следствием, всем итогом дивного чуда явились эти мутно-зеленые шарики плодов на ветках?.. Так говорю я сам себе, зная о мимолетности весеннего дуновения.

Но вполне возможно, красота ничего не обещает и никаких полезных результатов не приносит. Красота никому ничего не должна. А мы, люди, в неоплаченном долгу перед нею. Она заставляет нас вспомнить прошлые весны — и тем возвращает нам истлевшее время жизни. Нас манит увидеть много новых весен в будущем: жить хочется долго — *вечно*, потому что в этой жизни весна — красивая.

Итак, для корейцев красота — это жизненная философия. Кореец — весенний человек, и ему свойственно самораскрытие в пору цветения. Мне кажется, что даже старики корейские неизменно пребывают в самопогруженности весеннего цветения. Когда проходит весна их жизни, цветы на деревьях опадают, белая метель вишен исчезает в земле, словно растаявший снег, буйное неистовство сладко пахнущей акации сменяется ее обыденным покоем — старый кореец может оглянуться на прошедшую весну и тайной силой своей души воскресить цветение райских садов, вернуть себе добро жизни и красоты.

Осень

Приближение осени в Корее совершенно незаметно, разве что одни календарные листы вначале напоминают об этом.

Август еще кипит жарой и бушует внезапными грозами. В августе темно-синие ночные небеса перечеркивают огненные следы падающих звезд. И странная ночная птица, безутешная и однообразная в своей скорби, продолжает в темноте бесконечно повторять одно и то же — свое имя: *Сотёк-се! Сотёк-се!*

Днями в знойном воздухе рассыпается оглушительный сухой треск цикад. Им вторят скрипучими голосами семейства дроздов, многочисленные, с подросшей детворой, которую уже не отличить от взрослых. Поют — свистят скворцы, тоже заметно умножившие за лето свой веселый черный народец. И от бесчисленного хора цикад и певчих птиц дни убываю-

щего августа звенят, гремят, проходят в головокружительном шуме.

Вот уже по календарю пошел сентябрь, осенний месяц, а на рисовых полях посевы еще светятся яркой изумрудной зеленью. И только по высоким, длинным межам, разделяющим поля, стоят слегка пожелтевшие и потемневшие дикие травы. По берегам оросительных каналов и канавок колышутся на ветру пушистые махалки камышей и тростников: кажется, что в предосенней природе появилось множество невидимых художников, и они пишут — прямо в прозрачном воздухе, — свои картины, взмахивая камышовыми кистями-метелками. О, можно позавидовать этим художникам! Сколько же спокойного времени у них для творчества, сколько счастливых, теплых, божественных дней!

Сентябрь в Ангсонгском уезде, богатом фруктовыми садами и виноградными плантациями, отмечен самыми красочными картинами — натюрмортами, выставленными на осенних базарах.

Вот недавно еще среди длинных рядов с зеленью, рядом с горками розово-зеленых помидоров возвышались внушительные курганы полосатых арбузов, и они были главным товаром на этом веселом торжестве. А ныне на рынке воцарилась оранжево-красная, лоснящаяся, мягкая полупрозрачная хурма. Завтра же, глядишь, базарным вниманием всецело завладеют горы самых ярких, крупных, превосходных на вид и на вкус яблок.

Но наиболее привлекательным на рынках из даров Божиих является знаменитый ангсонгский виноград. Отлогие склоны холмов и плоские косогоры в этой местности прекрасно подходят для виноградников, и на плантациях вблизи Ангсонга с давних времен прижились лозы особенно высокопродуктивного и качественного винограда. Мне рассказали, что впервые эти лозы были привезены сюда чуть ли не в позапрошлом веке французскими миссионерами.

Сегодня ягоды местных сортов представляют собою, в основном, плоды темно-лилового цвета, с синевой, — увесистые кисти с очень крупными виноградинами. Полностью созревшие, они очень вкусны, сладки без приторности, не оставляют во рту оскомины и не вяжут язык. Единственным недостатком этого сорта являются крупные косточки и грубая кожица, которые приходится выплевывать, когда съедаешь ягоды.

Существуют здесь и другие сорта, более мелкие, — белый виноград и иссиня-черный. Эти явно мускатного вкуса и аро-

мата. Очевидно, на их родине, в далекой Франции, их давили на вино, но здесь что-то не слышно и не видно, чтобы занимались виноделием. Появившиеся в Корее, винные сорта винограда использовались только для употребления в свежем виде. Так что в своем дальнейшем развитии корейская судьба благословенной лозы не склонилась в сторону виноделия. Корейцы приняли этот плод с большим удовольствием и почтением, но определили ему место быть только на десертном столе.

В сентябре вдоль дорог Ангсонгского уезда появляются палаточки и временные магазины под полотняными навесами, где продают виноград. Уложенные в аккуратные и красочно разрисованные коробки, плоды солнечных вертоградов Кореи выносятся к покупателю прямо на край дороги. С утра и до поздней ночи продолжается этот праздничный, жизнерадостный виноградный торг на больших и малых шоссе, по которым проезжают тысячи машин.

Но можно поехать и на плантацию, и там купить виноград прямо с лозы, по выбору.

Обычный деревянный навес у входа на поле, под этим навесом хозяева сортируют и раскладывают по коробкам кисти ягод. Тут же рядом, на помосте, устланном брезентом и соломенными циновками, играют или спят маленькие дети, престарелый дед с каким-то приятелем пьет чай. Пожилая тетушка - *адюмани*, разбиравшая ягоды, увидела меня и приказала молодому парню, очевидно, сыну, повести на плантацию и показать ее. И я пошел с ним, любуясь висящими на протянутых меж бетонными столбами проволочными нитями тяжелые, налитые гроздья виноградных кистей, и мог выбрать покупку прямо с лозы.

Виноград еще не сошел, еще громоздятся вдоль дорог высокие штабеля из картонных упаковок, а на прилавках этих же временных осенних магазинов выставлены тяжелые, бронзовые кругляки груш. Это знаменитые корейские груши, которыми здесь очень гордятся. Сами корейцы с уверенностью говорят, что их груша самая вкусная в мире.

Весной я видел, как садовник закрывал пакетом грушевую завязь на ветке – упрятывал будущую грушу в бумажный домик, приматывал проволочкой края пакета к черенку еще зеленого плода. Это чтобы потом, подрастая, он не стал добычей червяка или жадной птицы. Так в Корее выращивают почти каждую грушу: завернув ее в плотный пакет их двух слоев бумаги. И висят на причудливых, раскидистых деревьях бумажные пакеты до самой осени, когда начинается сбор груш.

Правы ли корейские садоводы, доводя до такой щепетильности дело выращивания своей любимой груши? Не вольнее было бы груше расти на солнечном свете, омываемой струями дождей, овеваемой прохладными ветрами горных долин? Тем более что мне приходилось пробовать самые первые груши нового урожая — это были груши, выращенные именно на воле, без того, чтобы их упрятывать в бумажные домики... Вид этих плодов был намного веселее: чистая звонкая медь и бронза! А по вкусу они мне показались слаще и сочнее, чем выращенные в пакетах.

Я думаю, что естественная красота, райская красота деревьев, отягощенных зрелыми плодами, стоит ничуть не меньше, чем сами плоды. Мы в этой жизни рождены быть не только потребителями, пожирателями плодов. Красота, которой Природа наполнила мир — это также дар Божий, пища духовная. И, не приняв этого дара, мы не вполне можем быть людьми. Больше пищи для желудка — это хорошо. Корейцы ведь говорят: будем сыты — будем живы. Но ведь и для души нужна обильная пища!

Осень обнажает яблоневые сады Ангсонга, и остаются на безлистых ветках красные шарики поздних яблок. Осень постепенно стирает с полей их зеленое сияние. Поля вначале как бы блекнут — и вдруг однажды наливаются новым сиянием. Это цвет чистого золота, сверкающего на солнце: хлеб созрел. Корейский хлеб — рис.

Теперь, осенью, я часто вижу одного крестьянина, который выходит на край своего поля и, присев на корточки, с задумчивым видом обозревает созревшую ниву.

А я помню этого крестьянина, когда летом, вручную пропалывая густо заросшее поле, он двигался вдоль рядов всходов так же, сидя на корточках. Объедаемый комарами и мухами, торопливо работал и наспех отмахивался от них пучками травы — и громко при этом говорил сам с собою, а время от времени тяжко, непроизвольно стонал... Вокруг него никого не было: только я проходил мимо, скрытый от его взгляда высокими тростниками, среди которых вилась узкая тропинка по берегу реки.

Теперь крестьянин был тих и спокоен. Он был того возраста, который можно считать осенью человеческой жизни. Он уже не выглядел молодым, но еще не был старым... Человек *осеннего возраста.*

Корея всю свою прошлую историю была сельскохозяйственной страной. И корейцы в большинстве своем были мирны-

ми крестьянами, кормившими страну и себя неустанным трудом на залитых водою рисовых полях. Крестьянская жизнь, целиком связанная с тем, что происходит в круговороте природы, была наполнена поэзией и философией времен года.

Красота мира и тяжелый труд. Движение дней жизни в одну сторону — старение, не омоложение. Осень, урожай, движение к цели — и навсегда прошедший, необратимый год... Вся эта философия диалектики природы свойственна корейской душе.

И я ощущаю весну, лето, осень и зиму так же, как и всякий кореец. Благо приносящий порядок смены времен года... Все справедливо. Но почему-то слегка грустно. И в особенности эта грусть становится заметной к осени.

Может быть, оттого что как-то очень незаметно настала тишина над золотыми полями и заметно поржавевшими лесами? Не слышно певчих птиц, уже насовсем в этом году замолкли цикады. И птица *сотёк-се,* унылая и монотонная корейская иволга-печальница, перестала издавать в рано наступающей холодной темноте свои бесконечные стенания.

Пришел октябрь. Он уже и раньше приходил! Первый иней засеребрился по утрам на поляне перед домом. С этой поляны ровными слоями сняли травяной дерн и, увязав его в квадратные тюки, увезли куда-то. Поляна после этого стала выглядеть так, как будто на ней расстелили полосатый коврик.

Довольно большая толпа пожилых адюмани приходила делать эту работу по переделке луга в полосатый коврик. Это были шумные, загорелые тетечки с морщинистыми лицами — тоже *осеннего* возраста — в ярких цветастых рубахах, в просторных шароварах, накрытые широкими соломенными шляпами, подвязанными большой косынкой. Мне случалось и раньше видеть подобных адюмани на газонах Сеула, и в других городах: они там что-то делали, продвигаясь на карачках дружными гусиными стаями... И, глядя, как они шустро работают, эти городские тетки, припав к самой земле, я еще раз убеждался, что корейский человек в духе своем и по крови своей — крестьянский человек, полевой работник.

А вот и мой крестьянин, человек осеннего возраста, пришел ранним октябрьским утром на свое поле. Вернее — он приехал на маленьком рисоуборочном тракторе-комбайне.

Он осторожно подвел машину к рисовой ниве и, вытянув откуда-то серп, вручную выкосил небольшую площадку на самом углу поля. Туда, на этот выстриженный пятачок, кресть-

янин ввел комбайн и неторопливо, тщательно настроил его для уборочной косьбы. Он повел машину по прямой линии, делая первый ряд – и сбоку от нее оставалась ровная стенка еще не скошенного риса, а сзади, на ровной стерне, протягивалась лента аккуратно уложенного комбайном валка.

Так и поработал крестьянин часок по утренней рани, а ровно в восемь остановил машину и достал свой *досиро* – термосок с горячим завтраком. Усевшись на свежескошенный валок, человек неторопливо позавтракал. Тут выглянуло солнышко над соседним холмом и осветило все небольшое рисовое поле нашего крестьянина – и его желтенький комбайн, и белую миску с рисом, из которой он ел, и все его морщинистое смуглое лицо... Он невольно прижмурился под яркими лучами – казалось, ласково улыбнулся солнышку.

Осень для крестьянского народа всегда означала итог всему прожитому году. Собрав урожай, мужик наконец мог сказать себе: будем есть – значит, будем жить.

Осенью, как говорится, – небо высокое и кони сытые. В осеннем возрасте человек может сказать себе, насколько ясным оказалось небо его собственной судьбы. И кони его жизни предстанут мысленному взору – преисполненные сытости и ярой силы.

Но не всякая осень приносит труженику земли ожидаемый урожай. И тогда со свойственным ему фатализмом он спокойно смотрит, как над безмолвием пустых полей и лесов пролетают серые низкие тучи, обещая вскоре покой и утешение белой зимы.

Осень дается не только для торжества жизненного успеха и праздника урожая. Осень жизни человеческой предлагает ему покой и тишину после всех трудов, удачных и неудачных, – покой и тишину для того, чтобы тщательно перебрать и глубоко осознать результаты своих жизненных усилий. И надо быть при этом очень внимательным и справедливым к самому себе: урожай надо учитывать не только тот, что собран с полей, но обязательно и тот, что хранится в закромах твоей души.

Дмитрий Шноль

Корея – неожиданно близкая

В феврале 2005 года я провел неделю в Южной Корее, обучая корейских учителей математики российским методикам преподавания. Было время зимних студенческих каникул. Нас поселили в студенческом общежитии, а наши слушатели каждый день приезжали на занятия на своих серебристо-серых машинах, конечно, корейского производства. Европейских машин я видел там очень мало, японских – ни одной. Корейские коллеги говорили мне, что отношение к Японии в Корее все еще напряженное: не забыты ужасы первой половины XX века. В корейских учителях было странное соединение западной раскованности и восточной почтительности. Пропуская преподавателя войти в помещение первым, они церемонно кланялись, зато во время занятия свободно переговаривались и часто дружно смеялись. Я работал с переводчиком, и это позволяло мне более внимательно рассматривать аудиторию в то время, когда переводчик переводил очередной кусок лекции. Я вольно или невольно сравнивал корейских учителей с российскими. Первое и кардинальное отличие состояло в том, что около половины учителей были мужчины. (Так, кстати, было по всем предметам, включая литературу.) Определить возраст слушателей мне было довольно трудно: все они казались людьми от тридцати до сорока, мало кому я бы дал больше пятидесяти. Одевались просто, удобно, и это подчеркивало общий какой-то спортивный или же просто здоровый вид участников. Людей с лишним весом (среди немолодых учителей в России это, к сожалению, норма) я не помню вовсе. Все были со своими компьютерами (в 2005 году это еще бросалось в глаза), многие очень быстро вслепую печатали вслед за переводчиком, все картинки на доске тут же фотографировались. От работы было какое-то общее ощущение бодрости, четкости, слаженности и даже веселья.

Стояла зима, на улице было около 10 градусов выше нуля, но центрального отопления в аудиториях не было. Несколько переносных электрических нагревателей располагалось

© Дмитрий Шноль, 2016

по углам, некоторые дамы около них грелись во время перерывов, что делало атмосферу занятий еще более домашней. В коридорах было холодно, градусов 16–17, и, выходя на перерыв попить чая, мы плотно закрывали дверь в аудиторию, чтобы, как я говорил про себя, не "выстудить избу". Комнаты же общежития, напротив, отапливались излишне горячо, мне приходилось, как и в России, на ночь полностью раскрывать довольно халтурно сделанные пластиковые окна. В общежитии не было привычных нам батарей по стенам, а нагревался весь пол. Когда потом нас повезли на экскурсию и показали традиционный дом корейского крестьянина, мы увидели, что также обогревалась и "корейская изба". В подвале дома располагалась печь, которая нагревала доски пола, при этом топить можно было, только находясь снаружи дома. Видимо, настоящих морозов там не бывает, впрочем, такое устройство было в южной части полуострова.

Но вернемся в аудиторию. Мне страшно повезло, так как меня переводил господин Пак, который учился в МГУ на механико-математическом факультете. Именно он придумал и осуществил эту программу обучения корейских учителей российским методикам. О господине Паке нужно рассказать отдельно (надеюсь, что память меня не подведет и я не допущу больших ошибок в своем рассказе). Его история, как это часто бывает с иностранцами, любящими Россию, начинается с Достоевского. Он был студентом какого-то экономического института, когда прочитал "Братьев Карамазовых". Роман произвел на него такое впечатление, что он решил бросить свой институт и поехать в Россию заниматься философией. Родители этот план не одобрили; денег у него не было. Институт он все-таки бросил и пошел служить в армию. Служба в армии позволила ему скопить некоторую сумму и отправиться в Россию (кажется, это шел 1997 год). Первый год он учил русский язык. Его преподавательница была влюблена в свой предмет и, увидев особое горение корейского молодого человека, стала преподавать ему лично и бесплатно, когда Бьонг Ха (так его зовут по имени) поступил в МГУ, чтобы заниматься математической логикой. Она стала для него проводником русской культуры: советовала съездить в Абрамцево, посмотреть "Зеркало", прочитать то-то и то-то. Я помню, как меня поразила полка книг в кабинете господина Пака в Корее. Там рядышком стояли два комментария к "Евгению Онегину": Лотмана и Набокова. На мой удивленный возглас Бьонг Ха ответил, что он в России со своей преподавательницей целый год читал "Евгения Онегина"! Замечательно, что

он не только много читал и изучал Пушкина, но глубоко его ценил — для иностранца это большая редкость.

Наше тесное общение позволяло обсуждать достаточно личные вещи. Бьонг Ха, в отличие от своих родителей, был католиком. Я понял, что его вера — это самый центр его внутренней жизни. Он рассказывал мне, что очень большой процент молодых и образованных людей в Корее — христиане (в большинстве протестанты). Турист это может увидеть своими глазами: прогуливаясь по Пусану, вы часто с одной точки можете заметить сразу по 2—3 простых креста над церквями или молельными домами. Бьонг Ха очень ценил православное богослужение и говорил мне о своих переживаниях во время наших пасхальных служб. Несколько лет после окончания нашей совместной работы я получал от него трогательные пасхальные поздравления.

Господин Пак чрезвычайно высоко ставил русскую математическую школу. Корейская школьная математика была выстроена по американскому образцу: на первом месте ставится вопрос "как это делать", а вопрос "почему это так" иногда не обсуждается вовсе. В лучших же образцах русской математической школы на первом месте стоит вопрос "почему". На наших занятиях с корейскими учителями я неоднократно видел подтверждение этой разницы двух школ: они блестяще справлялись с технически сложными задачами и вставали в тупик от некоторых нетрудных, с нашей точки зрения, вопросов "почему".

Итак, закончив МГУ, господин Пак вернулся на родину и смог организовать (то есть убедить начальство и выбить денег) пятилетнюю программу обучения корейских учителей в России. Это обучение включало в себя и приезд корейских учителей в Россию, и работу наших преподавателей в Корее.

Кроме работы с учителями математики мне довелось провести занятие по анализу стихотворения с преподавателями литературы. Я выбрал стихотворение Пастернака "Август" из романа "Доктор Живаго". Меня поразило, что практически все учителя этот роман знали, а многие читали. Я, к своему стыду, на тот момент прочел ровно одну (совершенно замечательную) корейскую книжку — "Верная Чхунхян", — да и то только потому, что она была подарена нам, когда участники программы приехали в первый раз в Россию. Судя по моим филологическим друзьям, я не исключение: корейская литература очень плохо у нас известна, и я думаю, что дело не в качестве этой литературы, а в том, что наша голова в основном повернута на Запад.

Переводчица, с которой мы работали, нашла несколько разных поэтических переводов "Августа", это также было для меня неожиданностью, но ни один ее полностью не удовлетворил. В результате она сделала свой подстрочник, и все варианты переводов мы раздали участникам накануне занятия. Разговор получился более содержательным и глубоким, чем я мог предполагать. Мне хотелось прежде всего обсудить категорию времени в этом стихотворении. Но разговор довольно быстро стал совершенно личным, люди говорили про смерть, бессмертие, творчество — если бы не переводчик и усилие взаимного понимания, связанное с языком, то порой мне казалось, что я нахожусь в русской аудитории. До занятия я думал, что для людей корейской культуры многое в этом стихотворении "слишком христианское" или даже слишком русское, что оно может быть интересно для них как другой взгляд на мир, время, жизнь, смерть, но разговор показал, что, наоборот, почти все в стихотворении универсально, понятно и близко. Впрочем, возможно, это просто говорит о странной близости русских и корейцев. Мне запомнился один анекдот, рассказанный корейским коллегой.

Как кто пьет чай.

Китайцы пьют чай, чтобы насладится запахом, почувствовать момент покоя и созерцания, уйти в себя. Японцы пьют чай ради сложной церемонии, связывающей их с предками, национальными традициями, выстраивающей социальную иерархию. А корейцы пьют чай, чтобы поболтать с друзьями.

Прямо как мы! (Заметим, в скобках, что структура анекдота похожа на нашу серию "русский, немец и поляк".) Надо сказать, что корейцы пьют не только чай. В первую же ночь в Москве корейские мужчины купили достаточно водки, чтобы ощутить, что они в России. Полночи гуляли. Кому-то было совсем плохо, так что он день отлеживался, но все остальные рано утром были на рабочем месте бодры и подтянуты. Русская еда оказалась для корейцев тяжела, никакие взятые с собой приправы их не спасали, а вот мне корейская еда показалось одной из самых легких и простых. В студенческой столовой был шведский стол, можно было выбрать не острую пищу, было много рыбы, морепродуктов и трав. В кафе и ресторанчиках я впервые увидел 3–4-летних детей, свободно орудующих палочками. Тогда я подумал: это такая потрясающая тренировка мелкой моторики, что успехи Юго-Восточной Азии в образовании совершенно закономерны. В Корее мне увиделось, что эти успехи связаны с общим духом подъема, какой бывает в стране, где старшее поколение хорошо

помнит всеобщую бедность, а среднее за свои двадцать-тридцать лет сознательной жизни увидело множество ошеломительных перемен. Впрочем, скорость перемен создает и напряжение, и чувство потери почвы. Бьонг Ха с горечью говорил, что традиционных крестьянских хозяйств в стране практически не осталось, что уходит поэзия и приходит стандартизация, что молодые люди скучают продавцами в торговых центрах, а другой работы нет. Все, как везде, неутешительно соглашался я.

После недели работы нас повезли в Сеул, Бьонг Ха был прекрасным экскурсоводом. Показывая нам старейшие деревянные ворота, сохранившиеся в Сеуле, он говорил примерно так: "Может показаться, что форма и конструкция этих ворот есть практически копия таких-то китайских образцов, но опытный взгляд найдет тут существенные отличия: посмотрите на эти линии, в них сказываются формы традиционной корейской архитектуры..." Мне показалось, что в этом высказывании есть что-то хорошо мне знакомое. Потом я понял: это похоже на описание древнерусской иконописи в контексте византийской традиции. Да, канон пришел к нам из Византии, но посмотрите на этот колорит, на эти нежные линии, на эти особенности пластики фигур, на выбор сюжетов...

Корея, как и Россия, – это молодая культура, росшая рядом с более древней и более богатой культурой. Многое приходилось перенимать, осваивать и переиначивать. Пушкин писал о русской "переимчивости". Может быть, это, в частности, и объясняет удивительный феномен Виктора Цоя и Юлия Кима.

Квон Ёнмин
Kwon Young-Min
[р. 1948]. Исследователь корейской литературы, критик, почетный профессор факультета корейского языка и литературы Сеульского университета, профессор университета Тангук. Читал лекции по корейской литературе в Гарварде, Беркли и Токийском университете. Лауреат ряда южнокорейских премий в области литературной критики.

Автор более 120 фундаментальных трудов по теории, истории корейской литературы, в том числе учебников и словарей.

Мария Васильевна Солдатова
Переводчик с корейского, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ.

Автор публикаций, посвященных современной корейской литературе, в том числе монографии и учебного пособия *Современная литература Кореи* [2003; в соавторстве с К. А. Пак], куда вошли в ее переводе произведения современных поэтов и таких прозаиков, как Ким Тонин, Чхэ Мансик, Ли Сан и др. Один из переводчиков сборника стихов Мун Чонхи *Вслед за ветром* [2015].

Ли Мунёль
Yi Mun-yol
[р. 1948]. Основатель и руководитель литературной школы Пуак. Лауреат престижных южнокорейских литературных премий.

Автор романов, повестей, рассказов, многие из которых переведены на иностранные языки, в том числе и на русский: *Птица с золотыми крыльями* [2010], *Наш испорченный герой. Встреча с братом* [2014] и др. Его рассказ *Песня для двоих* переведен по изданию 2004 г.

Хван Сунвон
Hwang Sun-won
[1915–2000]. Прозаик и поэт.

Автор нескольких сборников стихов, восьми романов и множества рассказов. Начал литературную деятельность как поэт, свои первые стихотворения *Моя мечта* и *Сынок, не бойся!* опубликовал уже в 16 лет. С конца 1930-х гг. начал писать прозу малых форм, его рассказ *Ливень* считается в Южной Корее хрестоматийным образцом этого жанра. Рассказ *Время для тебя и меня* переведен по изданию 1994 г.

Ку Хёсо
Gu Hyo-seo
[р. 1958]. Прозаик. Лауреат шести южнокорейских литературных премий.

Первый рассказ опубликовал в газете *Чосон ильбо* как победитель конкурса молодых писателей. Автор восьми сборников рассказов и тринадцати романов. Рассказ *Мешки с солью* переведен по изданию 2005 г.

Ким Ёнсу
Kim Yeon-su
[р. 1970]. Прозаик-постмодернист.

Автор романов, рассказов и эссе. Дебютировал в 1993 г. как поэт. В 1994 г. опубликовал роман *Идти, указывая на маски.* В 2014 г. его роман *Чудо-мальчик* и сборник рассказов *Девушка конец света* были переведены на русский язык. Рассказ *Словами не передать* взят из сборника *Я – автор-призрак* [2005].

О Чонхи
Oh Jung-hee
Прозаик. Окончила факультет литературного творчества Художественного колледжа Сораболь. Лауреат престижных южнокорейских литературных премий.

Автор психологических рассказов о драматичных женских судьбах. Сборник ее рассказов *Огненная река* вышел на русском языке в 2012 г. Рассказ *Вечерняя игра* взят из сборника *Старый колодец* [1994].

Ким Эран
Kim Ae-ran
Прозаик. Училась на сценариста в Корейском национальном университете искусств. Лауреат многих престижных южнокорейских литературных премий.

На русском языке были опубликованы два сборника ее рассказов *Женьшеневый вкус одиночества* [2014] и *Беги, папа!* [2015].
Рассказ *Сезон холодов* взят из журнала *Художественная литература и критика* [2014].

Ан Тохён
Ahn Do-hyeon
[р. 1961]. Поэт и прозаик, лауреат престижных литературных премий Республики Корея.

Дебютировал в литературе в 1984 г. как поэт. Автор нескольких поэтических сборников, а также аллегорической повести *Лосось.* Книга переведена на китайский, японский, немецкий, французский языки. Перевод публикуемого фрагмента повести выполнен по изданию 1996 г.

Ким Чунхёк
Kim Jung-hyuk
[р. 1971]. Прозаик. Лауреат нескольких литературных премий.

Дебютировал в 2000 г. повестью *Пингвиньи новости.* Особой любовью читателей пользуются его произведения в жанре детектива.
Рассказ *Стеклянный город* взят из сборника *Проза сегодня: выбор писателей* [2010].

Со Чончжу
Seo Jeong-ju
[1915–2000]. Поэт, представитель корейского традиционализма.

Его произведения проникнуты буддийскими мотивами и отсылками к литературному и историческому прошлому страны.
Публикуемые стихи взяты из сборников *Совка* [1946], *Сборник стихов* [1956], *Мифы Чильмачжэ* [1975] и др.

Ким Сынхи
Kim Seung-hee
Поэт и прозаик. Из-за оригинальности творческого стиля Ким Сынхи на родине называют "языковой террористкой" и "шаманкой сюрреализма".

Автор книг *Мужчины не знают, Книга с тяжелым левым крылом* и др.
Публикуемые стихи переведены по сборникам *Жизнь в сердцевине яйца* [1989] и *Надежда одинока* [2012].

Чон Хосын
Chung Ho-sung
[р. 1950]. Поэт.

Автор двенадцати сборников стихов, публикуемых с 1979 г. Некоторые его стихотворения легли в основу популярных лирических песен.
Публикуемые стихи взяты из сборников *Люди, которых я люблю* [2003] и *Нарциссу* [2015].

Чхэ Мансик
Chae Man-sik
[1902—1950]. Писатель-сатирик, признанный классиком в обоих государствах Корейского полуострова. Изучал английский язык и литературу в университете Васэда [Токио].

Автор многих романов, пьес, рассказов, критических очерков и эссе, часть из них переведена на иностранные языки. На русский язык переведен его рассказ 1934 г. *Жизнь на продажу* [2003].
Перевод глав из романа *В эпоху великого спокойствия* выполнен по изданию 1938 г.

Евгения Владимировна Лачина
Кореевед, переводчик с корейского, преподаватель корейского языка. В настоящее время — аспирантка Востоковедческого отделения Хайфского университета [Израиль]. Призер конкурса начинающих переводчиков, учрежденного Интитутом перевода корейской литературы.

Автор статей, посвященных современной культуре Республики Корея.

Елена Николаевна Кондратьева
Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и филологии Дальнего Востока Института восточных культур и античности РГГУ.

Автор работ по исторической грамматике корейского языка, в том числе комментированного перевода корейского литературного памятника XV в. *Ода о драконах, летящих к небу* [2011].

Ким Хун
Kim Hoon
[р. 1948]. Прозаик, журналист, критик. Обладатель ряда престижных литературных премий.

Автор нескольких романов и рассказов. Самые известные его произведения *Песня меча* [2001] и *Крепость Намхансансон* [2007]. Известен своими эссе *Мир и прочитанные мной книги* [1996], *Путешествие на велосипеде* [2000], *Послание от моря* [2008] и др.
Одно из самых ранних эссе — *Родина и чужбина* — переведено для журнала по изданию 2008 г.

Ли Орён
Lee O-young
[р. 1934]. Прозаик, литературный критик, доктор филологических наук, главный редактор литературного издательства, профессор.

Автор романов, сборников эссе, научно-публицистических статей. Его сборник эссе *В тех краях, на тех ветрах* переведен на несколько иностранных языков, а в 2011 г. вышел на русском языке. В 2010 г. писатель выпустил 12-томную серию книг, посвященную сравнительному анализу культур Кореи, Китая и Японии.
Эссе *Шесть метафор для моей матери* переведено по одноименному сборнику 2010 г.

Ким Юнсик
Kim Yoon-sik
[р. 1936]. Почетный профессор кафедры корейского языка и литературы Университета Мёнчжи и Сеульского государственного университета, литературный критик. Обладатель нескольких престижных южнокорейских наград в области литературной критики.

Автор учебных пособий, монографий и статей по корейской филологии, а также нескольких сборников эссе.
Публикуемое эссе взято из т. 7 *Избранного* [2005].

Елена Анатольевна Хохлова
Кореевед, переводчик, искусствовед. Окончила Высший колледж корееведения ДВГУ, преподает в Школе востоковедения НИУ ВШЭ.

Автор публикаций *Влияние европейского портрета на художественный язык Чхве Ёнсина [1850–1941]* [2013], *Изучение живописи Чонсон в XX веке* [2014], *Современное южнокорейское искусство: попытка систематизации* [2015], *Теории пейзажной живописи чингёнсансухва в Корее* [2015], *На Хесок – первая в истории Кореи профессиональная художница, литератор и борец за права женщин* [2015] и др. В *ИЛ* публикуется впервые.

Диана Григорьева
Киновед, фотограф.
Окончила сценарно-киноведческое отделение ВГИКа [мастерская А. Медведева и Т. Яковлевой]. Изучала фотографию в школе фотографии и мультимедиа имени Родченко [мастерская Игоря Мухина].

Публиковалась в журналах *Киноведческие записки, Русский экран, Путь к экрану, Filmsense.*

Изабелла Бишоп
Isabella Bishop
[1831–1904]. Английская исследовательница, писательница и натуралистка. В 1892 г. стала первой женщиной-членом Королевского географического общества Великобритании.

Автор книг *Неисхоженная Япония* [*Unbeaten tracks in Japan*, 1880, 2 тт.], *Путешествия по Персии и Курдистану* [*Journeys in Persia and Kurdistan*, 1891, 3 тт.], *Среди тибетцев* [*Among the Tibetans*, 1894], *Корея и ее соседи* [*Korea and Her Neighbours*, 1898, 2 тт.], *В долине Янцзы и за ее пределами* [*The Yangtze Valley and Beyond*, 1899], *Китайские зарисовки* [*Chinese Pictures*, 1900].
Перевод публикуемой главы из книги *Корея и ее соседи* выполнен по одноименному изданию [*Korea and Her Neighbours.* New York: Fleming H. Revell Co, 1898].

Анатолий Андреевич Ким
[р. 1939]. Поэт, прозаик, переводчик. Награждён орденом *Знак Почета* [1984], лауреат премий журналов *Дружба народов* [1980], *Юность* [1997], г. Пене [Италия], телевизионного канала KBS, Республики Корея [1995], *Ясная Поляна* [2005].

Автор романов *Белка* [1985], *Отец-Лес* [1989], *Онлирия* [1995], *Близнец* [2000], *Остров Ионы* [2002], *Радости рая* [2013], повестей *Луковое поле* [1978], *Стена* [1998] и др. Его стихи публиковались в газете *Советская Россия*, в журнале *Юность*. Рассказы — в журналах *Новый мир*, *Дружба народов*, *Знамя*, *Ясная Поляна*, *Октябрь*. Переводил с казахского языка произведения А. Нурпеисова, А. Кекильбаева, М. Ауэзова. Произведения А. Кима переведены на 29 языков. В *ИЛ* была опубликована его рецензия на антологию *Современная японская новелла (1945–1978)* [1981, № 6] и вступление к подборке стихов корейских поэтов [2014, № 6].

Дмитрий Эммануилович Шноль
[р. 1966]. Филолог, учитель математики.

Автор книги стихов *Савельич и ласточка* [2010], статей для периодических изданий и интернета, а также учебных пособий по математике. В *ИЛ* публикуется впервые.

Переводчики[1]

Екатерина Олеговна Дронова
Переводчик с корейского. Окончила переводческий факультет МГЛУ. Продолжает обучение в магистратуре университета Ханъян [Республика Корея]. Участник нескольких студенческих переводческих конкурсов и проектов.

1. Все переводчики номера в *ИЛ* публикуются впервые.

Татьяна Александровна Акимова
Переводчик с корейского. Окончила Сеульский национальный университет, магистратуру устного и письменного перевода Университета иностранных языков Хангук [Сеул].

С 2005 г. в ее переводе выходят рассказы корейских авторов в ежеквартальном журнале *Кореана*, издаваемым Корейским фондом.

Надежда Алексеевна Белова
Переводчик с корейского и английского языков. Окончила магистратуру Восточного факультета СПбГУ.

В ее переводе публиковались произведения Ким Ёнсу и Чхве Инхо.

Анна Александровна Дудинова
Переводчик с корейского, преподаватель кафедры восточных языков МГЛУ. Победитель конкурса начинающих переводчиков, учрежденного Институтом перевода корейской литературы [2015]

Мария Владимировна Кузнецова
Переводчик с корейского.

В ее переводе опубликованы роман Ли Сыну и детская проза О Чинвон.

Ксения Арнольдовна Пак
Старший преподаватель кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета.

Автор статей по истории литературы Кореи, учебного пособия *Современная литература Кореи* [2003, в соавторстве с М. В. Солдатовой], куда вошли ее переводы произведений современных поэтов и таких прозаиков, как Ким Тонни, Чо Сехи, Ли Мунёль и др.

Анастасия Александровна Гурьева
Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Восточного факультета СПбГУ, специалист по традиционной корейской литературе.

Автор более 70 публикаций, включая художественные переводы.

Анастасия Викторовна Погадаева Литературовед, старший преподаватель кафедры истории и филологии Дальнего Востока Института восточных культур и античности РГГУ.	Автор статей, посвященных корейскому фольклору и литературе, один из авторов учебника по корейскому языку [2016].
Ирина Львовна Касаткина Старший преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ, директор Международного центра корееведения МГУ.	Автор учебников корейского языка, ряда статей по корейскому языку и литературе, а также по теории и практике перевода. В ее переводах [в соавторстве с Чон Инсун] публиковались произведения корейских писателей Пхи Чхондыка, Ли Орёна, Ли Чхончжуна.
Чон Инсун Кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ, научный сотрудник Международного центра корееведения МГУ.	Автор учебников корейского языка, ряда статей по корейскому языку, а также по теории и практике перевода. В ее переводах [в соавторстве с И. Л. Касаткиной] публиковались произведения Пхи Чхондыка, Ли Орёна, Ли Чхончжуна.
Инна Валериантовна Цой Переводчик с корейского, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Восточного факультета СПбГУ.	Автор более 40 публикаций в области корейской филологии. В ее переводе публиковались рассказы Ким Тонина.
Олег Степанович Пироженко [р. 1978]. Историк-востоковед, переводчик с корейского и английского языков. Член Российского исторического общества.	Автор ряда публикаций по истории Кореи, в том числе *Российские ученые о стеле Квангэтхо-вана* [2004; на корейском языке], *"Утерянная земля": китайско-корейские разногласия в трактовке истории Когурё* [2004], *Роль местных сил в политике монголов на Корейском полуострове (на примере клана Намъянских Хонов)* [2008]. В его переводе опубликованы книга Ли Сунсина *Военный дневник* [2013; перевод с ханмуна] и главы из книги И. Бишоп *Корея и ее соседи* [2001].

В оформлении обложки использован фрагмент картины корейского художника Син Юнбока [1758–?] *Очарование праздника Тано.*

Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

Старший корректор Анна Михлина.
Компьютерный набор Надежда Родина.
Компьютерная верстка Вячеслав Домогацких.

Главный бухгалтер Татьяна Чистякова.
Исполнительный директор Мария Макарова.

Адреса редакции: 115035, г. Москва, Космодемьянская наб., д. 44/2, корп. А (юридический);
119017, г. Москва, Пятницкая ул., 41, стр. 1, 2 (почтовый);
г. Москва, Ленинградский просп., д. 68, стр. 24, м. "Аэропорт" (фактический).
Телефон (495) 225-98-80.
e-mail: inolit@rinet.ru

Купить журнал можно:
в Москве:
в редакции;
в магазине "Фаланстер" (Малый Гнездниковский пер., 12/27);
в киоске "Книжные мастерские" (ул. Тверская, д. 23, в фойе Электротеатра Станиславского);
в Санкт-Петербурге:
в магазине "Книжные мастерские" (Каменноостровский пр., д. 10);
в книжном магазине "Все свободны" (набережная реки Мойки, д. 8, второй двор, код ворот 489);
в магазине "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 15);
в магазине "Подписные издания" (Литейный пр., 57);
в киоске "Книжные мастерские" (набережная реки Фонтанки, д. 49А, 3-й этаж, новая сцена Александринского театра).

Официальный сайт журнала:
http://www.inostranka.ru
Наш блог:
http://obzor-inolit.livejournal.com

Журнал выходит один раз в месяц.

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции.

Регистрационное свидетельство
ПИ № 8С77-63040
от 18 сентября 2015 г.

Подписано в печать
20.10.2016
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 25,20.
Уч.-изд. л. 24.
Заказ № 4131.
Тираж 2700 экз.

Отпечатано в ОАО "Можайский полиграфический комбинат".
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Сайт: www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28; (49638) 20-685.

Присланные рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Анонс ярмарки non/fictio№ 18

С 30 ноября по 04 декабря в Центральном доме художника (Москва, Крымский Вал, 10) будет проходить Международная ярмарка интеллектуальной литературы non/fictio№ 18.

В ярмарке примут участие около 300 издательств из разных стран мира. На их стендах — новинки художественной, научной и научно-популярной, публицистической, детской, мемуарной, деловой, справочной, гастрономической и другой литературы.

Кроме того, non/fictio№ 18 — это место встречи с любимыми писателями. На ярмарке состоится более 400 мероприятий, на которых отечественные и зарубежные авторы представят свои новые книги и проведут творческие встречи с читателями.

Тематические разделы ярмарки — детская площадка "Территория познания", "Гастрономическая книга", "Антикварная книга" и "VinylClub".

Почетный гость ярмарки в 2016 году — Великобритания. Масштабная программа встреч с британскими авторами будет организована Британским Советом.

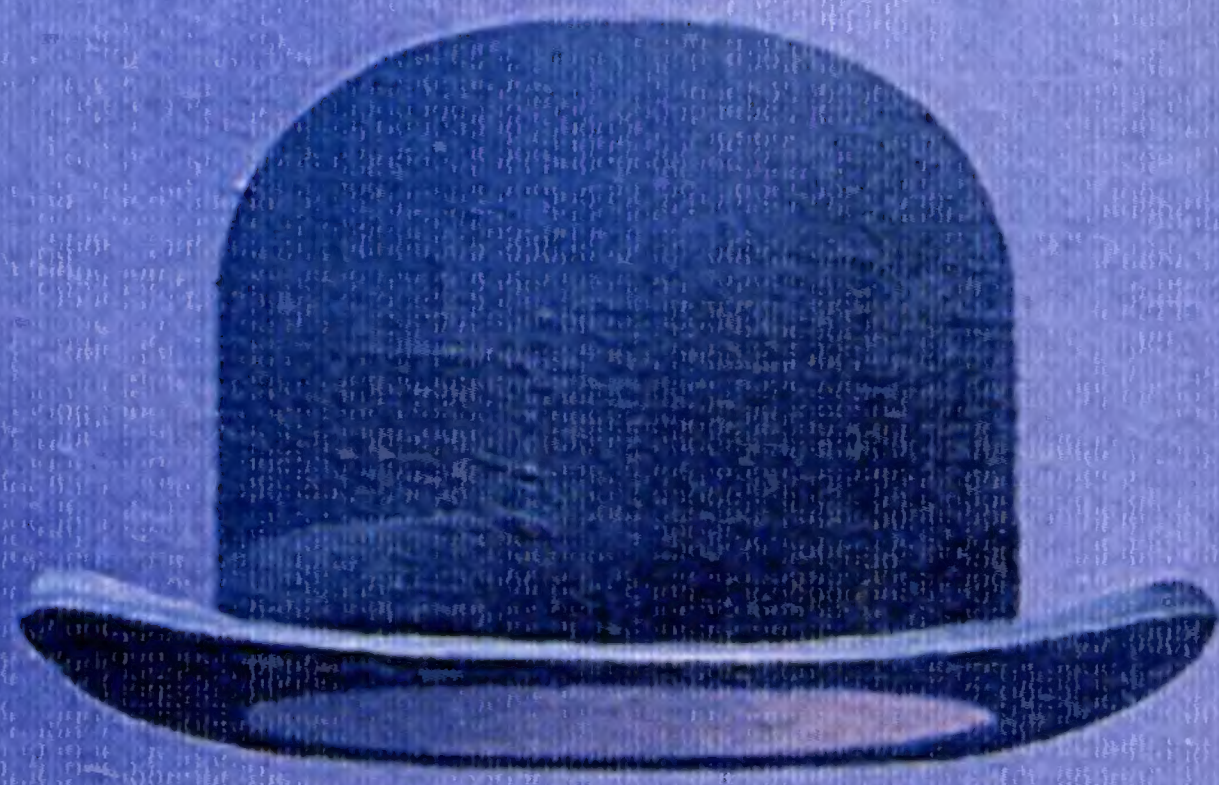
www.moscowbookfair.ru

---

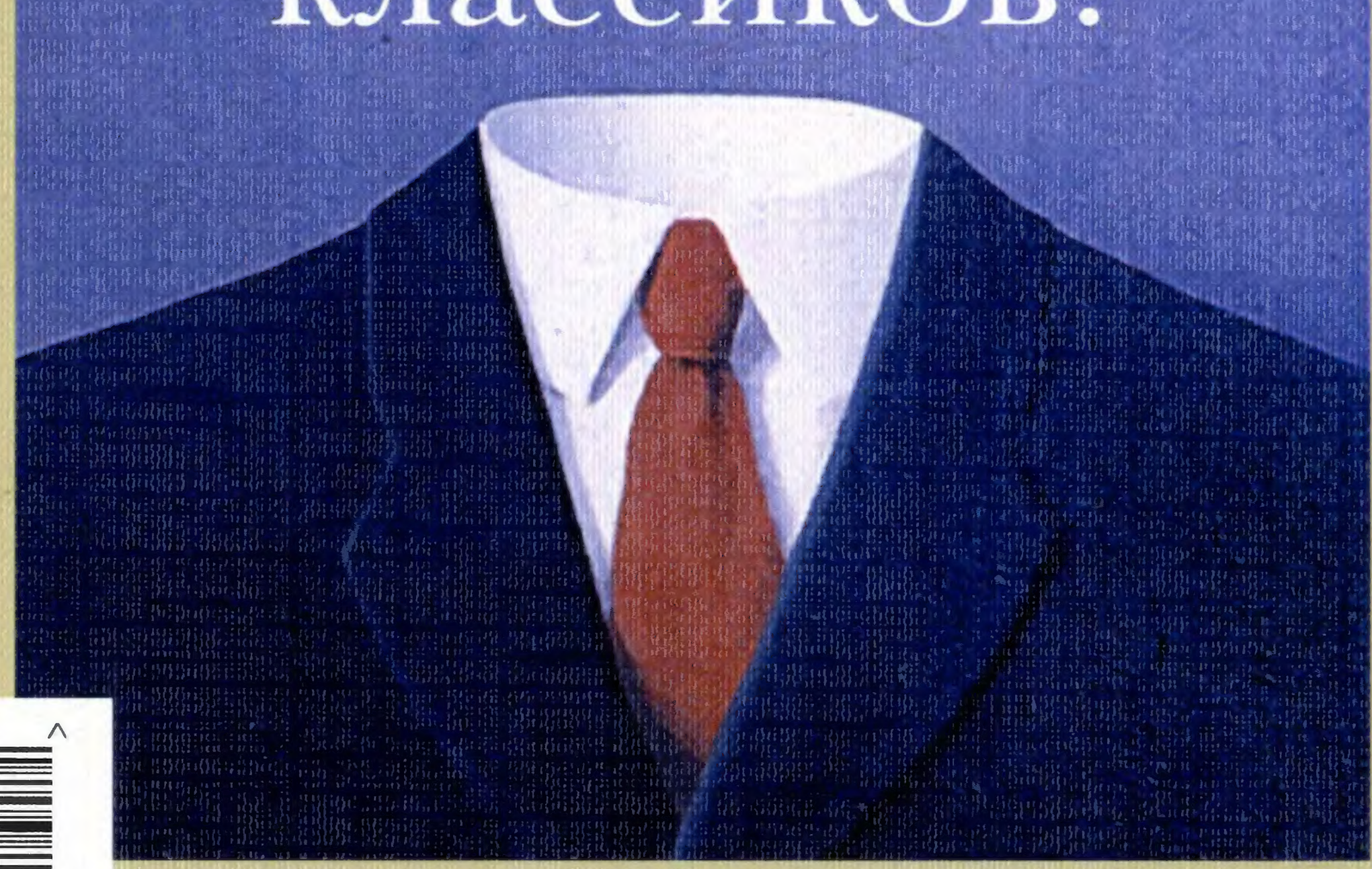
[12] 2016

РОМАН ЛУИДЖИ ЛУНАРИ "МАЭСТРО И ДРУГИЕ" / РОМАН ДЖОРДЖА МИКЕША "ЦИЦА. БИОГРАФИЯ КОШКИ" / ФРАГМЕНТЫ КНИГИ МАРТИНА ВАЛЬЗЕРА "МГНОВЕНИЯ МЕСМЕРА" В РУБРИКЕ "NB" / CARTE BLANCHE: ИЗ КНИГИ "БЕСЕДЫ СЫНА ВЕКА" ФРЕДЕРИКА БЕГБЕДЕРА / ДОРОТИ ПАРКЕР В РУБРИКЕ "НИЧЕГО СМЕШНОГО" / ЭССЕ АЛЕКСАНДРА ЛИВЕРГАНТА И АЛЕКСАНДРА МЕЛИХОВА / ТРИБУНА ПЕРЕВОДЧИКА: "ХРОНИКИ: ИЗ ДНЕВНИКА ПЕРЕВОДЧИКА" АНДРЕ МАРКОВИЧА И ДР.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА



Узнай завтрашних классиков!



Подписка во всех отделениях связи России,
подписной индекс 70394

Адрес редакции журнала “Иностранная литература”:
г. Москва, Ленинградский проспект,
д. 68, стр. 24, м. “Аэропорт”.

ISSN 0130-6545 “ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА”, 2016, №11, 1–288

ИНДЕКС 70394

ISSN 0130-6545
16011
9 770130 654770